В165 — 203
автограф, вклейка

ПОЛЬСКОМЪ (1905-1907)

Русское Общество въ Варшавѣ" убѣдительно
просить Редакцію „Россіи" дать отзывъ
Р. С. Т. Секретарь В. Голубъ
63

Школьная революція въ Царствѣ Польскомъ (1905—1907)

Изданіе
„Русскаго Общества въ Варшавѣ,
основаннаго на началахъ Манифеста
17 октября 1905 года".

ВАРШАВА.

Типографія „Русскаго Общества".
Площ. св. Александра № 4.

1908 г.

B165 203

Р. С. Т.

Школьная революція

въ Царствѣ Польскомъ

(1905—1907)

Изданіе
„Русскаго Общества въ Варшавѣ,
основаннаго на началахъ Манифеста
17 октября 1905 года".

ВАРШАВА.

Типографія „Русскаго Общества".
Площ. св. Александра № 4.

1908 г.

Отзыв проф. Есипова в „Варшавск. Дневникѣ"
№ 111 - 22/4 - 908.

Библіографія.

Р. С. Т.: *Школьная революція въ Царствѣ Польскомъ (1905—1907 г.).* Изданіе „Русскаго общества въ Варшавѣ, основаннаго на началахъ манифеста 17 октября 1905 года". Варшава, 1908 г., стр. VIII + 246.

„Взбаламученное море политической борьбы начинаетъ утихать, но разбушевавшіяся волны этого моря еще многимъ не даютъ возможности пристать къ берегу мирной жизни и заняться своимъ трудомъ, ничего общаго съ политикой не имѣющимъ. Однимъ изъ уголковъ такого мирнаго труда, обуреваемаго и понынѣ волнами политическихъ страстей, является школа въ Царствѣ Польскомъ". Такъ начинаетъ авторъ предисловіе къ своему въ высшей степени интересному труду.

Въ этомъ трудѣ г. Р. С. Т. разсмотрѣны нижеслѣдующіе, весьма серьезные вопросы: I. Бойкотъ государственной школы и насилія надъ нею (агитація противъ государственной школы, участіе въ школьномъ движеніи учителей, насилія надъ школой и русскими учителями); II. Бойкотъ русскихъ учителей—насилія и убійства; III. Превратныя толкованія закона—неправильное примѣненіе закона 27 октября 1905 года къ городскимъ училищамъ; IV. Участіе римско-католическаго духовенства въ школьномъ движеніи; V. Школьный вопросъ въ Государственной Думѣ; VI. Возвращеніе къ террору; VII. Правда о „Школьной Матицѣ" и состояніи учебнаго дѣла въ Царствѣ Польскомъ; VIII. Признаки отрезвленія въ школьномъ дѣлѣ.

Особенно ярко и живо составлена глава пятая—Школьный вопросъ въ Государственной Думѣ, гдѣ критически разсмотрѣны рѣчи ксендза Гралевскаго и депутата Дмовскаго, а равно приведены тѣ возраженія и доводы, которые были представлены въ Думѣ нашимъ уважаемымъ депутатомъ С. Н. Алексѣевымъ, вмѣстѣ съ подробными данными по школьному дѣлу въ губерніяхъ Царства Польскаго вообще.

Въ заключеніи къ своему труду авторъ дѣлаетъ параллельное сравненіе школьнаго движенія въ 1863 и въ 1905 годахъ, и характеризуетъ значеніе націонализма и клерикализма въ польской школѣ. „Послѣ печальнаго опыта съ польской школой въ 1905—1907 гг., говоритъ г. Р. С. Т., нѣтъ больше сомнѣній въ томъ, что школа въ Царствѣ Польскомъ должна находиться въ рукахъ государственной власти, которая только и можетъ поставить въ ней учебно-воспитательное дѣло сообразно потребностямъ края и государства, тѣмъ болѣе, что теперь, какъ и въ 1863 г., „здравый смыслъ поселянъ восторжествовалъ надъ льстивыми обѣщаніями" (слова манифеста 19 февраля 1864 г.): народъ не чуждается государственной школы и русскаго языка, потребность котораго, какъ цемента, связывающаго два родственныхъ народа, сознаетъ повсемѣстно. Только государство можетъ создать такую школу, которая стояла бы внѣ партій и съ полнымъ правомъ могла требовать уваженія каждой изъ нихъ".

Вся книга написана очень содержательно и интересно, а потому можно только пожелать ей самаго широкаго распространенія.

В. Есиповъ.

Оглавленіе.

Стр

Предисловіе. . . . . . V—VII

I. Бойкотъ государственной школы и насилія надъ нею.

Агитація противъ государственной школы. Насилія надъ высшей и средней школой. Итоги бойкота средней школы. Агитація противъ низшей государственной школы. Участіе въ школьномъ движеніи учителей. Насилія надъ низшей государственной школой и русскими учителями. . . . . 1—38.

II. Бойкотъ русскихъ учителей.

Агитація противъ русскихъ учителей. Насилія и убійства. Неудачи агитаціи. Лжерадѣтели національныхъ интересовъ. Униженные и оскорбленные. Служебный долгъ и политика въ школѣ. . . . . 39—58.

III. Превратныя толкованія закона.

Неосновательная жалоба. Недоразумѣнія, вызванныя неправильнымъ толкованіемъ закона со стороны Министерства Нар. Просв. Неправильное примѣненіе закона 27 октября 1905 года къ городскимъ по положенію 1887 года училищамъ. . . . . 59—78.

IV. Участіе римско-католическаго духовенства въ школьномъ движеніи.

На ложномъ пути. Безсиліе власти. . . . . 79—90.

Л 419864
Государств. публичная историческая библиотека

ствахъ, грозящихъ крупнымъ фирмамъ, ничего не слышно.

— Во время окончившейся варшавской аукціонной ярмарки молочнаго скота состоялся съѣздъ инспекторовъ скотоводства, содержимыхъ каждымъ скотоводнымъ союзомъ. На совѣщаніи инспекторовъ между различными мѣропріятіями, для объединенія ихъ дѣятельности, постановлено: установить однообразный способъ оцѣнки качествъ скота; распространить надзоръ за свиноводствомъ и овцеводствомъ; предоставить инспекторамъ право на награды на скотоводныхъ конкурсахъ за раціональную постановку разведенія скота.

— Въ виду частой симуляціи горнорабочихъ, получившихъ незначительные ушибы и желающихъ за это получить съ горнопромышленниковъ вознагражденіе за потерю трудоспособности, многія больницы и амбулаторіи сосновицкаго района устанавливаютъ у себя веденіе стаціонарныхъ врачебныхъ листковъ для подробнаго изслѣдованія пострадавшихъ.

— Больничный сборъ съ вольнонаемныхъ служащихъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ взыскиваютъ сами учрежденія, причемъ сборъ этотъ поступаетъ съ опозданіемъ на цѣлый годъ. Въ виду бѣдности многихъ такихъ плательщиковъ, благотворительное отдѣленіе магистрата постановило принимать отъ правительственныхъ учрежденій больничный сборъ безъ штрафа за позднее внесеніе.

— Въ Варшавѣ числится 982 вольнопрактикующихъ врача, зарегистрованныхъ въ варшавской врачебной управѣ. Сверхъ того имѣется еще около 20 врачей, не занимающихся частной практикой.

— Въ настоящее время начались приготовленія къ капитальному ремонту и передѣлки корпуса, въ которомъ помѣщается канцелярія варшавскаго учебнаго округа. Ремонтъ и передѣлку этого зданія предполагается окончить не ранѣе двухъ лѣтъ. Временно канцелярія округа, до окончанія ремонта, перенесена въ старое аудиторное зданіе варшавскаго университета.

— Въ варшавскомъ университетѣ начался наружный ремонтъ университетскихъ зданій. Будутъ отремонтированы слѣдующія зданія: библіотека, новый аудиторный корпусъ, жилой флигель, корпусъ, въ которомъ помѣщается зоологическій кабинетъ, а также зданіе, помѣщающее въ себѣ химическую лабораторію, кабинеты физическій, минералогическій, геологическій, зоотомическій и др. На означенный ремонтъ министерствомъ разрѣшенъ кредитъ на сумму свыше 13.000 р. Ремонтъ предполагается окончить къ осени, на случай открытія занятій въ университетѣ.

— Какъ извѣстно, акціонеры одного изъ старѣйшихъ сахароваренныхъ заводовъ въ здѣшнемъ краѣ „Германовъ", просуществовавшаго 72 года, рѣшили послѣ пожара ликвидировать предпріятіе. Какъ на характерный фактъ, надо указать, что, когда постановленіе о ликвидаціи дѣла стало извѣстнымъ на биржѣ, то курсъ акцій сгорѣвшаго завода сталъ быстро повышаться и поднялся болѣе, чѣмъ на 70 руб. на штукѣ. Такимъ образомъ, пожаръ завода, по мнѣнію биржи, оказался чуть ли не благодѣяніемъ для акціонеровъ, которымъ предстоитъ получить для раздѣла, сверхъ 550000 р.

Оглавленіе.

Стр

Предисловіе. . . . . . V—VII

I. Бойкотъ государственной школы и насилія надъ нею.

Агитація противъ государственной школы. Насилія надъ высшей и средней школой. Итоги бойкота средней школы. Агитація противъ низшей государственной школы. Участіе въ школьномъ движеніи учителей. Насилія надъ низшей государственной школой и русскими учителями. . . . . 1—38.

II. Бойкотъ русскихъ учителей.

Агитація противъ русскихъ учителей. Насилія и убійства. Неудачи агитаціи. Лжерадѣтели національныхъ интересовъ. Униженные и оскорбленные. Служебный долгъ и политика въ школѣ. . . . . 39—58.

III. Превратныя толкованія закона.

Неосновательная жалоба. Недоразумѣнія, вызванныя неправильнымъ толкованіемъ закона со стороны Министерства Нар. Просв. Неправильное примѣненіе закона 27 октября 1905 года къ городскимъ по положенію 1887 года училищамъ. . . . . 59—78.

IV. Участіе римско-католическаго духовенства въ школьномъ движеніи.

На ложномъ пути. Безсиліе власти. . . . . 79—90.

V. Школьный вопросъ въ Государственной Думѣ.

Закономѣрность дѣйствій учебной власти. „Документы“ и данныя, которыми деп. кс. Гралевскій пользовался при выступленіяхъ въ Гос. Думѣ. Школьный проектъ и „разореніе культуры“. . . 91—106.

VI. Возвращеніе къ террору.

Затишье. Возвратная волна. Покушеніе на проф. Давыдова и русскихъ студентовъ Варшавскаго ветеринарнаго института. Кто виноватъ? . . . . . 107—120.

VII. Правда о „Школьной Матицѣ“ и состояніи учебнаго дѣла въ Царствѣ Польскомъ.

Нарушеніе „Школьной Матицей“ закона о школахъ. Неосновательная жалоба. Жалоба или клевета? „Шк. Мат.“ подъ защитой „Руси“. Статистическія и другія данныя о состояніи учебнаго дѣла въ Царствѣ Польскомъ. Полемика „Шк. Мат.“ съ „Россіей“. Закрытіе „Школьной Матицы“. Польская печать о „Школьной Матицѣ“ до и послѣ ея закрытія. . 121—178.

VIII. Признаки отрезвленія въ школьномъ дѣлѣ.

Разочарованіе въ польской частной школѣ. Польская пресса о своей школѣ. Участь воспитанниковъ частныхъ польскихъ школъ. Признаки отрезвленія. 179—194.

IX. Заключеніе.

Параллели школьнаго движенія 1863 г. и 1905 г. Націонализмъ и клерикализмъ въ польской школѣ. Необходимость государственной школы. . 195—208

X. Приложенія.

Прокламаціи. Польскія національныя пѣсни (съ переводомъ на русскій яз.) . . . . . 209—246

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Взбаламученное море политической борьбы начинаетъ утихать, но разбушевавшіяся волны этого моря еще многимъ не даютъ возможности пристать къ берегу мирной жизни и заняться своимъ трудомъ, ничего общаго съ политикой не имѣющимъ.

Однимъ изъ уголковъ такого мирнаго труда, обуреваемаго и понынѣ волнами политическихъ страстей, является школа въ Царствѣ Польскомъ.

Пережитая ею въ 1905—1907 гг. смута и составляетъ предметъ настоящаго очерка, значительную часть котораго занимаетъ *дѣятельность учителей и ксендзовъ-законоучителей, внесшихъ политику въ школу.* „Одна мысль объ этомъ ужасна, и народъ, даже политически возбужденный народъ, чувствуетъ вопіющее противорѣчіе, когда человѣкъ, призванный воспитывать дѣтей, оказывается въ то же время горячимъ и страстнымъ любителемъ полической борьбы и считаетъ своей задачей не примиреніе, а возбужденіе“,—говоритъ о такихъ учителяхъ-политиканахъ выдающійся нѣмецкій педагогъ докторъ философіи Л. Келльнеръ. *) Исходя, однако, изъ того положенія, что „одинъ фактъ оспариваетъ авторитетъ ста философовъ“, мы, избѣгая философствованій на политическія или педагогическія темы, собрали въ предлагаемой книжкѣ, кромѣ статей и замѣтокъ, помѣщенныхъ нами своевременно въ мѣстной русской и столичной печати,—**) многочисленные, почерпнутые изъ досто-

*) Л. Келльнеръ. „Мысли о школьномъ и домашнемъ воспитаніи“. М. 1895 г. стр. 49.

**) „Варшавскомъ Дневникѣ“, „Варшавскомъ Вѣстникѣ“, „Новомъ Времени“ и „Окраинахъ Россіи“.

вѣрнаго источника *данныя и факты*, которые ясно свидѣтельствуютъ, что *школьное движеніе въ Царствѣ Польскомъ преслѣдуетъ лишь политическія цѣли*, что оно является несомнѣнно однимъ изъ проявленій революціоннаго или „освободительнаго" движенія, направленнаго къ совершенному освобожденію школы отъ контроля учебной власти и къ созданію такой польской школы, которая составляла бы первый этапъ на пути къ „отбудованію ойчизны отъ моря до моря", и что, поэтому, напрасно польскіе „націонализаторы" школъ, изощряясь въ софистикѣ, стараются истолковать означенное движеніе какъ невинный протестъ противъ „расхищенія польской культуры".

Школьное движеніе въ Царствѣ Польскомъ уже въ самомъ его началѣ встрѣтило должную оцѣнку и порицаніе со стороны лучшихъ представителей польскаго народа. Такъ, на митингѣ по школьному вопросу, состоявшемся въ Краковѣ въ февралѣ 1905 г., профессоръ К. Моравскій, между прочимъ, сказалъ: „Форму международной борьбы перенесли на національную почву и устроили... стрейкъ молодежи. Это ошибочный и удивительно легкомысленный шагъ. Онъ порожденъ *не духомъ самого общества*, но внушеніемъ нѣсколькихъ подстрекателей; по существу своему онъ фальшивъ и нелогиченъ, потому что не можетъ принести никакой пользы. А, кромѣ того, планъ, задуманный какими-то неизвѣстными субъектами, заключаетъ въ себѣ глубокую безнравственность. Онъ эксплоатировалъ молодежь для политики, пользовался молодежью и нервными женщинами для своихъ цѣлей. Большинство жителей Варшавы было противъ этого стрейка, потому что обладало здоровымъ сужденіемъ и здравымъ смысломъ. Кто навязалъ его, этого мы не будемъ ни изслѣдовать, ни раскрывать. Во всякомъ случаѣ, если у насъ есть чувство сожалѣнія и сочувствія къ молодежи,

то къ тѣмъ, кто, какъ на зеленомъ столѣ, легкомысленно бросалъ въ вихрь борьбы, притомъ безцѣльной, словно ставку, молодыя жизни и будущность людей,—къ тѣмъ у насъ проыпается чувство справедливаго гнѣва, и изъ глубины души вырываются самыя рѣзкія слова порицанія". Порицаніе бойкоту высказывали и многіе другіе, напр., львовскій профессоръ Ашкенази, несмотря на сыпавшіеся на нихъ зато упреки со стороны школьныхъ „національзаторовъ". *)

Торопясь изданіемъ настоящей книжки, чтобы своевременно ознакомить русское общество съ истиннымъ положеніемъ школьнаго дѣла въ Царствѣ Польскомъ, мы не могли избѣжать нѣкоторыхъ техническихъ погрѣшностей, а также повтореній и пробѣловъ въ освѣщеніи затронутыхъ вопросовъ, такъ какъ не располагали достаточнымъ временемъ для лучшей систематизаціи матеріала и не имѣли возможности использовать нѣкоторыя данныя, полученныя нами уже во время печатанія книжки.

Но и приводимые въ ней факты и данныя, полагаемъ, вполнѣ докажутъ, что *эксплотировали молодежь для политики и* „расхищали культуру" именно тѣ *„narodowo myślące" элементы*, которые, при возникновеніи лишь вопроса объ автономіи Польши, уже въ первые дни „освободительнаго "движенія, ставили мѣстной русской власти излюбленное шляхетское veto —„Не позвалямъ!"

„Видя все это, мы не можемъ болѣе молчать",—сказалъ состоящій нынѣ членомъ Государственной Думы профессоръ И. П. Созоновичъ въ рѣчи, обращенной 11 декабря 1905 г. къ русскому обществу въ Варшавѣ.

И потому мы рѣшили говорить...

Р. С. Т.

Варшава. Мартъ 1908 г.

---

*) Профессоръ А. Л. Погодинъ. „Главныя теченія польской политической мысли (1863—1907)" стр. 540—541. „Kilka słów z powodu broszury p. Askenaz'ego p. t. „Bezrobocie szkolne". Wydawnictwo Związku Unarodowienia Szkół.

Существенныя опечатки.

Стран.	10,	стр.	16	снизу,	напеч.	словъ,	слѣдуетъ слоевъ.
„	20	„	1	„	„	Wydawn. unar.	„ Wydawn. związ. unar.
„	25	„	4	„	„	іюля	„ іюня.
„	25	„	3	„	„	Гральскій	„ Гралевскій.
„	53	„	5	„	„	введено	„ вводится.
„	69	„	9	сверху	„	взвоинть	„ взводить.
„	75	„	16	„	„	Bosjte	„ Boiste.
„	65	„	3	снизу	„	*Нов Вр.* № 10795	*Нов. Вр.* № 11407 1907 г.
„	99	„	6	сверху	„		
„	115	„	1	снизу	„		

I. Бойкотъ государственной школы и насилія надъ нею.

Агитація противъ государственной школы.

Агитація противъ государственной школы, ведущаяся въ Царствѣ Польскомъ издавна тайно, сразу проявилась открыто и рѣзко съ первыхъ неудачъ нашихъ въ войнѣ съ Японіей.

„Воспользоваться положеніемъ Россіи въ этотъ новый періодъ ея государственнаго существованія призванъ прежде всего нашъ народъ... Перенесеніе центра тяжести русской политики на Востокъ является въ нашихъ глазахъ раскрытіемъ арены дѣятельности для польской народности на Западѣ. Вотъ почему мы смотримъ на Японію, какъ на настоящее *государство восходящаго солнца*“,—такъ писалъ лидеръ народово-демократической партіи Р. Дмовскій, ѣздившій въ Токіо къ друзьямъ-японцамъ черпать „моральную силу“ противъ общаго врага—русскихъ. И польскіе націоналисты рѣшили „использовать трудное положеніе Россіи“, объявивъ прежде всего „борьбу за польскую школу“ *), борьбу противъ русской школы, къ бойкоту которой г. Дмовскій призывалъ такъ:

„Чѣмъ дольше школа въ Царствѣ Польскомъ останется въ русскихъ рукахъ, чѣмъ больше поколѣній нашей польской молодежи пройдетъ черезъ руки русскихъ, какъ учителей и начальниковъ учебныхъ заведеній, тѣмъ больше у насъ будетъ шансовъ потерять признаки цивилизованнаго общества, и мы сдѣлаемся ничѣмъ не связанной, анархичной сволочью (hołota)... Русскій воспитатель, русскій начальникъ школы долженъ быть изгнанъ отъ насъ... Учителями должны быть поляки и начальниками учебныхъ заведеній тоже поляки. Мы знаемъ, что это реформа не маленькая, что съ нею долженъ связываться цѣлый рядъ другихъ, что за нею долженъ наступить переворотъ во всемъ политическомъ устройствѣ нашей страны, но тѣмъ болѣе мы должны бороться за нее. Поэтому, стрейкъ можетъ кончиться и даже въ интересахъ молодежи онъ долженъ рано или поздно кончиться, но, пока будетъ существовать въ нашей странѣ русская школа, долженъ продолжаться и самый широкій бойкотъ ея“. (R. Dmowski. „Szkoła i społeczeństwo z powodu t. zw.

---

*) „Не языка польскаго въ русскихъ школахъ мы добиваемся, а польской школы“. „Krajowa inteligencya wobec sprawy szkolnej“. 1905.

strejku szkolnego w królestwie". Kraków. Стран. 29, 47, 49).

Какъ извѣстно, другъ японскаго вождя Кодамы — Р. Дмовскій, и по сіе время выступающій въ Государственной Думѣ противъ означенной школы, нашелъ себѣ подражателей въ агитаціи противъ русской школы среди своихъ единомышленниковъ. Народово-демократическая партія стала засыпать народъ своими изданіями въ видѣ брошюръ и прокламацій *).

Въ одномъ изъ подпольныхъ листковъ, агитировавшихъ противъ русской школы. (Прибавленіе къ № 8 газеты „Полякъ" за 1905 годъ) указывалось: „Когда вспыхнула война на Востокѣ и дѣльные японскіе солдаты стали громить могущество царя, польскій народъ понялъ, что наступило удобное время напомнить о своихъ правахъ, попранныхъ москалемъ". Варшавскій конспиративный кружекъ для распространенія „просвѣщенія" въ народѣ выпустилъ призывъ ко „всеобщему заговору противъ правительства", осуществленіе котораго прежде всего заключалось въ томъ, что „никто не посылаетъ дѣтей и самъ не ходитъ въ русскую школу". Тотъ же смыслъ носили и другія прокламаціи, появившіяся въ то время въ несмѣтномъ количествѣ, расклеиваемыя по улицамъ и раздаваемыя учащимся.

Прокламація, помѣченная числомъ 28/15—I—1905 г. отъ имени „Передовой молодежи среднихъ учебныхъ заведеній", начиналась такъ: „Мы наканунѣ переворота. Твердыня самодержавія колеблется подъ напоромъ народа"...

Подъ „напоромъ народа" разумѣлись здѣсь уже рѣзкія въ то время проявленія польскаго сепаратизма. Достаточно вспомнить, какъ кружки польскаго общества и отдѣльныя лица въ началѣ „освободительнаго движенія" прежде всего набросились на школу, засыпая высшіе органы учебной власти разными записками, проектами, носившими названіе „меморіаловъ", чтобы понять, что центромъ поль-

---

*) Кромѣ выписокъ изъ прокламацій, имѣющихся въ нашемъ распоряженіи и помѣщенныхъ въ приложеніяхъ къ книжкѣ, мы приводимъ выдержки изъ прокламацій и др. изданій, цитированныхъ въ книжкѣ профессора А. Л. Погодина „Главныя теченія польской политической мысли (1863—1907)", изъ которой и позаимствовали нѣкоторыя свѣдѣнія и приведенныя выдержки (стр. 460, 464, 534). Ссылки на прокламаціи противъ русской школы находимъ и на стр. 457, 494, 497, 521—541 и др. названной книги, написанной въ защиту „братьевъ—поляковъ". Въ числѣ прочихъ источниковъ мы пользовались и книгой Л. Василевскаго (Плохоцкаго) „Современная Польша и ея политическія стремленія", изданной въ Краковѣ (на русск. яз. С.-Пб. 1906) также въ защиту поляковъ.

скаго вопроса является школа. Еще объ автономіи Польши не было и рѣчи, но уже всѣми сознавалась явно выраженная впослѣдствіи мысль, что стоитъ добиться только польской школы, какъ автономія сама собой придетъ. Цѣль указанныхъ „меморіаловъ“ заключалась прежде всего въ томъ, чтобы унизить мѣстную русскую учебную власть въ краѣ и выставить ее въ роли „гасителя“ просвѣщенія, а затѣмъ—повліять въ „освободительномъ“ (отъ этой власти) направленіи не только на общественное мнѣніе въ краѣ, но и внутри Россіи, почему „меморіалы“ печатались въ русскихъ газетахъ „освободительнаго“ направленія и какъ бы исходили отъ русскаго общества. Русскія газеты, какъ напр., „Русь“ *), „Товарищъ“, выписывавшіяся до того времени для продажи лишь мѣстными русскими магазинами, съ „меморіалами“ появлялись чуть ли не на всѣхъ перекресткахъ Варшавы и продавались по 30—50 коп. за номеръ. На улицахъ такъ и слышались выкрикиванія названій „меморіаловъ“: „Меморіалъ графа Тышкевича!“ „Меморіалъ 23-хъ!“ и т. п. Въ этихъ „меморіалахъ“, представленныхъ министру внутреннихъ дѣлъ кн. Святополкъ-Мирскому въ концѣ 1904 г. **), особенно подчеркивалось требованіе польскаго языка въ низшей, средней и высшей школѣ, во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ и учрежденіяхъ.

Одинъ изъ такихъ „меморіаловъ“ въ октябрѣ 1904 г. былъ посвященъ спеціально частнымъ учебнымъ заведеніямъ, содержательницы которыхъ подъ вліяніемъ этого „меморіала“ въ началѣ 1905 г. потребовали отъ учебной власти „немедленнаго возстановленія польской школы“, хотя нѣкоторыя изъ нихъ до появленія „меморіала“ ходатайствовали о преобразованіи учебныхъ заведеній въ гимназическій (7-ми кл.) составъ съ назначеніемъ завѣдывающаго или инспектора, какъ представителя учебной власти, изъ русскихъ преподавателей правительственныхъ гимназій. 14 октября 1904 года, министру генералу Глазову была подана записка, подписанная В. Спасовичемъ, И. Барановскимъ, І. Езіоранскимъ, графомъ А. Красинскомъ, Л. Страшевичемъ и княземъ Радзивилломъ, въ качествѣ „заступни-

*) По замѣчанію проф. Погодина, „Руси“ „принадлежитъ почетная роль піонерки въ дѣлѣ русско-польскаго сближенія“ См. „Главн. теч. польск. политич. мысли“ стр. 481.

**) Въ № 13 „Руси“ былъ напечатанъ „меморіалъ“, представленный гр. Тышкевичемъ министру внутр. дѣлъ кн. Святополкъ-Мирскому 10 декабря 1904 г. „Записка 23-хъ“ подана ему же 10 ноября 1904 г. См. „Совр. Польша“ Василев. стр. 200.

ковъ за родителей“ и за интересы просвѣщенія въ краѣ. Эта записка сопровождалась письменнымъ же заявленіемъ о намѣреніи „съ полною откровенностью и безъ недомолвокъ“ обнаружить якобы „нарушеніе высшими должностными лицами правовыхъ нормъ въ отношеніи частныхъ учебныхъ заведеній гор. Варшавы“.

Имена подписавшихъ эту записку лицъ, особенно извѣстнаго юриста Спасовича, казалось, давали основаніе предполагать, что затронутые въ означенномъ „меморіалѣ“ вопросы о постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла въ Царствѣ Польскомъ освѣщены дѣйствительно серьезно и безпристрастно. Но при ближайшемъ знакомствѣ съ „меморіаломъ“ (запиской и комментаріями) вы приходите къ убѣжденію, что онъ сплошь проникнутъ тенденціей, какъ и прочіе „меморіалы“ того времени, а „полная откровенность безъ недомолвокъ“—одинъ лишь тактическій пріемъ войти въ довѣріе благодушнаго генерала Глазова.

Что особенно поражаетъ въ этой запискѣ и объясненіяхъ къ ней,—это не только полная неосвѣдомленность съ положеніемъ дѣла въ частныхъ учебн. заведеніяхъ, но и явное искаженіе фактовъ и умышленное игнорированіе или замалчиваніе тѣхъ законовъ, въ силу которыхъ дѣлались учебною властью тѣ или иныя распоряженія. Такъ, напримѣръ, ст. 3747 (Св. Зак. т. XI ч. I изд. 1893 года) говоритъ, что частныя учебныя заведенія не могутъ быть выше прогимназій, т. е. 4-х-класснаго состава. Между тѣмъ съ 1879 г. по 1901 было разрѣшено *вопреки* указанному *закону* открытіе 24 *шестиклассныхъ* пансіоновъ, на каковое противорѣчіе съ закономъ въ 1901 году было обращено вниманіе министерствомъ народнаго просвѣщенія. Это дѣйствительно „нарушеніе правовыхъ нормъ“, но только въ пользу пансіоновъ и въ противоположномъ тому направленію, на которое указано авторами „меморіала“. Требованіе учебной власти, чтобы указанные пансіоны въ числѣ и распорядкѣ учебныхъ предметовъ приближались къ соотвѣтствующимъ казеннымъ согласно закону (ст. 3761),—въ „меморіалѣ“ охарактеризовано опять какъ нарушеніе правовыхъ нормъ и какъ враждебное со стороны попечителя округа настроеніе. Когда нѣкоторыя содержательницы пожелали довести свои пансіоны, подобно казеннымъ гимназіямъ, до семиклассnаго состава, съ тѣмъ, чтобы согласно Высочайшему повелѣнію 12 іюля 1903 года эти пансіоны находились подъ контролемъ представителей учебной власти изъ русскихъ преподавателей казенныхъ среднихъ учебныхъ заведеній,—эти пансіоны подверглись яростному

бойкоту со стороны разныхъ національстскихъ организацій, „клеймившихъ“ эти пансіоны названіемъ „московскихъ“. Указанный „меморіалъ“ также не мало способствовалъ походу противъ означенныхъ пансіоновъ и русскихъ преподавателей, какъ людей „пришлыхъ“, которыхъ, по мнѣнію защитниковъ польскаго просвѣщенія, давно слѣдуетъ замѣнить „туземцами“, т. е. поляками. Изъ боязни передъ дальнѣйшими преслѣдованіями содержательницы пансіоновъ и до сихъ поръ не воспользовались предоставленнымъ имъ правомъ.

Но что такое представляютъ изъ себя съ государственной точки зрѣнія частныя учебныя заведенія (pensyi) въ Царствѣ Польскомъ, въ которыя польскіе націоналисты такъ боятся допустить контроль „пришлыхъ“ людей, т. е. русскихъ преподавателей?

По закону (ст. 3742 т. XI ч. I), да и по признанію самихъ авторовъ упомянутой записки, эти заведенія, какъ и прочія учебныя заведенія Русскаго государства, должны „содѣйствовать видамъ правительства“.

Какимъ видамъ они дѣйствительно содѣйствуютъ, можно судить по бойкоту, направленному націоналистами противъ тѣхъ пансіоновъ, содержательницы которыхъ согласились было допустить русскихъ преподавателей въ качествѣ представителей учебной власти. Да и раньше ни для кого не составляли секрета такія явленія, какъ впаиваніе въ воспитанниковъ и воспитанницъ частныхъ пансіоновъ національной и религіозной нетерпимости и революціонныхъ идей, для чего преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ, напр., исторіи и географіи Польши велось по нелегальнымъ (краковскимъ) учебникамъ (при существованіи установленныхъ учебниковъ лишь „на показъ“ въ случаѣ контроля правительственной власти),—для чего также устраивались торжественныя (uroczyste) собранія въ годовщины польскаго возстанія 1863 г. и революціи 1831 г. Не даромъ варшавскіе пансіоны всегда насчитывали въ числѣ своихъ ученицъ не мало пріѣзжихъ изъ польскихъ областей Германской Имперіи, гдѣ, повидимому, контроль власти даетъ меньше простора проявленіямъ революціонныхъ идей и національной обособленности. Отсюда понятно, почему еще въ 1901 г. Варшавскій генералъ-губернаторъ Чертковъ настаивалъ на томъ, чтобы за частными учебными заведеніями былъ установленъ не фиктивный, но дѣйствительный и неустанный контроль и чтобы въ этихъ видахъ во главѣ ихъ, въ качествѣ директоровъ, инспекторовъ или завѣдываю-

щихъ, стояли лица русскаго происхожденія по назначенію учебной власти.

Само собой понятно, что, стоя на почвѣ законности, учебная власть не только не могла закрывать глаза на дальнѣйшее нарушеніе частными учебными заведеніями закона, но по долгу службы вынуждена была въ 1904 г. внести упорядоченіе въ 18 пансіоновъ, по своему составу и учебному распорядку остававшихся нелегальными. Это въ „меморіалахъ“ опять было истолковано въ смыслѣ мстительности и похода противъ просвѣщенія. Но въ виду указаннаго направленія частной школы, ни къ „меморіаламъ“, ни къ делегаціи, ѣздившей въ февралѣ 1905 г. въ Петербургъ съ жалабами, не могъ отнестись съ довѣріемъ какъ министръ народнаго просвѣщенія генералъ Глазовъ, такъ и предсѣдатель комитета министровъ С. Ю. Витте, на котораго поляками возлагалось столько надеждъ.

Указанные „меморіалы“ перепечатывались съ разными комментаріями въ польскихъ газетахъ и содѣйствовали агитаціи. Такимъ образомъ русская власть въ краѣ подвергалась все болѣе и болѣе безнаказанному глумленію. Тогда явно стали обнаруживаться характерныя черты поляковъ: сознавая свое безсиліе и зависимость, мѣстный обыватель при каждомъ удобномъ случаѣ готовъ былъ раньше заявить представителю власти „падамъ до ногъ“; но, почувствовавъ возможность „насолить“, тотъ же обыватель не преминулъ кстати и не кстати показать свой „шляхетскій гоноръ“.

„Меморіаламъ“ стали подражать многочисленные подпольные листки и прокламаціи *), которые не считали уже нужнымъ прятаться и со всею грязью выползли наружу. Листки и прокламаціи распространялись отъ разныхъ кружковъ и организацій: напримѣръ, прокламаціи по школьному вопросу подъ заглавіемъ „Къ Польскому Обществу“ исходили отъ трехъ союзовъ: „Поляковъ—инженеровъ и техниковъ Царства Польскаго“, „Союза служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ“ и „Союза товарищества общественной самопомощи“. Учителя-поляки объединились въ „Союзѣ національзаціи школъ“ (Związek unarodowienia szkòł), имѣвшемъ свой „Исполнительный Комитетъ“ (Koło wykonawcze) или „bojuwku“ для выполненія смертныхъ и друг. приговоровъ. Для Варшавы установлена была особая „Вар-

*) Въ приложеніяхъ приводимъ лишь нѣкоторыя болѣе характерныя мѣста прокламацій, такъ какъ собраніе всѣхъ прокламацій и другихъ подпольныхъ изданій потребовало бы нѣсколькихъ томовъ.

шавская боевая школьная организація“ (Warszawska bojowa organizacia szkolna).

Изъ безчисленныхъ организацій упомянемъ еще: „Организаціонный Комитетъ“ (Komitet Organizacyjny), „Кружокъ Варшавскихъ педагоговъ и учителей“, „Демократично-народовая академическая молодежь“ (Demokratyczno-narodowa młodzież akademicka), „Передовая молодежь среднихъ учебныхъ заведеній“, „Молодежь школъ городскихъ и техническихъ“, „Кружокъ воспитанниковъ“ (Koło wychowańców). Были организаціи и спеціальнаго характера, какъ напр., „Общество опеки надъ уніатами“ (Towarzystwo opieki nad uniatami), поставившее цѣлью отвлеченіе уніатовъ отъ русской школы и православной церкви, и много другихъ организацій.

Всѣ эти организаціи издавали и распространяли, кромѣ прокламацій, и польскія революціонныя пѣсни, которыя въ печатномъ или переписанномъ видѣ ходили по рукамъ учащихся. О содержаніи или направленіи этихъ пѣсенъ можно судить уже по одному ихъ началу или заглавію: „Ieszcze Polska nie zginęła“ („Еще Польша не погибла...) „Z dymem pożarów...“ („Съ дымомъ пожаровъ“), „Z krwią naszych braci...“ („Съ кровью нашихъ братьевъ...“) „Marsz strzelców...“ („Маршъ стрѣлковъ“), „Boże, coś Polskie...“ („Боже, что Польшу...“), „Dalej, bracia, do oręża“, („Впередъ, братья, къ оружію...“), „Dalej, bracia, do bułatu...“, („Впередъ, братья, къ булату...“), „Marsz po roku 1831.“, („Маршъ 1831 г.“) и др. *). Такія пѣсни въ первые дни „свободъ“ открыто продавались или даромъ раздавались на улицахъ Варшавы, украшенныя бѣлымъ орломъ на малиновомъ (amarantowym) фонѣ или другими національными эмблемами, и предназначались для тѣхъ же цѣлей, какъ и прокламаціи.

Вліяніе указанныхъ выше „меморіаловъ“ и сопутствовавшихъ имъ прокламацій вскорѣ принесло свои плоды. Возбужденіе противъ русской власти постепенно возростало, и все, что только носило слѣды русскаго, стало безпощадно преслѣдоваться. Достаточно указать хотя бы на уничтоженіе русскихъ вывѣсокъ и надписей на улицахъ и магазинахъ. Къ нашему стыду, нашлись союзники поляковъ и, среди нѣкоторыхъ мѣстныхъ профессоровъ и педагоговъ, объединившихся въ пресловутомъ „Академическомъ союзѣ“.

---

*) См. приложенія.

О нихъ поляки снисходительно говорили: „Хотя и русскій, но порядочный человѣкъ“.

Броженіе, охватывавшее все большій кругъ учащейся молодежи, стало проявляться въ рѣзкой формѣ особенно по отношенію къ русскимъ преподавателямъ, которые стали затѣмъ открыто подвергаться преслѣдованію и нападеніямъ. Такъ, 10 января 1905 г., одинъ изъ всѣми уважаемыхъ преподавателей калишской мужской гимназіи А—скій подвергся нападенію троихъ неизвѣстныхъ молодыхъ людей, нанесшихъ ему тяжкіе удары по головѣ желѣзными короткими палками; 12 января на помощника классныхъ наставниковъ той же гимназіи М—на на каткѣ посыпались со стороны публики вмѣстѣ съ бранью куски льда и комья снѣгу.

Вѣсти о преслѣдованіи русскихъ стали доноситься съ разныхъ концевъ Царства Польскаго. Русскому преподавателю вообще небезопасно было въ то время показываться на улицѣ или въ общественномъ собраніи. Многія должностныя лица перестали носить форменное платье, чтобы не привлекать къ себѣ вниманія „національзаторовъ“.

Насилія надъ высшей государственной школой.

Послѣ нѣсколькихъ студенческихъ демонстрацій и сходокъ, на которыхъ обсуждался вопросъ полонизаціи Варшавскаго университета, 15 января 1905 г. начались въ университетѣ безпорядки. Выломавъ дверь, ворвавшаяся въ актовый залъ, аудиторіи и профессорскую читальню толпа студентовъ изгнала бывшихъ внутри профессоровъ и чиновъ инспекціи, нанесла побои нѣкоторымъ педелямъ, рязбила телефонныя трубки и порвала проводы. Прибывшая полиція была встрѣчена со стороны студентовъ бранью и комьями снѣга. Среди студентовъ были постороннія лица, въ томъ числѣ женщины, таинственное исчезновеніе которыхъ (при помощи университетской прислуги) составляло для польскихъ патріотокъ предметъ нескончаемыхъ толковъ. Зажигательныя рѣчи студентовъ чередовались пѣніемъ „Еще Польска не сгинела“... Только послѣ полуночи удалось полиціи выпроводить изъ университетскаго зданія студентовъ. Послѣ удаленія ихъ оказался изорваннымъ въ куски портретъ Государя Императора; въ канцеляріи инспекціи поврежденъ телефонъ, а также разбиты фонари.

Не безынтересно отмѣтить, что на другой или третій день послѣ этихъ безпорядковъ нѣкоторые деканы, вопреки

закону, отказались принять участіе въ университетскомъ судѣ, которому подлежало разсмотрѣніе дѣла о безпорядкахъ. Однако, отъ наградъ и повышеній по службѣ нѣкоторые изъ этихъ профессоровъ впослѣдствіи не отказались.

Зато профессора, имѣвшіе мужество высказывать свои независимые взгляды на притязанія „націонализаторовъ", подвергались преслѣдованію и насмѣшкамъ со стороны мѣстной польской печати, а профессоръ Ам—цкій, какъ извѣстно, былъ даже избитъ на улицѣ. О покушеніи на жизнь проф. Давыдова и русскихъ студентовъ Варшавскаго ветеринарнаго института мы скажемъ въ другомъ мѣстѣ *).

Безпорядки въ университетѣ отразились на Варшавскомъ политехникумѣ, Варшавскомъ ветеринарномъ институтѣ и Ново-Александрійскомъ институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства, въ которыхъ также прекратились занятія; но временное пріостановленіе занятій въ послѣднихъ двухъ учебн. заведеніяхъ носило не мѣстный „націонализаторскій" характеръ, а являлось скорѣе отраженіемъ общаго движенія въ учебн. заведеніяхъ Имперіи **). Возобновившіяся въ нихъ занятія продолжаются и по сіе время. Въ Варшавскомъ же университетѣ и политехникумѣ „націонализаторы„ пустили въ ходъ всѣ средства, чтобы не допустить возобновленія занятій. Такъ, напр., студентовъ, желавшихъ продолжать занятія въ университетѣ, задерживали у входа въ университетъ, а уличенныхъ въ посѣщеніи преслѣдовали даже на квартирахъ. Когда студенты-медики рѣшили все-таки продолжать занятія и подвергаться въ февралѣ экзаменамъ, явившаяся къ одному изъ субъ-инспекторовъ группа студентовъ заявила, что она не позволитъ держать экзамены и пуститъ въ ходъ насилія противъ желающихъ экзаменоваться.

7 марта 1905 г. нѣсколько студентовъ явились къ попечителю округа, нынѣ министру А. Н. Шварцу съ петиціей. Не желая говорить по-русски, студенты обратились къ попечителю съ рѣчью по-польски, а когда г. Шварцемъ было обращено вниманіе на нетактичность такого поступка, студенты заговорили по-французски и затѣмъ, оставивъ на столѣ петицію, подписанную 406 лицами, удалились.

Въ означенной петиціи, между прочимъ, сказано: „*Мы требуемъ возвращенія Варшавскому университету его поль-*

---

*) См. „Возвращеніе къ террору".

**) Напр., студенты Ново-Алекс. института требовали прекращенія войны съ Японіей, созыва учредительнаго собранія и т. п.

скаго характера во всемъ объемѣ. А затѣмъ: 1) лекцій по всѣмъ каѳедрамъ на польскомъ языкѣ, 2) устроенія цѣлаго ряда каѳедръ, посвященныхъ польской исторіи, праву и инымъ польскимъ дисциплинамъ, 3) приглашенія на каѳедры польскихъ научныхъ силъ, 4) веденіе администраціи въ университетѣ на польскомъ языкѣ". Петиція заканчивается такъ: ...„Единственной гарантіей почтенія правъ Варшавскаго университета можетъ быть автономный строй Королевства Польскаго, основанный на принципѣ народной самоопеки".

Какъ извѣстно, тѣ же поляки-студенты, не желавшіе слушать лекцій на русскомъ языкѣ въ Варшавѣ, нахлынули въ русскіе университеты Имперіи, лишивъ и тамъ мѣстъ многихъ русскихъ студентовъ, посѣщавшихъ Варшавскій университетъ.

Совѣтъ Варшавскаго университета въ постановленіяхъ своихъ 19 и 20 сентября 1906 г. пришелъ, между прочимъ, къ тому заключенію, что съ 1905 г. „положеніе дѣлъ въ краѣ по отношенію къ высшей школѣ не измѣнидось къ лучшему; напротивъ, событія послѣдняго времени приняли такой оборотъ, при которомъ не только нельзя надѣяться на возобновленія занятій въ университетѣ ни теперь, ни въ ближайшемъ будущемъ, но ставится даже вопросъ о существованіи самого университета" *).

Однако, уже съ конца 1907 г. стали проникать въ общество и печать слухи о томъ, что представители умѣренныхъ словъ польскаго общества ходотайствуютъ объ открытіи университета.

Насилія надъ средней государственной школой.

Подъ угрозами агитаторовъ, въ томъ числѣ изъ среды разъѣхавшихся по краю студентовъ университета, обѣщавшихъ „поддержать гимназистовъ", начался массовый уходъ учащихся изъ среднихъ учебныхъ заведеній **). Во главѣ школьнаго движенія сталъ „Союзъ національзаціи школъ" (Związek unarodowienia szkół), подъ руководствомъ членовъ котораго начальникамъ учебныхъ заведеній предъявлялись петиціи такого содержанія:

---

*) *Варш. Дневн.* 21 сент. 1906 г. № 260.

**) Указанія на участіе „революціонной части варшавской студенческой молодежи" какъ въ школьной, такъ и въ другихъ агитаціяхъ, напр., противъ мобилизаціи войскъ, см. въ книгѣ проф. Погодина „Главн. теч. польск. политич. мысли" на стр. 478, 522, 536.

„Мы требуемъ: 1) польскаго преподавательскаго и административнаго языка въ школѣ; 2) польскихъ учителей и руководителей школы; 3) контроля родителей въ вопросахъ школьной жизни; 4) отмѣны всякихъ ограниченій и различій въ пріемѣ въ школы. До того времени, когда будутъ удовлетворены наши требованія, или подвергнутся перемѣнѣ наши постановленія, мы будемъ солидарно воздерживаться отъ посѣщенія школы".

Вслѣдъ засимъ, въ тѣ учебныя заведенія, въ которыя ученики продолжали ходить на занятія, „полонизаторы" являлись съ шайкой хулигановъ и насильно изгоняли учащихся, а не поддававшихся вліянію избивали, причемъ ихъ подкарауливали на улицахъ спеціально для этого разставленные вблизи учебн. заведеній сторожевые, которые и расправлялись съ „измѣнниками справы польской", почему въ началѣ 1905 года во многихъ учебныхъ заведеніяхъ пришлось временно прекратить занятія. Но лишь только наступило нѣкоторое успокоеніе, какъ занятія опять возобновились, и учащіеся стали возвращаться въ гимназіи.

Для характеристики школьнаго движенія въ Царствѣ Польскомъ необходимо указать еще на одно обстоятельство, усилившее агитацію противъ русской школы: 6 февраля 1905 года, въ Варшавѣ, въ Музеѣ промышленности, состоялось собраніе „родителей" учащихся, на которое былъ приглашенъ попечитель округа А. Н. Шварцъ. Собраніе имѣло цѣлью содѣйствовать якобы прекращенію безпорядковъ и успокоенію учащихся. Но оно оказалось лицемѣрной комедіей, устроенной не для успокоенія, а для агитаціи; на собраніе прибыли агитаторы даже изъ за-границы *). Одинъ изъ видныхъ участниковъ школьнаго движенія литераторъ Немоевскій, послѣ рѣчей предшествовавшихъ ораторовъ, обратился къ собранію съ такими словами: „Я буду говорить безъ мотивовъ, потому что мотивы здѣсь не нужны; мы не будемъ ни о чемъ просить, потому что объ этомъ не просятъ, и требовать не будемъ, потому что этого не требуютъ. Это нужно брать. Воля народа—suprema lex esto. Намъ нужна польская школа съ польскимъ языкомъ и учителями, школа, находящаяся въ рукахъ польскаго общества". Другіе ораторы поддерживали настрое-

*) Билеты на собраніе раздавались безъ разбору — кому попало. См „Русь" № 41 за 1905 г. и „Главн. теч. польск. политич. мысли" проф. Погодина, стр. 526.

ніе, вызванное подобными рѣчами *). Послѣ первыхъ рѣчей, направленныхъ противъ русской власти, попечителю округа ничего болѣе не оставалось, какъ уйти изъ собранія, такъ какъ попытка его выяснить незаконность предъявляемыхъ требованій, „поджигающихъ молодежь," оказались безцѣльной. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ его ухода ему былъ присланъ изъ указаннаго собранія протоколъ съ требованіемъ польской школы и прекращенія занятій до удовлетворенія этого требованія. Не безынтересно отмѣтить здѣсь отношеніе къ школьному движенію умѣренныхъ круговъ польскаго общества за границей. На митингѣ, устроенномъ по этому поводу 24 февраля 1905 г. (нов. ст.) въ Краковѣ, проф. К. Моравскій, говоря о школьномъ движеніи и собраніи въ Варшавѣ, между прочимъ, сказалъ:

„Но потомъ это движеніе сошло на ложную дорогу, что мы подчеркиваемъ самымъ рѣшительнымъ образомъ. Форму международной борьбы перенесли на національную почву и устроили... стрейкъ молодежи. Это ошибочный и удивительно-легкомысленный шагъ. Онъ порожденъ не духомъ самого общества, но внушеніемъ нѣсколькихъ подстрекателей; по существу своему, онъ фальшивъ и нелогиченъ, потому что не можетъ принести никакой пользы... А, кромѣ того, планъ, задуманный какими-то неизвѣстными субъектами, заключаетъ въ себѣ глубокую безнравственность. Онъ эксплоатировалъ молодежь для политики, пользовался молодежью и нервными женщинами для своихъ цѣлей. Гдѣ же есть или было въ прошломъ общество, которое позволяло бы ребятамъ пускаться въ политику, давало имъ голосъ на совѣтѣ и сотрудничество въ дѣлѣ? Кто смолоду политикуетъ, тотъ увѣряетъ себя, что работа дѣло лишнее, что сдѣлаться великимъ можно и безъ нея, потому что политика не требуетъ никакихъ испытаній и экзаменовъ. Такой организмъ долженъ завянуть и исчезнуть; кто не умѣлъ смолоду слушаться, тотъ впослѣдствіи не окажется въ состояніи ни приказывать, ни дѣйствовать. А, во-вторыхъ, эта агитація была безнравственна потому, что въ ней между родителями и дѣтьми стали третьи люди, совершенно не призванные руководить

*) Проф. Погодинъ, изъ книги котораго („Главн. теч. польск. политич. мысли" стр. 528—541) заимствуемъ свѣдѣнія о митингахъ въ Варшавѣ и Краковѣ, говоритъ: „Во всякомъ случаѣ, описанному митингу (въ Варшавѣ) нельзя отказать въ извѣстномъ стремленіи терроризировать общество: это вовсе не было то спокойное обсужденіе всѣхъ доводовъ за и противъ, котораго, повидимому, ожидали устроители собранія".

молодежью. Большинство жителей Варшавы было противъ этого стрейка, потому что обладало здоровымъ сужденіемъ и здравымъ смысломъ. Кто навязалъ его, этого мы не будемъ ни изслѣдовать, ни раскрывать. Во всякомъ случаѣ, если у насъ есть чувство сожалѣнія и сочувствія къ молодежи, то къ тѣмъ, кто, какъ на зеленомъ столѣ, легкомысленно бросалъ въ вихрь борьбы, притомъ безцѣльной, словно ставку, молодыя жизни и будущность людей, — къ тѣмъ у насъ просыпается чувство справедливаго гнѣва, и изъ глубины души вырываются самыя рѣзкія слова порицанія".

Вѣсть о „родительскомъ" собраніи въ Варшавѣ и требованіи прекратить занятія въ учебныхъ заведеніяхъ быстро разнеслась по всему краю, усиливая возбужденіе молодежи.

„Союзъ національзаціи школъ", признавая постановленіе означеннаго собранія общенароднымъ и обязательнымъ для всего польскаго общества, 19 февраля (нов. ст.) разослалъ прокламацію, въ которой „приглашалъ": „1) родителей — не посылать отъ сегодняшняго дня своихъ дѣтей въ русскую школу, 2) молодежь — не посѣщать русской школы".

Въ прокламаціи, изданной 21 февраля (нов. ст.) „Кружкомъ воспитателей" (Kołow ychowawców), между прочимъ, сказано, что это собраніе „начало періодъ открытой борьбы между школой и обществомъ. Періодъ вліянія на молодежь, успокоенія ея, принятія движенія въ руки общества окончился. Въ настоящее время общество должно итти за молодежью. Сигналъ поданъ — борьба начата! Всѣ школы должны быть закрыты до времени преобразованія ихъ".

Чтобы парализировать возобновленіе занятій *), Центральный рабочій комитетъ польской рабочей партіи въ особой прокламаціи призывалъ примкнувшую къ забастовкѣ учащуюся молодежь терроризировать учениковъ учебныхъ заведеній и ихъ родителей:

„Мы обращаемся къ тебѣ, академическая молодежь! Пусть мы увидимъ васъ всѣхъ на улицахъ Варшавы 14 марта (нов. ст.)! Разставьте ваши сторожевые посты во всѣхъ частяхъ Варшавы, около всѣхъ школъ! Возвращайте домой учениковъ и ученицъ всѣхъ правительственныхъ и частныхъ учебныхъ заведеній, задерживайте извозчиковъ

*) Возобновленіе прерванныхъ занятій было назначено на 14 марта (нов. ст.)

и экипажи, въ которыхъ негодяи-родители повезутъ своихъ дѣтей въ школы. И не колебайтесь, когда наступитъ время, прибѣгнуть по отношенію къ упрямымъ отцамъ къ силѣ и палкѣ. Варшава знаетъ и уважаетъ ваши мундиры, и уличная толпа, видя, какъ вы наказываете упрямыхъ, всегда станетъ на вашей сторонѣ, поддержитъ ваши усилія, а въ случаѣ опасности вырветъ васъ изъ руки полиціи! И къ вамъ мы обращаевся, ученики старшихъ классовъ казенныхъ и частныхъ школъ. Не позволяйте, чтобы ваши младшіе товарищи, подчиняясь желанію своихъ безсознательныхъ родителей, испортили дѣло, которое является въ значительной степени вашей заслугой и славой! 14 марта вы должны быть всѣ на улицахъ, передъ своими школами, и уже ваше дѣло не допустить, чтобы уроки шли подъ охраной полиціи".

Въ терроризированіи учениковъ, желавшихъ продолжать занятія, и ихъ родителей стали принимать дѣятельное участіе особенно ученики частныхъ учебныхъ заведеній, заключавшихъ въ своемъ составѣ значительное количество учащихся, уволенныхъ за безпарядки изъ казенныхъ учебныхъ заведеній. Въ прокламаціи „исполнительнаго комитета" одного изъ частныхъ учебныхъ заведеній въ Варшавѣ, между прочимъ, говорилось: „Предупреждаемъ, что, если наши уговоры и угрозы не будутъ имѣть успѣха, то мы употребимъ физическую силу, которая можетъ привести къ очень печальнымъ послѣдствіямъ".

Однако, возобновленныя послѣ нѣкотораго перерыва занятія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ попрежнему посѣщались многими учениками. Тогда бойкотъ со стороны „націонализаторовъ" сталъ проявляться еще въ болѣе рѣзкой формѣ: директоровъ и преподавателей нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній угрожали убить, а учебное заведеніе взорвать. Въ то же время по квартирамъ родителей учащихся ходили хулиганы и въ качествѣ „делегатовъ" отъ имени „Экзекуціоннаго Комитета" запрещали посылать дѣтей въ казенныя гимназіи, указывая имъ частныя польскія учеб. заведенія, причемъ непокорнымъ грозили и свою угрозу на первый же разъ подтверждали разбитіемъ оконъ, а затѣмъ и побоями. Когда и это не устрашало, и гимназіи всетаки посѣщались многими, тогда на функціонировавшія учебн. заведенія были организованы настоящіе походы.

Почти во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ насилія принимали одну и ту же форму, почему иллюстрированіе безчинствъ ограничиваемъ лишь нѣкоторыми характерными фактами.

Такъ, 8 февраля, 1905 года, варшавская 4-я мужская гимназія подверглась осадѣ многолюдной толпы, изъ которой удалось проникнуть внутрь гимназіи лишь нѣсколькимъ ученикамъ, опрокинувшимъ швейцара, но удалившимся въ виду приближенія полиціи. Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней въ той же гимназіи были выбиты стекла, а двое учителей получили анонимы съ угрозами. Та же участь постигла и другія учебныя заведенія въ Варшавѣ и провинціи, причемъ на нѣкоторыя была поведена формальная осада, продолжавшаяся до тѣхъ поръ пока учебное заведеніе не доставалось въ добычу побѣдителю или пока не подоспѣвалъ на выручку отрядъ полицейскихъ, который и снималъ осаду. Такъ, 9 марта, въ варшавскую 6-ти классную мужскую прогимназію ворвалась толпа агитаторовъ и разогнала учениковъ, но такъ какъ ученики всетаки продолжали посѣщать прогимназію при предпринятыхъ мѣрахъ защиты, то 11 марта толпа хулигановъ, подкрѣпленная перешедшими на ихъ сторону учениками-забастовщиками и учениками частныхъ польскихъ училищъ, повела формальную осаду съ фронта и въ обходъ—съ Хмѣльной и Золотой улицъ; но и на этотъ разъ нападеніе было отбито отрядомъ городовыхъ.

Въ прочихъ учеб. заведеніяхъ Варшавы толпа, разгоняемая полиціей, успѣвала лишь разбивать окна.

Въ провинціи учебныя заведенія находились почти въ беззащитномъ состояніи, отданныя во власть толпы, которая свободно вербовала въ свои ряды учащихся, расклеивая на стѣнахъ учебныхъ заведеній воззванія, призывавшія учениковъ къ участію въ погромахъ и изгнанію русскихъ. Въ одномъ изъ такихъ воззваній, между прочимъ, говорилось: „Пустите въ ходъ всѣ средства: рвите учебныя карты, ломайте доски, бейте окна, разбивайте чернильницы о стѣны и лбы преподавателей скотовъ!“ Вслѣдъ за подобными воззваніями начинались нападенія на учебныя заведенія. Такъ, въ Калишѣ нападенію на учебн. заведенія предшествовало, какъ указано выше, нападеніе на отдѣльныхъ русскихъ преподавателей. 19 января 1905 г. ворвавшаяся въ калишскую муж. гимназію толпа заставила разойтись учениковъ и вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ нихъ произвела безпорядки и выбила нѣсколько стеколъ въ окнахъ. Отдѣльные случаи выбитія стеколъ въ той же гимназіи продолжались и послѣ (10 апрѣля выбито 7 стеколъ, 6 октября толпа выбила 142 стекла камнями, которыхъ подобрано въ комнатахъ гимназіи 68). Послѣ дебоширства въ мужской гимназіи, 19 января толпа направилась въ реальное училище и жен-

скую гимназію. Часть толпы ворвалась внутрь училища, выломавъ дверь и опрокинувъ швейцара. Тутъ былъ произведенъ полный погромъ: били стекла въ окнахъ, классныхъ дверяхъ и дверяхъ актоваго зала; портили мебель и учебныя пособія; одновременно часть толпы, оставшись на улицѣ, бросала камнями въ фасадъ зданія; въ этотъ день было выбито 95 стеколъ и, между прочимъ, разбитъ колоколъ воздушнаго насоса въ физическомъ кабинетѣ.

17-ое октября 1905 г. было ознаменовано вторичной бомбандировкой калишскаго реальнаго училища. Въ этотъ день толпа полчаса осаждала училище, бросая камнями и разбивая двери и рамы, пока не снялъ осады прибывшій съ городовыми полицеймейстеръ; на этотъ разъ всего было выбито 457 стеколъ. Выбитіемъ стеколъ въ 1905 г. ознаменовалась осада и другихъ учебн. заведеній, напримѣръ, варшавской 4-ой женской гимназіи, варшавской и ловичской женскихъ прогимназій, кѣлецкой мужской гимназіи, лодзинской мужской гимназіи, калишской женской гимназіи, ленчицкой учительской семинаріи и др. Въ сосновицкомъ реальномъ училищѣ ворвавшаяся толпа устроила 21 октября митингъ.

При осадѣ учебныхъ заведеній нападавшіе очень часто прибѣгали къ бросанію черезъ окна бутылокъ съ зловонной жидкостью или съ чернилами, какъ напр., въ ломжинской и люблинской мужскихъ гимназіяхъ, причемъ въ послѣдней 2 іюня 1905 года во время пріемныхъ испытаній въ классъ, гдѣ сидѣли экзаменующіеся, посыпался цѣлый градъ камней и небольшихъ бутылочекъ, наполненныхъ сѣроводородомъ. Говорятъ, нападеніе это было организовано кружкомъ польскихъ врачей и присяжныхъ повѣренныхъ. Въ этомъ нападеніи участвовало до 30 уволенныхъ изъ гимназіи учениковъ-поляковъ со студентами Варшавскаго университета во главѣ. Вслѣдъ за окончаніемъ пріемныхъ испытаній, родители учениковъ, зачисленныхъ въ названную гимназію, получили прокламаціи съ угрозой „пустить пулю въ лобъ“, если осмѣлятся посылать дѣтей въ гимназію.

Въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ ученики являлись къ директорамъ, преподавателямъ и лично предъявляли въ самой грубой формѣ требованія немедленнаго преподаванія на польскомъ языкѣ, замѣны русскихъ учителей поляками, причемъ угрожали русскимъ кровавой расправой. Такъ, когда директоръ плоцкой мужской гимназіи отказался принять петицію, явившіеся стали кричать: „Когда не хочетъ взять добровольно, заставить его силою!“ 20 октября 1905 г.

къ одному изъ преподавателей, люблинской мужской гимназіи подошелъ уволенный ученикъ Бухгольцъ и заявилъ: „Передайте всѣмъ преподавателямъ, чтобы они прекратили занятія и подали въ отставку; если они этого не сдѣлаютъ, имъ грозитъ избіеніе и даже смерть". Одинъ изъ преподавателей-поляковъ *) той же гимназіи получалъ ежедневно угрозы и требованія уйти изъ гимназіи, а частныя учебныя заведенія отказали ему въ предоставленіи уроковъ. Подъ угрозами преподаватели-поляки вынуждены были уходить изъ правительственныхъ учеб. заведеній. Такъ, напр., изъ лодзинскаго мануфактурно - промышленнаго училища ушло 5-ро.

Въ грубешовской мужской прогимназіи, 2 декабря 1905 года, часть толпы съ учениками-католиками стала выбивать стекла принесенными съ собою камнями, а другая часть ворвалась внутрь и стала требовать отъ инспектора въ самой дерзкой формѣ немедленнаго отвѣта на поданную петицію, причемъ позволила себѣ оскорбить инспектора; затѣмъ толпа стала разливать въ прогимназіи зловонную жидкость, обливать чернилами стѣны и карты въ классахъ и, выйдя изъ прогимназіи на улицу, выбивать стекла въ окнахъ. Явившіеся на защиту прогимназіи три стражника, конечно, не въ состояніи были совладать съ безчинствовавшей толпой.

Если нападенія не принимали во многихъ мѣстахъ болѣе широкихъ размѣровъ, то лишь благодаря присутствію въ краѣ значительнаго количества войскъ, которыя вовремя поспѣвали на выручку и охраняли отъ дальнѣйшихъ нападеній, но лишь только снималась охрана, какъ нападенія вновь возобновлялись. Такъ, напр., 3 сентября 1905 г., въ окна варшавскаго реальнаго училища полетѣли камни и бутылки съ чернилами, лишь только хулиганами было замѣчено отсутствіе полиціи. Изъ попытокъ взорвать или повредить зданія учебныхъ заведеній укажемъ на радомскую мужскую гимназію, въ которой 18 октября 1905 г. взрывомъ динамита повреждена была стѣна и выбиты стекла; на радомское 2-ое начальное мужское училище, въ которое была брошена бомба; на ломжинскую женскую гимназію, въ которою 2 раза подкладывалась петарда—27 и 28 мая 1906 г.

Нападенія на учениковъ, посѣщавшихъ гимназіи и ихъ

*) Мы не указываемъ фамилій поляковъ, особенно пострадавшихъ при „націонализаціи" учебныхъ заведеній, чтобы не подвергать ихъ дальнѣйшимъ преслѣдованіямъ со стороны „націонализаторовъ".

ИСТОРИЧЕСКАЯ

родителей были столь многочисленны и совершаемы по одному плану, что мы также ограничиваемся приведеніемъ лишь нѣкоторыхъ фактовъ, выходящихъ за кругъ обычныхъ въ то время явленій. Такъ, матери одного изъ учениковъ кѣлецкой мужской гимназіи было нанесено оскорбленіе въ костелѣ; въ августѣ и ноябрѣ были сильно избиты два ученика VI-го класса люблинской мужской гимназіи; одинъ изъ учениковъ VIII-го класса сувалкской мужской гимназіи былъ избитъ на улицѣ палками; отецъ другого ученика VIII-го класса той же гимназіи подвергся удару палкой по головѣ. Въ холмской мужской гимназіи двое учениковъ, приступившихъ къ испытанію зрѣлости и успѣшно сдавшихъ первые экзамены, подъ угрозами должны были прекратить дальнѣйшія испытанія. Возвратившійся въ солецкую учит. семин. воспитанникъ Эліашъ послѣ угрозъ былъ убитъ на дорогѣ.

Въ г. Ловичѣ ученики реальнаго училища (съ 18 по 22 января 1905 г.) получали угрозы и побои даже со стороны дамъ, причемъ нѣкоторымъ ученикамъ, продолжавшимъ посѣщать училище, плевали на улицахъ въ лицо и угрожали смертью. Одинъ изъ учениковъ 4-го класса ловичскаго реальнаго училища былъ избитъ на улицѣ, а въ квартирѣ, гдѣ онъ проживалъ, 4 раза были выбиты окна. У отца одной изъ ученицъ III-го класса калишской женской гимназіи дважды били стекла. Иногда по улицамъ расклеивались списки учениковъ, посѣщавшихъ учебн. заведенія, съ угрозами смерти; нѣкоторые родители учениковъ ловичск. реальн. уч. получали плакаты съ извѣщеніемъ о смерти сыновей (по образцу тѣхъ, какіе вывѣшиваются на улицахъ въ случаѣ дѣйствительной смерти) за подписью „Исполнительнаго Комитета“.

Не щадили даже русскихъ учениковъ и ученицъ: такъ, напр., ученицу приготовительнаго класса калишской женской гимназіи Е. Ал—ву облили на улицѣ сѣрной кислотой.

До чего доходили насилія надъ учащимися, характеризуютъ еще такіе, напр., факты: одинъ изъ учениковъ 3-го класса люблинской мужской гимназіи К., послѣ неоднократныхъ оскорбленій со стороны уволенныхъ учениковъ, 14 апр. 1905 г. былъ насильно увезенъ двумя молодыми людьми въ Австрію, откуда вернулся лишь въ концѣ мая. Нѣкоторыхъ учениковъ люблинской мужской гимназіи задерживали даже на желѣзныхъ дорогахъ, чтобы не допустить въ гимназію. Ученики, напримѣръ, замостской муж-

ской прогимназіи, во избѣжаніе преслѣдованія, послѣ пасхальныхъ вакацій возвращались въ г. Замостье по ночамъ, переодѣтые въ другое платье.

Одной изъ ученицъ варшав. II жен. гимн., продолжавшей посѣщать гимназію послѣ запрещенія „націонализаторовъ", на улицѣ обрѣзали косу; нѣкоторыхъ кололи шпильками отъ шляпъ.

Задерживаніе учащихся на улицѣ, возвращеніе ихъ домой иногда въ сопровожденіи задерживающаго, срываніе съ шапокъ гимназическихъ значковъ, угрозы и побои составляли самыя обыденныя и многочисленныя явленія въ то время, причемъ учащіеся избивались иногда до безчувствія.

Надо удивляться мужеству нѣкоторыхъ учениковъ и ихъ родителей, не поддававшихся террору, о чемъ свидѣтельствуютъ сами прокламаціи „Союза націонализаціи школъ", указывающія фамиліи тѣхъ родителей, которые продолжали посылать своихъ дѣтей въ правительственныя учебныя заведенія. Такъ, напр., въ прокламаціяхъ (въ маѣ 1905 г.) находятся такія мѣста: „Ходитъ въ школу по собственному желанію, такъ какъ родители не оказываютъ на него никакого давленія", или—„Упорно посылаетъ 3-хъ сыновей: двухъ въ гимназію на Прагѣ и одного въ реальное училище", или—„Заявляетъ, что не перестанетъ посылать сына, который первымъ ученикомъ и потому жаль было бы его способностей". Нѣкоторымъ ученикамъ приходилось выдерживать ожесточенную осаду. Такъ, напр., ученикъ 8 класса калишской мужской гимназіи Тим—евъ отразилъ нападеніе на него 6-рыхъ лицъ; ученикъ 7 класса той же гимназіи полякъ К. продолжалъ посѣщать гимназію, не смотря на насененные ему сзади тяжкіе удары по головѣ.

А сколько фактовъ насилія скрыто самими потерпѣвшими изъ ложнаго стыда или изъ боязни дальнѣйшихъ преслѣдованій!...

Попытки умѣренныхъ элементовъ вызвать общество на прекращеніе школьнаго бойкота, выразившіяся, между прочимъ, въ устройствѣ съ этою цѣлью въ іюлѣ 1905 г. совѣщанія въ Варшавѣ, въ домѣ гр. Красинскаго, были встрѣчены яростными нападками со стороны „націонализаторовъ" *), не стѣснявшихся въ средствахъ борьбы съ тѣми, кто мѣшалъ ихъ замысламъ.

Въ прокламаціяхъ и отдѣльныхъ брошюрахъ они старались все больше и больше раздувать пожаръ, начинав-

*) См. „Przegląd Wszechpolski" 1905 г. стр. 831—832 и „Главн. теченія польск. политич. мысли" проф. Погодина стр. 543.

шій было потухать подъ воздѣйствіемъ, хотя и слабымъ, умѣренныхъ элементовъ, прозванныхъ „угодовыми“.

„О, польскія дѣти! Вашъ крестовый походъ начатъ вовремя и побѣда несомнѣнна! Сознавая свои цѣли и средства, быстро созрѣвъ политически и сильныя морально уже на разсвѣтѣ своей жизни, вы бросили деспотическому и лицемѣрному правительству перчатку, которую оно должно было поднять. Не обманывайтесь, однако, что цѣль ваша легко достижима!...“ *) „Отъ крестьянской хаты, отъ избы рабочаго до изысканныхъ комнатъ богача слышится одно непреклонное рѣшеніе: въ московскую школу, хотябы изъ теперешней плохой она превратилась въ образцовую, мы не будемъ безусловно и безапелляціонно посылать своихъ дѣтей. И въ этомъ заключается вся святость народнаго величія (majestatu), вся эссенція политическаго ума!“ **).

Вотъ воззванія, которыя должны были сыграть роль масла, подливаемаго въ потухающій огонь.

Когда львовскій профессоръ Ашкенази осмѣлился высказаться противъ школьнаго бойкота, на него посыпался градъ упрековъ со стороны націоналистовъ:

„Не языка польскаго въ русскихъ школахъ мы добиваемся, а польской школы...“ ***) „Возмущеніе гражданскаго чувства въ многочисленныхъ массахъ родителей, соединеніе всего общества въ защитѣ правъ, принадлежащихъ родному языку и національной культурѣ: вотъ наша крупная нравственная побѣда, уже добытая и придающая школьной борьбѣ совершенно національный характеръ“ ****).

Даже посланіе Варшавскаго римско-католическаго Архіепископа, призывавшее молодежь и родителей къ прекращенію бойкота и возвращенію молодежи въ учебныя заведенія, подверглось порицанію со стороны націоналистовъ, а самъ маститый архипастырь въ юмористическихъ журналахъ былъ изображенъ въ формѣ жандарма.

Проф. А. Л. Погодинъ, резюмируя выступленія въ школьномъ движеніи политическихъ партій и отдѣльныхъ лицъ, говоритъ:

---

*) „Krucjata dziecięca z roku 1905“.

**) „Wytrwać! Geneza i charakter walki o szkołę polską. Skreślił Polivir“.

***) „Krajowa inteligencya wobec sprawy szkolnej“. 1905.

****) Kilka słów z powodu broszury p. Askenazego p. t. „Bezrobocie szkolne“. Wydawnictwo unarodowienia szkół.

„Выброшенныя на улицу толпы молодежи, которая оказалась лишена какъ высшаго, такъ даже и средняго образованія, это такая громадная потеря для небольшого народа, о которой нельзя говорить съ тѣмъ равнодушіемъ, какое мнѣ не разъ приходилось замѣчать у фанатиковъ фразы, этого пестраго знамени, подъ которымъ такъ охотно собираются партіи протеста. „Угодовцы были всегда ненавистниками фразы, и за это ихъ распинали и ругали всѣ, кому было не лѣнь. Но, если читатель заглянетъ въ 6 номеръ „Края“ за 1905 г., онъ увидитъ тамъ многое, съ чѣмъ теперь согласится, вѣроятно, всякій мыслящій полякъ“ *).

Конечно, при такомъ террорѣ не многіе рѣшались посылать своихъ дѣтей въ казенныя учебныя заведенія. Болѣе состоятельные высылали своихъ дѣтей въ имперскія гимназіи или приглашали репетиторовъ на-домъ; національсты, narodowo myślęce (народово мыслящіе), — отдали дѣтей въ zakłady polskie naukowe (частн. учеб. завед.); на долю же бѣдняковъ выпалъ горькій удѣлъ—остаться вовсе безъ ученья, такъ какъ содержатели частныхъ учебныхъ заведеній не замедлили использовать патріотизмъ сторонниковъ національзаціи школъ въ пользу своихъ кармановъ, назначивъ плату за ученье втрое большую, чѣмъ въ правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Въ то же время, подъ вліяніемъ агитаціи частныя учебныя заведенія, пользовавшіяся уже правами правительственныхъ, какъ напр., гимназія генерала (поляка) Хржановскаго, среднее техническое училище Ротванда въ Варшавѣ отказались отъ правъ, рекламируя свои „патріотическіе“ поступки въ газетахъ. Нѣкоторыя лица, получившія разрѣшеніе на открытіе среднихъ учебн. заведеній съ правами казенныхъ, какъ напр., Войзбунъ въ Варшавѣ, Ясинскій въ гор. Велюнѣ Калиш. губ. не рѣшились открыть свои учебн. заведенія. Даже нѣмцамъ въ Лодзи „національзаторы“ запретили открыть разрѣшенныя уже двѣ гимназіи (мужскую и женскую) съ правами правительственныхъ, пригрозивъ учредителямъ „боювкой“.

Зато частныя польскія школы, какъ дождевые пузыри, внезапно возникали, рекламируя себя въ газетахъ подъ громкими именами Костюшки, Мицкевича, Сташица, земли Мазовецкой и т. п. Многія изъ нихъ уже исчезли, а уцѣ-

---

*) Проф. А. Л. Погодинъ, „Главныя теченія польской политической мысли (1863—1907)“ стр. 534—543.

лѣвшія влачать жалкое существованіе *). Этимъ должно быть и можно объяснить то явленіе, что уже въ концѣ 1907 г. снова начали поступать къ мѣстной учебной власти ходатайства о разрѣшеніи открыть частныя учебныя заведенія съ правами казенныхъ.

Итоги бойкота средней государственной школы.

Не смотря на указанное преслѣдованіе учащихся и ихъ родителей, въ гимназіяхъ Варшавы съ польскимъ контингентомъ учащихся къ концу 1905/6 учебнаго года оставалось около 38% нормальнаго состава; въ провинціальныхъ гимназіяхъ ихъ было еще больше.

Итоги бойкота средней школы выразились такъ:

По г. Варшавѣ.

Въ 11 казенныхъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ г. Варшавы состояло учащихся:

всего:	въ томъ числѣ: прав.	р.-кат.	евреевъ
	Къ 1 января 1905 г.		
5326	844	3791 (71,1%)	532 (10%).
	Къ 15 марта 1906 г.		
2403	836	568	856
	Къ 1 ноября 1906 г.		
3552	986	727 (20,4%)	1655 (46,5%).

Въ 14 частныхъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ г. Варшавы:

Къ 1 ноября 1906 г. состояло 495; въ томъ числѣ правосл. 0; р.-катол. 4,617 (92,6%), евреевъ 368 (7,4%).

Среднее число учащихся, какое приходится къ 1 ноября 1906 г. на 1 казенное среднее учебное заведеніе—323, на 1 частное—363 ученика.

Въ 7 казенныхъ женскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ г. Варшавы было учащихся:

всего:	въ томъ числѣ. прав.	р.-кат.	евреевъ
	Къ 1 января 1905 г.		
2530	966	662 (26,2%)	902 (35,6%).

*) См. главу „Разочарованіе въ польской частной школѣ".

Къ 15 марта 1906 г.

1983	902	173		863.

Къ 1 ноября 1906 г.

2830	1078	181	(6%)	1532 (54,1%).

Въ 44 частныхъ женскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ г. Варшавы:

Къ 1 ноября 1906 г. состояло учащихся 5,807; въ томъ числѣ прав. 0, р.-катол. 5,052, (87%), евреевъ 739 (12,5%).

Среднее число учащихся, какое приходилось къ 1 ноября 1906 г. на 1 казенное среднее учебное заведеніе—404, на 1 такое же частное—132.

По всему учебному округу.

Во всѣхъ казенныхъ мужскихъ гимназіяхъ, прогимназіяхъ и реальныхъ училищахъ (34) было учащихся:

всего:	въ томъ числѣ: прав.	р.-кат.	евреевъ
Къ 1 января 1905 г.			
14454	2672	9476 (65,5%)	1594 (11%).
Къ 15 марта 1906 г.			
7205	2679	2367	1524.
Къ 1 ноября 1906 г.			
9211	3062	2512 (20,7%)	2868 (31,1%).

Среднее число учащихся на одно учебное заведеніе къ 1 ноября 1906 г. составляло 271.

Во всѣхъ казенныхъ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ (22) учащихся было:

всего:	въ томъ числѣ: прав.	р.-кат.	евреевъ
Къ 1 января 1905 г.			
7224	2378	2620 (36,2%)	1946 (26,9%).
Къ 15 марта 1906 г.			
4830	2288	512	1746.
Къ 1 ноября 1906 г.			
6260	2794	529 (8%)	2679 (42,7%).

Среднее число учащихся на одно учебное заведеніе къ 1 ноября 1906 г. составляло 485.

Кому предпринятый польскими народовцами бойкотъ послужилъ во вредъ и кому въ пользу, полагаемъ, достаточно ясно изъ привеценныхъ цифровыхъ данныхъ, и потому распространяться на эту тему считаемъ излишнимъ.

Въ послѣдніе годы, какъ увидимъ дальше *), не смотря на продолжавшійся терроръ и агитацію, число учащихся поляковъ все увеличивалось.

Агитація противъ низшей государственной школы.

Безпорядки въ университетѣ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ какъ будто не оказывали вначалѣ вліянія на занятія въ начальныхъ школахъ, въ которыя лишь изрѣдка врывалась безчинствовавшая на улицахъ толпа. Но это было лишь затишье передъ бурей.

Конечно, учащіеся въ начальной школѣ еще болѣе, чѣмъ въ средней, не могли быть иниціаторами какихъ-либо политическихъ выступленій. Однако, учителя-политиканы для „справы польской“ не пощадили даже малыхъ дѣтей, втянувъ и ихъ въ политику.

Произошло это опять подъ вліяніемъ разныхъ „меморіаловъ“ и агитаціи явной и тайной печати.

Лишь только появились въ польскихъ газетахъ и притомъ въ невѣрномъ освѣщеніи первыя извѣстія о постановленіяхъ Комитета Министровъ 5 и 6 апрѣля и 3 мая 1905 года, въ силу которыхъ установлялось до извѣстной степени значеніе польскаго языка въ начальной и частной школѣ, какъ мѣстная печать заговорила о польской школѣ, какъ о совершившемся уже фактѣ, перенося польскій вопросъ далеко за предѣлы Царства Польскаго и Западнаго края.

Эти извѣстія приводили въ восторгъ польскую шляхту, такъ какъ польская школа, какъ мы указывали выше, въ мечтаніяхъ поляковъ являлась первымъ этапомъ на пути къ „отбудованію ойчизны отъ моря до моря“, а указанныя выше постановленія комитета для реставрированія Польши являлись въ роли замазки трещинъ въ зданіи, предназначенномъ къ капитальному ремонту. Этой чертой поляковъ принимать иллюзіи за дѣйствительность и объясняются отчасти дальнѣйшія недоразумѣнія на школьной почвѣ. Затѣмъ, когда стала выясняться степень усиленія преподаванія польскаго языка, какъ предмета изученія и какъ языка преподаванія, не отвѣчавшая, конечно, мечтаніямъ „національзаторовъ“, польская пресса стала выражать недовольство.

Въ п. 4 означенныхъ постановленій Комитета Министровъ было сказано:

„Предоставить Министру Народнаго Просвѣщенія безотлагательно разработать, согласно изложеннымъ въ семъ журналѣ основаніямъ, и внести, безъ сношеній съ

---

*) См. главу „Признаки отрезвленія въ школьномъ дѣлѣ“.

вѣдомствами, въ Государственный Совѣтъ представленія: 1) о допущеніи въ одноклассныхъ начальныхъ училищахъ и первыхъ классахъ прочихъ начальныхъ училищъ Варшавскаго учебнаго округа при преподаваніи ариѳметики пользоваться, кромѣ русскаго, также и польскимъ языкомъ; 2) о разрѣшеніи въ непользующихся правами казенныхъ учебныхъ заведеній частныхъ училищахъ Варшавскаго учебнаго округа преподаванія на польскомъ языкѣ всѣхъ предметовъ, кромѣ русскаго языка, исторіи и географіи, которые должны быть предметами обязательными и преподаваемы по-русски, и 3) объ учрежденіи въ Варшавскомъ университетѣ штатной лектуры польскаго языка и особой штатной же профессуры польскаго языка и исторіи польской словесности, съ преподаваніемъ въ обоихъ случаяхъ на польскомъ языкѣ".

Какъ видно изъ приведенной выписки, постановленія Комитета Министровъ имѣли форму предположеній и должны были еще поступить на окончательное разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, но польское общество смотрѣло на эти предположенія какъ на окончательно рѣшенныя и требовало не только немедленнаго осуществленія новаго порядка преподаванія, но и превращенія школы въ польскую, чего не имѣла право сдѣлать мѣстная учебная власть до полученія на то разрѣшенія.

Этимъ обстоятельствомъ воспользовалась польская и русская печать, чтобы обвинить мѣстную учебную власть въ „бюрократическихъ тормазахъ", „руссификаціи" и т. п.

Въ то же время частныя школы засыпались прокламаціями, въ которыхъ содержателямъ и содержательницамъ учебныхъ заведеній между прочимъ приказывалось:

„Не ждать никакихъ циркуляровъ, ни позволенія мѣстной власти, а немедленно открывать учебныя заведенія съ преподаваніемъ на польскомъ языкѣ" *).

Постановленія Комитета Министровъ истолковывались не только какъ слабость правительства, но и какъ вынужденныя уступки. Эти уступки подпольнымъ листкомъ „Полякъ" (приложеніе къ № 8) были охарактеризованы

*) Эти прокламаціи являлись лишь отголосками программы, выработанной въ 1903 г. народово-демократической партіей, поставившей на первомъ планѣ изгнаніе изъ частныхъ учебн. заведеній русскаго языка, который „народовая" газета „Полякъ" называла „плюгавымъ монгольскимъ языкомъ", „проклятой кацапской рѣчью". (См. „Главн. теч. польск. политич. мысли" проф. Погодина стр. 344 и 348). Впослѣдствіи, въ засѣданіи 1-ой Госуд. Думы, 5 іюля 1906 г., „спеціалистъ" по школьнымъ запросамъ депутатъ кс. Гральскій въ своей рѣчи заявилъ, что польское общество рѣшило *само* ввести реформы, подтверждая тѣмъ постановленія своей партіи относительно изгнанія изъ школъ русскаго языка.

такъ: „Какое значеніе имѣетъ это постановленіе Министровъ? Значитъ оно, что москаль боится въ настоящій моментъ дразнить поляковъ отказомъ въ лучшей польской школѣ, но очень жаль ему упразднить въ Польшѣ и московскую школу—словомъ, зажигаетъ онъ свѣчку Господу Богу и огарокъ дьяволу".

Между тѣмъ далеко еще до „освободительнаго" движенія учебная власть въ краѣ вступила на путь тѣхъ „уступокъ", которыя считались впослѣдствіи вынужденными: такъ, въ 1897 году была введена въ учебныхъ заведеніяхъ предъ и послѣ занятій особая молитва на польскомъ языкѣ; въ 1900 году усилено преподаваніе польскаго языка, для чего была издана особая расширенная программа и учителямъ этого предмета предоставлена полная свобода въ примѣненіи всѣхъ способовъ наилучшаго преподаванія; возникшій въ 1903 г. вопросъ объ увеличеніи числа уроковъ и расширеніи программъ по Закону Божію римско-католическаго исповѣданія, по ходатайству учебной власти передъ министерствомъ, также нашелъ себѣ осуществленіе; съ Высочайшаго соизволенія 25 мая 1903 г. разрѣшено преподаваніе закона Божія р.-к. исповѣданія на польскомъ языкѣ въ мѣстностяхъ съ русскимъ населеніемъ Люблинской и Сѣдлецкой губерній. Однако, значеніе указанныхъ „уступокъ" умаляется, послѣдняя же вовсе замалчивается польскими націоналистами, отождествляющими національность съ исповѣданіемъ и потому не допускающими для католика, но русскаго по національности, возможности изучать законъ Божій на русскомъ языкѣ. А какъ извѣстно, папа признаетъ (въ декретѣ 1906 г.) нужнымъ допустить русскій языкъ даже въ римскомъ-католическомъ богослуженіи для русскихъ католиковъ.

Нареканія въ послѣднее время на пресловутое стѣсненіе польскаго языка въ стѣнахъ учебныхъ заведеній также не имѣли основаній, такъ какъ фактически давно уже были сняты тѣ ограниченія, отмѣна которыхъ впослѣдствіи являлась лишь запоздавшей бюрократической формальностью. Напротивъ, быть можетъ излишняя уступчивость передъ „опредѣленнымъ и твердымъ натискомъ" націоналистовъ и давала поводъ къ новымъ притязаніямъ, невозможность удовлетворенія которыхъ вызывала дальнѣйшія нареканія на „обрусительную политику". Подтвержденіемъ тому можетъ служить такой фактъ: при возбужденіи въ концѣ 1905 г. попечительнымъ комитетомъ ремесленнаго училища имени Конарскаго въ Варшавѣ вопроса о введеніи въ этомъ училищѣ преподаванія на польскомъ языдѣ, подъ вліяніемъ агитаціи въ училищѣ произо-

шла забастовка учащихся, также требовавшихъ преподаванія на польскомъ языкѣ, но когда изъ министерства былъ данъ категорическій отвѣтъ, что названное училище не можетъ быть разсматриваемо какъ частное *), а, слѣдовательно, въ немъ преподаваніе должно вестись по-русски, — сами ученики въ началѣ 1906 г. стали просить о возобновленіе занятій на русскомъ языкѣ.

Но ко времени указанныхъ выше постановленій Комитета Министровъ „національзаторскіе“ аппетиты до того разгорѣлись, что сдѣланными „уступками“ не могли уже довольствоваться и тѣ, кто причислялъ себя къ умѣреннымъ. Исходя, очевидно, изъ установившагося тогда принципа „не просить, а брать“, 8 іюля 1905 г. школьные „національзаторы“ отправляютъ въ Комитетъ Министровъ „анкету“ или заявленіе **), подписанное Генр. Сенкевичемъ, гр. Тышкевичемъ и другими, въ которомъ, между прочимъ, говорится:

„Мы самымъ рѣшительнымъ образомъ заявляемъ протестъ противъ системы, стремящейся къ обрусенію Царства Польскаго, послѣднимъ словомъ которой являются постановленія комитета министровъ, изложенныя въ особомъ журналѣ 5 и 6 апрѣля и 3 мая 1905 г.... Мы еще разъ настоятельно заявляемъ, что для установленія нормальныхъ отношеній поляковъ къ Россіи крайне необходимо предоставить нашему краю законодательную и административную автономію; признать польскій языкъ оффиціальнымъ во всѣхъ отрасляхъ гражданскаго управленія и въ судѣ, а равно языкомъ преподаванія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ края; предоставить мѣстному элементу управленіе Царствомъ Польскимъ.... Мы констатируемъ, что пренебреженіе нуждами Царства Польскаго и отказъ намъ въ правахъ и учрежденіяхъ, которыя составляютъ необходимость для нашего національнаго и культурнаго развитія, неминуемо должны вызвать усиленіе борьбы поляковъ съ дѣйствующимъ режимомъ и увеличеніе силы анархіи. Мы за все это не беремъ на себя отвѣтственности“. (Въ послѣднихъ словахъ уже слышится угроза).

Интересную характеристику этого настроенія находимъ на страницахъ (206—208) книги Л. Василевскаго (Плохоцкаго) „Современная Польша и ея политическія стремленія“.

---

*) Подробности см. въ „Варшав. Дневникѣ 1906 г. № 37.
**) „Русь“ за 1905 г. № 156.

„Постановленіе комитета министровъ, изложенное въ особомъ его журналѣ 5 и 6 апрѣля и 3 мая 1905 г. должно было повліять успокоительнымъ образомъ на все польское населеніе. Однако, эти уступки оказались каплей воды, упавшей на раскаленную плиту. Подъ вліяніемъ хода событій и въ Манчжуріи и въ самой Польшѣ то, что еще 5—6 мѣсяцевъ тому назадъ могло показаться серьезной уступкой, было принято взрывомъ негодованія... И вотъ тѣ же элементы, которые обращались къ правительству съ покорной просьбой (записка 23-хъ), затѣмъ съ весьма скромнымъ желаніемъ (записка гр. Тышкевича), заговариваютъ въ совсѣмъ другомъ тонѣ... Если мы вспомнимъ, что въ этомъ тонѣ говорятъ люди, принадлежащіе къ консервативному и умѣренно-либеральному лагерю, дѣятельно борющіеся съ революціоннымъ движеніемъ, то мы поймемъ, какъ поднялся уровень политическихъ требованій польскаго общества“.

Упомянутыя ранѣе прокламаціи „Къ Польскому Обществу“, исходившія отъ союзовъ: поляковъ-инженеровъ и техниковъ Царства Польскаго, союза служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ и союза товарищества общественной самопомощи, иронизируя надъ постановленіемъ Комитета Министровъ и называя его „даромъ“ изъ руки, которая до сихъ поръ кормила поляковъ „полынью и ядомъ“, а „кнутомъ и Сибирью оканчивала всѣ попытки борьбы за свободу“,—побуждали польское общество къ дальнѣйшему бойкоту государственной школы: „Мы должны достойнымъ образомъ отвѣтить на „даръ“ Комитета Министровъ, и нашимъ единственнымъ отвѣтомъ будетъ безусловный бойкотъ казенной школы до того времени, пока не станетъ она независимой польской школой подъ руководствомъ нашей собственной „Воспитательной Комиссіи“. Нѣкоторыя организаціи, какъ напр. „Общество національзаціи школъ“ занялось формированіемъ изъ праздношатавшихся мастеровыхъ и хулигановъ поистинѣ черныхъ сотенъ, которымъ прокламаціей отъ 9 октября 1905 года было поручено „вырвать школы изъ рукъ „московскаго“ учебнаго округа и подчинить ихъ нашей опекѣ“. Означенная прокламація заканчивалась такъ: „Къ вамъ, гг. мастера, старшіе и подстаршіе цеховъ, къ вамъ, какъ къ законнымъ опекунамъ младшей братіи ремесленниковъ, мы обращаемся съ настоящимъ воззваніемъ, чтобы вы воспрепятствовали самоуправству царскихъ чиновниковъ. Въ ваши руки отдаемъ дѣло полонизаціи начальныхъ городскихъ школъ и завоеваніе

права управленія школами при посредствѣ лицъ, выбранныхъ изъ вашей среды".

Далѣе мы увидимъ, какъ мѣстная школа, попавшая подъ опеку невѣжественной толпы, сдѣлалась ареной возмутительныхъ насилій надъ учащими и учащимися. Въ настоящее время относительнаго спокойствія кажется просто невѣроятнымъ пронесшійся надъ школами ураганъ. „Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!"

Участіе въ школьномъ движеніи учителей.

Подъ вліяніемъ подобныхъ прокламацій и требованій націоналистскихъ союзовъ стали устраиваться учительскіе съѣзды или „вѣча". Такихъ съѣздовъ въ 1905—1907 гг. было до 30-ти. О нѣкоторыхъ изъ нихъ скажемъ ниже, а пока остановимся на тѣхъ, которые характеризуютъ школьную дѣятельность мѣстныхъ учителей-поляковъ до открытаго бойкота государственной школы. Такъ, напр., на многочисленномъ съѣздѣ, состоявшемся 18 октября 1905 года въ одной изъ деревень Ловичскаго уѣзда Варшавской губерніи, учителя заявили, что они вели уже издавна тайное преподаваніе на польскомъ языкѣ по собственному методу и программамъ. На томъ же съѣздѣ было постановлено начать съ 24 октября преподаваніе въ школахъ всѣхъ предметовъ на польскомъ языкѣ по собственнымъ программамъ, причемъ русскій языкъ совершенно изгнать.

Вслѣдъ за означеннымъ съѣздомъ, 21 октября 1905 г., состоялось „вѣче" 115-ти учителей и учительницъ города Варшавы, на которомъ было, между прочимъ, постановлено: „во исполненіе данной населенію конституціонной свободы, начать 22 октября преподаваніе въ школахъ всѣхъ предметовъ на польскомъ языкѣ". Резолюціи съѣздовъ, напечатанныя въ мѣстныхъ польскихъ газетахъ, вызвали восторженныя похвалы со стороны польской прессы, величавшей учителей-агитаторовъ героями, мужественными польскими гражданами. Такъ, напр., напечатанная 22 октября въ „Утреннемъ Курьерѣ" статья подъ заглавіемъ: „Они возвращаются" начиналась словами:

> „Еще не успѣли смолкнуть первыя проявленія свободы слова на улицахъ Варшавы, еще народъ не успѣлъ оріентироваться среди новыхъ условій политической жизни, —а инстинктъ народный ужъ побуждаетъ людей къ дѣлу, къ работѣ. Тѣ, на которыхъ репрессія бюрократическаго правительства производила наибольшее давленіе, тѣ, ко-

торымъ была предназначена самая ужасная роль извратителей душъ нашего народа на зарѣ жизни—возвращаются. Въ школахъ начальныхъ гор. Варшавы съ сегодняшняго дня начинается преподаваніе на польскомъ языкѣ, въ силу рѣшенія, принятаго учителями этихъ школъ на вчерашнемъ собраніи".

Статьи и замѣтки такого же направленія стали чуть ли не ежедневно появляться въ польской печати, особенно націоналистскаго лагеря, съ предложеніями русскимъ учителямъ оставить поприще своей дѣятельности въ здѣшнемъ краѣ. И хотя въ это время уже было объявлено Высочайшее повелѣніе 27 октября 1905 г., которое разрѣшало въ начальныхъ училищахъ „допустить при преподаваніи ариѳметики пользоваться, кромѣ русскаго, — также польскимъ и литовскимъ языкомъ", во всѣхъ почти начальныхъ школахъ было самовольно введено преподаваніе на польскомъ языкѣ не только ариѳметики, но и всѣхъ предметовъ, а русскій языкъ былъ вовсе изгнанъ, причемъ въ мѣстной печати появились даже замѣтки, доказывавшія вредъ изученія одновременно съ польскимъ русскаго языка. (См. „Варш. Кур." 1905 г. № 348).

Справедливость, однако, требуетъ упомянуть, что среди учителей-поляковъ нашлись люди служебнаго долга, которые какъ на „вѣчѣ" учителей въ Варшавѣ, такъ особенно послѣ обнародованія упомянутаго Высочайшаго повелѣнія 27 октября, указывали на незаконность самовольнаго реформированія школы. Однако, они свои заявленія дѣлали робко изъ боязни прослыть „измѣнниками справы польской". Одни только русскіе учителя (изъ мѣстныхъ же уроженцевъ) поступали согласно требованію закона, хотя, по слухамъ, и между ними нашлись такіе, которые изъ страха передъ насиліями стали вести преподаваніе всѣхъ предметовъ по-польски, боясь даже проронить въ школѣ русское слово.

Насилія надъ низшей государственной школой и русскими учителями.

Подъ вліяніемъ агитаторовъ въ нѣкоторыхъ школахъ Варшавы съ русскими учителями уже 22 октября, т. е. на другой день послѣ упомянутаго выше „вѣча", учащіеся предъявили учителямъ требованіе обучать по-польски, ссылаясь на требованія какихъ-то „делегатовъ", а передъ тѣми же училищами стали появляться толпы хулигановъ и учениковъ разныхъ частныхъ польскихъ школъ съ требо-

ваніемъ прекратить занятіе. 6 ноября вновь состоялась сходка учителей и учительницъ начальныхъ училищъ гор. Варшавы, а на другой день, 7 ноября, 18 училищъ, въ которыхъ учителями состояли православные, подверглись нападенію какихъ-то неизвѣстныхъ лицъ, которыя шайками въ 10—15 человѣкъ врывались съ револьверами и палками въ училища и насильно прекращали занятія. Обыкновенно учителю приказывали не трогаться съ мѣста и не проронить ни слова подъ страхомъ смерти; ученикамъ заявляли, что „русской школы на польской землѣ не должно быть и въ училищахъ, гдѣ учителя „кацапы", дѣти не должны учиться", причемъ дѣтей изгоняли изъ школъ, указывая имъ адреса тѣхъ школъ съ учителями-католиками, куда они должны были явиться. Бывали случаи, что выгнанныхъ изъ училища дѣтей хулиганы заставляли принимать участіе въ уличныхъ манифестаціяхъ съ красными флагами. Учителямъ агитаторы приказывали не являться болѣе въ училища подъ угрозой быть убитыми, а нѣкоторыхъ подвергали въ школахъ временному аресту. На другой день въ училищахъ съ православными учителями происходило изгнаніе учащихся еще съ большей яростью.

Представьте себѣ положеніе человѣка, къ головѣ котораго направлено дуло револьвера съ приказаніемъ подъ угрозой смерти не проронить ни слова, не трогаться съ мѣста!

Такъ именно поступили представители „Союза національзаціи школъ" съ русскими учителями 11, 49 и 64 начальныхъ училищъ въ Варшавѣ, причемъ на учителя послѣдняго были направлены револьверы съ двухъ сторонъ; во всѣхъ остальныхъ училищахъ примѣнялись одинаковые пріемы изгнанія. И это все происходило на глазахъ у дѣтей, которыя ни крикомъ, ни даже заявленіемъ, что ихъ учатъ въ школѣ по-польски, не смягчили жестокости „національзаторовъ!" Это лишь усилило брань по адресу „кацаповъ". Когда дѣти 49 училища насильно уводились, учитель рѣшилъ спастись бѣгствомъ, но былъ задержанъ и побитъ.

Русскую учительницу 8-го варш. нач. жен. училища одинъ изъ числа ворвавшихся въ школу „національзаторовъ" студентъ университета такъ ударилъ, что послѣдствія этого удара въ сильной степени отразились на ея здоровьи. Послѣдній фактъ служитъ яркой иллюстраціей не только той „парикмахерской" цивилизаціи, которой такъ хвалятся поляки, но и—уваженія къ женщинѣ, не принадлежащей къ „туземкамъ".

Такимъ образомъ были разогнаны учащіеся въ 31 училищѣ, гдѣ учителями или учительницами состояли русскіе.

Нападавшіе на школы не считали даже нужнымъ скрывать, что они исполняютъ *за плату* порученіе „Союза національзаціи школъ", взявшаго въ свои руки школьное дѣло. Въ нѣкоторыхъ училищахъ хулиганами были повреждены портреты Высочайшихъ особъ, разбиты окна и училищныя вывѣски, уничтожены инвентари. Интересенъ эпизодъ, происшедшій при нападеніи толпы въ ноябрѣ на городское начальное училище въ домѣ № 63 на Золотой ул. Хулиганы, потребовавъ прекращенія занятій, бросились къ портрету Государя Императора, сорвали его со стѣны и хотѣли уничтожить, но ученицы, подчинившіяся требованію прекратить уроки, не выдержали и бросились защищать Царскій портретъ, отняли его у нападавшихъ и стѣной встали передъ нимъ. Хулиганы должны были отступить, и портретъ остался цѣлъ *).

На учащихся, продолжавшихъ посѣщать училища, стали нападать на улицахъ около школьныхъ зданій подкарауливавшіе хулиганы, почему приходилось охранять школы солдатами.

Затѣмъ, въ виду ожиданія уличныхъ безпорядковъ, по распоряженію учебной власти были прекращены временно занятія въ учебныхъ заведеніяхъ гор. Варшавы. Однако, учителя-поляки, вопреки этому распоряженію, продолжали занятія.

Но лишь только возобновились занятія во всѣхъ школахъ, какъ опять стали повторяться нападенія на училища и насилія надъ учителями. Такъ, 11 января 1906 года, при нападеніи толпы былъ раненъ въ голову желѣзною палкою учитель 76 одноклассnаго начальнаго училища, а 12 января ворвавшеюся толпою былъ избитъ старшій учитель 10-го двухклассnаго начальнаго училища.

Подверглись нападенію толпы въ разное время и городскія по положенію 1887 года училища, напримѣръ, 1-ое и 2-ое трехклассныя городскія училища, ремесленное училище имени Конарскаго въ Варшавѣ и др. Интересно то, что въ защиту лодзинскаго Александровскаго 4-х-кл. городского училища выступили соціалъ-демократы, сами охранявшіе нѣсколько дней училище отъ нападенія народовцевъ.

---

*) „Варш. Дневн." 1905 г. № 327.

Безчинства въ Варшавѣ всетаки сдерживались присутствіемъ войскъ и, какъ указано выше, даже участіемъ ихъ въ охранѣ училищъ, но въ провинціи школы подвергались ничѣмъ не сдерживаемому разгрому, принявшему весьма широкіе размѣры.

Послѣ состоявшагося въ Варшавѣ 21 октября 1905 г. „вѣча“ 115 учителей-поляковъ, постановившихъ самовольно ввести съ 22 октября преподаваніе въ школахъ всѣхъ предметовъ на польскомъ языкѣ (см. *Варш. Кур.* № 305), началось самовольное реформированіе начальной школы и въ провинціи. Такъ, 23 октября, въ г. Луковѣ Сѣдлецкой губ. была устроена манифестація, въ которой приняли участіе, не смотря на запрещеніе инспектора мѣстнаго городского четырехкласснаго училища, и ученики этого училища. Когда толпа манифестантовъ была на вокзалѣ, одинъ изъ ораторовъ, доказывавшій пользу желѣзнодорожной забастовки, сказалъ ученикамъ, что имъ также слѣдуетъ забастовать, чтобы скорѣе русская школа была преобразована въ польскую. Вечеромъ того же дня бывшими учениками были выбиты 4 стекла въ училищномъ корридорѣ. 24 октября, еще въ 6 час. утра, стекла были вставлены, чтобы ученики не имѣли повода отвлекаться отъ дѣла. Собравшіеся въ этотъ день въ училище ученики отказались учиться по-русски и предъявили учителямъ требованіе преподавать по-польски. Въ виду возбужденія учениковъ и производимаго ими крика, инспекторъ училища сталъ успокаивать ихъ, но такъ какъ это ни къ чему не привело, то просилъ ихъ пригласить въ училище родителей. Послѣ этого ученики-католики вышли изъ училища, и занятія продолжались только съ православными, евангеликами и евреями. По выходѣ изъ училища ученики направились въ мѣстное начальное училище и тамъ выбили 14 оконныхъ стеколъ, чѣмъ заставили прекратить занятія. Подъ вечеръ того же дня явились къ инспектору училища нѣкоторые изъ мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей и заявили, что ими постановлено закрыть казенное училище, а на его мѣсто открыть частное съ преподаваніемъ по-польски, причемъ пояснили, что они желаютъ изгнать русскихъ изъ всѣхъ учрежденій.

26 октября, около 3 час. пополудни, собрались къ инспектору училища родители учениковъ изъ Лукова въ числѣ около 30 чел. и заявили инспектору, что они желаютъ посылать дѣтей въ училище по-старому, но тутъ опять явились упомянутые „дѣятели“ съ нѣкоторыми мѣщанами, не имѣющими дѣтей въ училищѣ и желающими осво-

бодиться отъ налога на училище. Они заставили замолчать родителей учениковъ, указывая на ихъ долгъ передъ Польшей поддерживать общую забастовку, причемъ обѣщали, что польская школа будетъ открыта не позже, какъ къ новому году. Когда же одинъ изъ родителей учениковъ, ссылаясь на инспектора училища, усомнился въ этомъ, ему сказали, что инспекторъ будетъ выброшенъ изъ училища. Ученики въ это время ожидали на дворѣ, чѣмъ кончится совѣщаніе инспектора съ родителями, и когда узнали, что рѣшено насильно закрыть училище, то сорвали училищную вывѣску съ государственнымъ гербомъ и русскою надписью.

Затѣмъ насилія надъ государственной школой стали быстро распространяться и въ уѣздахъ. Такъ, на сходѣ гмины Селецъ, Плонскаго уѣзда, Варшавской губ., было постановлено всѣ училища взять въ свою власть, прекратить выдачу жалованья учителямъ, устранить ихъ изъ училищныхъ помѣщеній и на ихъ мѣсто пригласить новыхъ учителей. 31 ноября учительница червинскаго начальнаго женскаго училища явилась въ червинское гминное управленіе за полученіемъ жалованья. Войтъ отказалъ учительницѣ въ выдачѣ денегъ и сказалъ, что для нея нѣтъ денегъ, такъ какъ она придерживается инструкціи, и онъ до тѣхъ поръ не выдастъ ей жалованья, пока она не будетъ заниматься исключительно по-польски.

О невыдачѣ войтами жалованья поступили заявленія отъ учителей и Петроковской губ., напр.: витовскаго и звержинецкаго начальныхъ училищъ Петроковскаго уѣзда, теолинскаго начальнаго училища Брезинскаго уѣзда. Въ нѣкоторыхъ гминахъ Петроковскаго уѣзда войты отказывали въ выдачѣ высланныхъ учебной дирекціей для училищъ учебныхъ пособій, вслѣдствіе нежеланія училищныхъ обществъ уплачивать за эти пособія. Такія заявленія поступили отъ училищъ: витовскаго, белхотовскаго и гескаго. Въ нѣкоторыхъ училищахъ того же уѣзда были похищены или уничтожены училищныя вывѣски съ государственнымъ гербомъ, а именно: въ воля-нехцицкомъ, майковскомъ и грохолицкомъ училищахъ. По начальнымъ училищамъ стали ходить какія-то неизвѣстныя личности и собирать объ этихъ училищахъ разныя свѣдѣнія.

Такими личностями 29 октября 1905 г. собирались въ гуто-банковскомъ начальномъ женскомъ училищѣ (около Домбровы) свѣдѣнія о томъ, которая изъ учительницъ православная. Затѣмъ, 29 октября, явилась въ это училище толпа съ требованіемъ отпустить дѣтей. Передъ тѣмъ еще

дѣти заявляли учительницѣ, что ихъ останавливаютъ на улицѣ, требуютъ отъ нихъ книги и грозятъ имъ. Явившіеся въ блешновское начальное училище, Ченстоховскаго уѣзда, 12 человѣкъ заявили учителю, что они не желаютъ его, какъ русскаго, и требуютъ, чтобы учителемъ былъ полякъ. Въ виду настойчиваго требованія явившихся объ оставленіи имъ училища, беззащитному учителю ничего не оставалось сказать явившимся, какъ то, что онъ постарается какъ можно скорѣе уѣхать изъ дер. Блешно.

29 октября 1905 г. явились къ начальнику радомской учебной дирекціи депутаты мѣстной польской интеллигенціи и заявили, что на состоявшемся 27 октября „вѣчѣ“ обывателей гор. Радома постановлено съ 29 октября ввести во всѣхъ школахъ Радома (и вообще въ радомской учебной дирекціи) преподаваніе на польскомъ языкѣ, причемъ предъявили составленную въ этомъ смыслѣ резолюцію, подписанную нѣкоторыми жителями г. Радома и всѣми мѣстными учителями и учительницами. Въ то же время было заявлено депутатами, что учителя и учительницы въ точности исполнили постановленіе „вѣча“ и уже возобновили преподаваніе по-польски.

Такъ какъ занятія въ школахъ Радома были временно пріостановлены начальникомъ дирекція по просьбѣ самихъ учителей, въ виду паники, произведенной взрывомъ во 2 радомскомъ одноклассномъ начальномъ мужскомъ училищѣ, а также вслѣдствіе всевозможныхъ угрозъ учителямъ, то начальникъ дирекціи созвалъ всѣхъ начальныхъ учителей и учительницъ и спросилъ ихъ, правда ли, что они самовольно возобновили занятія и ввели преподаваніе исключительно на польскомъ языкѣ? Учителя и учительницы подтвердили, что они дѣйствительно такъ поступили и всѣ подписали объ этомъ заявленіе, причемъ двое сдѣлади оговорки: одинъ,—что занимался по польски и по русски, а другой,—что занимался чистописаніемъ и Закономъ Божіимъ (хотя послѣдній предметъ преподавался ксендзомъ). Нѣкоторые учителя пытались оправдаться получаемыми ими угрозами, а другіе открыто заявляли, что все равно такъ должно быть, потому что во всѣхъ городахъ рѣшено сдѣлать то же самое.

Желая всетаки попытаться привлечь лицъ, сыгравшихъ роль нарушителей законнаго порядка, взволновавшихъ общество и толкнувшихъ на нелегальный путь учителей, къ дѣлу успокоенія жителей Радома, начальникъ дирекціи Г. В. Станкевичъ лично заходилъ къ нѣкоторымъ

вліятельнымъ общественнымъ дѣятелямъ и просилъ посодѣйствовать успокоенію общества настолько, чтобы можно было вести правильно занятія, не опасаясь нелегальныхъ попытокъ къ вторженію въ установленный правительствомъ строй начальныхъ училищъ, а также въ дѣла управленія ими. Напрасно начальникъ дирекціи, ссылаясь на законъ, указывалъ на то, что въ школахъ преподается Законъ Божій и природный языкъ на этомъ послѣднемъ языкѣ и что, наконецъ, 27 октября 1905 г. Высочайше разрѣшено при преподаваніи ариѳметики въ начальныхъ училищахъ пользоваться, кромѣ русскаго, также польскимъ и литовскимъ языками. Никакіе доводы не привели къ успокоенію. И этотъ человѣкъ, мягкій по характеру и всегда благожелательный къ подчиненнымъ, былъ разстрѣлянъ впослѣдствіи (11 марта 1906 г.) „націонализаторами“ на пути въ Солецъ, гдѣ находится учительская семинарія. Истекающему въ крови Станкевичу „націонализаторы“ не позволили даже подать воды, которой онъ просилъ.

Для характеристики насилій надъ государственной школой приведемъ еще, такъ сказать, классификацію видовъ этихъ насилій, вынудившихъ прекратить въ концѣ 1905 г. занятія въ 66 училищахъ варшавской учебной дирекціи, а именно: 1) *вслѣдствіе нападенія на училища толпы* мѣстныхъ жителей и постороннихъ лицъ, требовавшихъ отъ учителей немедленнаго введенія преподаванія исключительно на польскомъ языкѣ, въ слѣдующихъ училищахъ: Блонскаго уѣзда: вискитскихъ мужскомъ и женскомъ училищахъ, жирардовскихъ I одноклассномъ и II двухклассномъ, руда-гузовскомъ и старо-козловскомъ; Гостынинскаго уѣзда: въ четырехъ гостынинскихъ начальныхъ училищахъ, брвилескомъ, оссовецкомъ, трембковскомъ, радзивскомъ, костельно-щавинскомъ, нововесьскомъ и въ трехъ гомбинскихъ начальныхъ училищахъ; Нешавскаго уѣзда: въ нешавскихъ одноклассномъ и двухклассномъ общихъ нач. учил.; Новоминскаго уѣзда: въ новоминскомъ одноклассномъ и двухклассномъ, гоздзикскомъ, сероцкомъ, якубовскомъ, сѣнницкомъ и лятовичскомъ; Радиминскаго уѣзда: въ ядовскомъ и постолинскомъ; Ловичскаго уѣзда: въ ловичскомъ и малшицкомъ; Кутновскаго уѣзда: въ трехъ кутновскихъ начальныхъ училищахъ; Плонскаго уѣзда: въ богушинскомъ начальномъ училищѣ; Пултускаго уѣзда: въ дзерженинскомъ нач. училищѣ; Варшавскаго уѣзда: въ вольскихъ мужскомъ и женскомъ и винницкомъ нач., училищахъ; 2) *вслѣдствіе постановленій гминныхъ сходовъ*, причемъ эти постановленія сопровождались или *угрозой уда-*

ленія учителей, какъ это было въ александровскомъ 1 общ. нач. учил. (Нешавскаго уѣзда), или *отказомъ содержать училище и прекращеніемъ сбора училищныхъ складокъ*, какъ это было въ крживосендзскомъ нач. учил. (Нешавскаго уѣзда), Богушинскомъ II общ. нач. учил. (Плонск. уѣз.), во всѣхъ училищахъ гмины Сендзинъ (Нешав. уѣз.), насельскомъ нач. уч. (Пултуск. уѣз.), поплацинскомъ, винцентовскомъ и здварскомъ нач. учил. (Гостынин. у.), или *угрозой прекратить жалованье учителямъ*, какъ это было въ мѣховицкомъ нач. учил. (Влоцлав. уѣз.) II александровскомъ, II богущинскомъ общ. нач. учил. и любанскомъ нач. учил. (Нешав. уѣз.) и самицкомъ общ. нач. уч.; (Скерневицк. уѣз.), 3) *вслѣдствіе неявки учащихся по подговору агитаторовъ*, какъ это было въ самицкомъ общ. нач. учил. (Скерневицк. уѣздѣ), головицкомъ нач. уч. (Пултускаго у.), гураминскомъ (Новоминск. уѣзда) владиславскомъ (Гроецк. уѣз.), осенцинскомъ, воля-скарбковскомъ и костельно-весьскомъ нач. учил. (Нешав. уѣз.), осмолинскомъ (Гостын. уѣз.), пясечновскихъ муж. и жен. нач. учил. (Варшав. уѣз.); 4) *вслѣдствіе насильственнаго недопущенія дѣтей по дорогѣ ихъ въ школу*, какъ это было въ вольскомъ муж. нач. уч. (Варшавскаго уѣз.). Въ нѣкоторыхъ училищахъ кромѣ того старались напугать учителей и учащихся: или *расклейкой на дверяхъ училищъ и подбрасываніемъ учителямъ антиправительственныхъ и угрожающихъ прокламацій*, съ приглашеніемъ учителей закрывать казенныя школы и открывать тайныя съ преподаваніемъ исключительно на польскомъ языкѣ, какъ это было въ училищахъ: гоздзикскомъ и новоминскомъ (Новоминск. уѣз.) добржиковскомъ (Гостынинск. уѣз.) и пржемяровскомъ (Пултуск. уѣз.), или *срываніемъ, порчей и замазываніемъ смолой училищныхъ вывѣсокъ съ Императорскими гербами* въ училищахъ: каролиновскомъ (Плонск. уѣз.), винцентовскомъ, оссовецкомъ (Гостынин. уѣз.), гоздзикскомъ, новоминскомъ (Новоминск. уѣз.), александровскомъ 1 общ. (Нешавск. уѣз.), въ трехъ кутновскихъ (Кутнов. уѣз.), гута-минскомъ (Новоминск. уѣз.) и вольскомъ жен. учил. (Варш. уѣз.), или *угрозами побить учащихъ и учащихся*, направляющихся въ школу, какъ это было въ новоминскомъ нач. уч. Наконецъ, на нѣкоторыхъ гминныхъ и училищныхъ сходахъ было постановлено *уменьшить училищный штатъ*, какъ, напр., въ каролинскомъ нач. уч. (Плонск. уѣз.), а въ другихъ гминахъ войты съ цѣлью воздѣйствовать на учителей *самовольно стали или удерживать жалованье* (напр. въ кароликовскомъ и салицкомъ нач. уч.), или *не выдавать денегъ*

на отопленіе (напр. въ печискомъ начальномъ училищѣ Гроецкаго уѣзда).

Аналогичные случаи антиправительственной агитаціи и насилія были и въ другихъ мѣстностяхъ здѣшняго края, приводить которые послѣ указанныхъ фактовъ считаемъ излишнимъ. Слѣдуетъ лишь замѣтить, что своевольное распоряженіе войтовъ и гминныхъ сходовъ относительно удержанія жалованья учителей повело къ полному разоренію и обнищанію и безъ того скудно обезпеченныхъ тружениковъ начальной школы.

II. Бойкотъ русскихъ учителей.

Агитація противъ русскихъ учителей.

Въ то время, когда въ Москвѣ на съѣздѣ земцевъ русскіе выражали свои симпатіи полякамъ, польская пресса не побрезгала принять участіе въ гнусномъ походѣ противъ беззащитныхъ русскихъ учителей. Такъ, въ октябрѣ 1905 г., въ одной изъ польскихъ варшавскихъ газетъ „*Nowe Życie*“ (№ 2) былъ объявленъ открытый бойкотъ всѣхъ 49 русскихъ учителей и учительницъ начальныхъ школъ, причемъ были указаны ихъ фамиліи и подробный адресъ. Названная газета призывала родителей учащихся не посылать своихъ дѣтей въ школы, гдѣ учителями и учительницами состоятъ русскіе, умалчивая, что большинство этихъ русскихъ—уроженцы здѣшняго края.

Въ означенной статьѣ указано, что полякамъ препятствуетъ „завладѣть элементарной школой тотъ фактъ, что въ *большинствѣ* этихъ школъ учителями состоятъ русскіе (rosjanie i rosjanki)“. Не вдаваясь въ комментаріи этой статьи, нельзя не указать на невѣрность сообщенныхъ въ ней данныхъ, а именно: во всѣхъ казенныхъ начальныхъ мужскихъ и женскихъ училищахъ (одноклассныхъ и двухклассныхъ) въ Варшавѣ состояло въ то время 170 учителей и учительницъ; изъ нихъ, какъ указано и въ означенной статьѣ, русскихъ только 49, т. е. лишь 28%, а не „большинство“. Въ этомъ могъ убѣдиться всякій хотя-бы по „Адресъ-календарю г. Варшавы“, гдѣ указаны всѣ учебныя заведенія и служащія въ нихъ лица.

Въ началѣ бойкота можно было еще надѣяться, что благоразумная часть польскаго общества не допуститъ враждебныхъ проявленій къ русскимъ учителямъ и учительницамъ, далекимъ отъ всякаго политиканства, но затѣмъ оказалось, что и другія польскія газеты занялись травлей русскихъ учителей. Такъ, напр., *Goniec Wieczorny* за 19 ноября 1906 г. (№ 506), полемизируя въ статьѣ „Sprawy szkolne“ съ инспекторомъ училищъ гор. Варшавы по пово-

ду насилій надъ русскими учителями въ начальныхъ школахъ, указывалъ на очень простое средство противъ этихъ насилій, а именно—„занятіе всѣхъ учительскихъ мѣстъ поляками (obsadzenie stanowisk nauczycielskich przez polaków)“. Другими словами: удалить всѣхъ учителей и учительницъ (куда?), и насилій не будетъ!

Названная газета, конечно, умолчала о томъ, что большинство этихъ учителей и учительницъ—уроженцы здѣшняго края, воспитывавшіеся въ мѣстныхъ учительскихъ семинаріяхъ или гимназіяхъ и потому владѣющіе польскою рѣчью вполнѣ достаточно для того, чтобы вести обученіе въ начальной школѣ; да и учителей и учительницъ этихъ всего лишь 28%, какъ это было указано выше. Кромѣ того, обученіе въ школахъ съ русскими учителями и учительницами велось такъ же, какъ и въ прочихъ школахъ: такъ же преподавался Законъ Божій ксендзами, такъ же преподавался польскій языкъ, а затѣмъ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 27 октября 1905 г., разрѣшено при преподаваніи ариѳметики пользоваться, кромѣ русскаго, также польскимъ и литовскимъ языками. Оставался одинъ русскій языкъ, который долженъ преподаваться, конечно, по-русски. Ни дѣти, ни ихъ родители до самаго послѣдняго времени, т. е. до насилій надъ школами агитаторовъ, не проявляли къ русскимъ учителямъ и учительницамъ никакого неудовольствія и не дѣлали никакой разницы между школами, доказательствомъ чему служитъ то, что школы съ русскими учителями и учительницами были всегда переполнены.

Кому же въ такомъ случаѣ мѣшали эти мирные труженики?

Дальше въ названной газетѣ приводилось заявленіе родителей о томъ, что никто насилій надъ ихъ дѣтьми не производилъ и что дѣти ушли изъ означенныхъ школъ „не по принужденію (nie pod przymusem)“, слѣдовательно—добровольно.

Оставляя на совѣсти автора упомянутой статьи достовѣрность какъ самого заявленія, такъ и приведенныхъ подписей родителей *), а также не вдаваясь въ выясненіе тѣхъ способовъ, какими собираются подобныя подписи, не можемъ, однако, не напомнить, въ интересахъ истины, тѣ обстоятельства, при которыхъ совершался этотъ „добро-

*). Въ то время были часты случаи печатанія въ мѣстныхъ газетахъ заявленій, протестовъ и т. п., оказавшихся потомъ подложными.

вольный“ уходъ многихъ дѣтей изъ школъ. 7 и 8 ноября 1905 г., когда было произведено агитаторами изгнаніе изъ 31 школы русскихъ учителей и учительницъ, а дѣтямъ дано запрещеніе посѣщать тѣ школы, гдѣ преподаютъ русскіе учителя и учительницы, подъ угрозой, что ихъ силою будутъ переводить въ другія школы, родители учениковъ и ученицъ стали заявлять въ школахъ, подвергшихся насилію, что они не рѣшаются посылать дѣтей, боясь новыхъ насилій, причемъ откровенно сказали, что по квартирамъ ходятъ „делегаты“ и подъ угрозой заставляютъ переводить дѣтей въ другія школы. Многіе изъ родителей, не довѣряя „делегатамъ“, никуда не посылали дѣтей, предпочитая переждать тревожное время. Нѣкоторые родители ходили по школамъ съ записками, въ которыхъ были обозначены адреса тѣхъ школъ, куда ихъ обязывали отдать своихъ дѣтей, и случайно обращались къ русскимъ учителямъ и учительницамъ съ просьбами указать имъ эти школы.

Изъ сказаннаго очевидно, что многія дѣти оставили упомянутыя школы такъ же „добровольно“, какъ „добровольно“ оставляли многіе изъ рабочихъ свой трудъ и затѣмъ „добровольно“ голодали въ то время, когда сытые агитаторы производили надъ ними политическіе эксперименты.

Какъ свидѣтельствуютъ многочисленные факты насилія надъ начальными школами, насилія эти совершались преимущественно надъ тѣми училищами, въ которыхъ учителями или учительницами состояли русскіе. И къ какимъ только средствамъ не прибѣгали „національзаторы“ школъ, чтобы выжить этихъ мирныхъ тружениковъ! То имъ предлагали оставить свою дѣятельность въ здѣшнемъ краѣ, то ихъ изгоняли изъ училищъ, то имъ объявляли бойкотъ, то, наконецъ, на состоявшемся въ октябрѣ 1905 г. въ обществѣ техниковъ „вѣчѣ“ начальныхъ учителей выражено русскимъ учителямъ презрѣніе (!).

Спрашивается—за что? За то, что они не желали броситься въ омутъ политиканства и честно исполняли свой служебный долгъ?!

Затѣмъ, „національзаторы“ школъ повели агитацію противъ русскихъ учителей и воскресно-ремесленныхъ училищъ. На упомянутомъ выше „вѣчѣ“ учителей начальныхъ училищъ (см. *Kurjer Poranny* № 319), состоявшемся подъ предсѣдательствомъ присяжнаго повѣреннаго (!) г. Кіенскаго, между прочимъ, было постановлено „относительно ремесленныхъ училищъ освѣдомлять общество посред-

ствомъ печати о всѣхъ фактахъ, несогласныхъ съ школьной этикой, принятой собраніемъ (faktów niezgodnych z etyką szkolną, przyjętą przez zgromadzenie)". Вслѣдъ за напечатаніемъ этого постановленія приводились, очевидно—для образца, „факты", освѣщенные съ точки зрѣнія школьной этики, „принятой собраніемъ", а именно: указывалось „на черезчуръ разительный фактъ занятія учительскихъ должностей въ четырехклассныхъ ремесленныхъ школахъ совершенно неприготовленными для этого русскими (nadto rażący fakt zajmowania posad nauczycieli w 4 klasowych szkołach rzemieślniczych przez zupełnie do tego nieprzygotowanych rosjan)", а также на „преподаваніе польскаго языка и Закона Божія русскими, какъ на вопіющую аномалію (wykładów języka polskiego i religii przez rosjan, jako krzyczącą anomalię").

Чтобы воочію убѣдиться, насколько достовѣрны приведенные „факты" и какова „этика, принятая собраніемъ", остановимся и мы на этихъ „фактахъ" и освѣтимъ ихъ не голословно, не съ точки зрѣнія „этики, принятой собраніемъ", а—безпристрастными цифровыми данными, которыя можетъ провѣрить каждый.

Учителями и надзирателями во всѣхъ 46 воскресно-ремесленныхъ училищахъ г. Варшавы (одноклассныя, двухклассныя и четырехклассныя,—послѣднія преобразованы изъ трехклассныхъ), въ то время всего состояло: русскихъ 43, поляковъ 52, т. е. поляковъ большая половина; въ частности: въ одноклассныхъ училищахъ—русскихъ 8, поляковъ 15, двухклассныхъ—русскихъ 14, поляковъ 16, четырехклассныхъ—русскихъ 18, поляковъ 18. Всѣ они—учителя мѣстныхъ начальныхъ училищахъ; въ числѣ ихъ есть нѣсколько б. учителей, хотя и оставившихъ должности въ начальныхъ училищахъ, но состоящихъ на службѣ по тому же учебному вѣдомству. Все это—люди, получившіе спеціальную подготовку въ мѣстныхъ же учительскихъ семинаріяхъ или другихъ учебныхъ заведеніяхъ и на практикѣ доказавшіе свою опытность въ дѣлѣ преподаванія, слѣдовательно—*вполнѣ подготовленные къ преподаванію въ воскресно-ремесленныхъ училищахъ*, соотвѣтственныхъ по учебному курсу начальнымъ училищамъ.

Изъ приведенныхъ данныхъ, намъ кажется, можно сдѣлать только такой выводъ: вообще въ учительскомъ персоналѣ воскресно-ремесленныхъ училищъ *преобладали поляки*, которые по подготовкѣ къ преподаванію нисколько не превосходили русскихъ, а, напротивъ, въ отношеніи преподаванія русскаго языка даже имъ уступали; въ частности

въ 4-х-классныхъ училищахъ русскихъ и поляковъ было *поровну* и не было ни одного изъ этихъ училищъ безъ учителей-поляковъ; учителя *поляки преподавали и преподаютъ польскій языкъ и Законъ Божій.* Съ какой же стати русскимъ учителямъ преподавать эти предметы, въ особенности Законъ Божій? По уставу воскресно-ремесленныхъ училищъ (Сборн. администр. постан. Цар. Польск. т. I стр. 522) „ученики утромъ по воскресеньямъ и праздникамъ слушаютъ особую для нихъ литургію, послѣ которой имъ преподается Законъ Божій и наука о нравственности". Кромѣ костела, Законъ Божій преподается въ училищахъ учителями-поляками. Въ одномъ только второмъ четырехклассномъ воскресно-ремесленномъ училищѣ, предназначенномъ для учениковъ православнаго исповѣданія, этимъ послѣднимъ преподаетъ Законъ Божій священникъ.

Откуда же взялась въ 1905 г. констатированная собраніемъ учителей „вопіющая аномалія" (krzycząca anomalia)? Если вспомнить невѣрныя данныя о русскихъ учителяхъ и учительницахъ, сообщенныя въ газетѣ *Nowe Życie* и опровергнутыя въ № 315 *Варш. Дневн.*; вспомнить опроверженіе инспекторомъ училищъ гор. Варшавы въ № 322 *Варш. Дневн.* ложныхъ извѣстій, появившихся въ газетахъ *Goniec* и *Kurjer Warszawski*, и др. подобныя извѣстія,—тогда станетъ понятна заявленная собраніемъ учителей и „вопіющая аномалія", и „этика, принятая собраніемъ!"

По приведеннымъ для образца фактамъ можно судить о достовѣрности и тѣхъ „фактовъ", о которыхъ собраніе учителей предполагало доводить до свѣдѣнія общества въ печати.

Основываясь, очевидно, на подобныхъ же „фактахъ", *Goniec Poranny* (№ 515—1905 г.) въ статьѣ „Wyzwalanie na czeladnikow" утверждалъ, что многіе ученики ушли изъ воскресно-ремесленныхъ училищъ (opuścili szkołę rosyjską) и приступили къ бойкоту этихъ училищъ, направляясь въ тайныя школы (uczelniach tajnych), не желая получать свидѣтельствъ, установленныхъ правительствомъ (świadestw urzędowych).

Начиная съ января мѣсяца 1905 г., отъ времени до времени агитаторы производили нападенія на воскресно-ремесленныя училища, вынуждая учениковъ примкнуть вначалѣ къ фабричнымъ забастовкамъ, ничего общаго не имѣвшимъ съ школьнымъ дѣломъ, а затѣмъ и въ цѣляхъ полонизаціи означенныхъ училищъ. Дѣйствительно, многіе изъ учениковъ только подъ угрозами агитаторовъ ушли изъ училищъ, но, какъ только наступало успокоеніе, ученики

вновь возвращались и многіе, не смотря на дѣлаемыя имъ агитаторами препятствія, посѣщали училища; были случаи, что ученики сами давали отпоръ непрошеннымъ полонизаторамъ, выгоняя ихъ изъ училищъ. Противъ изученія русскаго языка ученики рѣшительно ничего не имѣли и не имѣютъ, сознавая, что имъ, какъ ремесленникамъ, отправляющимся часто на заработки во внутреннія губерніи Имперіи, имѣющимъ общеніе и съ мѣстнымъ русскимъ населеніемъ, русскій языкъ необходимъ; и потому къ русскимъ учителямъ не питаютъ никакого неудовольствія. Кромѣ того, многимъ изъ учениковъ приходится отбывать воинскую повинность. А въ отношеніи льготы по отбыванію этой повинности, напр., четырехклассныя воскресно-ремесленныя училища, на основ. Высочайшаго повелѣнія 25 октября 1883 г. и послѣдующихъ узаконеній, причисляются ко второму разряду. Правда, что на прохожденіе учебнаго курса въ этихъ училищахъ и пріобрѣтеніе указанныхъ льготъ ремесленники затрачиваютъ воскресные и праздничные дни, т. е. дни отдыха (около 40 дней въ годъ), но за то они пользуются очень большими, по сравненію съ курсомъ ученія, льготами по воинской повинности, а главное —послѣ окончанія установленнаго срока или термина для изученія ремесла и только по полученіи училищнаго свидѣтельства они производятся изъ учениковъ въ подмастерья. Понятно, что при такихъ льготахъ, предоставляемыхъ воскресно-ремесленными училищами, ученики дорожатъ этими училищами и никогда добровольно не мѣняли-бы ихъ на какія-то тайныя школы, о которыхъ упомянуто въ статьѣ *Gońca*. Многіе изъ учениковъ со слезами на глазахъ высказывали передъ учителями жалобу на агитаторовъ, вынуждающихъ угрозами оставить училище.

Не можемъ при этомъ не упомянуть еще объ одномъ фактѣ, сообщенномъ въ томъ же № 515 *Gońca*, а именно о требованіи родителей учениковъ ремесленнаго училища имени Конарскаго „пріостановить выдачу русскимъ учителямъ, мастерамъ и руководителямъ работъ (wstrzymania zapłaty pensji nauczycielom, majstrom i kierownikom rosjanom)“.

И это все дѣлалось въ то время, когда русскіе земцы ратовали за поляковъ, и въ мѣстной прессѣ появлялись указанія на якобы проявляющуюся „симпатію“ къ русскимъ!

Къ прискорбію, „факты“, подобные сообщеннымъ на вышеуказанномъ собраніи учителей, принимаются польскимъ обществомъ за чистую монету и порождаютъ недовольство

русскими учителями, которые ни въ чемъ неповинны. Должно же было мѣстное общество понять, что подобная агитація противъ русскихъ учителей не могла быть долго терпима и что для защиты этихъ мирныхъ тружениковъ, далекихъ отъ всякаго политиканства, должны быть приняты какія-либо мѣры. Правда, что благоразумная часть общества понимала это, почему одна изъ мѣстн. газетъ *Słowo* совершенно справедливо замѣтила, что, „перетягивая національную струну у себя, мы легко можемъ вызвать то же явленіе и у другихъ".

Насилія и убійства. Въ результатѣ веденнаго явной и тайной печатью бойкота были выполнены впослѣдствіи смертные приговоры: надъ начальникомъ радомской учебной дирекціи Станкевичемъ, инспекторомъ-руководителемъ сѣнницкой учительской семинаріи Бойко, учителемъ лодзин. гимназіи Витановскимъ „за провокаторство и измѣну", какъ было сказано въ поданномъ Витановскому убійцей письмѣ; Витановскій (полякъ) провинился передъ „націонализаторами" тѣмъ, что учредилъ въ Лодзи гимназію съ правами правительственныхъ гимназій и преподавалъ русскимъ учителямъ на устроенныхъ для нихъ курсахъ въ андреевской учительской семинаріи польскій языкъ. Подверглись разстрѣлу: помощникъ инспектора училищъ гор. Варшавы Орловъ, учитель пражской мужской гимназіи Домбровскій, учитель вейверской учительской семинаріи Снѣжко; стрѣляли и бросали камни черезъ окно въ инспектора петроковской мужской гимназіи Францева. О покушеніи на профессора Давыдова и русскихъ студентовъ Варшав. ветер. института остановимся дальше *). Нападенію съ нанесеніемъ тяжкихъ побоевъ подверглись, кромѣ упомянутыхъ выше профессора университета, преподавателя гимназіи и учителей начальн. училищъ, помощникъ инспектора училищъ гор. Варшавы Янковскій.

Смертные приговоры выполнялись и надъ учениками, родители которыхъ подъ вліяніемъ террора боялись даже заявлять о поводахъ убійства. Такъ, напр., выбывшій подъ давленіемъ террора изъ 3 курса солецкой уч. семинаріи Эліашъ, которому „націонализаторы" не разрѣшали возвращаться въ семинарію, въ первый же день по возвращеніи въ нее, а именно 25 окт. 1906 г., былъ найденъ звѣрски

*) См. главу „Возвращеніе къ террору".

убитымъ на пути изъ семинаріи. Потомъ только выяснилось, что это дѣло рукъ „націонализаторовъ“.

Неудачи агитаціи. Тенденціозность мѣстныхъ польскихъ газетъ въ освѣщеніи поднятыхъ въ послѣднее время вопросовъ, особенно школьнаго, невѣрность сообщаемыхъ ими свѣдѣній, голословныя утвержденія или умышленное замалчиваніе фактовъ, сообщеніе которыхъ почему-либо для этихъ газетъ нежелательно,—такъ часто отмѣчались на столбцахъ русской прессы, что казалось бы даже излишнимъ приводить новыя доказательства, тѣмъ болѣе, что подтвержденіе такого направленія мѣстной прессы мы находимъ въ мѣстномъ же органѣ *Всеобщемъ Дневникѣ*, *) который съ безпощадною откровенностью заявилъ, что въ большинствѣ здѣшнихъ газетъ „печатаются самыя невѣроятныя извѣстія изъ мѣстной жизни, почерпнутыя Богъ вѣсть откуда, въ которыхъ искаженія фактовъ доходятъ до наглой лжи“. Образчики подобныхъ фактовъ, сообщенныхъ газетами *Nowe Życie*, *Kurjer Poranny* и *Goniec* относительно русскихъ учителей и учительницъ, а также поднятая противъ нихъ мѣстными газетами агитація, нами приведены выше.

Однако, необходимо остановиться еще на нѣкоторыхъ фактахъ, характеризующихъ агитацію мѣстныхъ газетъ противъ русскихъ учителей и вліяніе этой агитаціи на учащихся въ воскресно-ремесленныхъ и начальныхъ училищахъ и ихъ родителей.

Подъ конецъ 1905 года, *Goniec Poranny* (№ 515) въ замѣткѣ „Wyzwalanie na czeladnikow“ убѣждалъ цеховыхъ мастеровъ не требовать отъ учениковъ-терминаторовъ училищныхъ свидѣтельствъ, необходимыхъ для производства въ подмастерья; утверждалъ, что лучшіе ученики ушли изъ школъ, не желая получать русскихъ свидѣтельствъ; восхвалялъ покинувшихъ школы, называя ихъ „патріотичными“, и указывалъ на какія-то тайныя школы. *Kurjer Warszawski* (№ 359) тоже счелъ нужнымъ почему-то подвергнуть критикѣ назначеніе экзаменовъ въ воскресно-ремесленныхъ училищахъ въ воскресный (?) день, хотя такой порядокъ существовалъ издавна. Небезынтересно отмѣтить еще одинъ

---

*) См. *Варш. Днев.* за 1906 г. № 329 отд. „Мѣстная печать“.

характерный пріемъ агитаціи: авторъ статьи „Humoreska ze smutnych rzeczy“ (№ 529 *Сонса*), желая показать, что русскіе учителя въ здѣшнемъ краѣ являются „извратителями начальнаго просвѣщенія“ и тѣмъ унизить ихъ въ глазахъ общества, разсказывалъ анекдоты о какихъ-то двухъ русскихъ учителяхъ, встрѣченныхъ имъ на Кавказѣ (!), поясняя, что такіе же русскіе учителя и у насъ (na Kaukazie, gdzie tak samo, jak u nas, grasują nawiezieni krzywieciele oświaty początkowej).

Несмотря, однако, на всѣ препятствія, на веденную агитацію, многіе изъ учениковъ воскресно-ремесленныхъ училищъ посѣщали занятія до конца года, явились на происходившіе 18 декабря 1905 г. экзамены и почти всѣ изъ нихъ выдержали испытанія, что служитъ наилучшимъ доказательствомъ того, что явились лучшіе ученики; не явились же или слабѣйшіе по познаніямъ, не надѣявшіеся выдержать экзаменъ, или побоявшіеся угрозъ. По полученными нами изъ 30 воскресно-ремесленныхъ училищъ свѣдѣніямъ на экзамены явилось 504 ученика; въ томъ числѣ 16 экстерновъ, пожелавшихъ пріобрѣсти училищныя свидѣтельства. Въ 1906 г. возобновились преслѣдованія учениковъ воскр.-рем. училищъ, которыхъ „національзаторы“ изгоняли съ револьверами въ рукахъ, какъ напр., это было 18 іюня 1906 г. въ варшав. 2-мъ четырехкл. воскр.-рем. учил. Не смотря на это, ученье въ 1906 году закончилось при заполненныхъ училищахъ. Приведенныя данныя еще разъ подтверждаютъ, что ремесленники ничего не имѣли противъ существующихъ воскресно-ремесленныхъ училищъ и ихъ учителей, очень дорожили этими училищами и, не будь насилій со стороны агитаторовъ, означенныя училища, какъ и раньше, были бы переполнены, какъ они переполнены и въ настоящее время. Такимъ образомъ агитація, направленная противъ воскресныхъ училищъ, не удалась.

Не совсѣмъ удалась агитація, направленная и противъ тѣхъ начальныхъ училищъ, въ которыхъ учителями и учительницами состояли русскіе. Замѣнившая собою пріостановленный въ 1906 г. *Coniec* газета *Czytelnia dla wszystkich* (*№ 2*), въ замѣткѣ „Opinia publiczna“ съ горечью констатировала фактъ, что когда дѣти желѣзнодорожниковъ Привислинскихъ желѣзныхъ дорогъ поддались агитаціи и не пошли въ школы, родители возмутились: „Не должны дѣти заниматься политикой!“ („oburzyli się rodzice: „Ne powinny się dzieci zajmować polityką“). „Выслали родители дѣтей въ школы безъ малѣйшаго протеста; напротивъ—съ удовольствіемъ согласились на увеличеніе учительскаго персо-

нала одной учительницей... *русской*", и дальше газета заключила: „*очевидно, мы русскими школами довольны* *) (widocznie jesteśmy ze szkoły rosyjskiej zadowoleni)". Названная газета никакъ не могла примириться съ подобнымъ положеніемъ дѣла и, указывая на статьи *Сопса* по школьному вопросу, призывала къ дальнѣйшей борьбѣ съ государственной школой, подтверждая свой призывъ пословицей: „Лучше поздно, чѣмъ никогда".

Такъ какъ агитація противъ русскихъ учителей и учительницъ не удалась и на возобновившіяся послѣ рождественскихъ (1905 года) вакацій занятія учащіеся явились въ тѣ училища, гдѣ преподаютъ русскіе, то „націонализаторы" школъ и нанятые ими хулиганы опять стали прибѣгать къ насиліямъ: врывались въ школы, разгоняли дѣтей, угрожая учителямъ и учительницамъ. Такъ понимаютъ „націонализаторы", эти лжерадѣтели національныхъ интересовъ, свободу совѣсти, слова, дѣйствій!

Лжерадѣтели національныхъ интересовъ.

Для характеристики лжерадѣтелей національныхъ интересовъ не лишне привести такой фактъ: въ 1906 г. цехъ ваятелей обратился въ инспекцію училищъ черезъ посредство президента гор. Варшавы съ прошеніемъ объ исходатайствованіи разрѣшенія на открытіе на его средства частной воскресно-ремесленной школы для учениковъ названнаго цеха.

Предварительно направленія даннаго прошенія въ установленномъ порядкѣ, инспекторъ училищъ гор. Варшавы, въ огражденіе интересовъ учащихся, которые, обучаясь въ частной школѣ, лишаются правъ, просилъ президента снестись съ упомянутымъ цехомъ, не пожелаетъ-ли онъ, вмѣсто проектируемой школы на свои средства, воспользоваться однимъ изъ городскихъ воскресно-ремесленныхъ училищъ, которое въ такомъ случаѣ могло бы быть приспособлено для цѣлей цеха, что вполнѣ возможно при значительномъ уменьшеніи по случаю переживаемаго промышленно-ремесленнаго кризиса числа терминаторовъ, а, слѣдовательно, и учащихся въ воскресно-ремесленныхъ училищахъ.

Въ такомъ случаѣ учащіеся указаннаго цеха могли бы сохранить за собою всѣ права, предоставляемыя окан-

---

*) Курсивъ нашъ.

чивающимъ курсъ воскресно-ремесленнымъ училищъ по отбыванію воинской повинности и др.

Такое предложеніе инспектора училищъ газетою *Варш. Кур.* (№ 337 за 1906 г. утр. изд.) въ замѣткѣ „Zakusy inspekcji“ было признано поползновеніемъ „*содержать на средства цеха русскую школу вмѣсто проектируемой польской*“, къ каковому выводу авторъ замѣтки пришелъ лишь путемъ извращенія факта.

Посланное инспекторомъ училищъ въ названную газету, въ интересахъ возстановленія истины, опроверженіе не было напечатано, по словамъ того же *Варш. Кур.* (№ 341 1906 г. вечер. изд.), „какъ не подходящее къ напечатанію *въ нашей* газетѣ“—„nie kwalifikującéśię do druku w naszem piśmie“. Не подходило же оно потому, что въ немъ, между прочимъ, было сказано: „Автору замѣтки права, очевидно, не нужны, но будущимъ воспитанникамъ школы они несомнѣнно будутъ не лишни, о чемъ можно судить по ежедневно поступающимъ въ инспекцію прошеніямъ о допущеніи къ экзаменамъ отъ б. воспитанниковъ воскресно-ремесленныхъ училищъ, вышедшихъ изъ нихъ подъ давленіемъ такихъ же лжерадѣтелей якобы національныхъ интересовъ, какимъ представляется намъ и авторъ упомянутой замѣтки“.

Униженные и оскорбленные.

Съ введеніемъ въ мѣстныхъ школахъ преподаванія всѣхъ предметовъ, кромѣ русскаго языка, на польскомъ языкѣ, для русскихъ учителей и учительницъ этихъ училищъ лѣтомъ 1906 г. были устроены въ Варшавѣ курсы польскаго языка. Устройство курсовъ было вызвано желаніемъ болѣе прочнаго усвоенія учителями стилистическихъ и грамматическихъ особенностей польскаго языка, а не полнымъ незнаніемъ его, какъ это старались представить польскія газеты.

Въ польской печати и въ *Варш. Вѣстникѣ* за 1906 г. (№ 5) устройство означенныхъ курсовъ, а также положеніе русскихъ учителей, комментировалось на разные лады, причемъ въ польскихъ газетахъ по обыкновенію пускались въ ходъ всѣ средства, чтобы представить указанную мѣру въ неприглядномъ видѣ и доказать „невозможность дальнѣйшаго пребыванія русскихъ учителей въ здѣшнемъ краѣ“, т. е. достигнуть цѣли, поставленной себѣ „націонализаторами“ школъ. *Варшав. Вѣстн.* въ обсужденіи цѣле-

сообразности курсовъ и оставленія русскихъ учителей исходилъ только изъ педагогическихъ соображеній, мимоходомъ лишь останавливаясь на государственныхъ, и указывалъ на безвыходное положеніе русскихъ учителей, основываясь всецѣло на словахъ бывшаго передъ тѣмъ въ Варшавѣ члена совѣта министра нар. просвѣщ. В. Н. Мамантова, который будто бы высказалъ сомнѣніе въ томъ, чтобы казна пришла на помощь въ устройствѣ судьбы русскихъ учителей и чтобы нашлись для нихъ учительскія мѣста во внутреннихъ губерніяхъ Имперіи, гдѣ земство располагаетъ достаточнымъ количествомъ своихъ преподавателей. По другой версіи, г. Мамантовъ находилъ будто бы „недостойнымъ русскаго правительства“ оставлять русскихъ учителей на произволъ судьбы, но выхода не указалъ. Комментаріи высказанныхъ будто бы г. Мамантовымъ соображеній напоминаютъ намъ толкованія прорицаній дельфійскаго оракула. На нашъ взглядъ дѣло представляется не въ такомъ мрачномъ и безвыходномъ положеніи, какъ увидимъ ниже: русскіе учителя имѣютъ полное основаніе оставаться на своихъ мѣстахъ, а при насильственномъ изгнаніи требовать назначенія пенсіи.

Какъ нами уже выше указывалось, учительскія семинаріи варшавскаго учебнаго округа учреждены для мѣстнаго населенія и, на основаніи семинарскаго устава, комплектуются учащимися исключительно изъ мѣстныхъ поселянъ; слѣдовательно, русскіе, окончившіе курсъ въ этихъ семинаріяхъ, какъ *мѣстные уроженцы,* (по большей части изъ уніатовъ), хорошо владѣютъ мѣстнымъ языкомъ; какъ рѣдкое исключеніе, попадаютъ въ мѣстныя учительскія семинаріи и дѣти коренныхъ русскихъ, но давно заброшенныхъ судьбой на эту окраину и достаточно уже ополячившихся. Тоже надо сказать и о русскихъ учительницахъ, въ большинствѣ выросшихъ въ здѣшнемъ краѣ и получившихъ воспитаніе въ мѣстныхъ гимназіяхъ. Такимъ образомъ почти всѣ русскіе учителя и учительницы владѣютъ польскимъ языкомъ достаточно для того, чтобы преподавать въ начальной школѣ. Преподавали же они до сихъ поръ польскій языкъ въ своихъ школахъ и, какъ это было констатировано на устраиваемыхъ ежегодно сводныхъ экзаменахъ учащихся разныхъ нач. школъ, обучавшіяся у русскихъ учителей и учительницъ дѣти нисколько не уступали въ познаніяхъ польскаго языка дѣтямъ другихъ школъ. Школы русскихъ учителей и учительницъ бывали всегда переполнены, и ни дѣти, ни ихъ родители никогда не выражали неудовольствія или хотя

бы нерасположенія къ русскимъ учителямъ, такъ какъ ихъ школы ничѣмъ не разнились отъ другихъ школъ. Только ярый шовинизмъ „національзаторовъ“ желаетъ возбудить недовѣріе и ненависть къ этимъ мирнымъ труженикамъ, видя въ нихъ „завзятыхъ руссификаторовъ“.

Но довольно уже изстрадались эти бѣдные труженики, перенесшіе въ послѣднее время столько униженій и оскорбленій за то лишь, что преданы были своему дѣлу, что честно выполняли свой долгъ! Вспомнимъ, чего только не испытали русскіе учителя? Ихъ оскорбляли въ газетахъ, выражали презрѣніе на „вѣчахъ“, угрожали, преслѣдовали, и, наконецъ, изгнали изъ школъ! Ихъ не оставляютъ въ покоѣ и до послѣдняго времени, пуская въ ходъ все, чтобы только выжить отсюда. Такъ, напр., въ январѣ 1908 г. учительница кѣлецк. городск. ж. уч. Емельянова должна была бѣжать въ Варшаву, въ виду полученныхъ ею угрозъ смертью со стороны „національзаторовъ“. Слѣпая ненависть ко всему, что только напоминаетъ о русскомъ, не позволила польскимъ газетамъ спокойно и объективно обсудить какъ цѣлесообразность указанныхъ выше курсовъ польскаго языка, такъ и вникнуть въ положеніе русскихъ учителей.

Со стороны власти было бы въ высшей степени несправедливо и жестоко отдать русскихъ учителей на произволъ какихъ-то самозванныхъ „національзаторовъ“ и ихъ „комитетовъ“... Если власть умѣла только предъявлять къ учителямъ служебныя требованія, но за исполненіе ихъ не могла вознаградить и даже защитить отъ наносимыхъ обидъ, отдѣлываясь въ лицѣ своего представителя г. Мамантова выраженіемъ лишь или сочувствій, или сомнѣній въ помощи, то русское общество не можетъ равнодушно относиться къ участи русскихъ учителей: оно должно стать въ защиту невинно оскорбляемыхъ тружениковъ, далекихъ отъ всякаго политиканства и всегда готовыхъ итти на встрѣчу законнымъ желаніямъ мѣстнаго общества и ввѣряемыхъ имъ дѣтей, лучшимъ доказательствомъ чего служитъ полная готовность русскихъ учителей вести преподаваніе по-польски. Эта готовность вытекаетъ не изъ „руссификаторскихъ“ стремленій, какъ думаютъ „національзаторы“, не изъ боязни даже лишиться содержанія, такъ какъ изъ-за мизернаго жалованья начальнаго учителя никто не сталъ бы идти на какой-либо компромиссъ. Большинство русскихъ учителей чувствуетъ себя совершенно правоспособнымъ для преподаванія въ мѣстныхъ школахъ. Кромѣ того, одни изъ нихъ связаны здѣсь узами родства, другіе,

какъ мѣстные уроженцы,—земельною собственностью, многіе привыкли къ педагогическому труду въ мѣстной школѣ, посвятили ему лучшіе годы; поэтому вполнѣ естественно ихъ желаніе служить здѣсь. Между тѣмъ доступъ русскимъ (даже мѣстнымъ уроженцамъ) на учительскія мѣста въ начальныхъ школахъ прегражденъ, а уцѣлѣвшимъ на этихъ мѣстахъ приходится претерпѣвать униженія и оскорбленія или бѣжать подъ „опредѣленнымъ и твердымъ натискомъ“ заядлыхъ націоналистовъ. Изгонять этихъ мирныхъ тружениковъ безъ всякаго нравственнаго и матеріальнаго удовлетворенія за понесенные ими труды или равнодушно взирать на преслѣдованія ихъ „націонализаторами“ не только „недостойно русскаго правительства“, какъ говорилъ учителямъ г. Мамантовъ,—недостойно русскаго народа вообще. Да мы не допускаемъ, чтобы и благоразумная часть польскаго общества не согласилась съ тѣмъ, что надо дать возможность русскимъ учителямъ и учительницамъ, даже не мѣстнымъ уроженцамъ, желающимъ и могущимъ преподавать по-польски, дослужить здѣсь до пенсіи, на которую сдѣланы ими большіе вклады изъ ихъ скромнаго жалованья въ фондъ мѣстнаго эмеритальнаго общества.

Какъ извѣстно, начальные учителя и учительницы участвуютъ въ мѣстномъ эмеритальномъ обществѣ, въ фонды котораго изъ ихъ жалованья вычитывается на пенсію по 6% и полугодовыя перевышки при перемѣщеніяхъ на высшіе оклады; кромѣ того, на пенсію учителямъ отпускаетъ еще 4% казна. Такимъ образомъ учителя вложили въ эмеритальный фондъ не мало своихъ личныхъ средствъ, добываемыхъ такимъ тяжелымъ трудомъ. Каждый изъ нихъ жилъ надеждой, что, перенося лишенія при получаемомъ мизерномъ содержаніи, онъ хотя подъ старость воспользуется своими вкладами въ видѣ эмеритальной пенсіи.

И вдругъ имъ говорятъ: „Вамъ нѣтъ здѣсь мѣстъ“!...

Въ отношеніи заботливости о своихъ соотечественникахъ намъ, русскимъ, не мѣшаетъ поучиться у поляковъ, которые никогда не забываютъ своихъ земляковъ, куда бы ихъ ни забросила судьба. Примѣромъ тому можетъ служить описанный *Варш. Кур.* (№ 105—1906 г.) инцидентъ съ поляками, проживающими въ Турціи. Эти поляки въ Крымскую войну принимали участіе подъ турецкими знаменами, а послѣ войны образовали недалеко отъ Константинополя колонію Адамполь. По словамъ *Варш. Кур.*, притѣсненія въ послѣдне время поляковъ со стороны турецкихъ властей вызвали горячее заступничество за своихъ земляковъ

въ лицѣ австрійскихъ поляковъ, а затѣмъ и вмѣшательство австрійскаго правительства. Какъ видимъ, поляки сознаютъ необходимость и умѣютъ защищать своихъ соотечественниковъ въ Турціи, мы же, русскіе, у себя въ Россіи, предоставляемъ рѣшать участь нашихъ соотечественниковъ какимъ-то „комитетамъ польскихъ національзаторовъ“!

Нетерпимость поляковъ къ русскимъ учителямъ тѣмъ болѣе неосновательна, что этихъ учителей и учительницъ во всемъ учебномъ округѣ, напр., въ 1906 г. было только лишь 268 (не считая учителей въ школахъ съ исключительно русскими дѣтьми), что при 4,000 съ лишнимъ учителей и учительницъ, кромѣ ксендзовъ-законоучителей, такъ называемыхъ, блюстителей, смотрителей и т. п., составитъ всего лишь 6%; при общемъ же числѣ учащихъ и наблюдающихъ за ученіемъ, считая ксендзовъ-законоучителей и упомянутыхъ блюстителей, русскіе учителя и учительницы составятъ гораздо меньшій процентъ среди учащихъ въ начальныхъ училищахъ*). Такимъ образомъ опасенія „національзаторовъ“ въ руссификаціи совершенно напрасны, какъ напрасны опасенія въ томъ, что оставленіе русскихъ учителей было бы въ ущербъ религіозному воспитанію дѣтей. Казалось бы, въ этомъ отношеніи сами поляки не могли бы придумать лучшихъ мѣръ предосторожности, какія приняты учебной властью, издавшей въ 1906 г. циркуляръ, на основаніи котораго русскіе учителя и учительницы, знающіе польскій языкъ, назначаются въ такія училища, гдѣ есть костелъ и ксендзъ и гдѣ слѣдовательно нѣтъ затрудненій въ преподаваніи Закона Божія р.-к. исповѣданія; въ тѣхъ же училищахъ, гдѣ не представляется возможнымъ предоставить преподаваніе Закона Божія ксендзу, преподаваніе этого предмета поручается учителямъ-католикамъ за особое вознагражденіе, на что ассигнованы изъ казны особыя средства. Предупредительность къ полякамъ въ этомъ отношеніи доведена до такой степени, что въ холмской и бѣльской учительскихъ семинаріяхъ, комплектуемыхъ учащимися по преимуществу изъ уроженцевъ Холмской Руси и Сѣдлецкой губерніи (бывшими уніатами), введено преподаваніе польскаго языка, а также практическіе уроки ариѳметики на польскомъ языкѣ.

Надо быть отуманеннымъ національной нетерпи-

---

*) Въ настоящее время ихъ еще меньше, т. к. многіе, боясь насилій, оставили учительскія мѣста.

мостью до слѣпоты, чтобы послѣ этого обвинять еще кого-либо въ руссификаціи!.. Должны же поляки сознавать необходимость нѣкоторыхъ уступокъ и съ ихъ стороны. И мы не сомнѣваемся, что всѣ благоразумные поляки это понимаютъ. Еще въ 1905 году мѣстная газета *Слово* указывала на то, что, „перетягивая національную струну у себя, легко можно вызвать то же явленіе и у другихъ“. Пусть поляки не забываютъ, что много выгодныхъ мѣстъ во внутреннихъ губерніяхъ Россіи заняты ихъ земляками, и притомъ съ явнымъ ущербомъ для интересовъ Русскаго государства, на что уже неоднократно указывала русская печать (См. *Слово* 1905 г. № 305, *Нов. Время* за мартъ 1906 г.). Поразительные въ этомъ отношеніи факты приводитъ г. Меньшиковъ въ статьѣ „Поляки и Цусима“ (*Новое Время*, 5 февр. 1908 г. № 11459), раскрывая передъ русскимъ обществомъ сокровенныя стремленія поляковъ, подтверждая приэтомъ свои доводы и выдержками какъ изъ извѣстнаго „Польскаго катехизиса“ *), такъ и изъ польскихъ газетъ послѣдняго времени, напр., газеты *Kurjer Poranny* (№ 241), которая писала: „Цѣлый милліонъ должностей и служебныхъ положеній въ Россіи въ рукахъ польскихъ. Съ этихъ постовъ мы ослабляли Россію. Теперь, когда она въ развалинахъ, мы должны на этихъ развалинахъ возсоздать независимую отъ моря до моря Польшу!“. Даже такія невыгодныя въ матеріальномъ отношеніи мѣста, какъ по вѣдомству мин. нар. просв., которыя, казалось бы, совсѣмъ не должны бы прельщать поляковъ, и тѣ въ значительномъ количествѣ заняты во внутреннихъ губерніяхъ Россіи поляками. Подъ руками у насъ списокъ должностныхъ лицъ по означенному вѣдомству за 1905 г., вѣрнѣе, списокъ начальствующихъ лицъ, такъ сказать, „власть имущихъ“, стоящихъ въ главѣ народнаго просвѣщенія. Среди 2200 упомянутыхъ лицъ во внутреннихъ губерніяхъ Имперіи мы насчитали 84 поляка, т. е. почти 4%, причемъ количество ихъ въ центральныхъ учрежденіяхъ въ Петербургѣ прямо бросается въ глаза. А если принять во вниманіе присущую полякамъ черту на лучшія мѣста тянуть „своихъ“, то сколько же ихъ наберется всего по одному вѣдомству мин. нар. просвѣщенія! Мы уже не говоримъ про другія вѣдомства, напр. лѣсное, желѣзнодорожное, которыя какъ бы отданы

*) *Ключевъ.* „Россія и Польша“ 1906 г. „Польскій катехизисъ“ ранѣе изданъ въ числѣ „Документовъ къ польскому заговору“. Вильна 1866 г.

въ монополію полякамъ. Однако, ихъ никто не изгоняетъ оттуда при нынѣшнемъ національномъ „самоопредѣленіи!“

Служебный долгъ и политика въ школѣ.

Въ самомъ началѣ школьнаго движенія подверглись насиліямъ только русскіе учителя, послѣ же рождественскихъ вакацій 1905 г. агитаторы стали нападать и на тѣхъ учителей-поляковъ, которые, повинуясь служебному долгу, рѣшили возобновить занятія, не смотря на запрещенія и угрозы агитаторовъ. Отрѣшеніе отъ должности нѣкоторыхъ учителей-политикановъ, не пожелавшихъ возстановить законное преподаваніе въ школахъ, вызвало нападеніе на и. д. инспектора училищъ г. Варшавы Д. П. Янковскаго, которому на улицѣ были нанесены тяжкіе удары по головѣ желѣзными палками. Конечно, нападавшіе являлись лишь орудіемъ въ рукахъ „націонализаторовъ“ школъ, прибѣгающихъ для достиженія своихъ цѣлей къ такимъ низкимъ средствамъ борьбы съ государственной школой. Хотя газета „Czytelnia dla wszystkich“ (№ 2) начала было 1906 годъ призывомъ къ борьбѣ съ правительственной школой, но нельзя было допускать, чтобы мѣстное общество могло одобрить подобную борьбу. Однако, кромѣ сообщенія голыхъ фактовъ о нападеніяхъ на школы, мѣстныя газеты не обмолвились по этому поводу ни однимъ словомъ. Оказалось, что это молчаніе служило знакомъ согласія. Между тѣмъ „націонализаторы“ даже не сознавали хорошо, изъ-за чего вели борьбу. Кажущаяся имъ „руссификація“ начальныхъ школъ являлась чистѣйшей мистификаціей. Выше мы указывали на то, что во всѣхъ начальныхъ школахъ было вполнѣ обезпечено преподаваніе Закона Божія римско-католическаго исповѣданія и польскаго языка, а на основаніи Высочайшаго повелѣнія 27 октября 1905 г. разрѣшено пользоваться польскимъ и литовскимъ языками при преподаваніи ариѳметики. Такимъ образомъ изъ предметовъ школьнаго обученія оставался одинъ русскій языкъ, который долженъ преподаваться, конечно, по-русски. Что же касается собственно русскаго языка, то даже сами дѣти и ихъ родители высказывали учителямъ тотъ взглядъ, что въ русскомъ государствѣ необходимо знать русскій языкъ, тѣмъ болѣе, что многіе по окончаніи начальныхъ школъ, особенно въ городахъ, стремятся продолжать образованіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но агитаторы не желали этого понять. Имъ надо было пріостановить дѣятель-

ность государственной школы, какъ дѣятельность фабрикъ, почты, телеграфа. Къ прискорбію, агитаціи этой поддались нѣкоторые учителя, отказавшіеся въ началѣ 1906 г. возобновить законныя занятія. Если эти школьные педагоги не понимали, что роль школы въ общественной жизни нельзя сравнивать съ ролью фабрикъ или канцелярій, а дѣятельность учителя съ дѣятельностью фабричнаго рабочаго или чиновника, то имъ долженъ бы быть совершенно ясенъ хотя бы тотъ фактъ, что никто насильно не тянулъ дѣтей въ государственную школу. Если же дѣти предпочитали эту школу другимъ школамъ, рекомендуемымъ агитаторами, шли и нынѣ идутъ въ школу добровольно или по желанію родителей, не поддающихся ни агитаціи, ни угрозамъ, то какое дѣло до этихъ дѣтей непрошеннымъ опекунамъ? Вѣдь сама *Czytelnia dla wszystkich*, призывавшая къ борьбѣ съ государственной школой, констатировала фактъ, что нѣкоторые родители возмутились тѣмъ, что дѣти занялись политикой и не пошли въ школу: „Не должны дѣти заниматься политикой!“ Родители заставили дѣтей вернуться въ школы. Имѣетъ ли въ такомъ случаѣ учитель нравственное право закрывать двери школы передъ желающими учиться въ этой школѣ, или хотя бы временно прекращать занятія? Вѣдь потерянное въ ученьи время наверстать трудно. Такимъ образомъ политиканствующіе учителя наносили вредъ прежде всего тѣмъ, о комъ они якобы заботились, т. е. дѣтямъ.

Нѣкоторые учителя, примкнувшіе было вначалѣ подъ вліяніемъ агитаціи къ постановленію „вѣча“ учителей о самовольномъ реформированіи школы, вскорѣ сознали свое заблужденіе и, проникнутые служебнымъ долгомъ и любовью къ своему дѣлу, пожелали честно выполнить взятыя на себя обязанности: не взирая на угрозы агитаторовъ, они въ началѣ 1906 г. возобновили занятія, за что долго претерпѣвали гоненія со стороны „національзаторовъ“, преслѣдовавшихъ ихъ явно и тайно, присылавшихъ имъ прокламаціи съ бранью, угрозами и смертными приговорами, въ которыхъ эти, ни въ чемъ не повинные, не желавшіе лишь бросаться въ омутъ политической борьбы, мирные труженики назывались „измѣнниками“, „шпіонами“, „руссификаторами“ и т. п. *) О преслѣдованіяхъ и насиліяхъ учителя-поляки рѣдко когда заявляли административной или

*) Прокламаціи разсылалъ „Народовый кружокъ учителей“ (Narodowe koło nauczycieli).

учебной власти, боясь дальнѣйшихъ преслѣдованій и мести со стороны „націонализаторовъ“. О травлѣ, какой подвергались эти люди можно было узнать или случайно, или когда преслѣдованіе становилось настолько явнымъ, что скрыть его нельзя было, какъ напр., убійство учителя Витановскаго, или покушеніе на улицѣ средь бѣла дня на учителя Домбровскаго. Преслѣдованія продолжаются и по сіе время: такъ, напр., въ дзержбицкомъ нач. училищѣ, Кутновск. уѣз., Варш. губ., учительница котораго не принимала участія ни въ тайныхъ съѣздахъ учителей, ни вообще въ школьномъ движеніи, въ ночь съ 5 на 6 января 1908 г. были выбиты всѣ окна и топоромъ изрублены рамы. Значительная же часть учителей „сознательно“ или вынужденно вмѣстѣ съ ихъ школами сдѣлалась политическимъ орудіемъ въ рукахъ агитаторовъ. О такихъ учителяхъ-политиканахъ извѣстный нѣмецкій педагогъ Л. Келльнеръ *) говоритъ: „Одна мысль объ этомъ ужасна, и народъ, даже политически возбужденный народъ, чувствуетъ вопіющее противорѣчіе, когда человѣкъ, призванный воспитывать дѣтей, оказывается въ то же время горячимъ и страстнымъ любителемъ политической борьбы и считаетъ своей задачей не примиреніе, а возбужденіе. Все, что при этомъ онъ пожалуй и выигрываетъ на время въ обманчивомъ двусмысленномъ положеніи, онъ несомнѣнно потеряетъ въ истинномъ довѣріи и сердечной любви. Это испытали за послѣднее время многіе учителя на самихъ себѣ,—они сѣяли колючки и пожали терніи“. Эти слова вполнѣ оправдались впослѣдствіи на учителяхъ-политиканахъ польской школы.

*) „Мысли о школьномъ и домашнемъ воспитаніи“. М. 1895 г. стр. 49.

III. Превратныя толкованія закона.

Неосновательная жалоба.

Категорія учителей, принявшихъ дѣятельное участіе въ „національзаціи“ школъ, нашла себѣ защитниковъ не только въ польской, но и въ русской печати лѣваго направленія, особенно, когда нѣкоторые учителя-агитаторы были устранены отъ службы.

Не ограничиваясь мѣстными газетами, защитники „національзаціи“ школы отъ времени до времени стали выступать въ нѣкоторыхъ органахъ и русской прессы съ жалобами на „притѣсненія“ и „произволъ“ мѣстной власти, не стѣсняясь при этомъ выдумываніемъ всевозможныхъ „фактовъ“ и представленіемъ учебнаго дѣла въ мѣстной школѣ въ ложномъ свѣтѣ.

Такія жалобы на „произволъ“ мѣстной учебной власти, на „травлю учителей-поляковъ“ заключаетъ въ себѣ напечатанная въ 1905 г. въ № 357 *Нашей Жизни* статья подъ заглавіемъ „Польская начальная школа“. Подобныхъ статей въ „освободительной“ печати появлялось много, но мы остановимся на указанной статьѣ, какъ на яркомъ образчикѣ статей извѣстнаго въ то время направленія, тѣмъ болѣе, что означенная статья проливаетъ свѣтъ на нѣкоторыя стороны бойкота государственной школы и на превратныя толкованія закона.

По своимъ пріемамъ и аргументаціи эта статья является настолько явнымъ сколкомъ съ подобныхъ же статей мѣстныхъ газетъ, что въ происхожденіи ея не можетъ быть никакого сомнѣнія. Тенденціозность этой статьи и лживость въ освѣщеніи фактовъ такъ очевидны, что не знаешь просто, чему больше удивляться: нахальству или наивности автора, разсчитывавшаго, повидимому, на полную неосвѣдомленность русскаго общества объ истинномъ положеніи учебнаго дѣла въ Царствѣ Польскомъ, а также на довѣрчивость русскаго человѣка вообще. Этимъ, отчасти, и можно объяснить помѣщеніе упомянутой статьи въ русской газетѣ.

Чтобы судить, насколько справедливы взводимыя въ означенной статьѣ обвиненія и насколько вѣрно освѣщеніе

въ ней фактовъ, необходимо остановиться на нихъ въ ихъ послѣдовательности.

„Уже около года ведется въ Царствѣ Польскомъ ожесточенная борьба изъ-за польской школы", такъ начинается статья.

Кѣмъ и какими средствами велась эта борьба? Группой агитаторовъ, именовавшихъ себя „національзаторами школъ", наемными хулиганами, врывавшимися въ школы съ револьверами и кинжалами и избивавшими беззащитныхъ учителей, какъ это было въ Варшавѣ, или уничтожавшими школьныя библіотеки, какъ это было въ провинціи, или бросавшими бомбы, какъ это было въ одномъ изъ училищъ въ Радомѣ!

Дальше въ статьѣ идутъ модныя въ то время, хотя и всѣмъ уже надоѣвшія фразы о „бюрократіи", объ „ускользающей изъ подъ ея ногъ почвѣ", о томъ, что „русская печать (какая?) уже много разъ говорила по этому вопросу" (что говорила?), и затѣмъ сообщаются „факты". Остановимся на нихъ.

Какъ уже нами неоднократно указывалось, преподаваніе Закона Божія р.-католич. исповѣданія и польскаго языка въ начальныхъ школахъ было вполнѣ обезпечено и до такъ называемаго „освободительнаго движенія"; пользованіе же, кромѣ русскаго языка, польскимъ и литовскимъ языками при преподаваніи ариѳметики допущено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 27 октября 1905 г. По словамъ же *Нашей Жизни*, означенные предметы разрѣшено преподавать по-польски съ 6 іюня 1905 г., т. е. со дня Высочайше утвержденнаго постановленія Комитета Министровъ о порядкѣ выполненія п. 7 указа 12 декабря 1904 г. Если, по словамъ *Н. Ж.*, послѣ 6 іюня было разрѣшено вести преподаваніе предметовъ начальнаго обученія, *кромѣ русскаго языка*, *) по польски, то зачѣмъ же было съѣзжаться въ Варшаву (безъ вѣдома учебной власти) учителямъ начальныхъ училищъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ и дѣлать постановленіе о преподаваніи „всѣхъ предметовъ по-польски, кромѣ *русскаго языка*?" Результаты означеннаго постановленія, какъ увидимъ дальше изъ словъ *Наш Жиз.*, сказались вскорѣ: „По истеченіи двухъ недѣль послѣ этого постановленія, школы, гдѣ преподавали русскіе учителя, а слѣдовательно *остался и русскій языкъ*, совершенно опустѣли, а школы съ учителями-поляками переполнились желающими

*) Вездѣ курсивъ нашъ.

учиться по-польски". Если было постановлено на съѣздѣ вести преподаваніе по-польски всѣхъ предметовъ, *кромѣ русскаго языка* (значитъ русскій не изгонялся), то почему-же русскій языкъ *остался* только въ тѣхъ школахъ, гдѣ учителя русскіе? Что же сдѣлалось съ русскимъ языкомъ въ тѣхъ школахъ, гдѣ учителя-поляки?

Указанная статья умалчиваетъ какъ о постановленіи учителей въ октябрѣ 1905 г. изгнать русскій языкъ изъ начальныхъ школъ, такъ и объ опубликованіи въ *Варшавск. Курьерѣ* (№ 348) содержателями частныхъ учебныхъ заведеній въ Варшавѣ новой педагогической точки зрѣнія,—что изученіе русскаго языка вредно отражается на развитіи дѣтей. Затѣмъ *Наш. Жиз.* утверждаетъ, что при чтеніи дѣтямъ въ школѣ циркуляра (?) о русскомъ языкѣ дѣти кричали: „Мы не хотимъ учиться по русски!" и „начали расходиться по домамъ". Черезъ пять же строчекъ *Наш. Ж.* говоритъ, что въ настоящее время *„дѣти ходятъ исключительно въ тѣ школы*, гдѣ учителями являются не поляки, а русскіе", т. е. въ тѣ школы, гдѣ, по словамъ *Н. Ж.*, *остался русскій языкъ*. Вѣдь передъ тѣмъ только *Н. Ж.* утверждала, что дѣти „не хотятъ учиться по русски!" Словомъ, *Н. Ж.* такъ запуталась въ противорѣчивыхъ „фактахъ", что и сама не знала, какъ выбраться изъ такого положенія. Чтобы согласовать столь противорѣчивые „факты", *Н. Ж.* прибѣгаетъ къ очень характерному, но уже старому способу: она украдкой киваетъ на Петра, т. е. приписываетъ русскимъ учителямъ поступки учителей-поляковъ. Какъ нами уже было отмѣчено раньше, по квартирамъ учениковъ ходили какіе-то „делегаты" и заставляли родителей подъ разными угрозами брать дѣтей изъ тѣхъ школъ, гдѣ учителями состоятъ русскіе, и посылать ихъ въ школы съ учителями-поляками. Подобную роль *Н. Ж.* приписывала русскимъ учителямъ. Она увѣряла, что „нѣкоторые изъ русскихъ учителей, вѣроятно, не безъ вліянія инспекціи, ходили изъ дому въ домъ, убѣждая родителей учениковъ въ томъ, что преподаваніе будетъ вестись на польскомъ языкѣ". По словамъ *Н. Ж.*, русскіе учителя „прибѣгали иногда къ разнаго рода сомнительнымъ средствамъ, чтобы удержать въ своихъ школахъ учениковъ", напр., „раздавали бѣднѣйшимъ ученикамъ учебникъ польской исторіи Хотишевскаго, приказывая его купить остальнымъ". Раздача бѣднѣйшимъ ученикамъ польскихъ книжекъ признается „сомнительнымъ средствомъ". Вотъ до какихъ „фактовъ" можно додуматься, когда нужно указать на „сомнительныя средства" русскихъ учителей! Что же

касается другого „сомнительнаго средства"—хожденія русскихъ учителей по квартирамъ учениковъ съ цѣлью противодѣйствовать школьнымъ агитаторамъ, то дѣйствительно является сомнѣніе, чтобы при тогдашнемъ настроеніи въ Варшавѣ поляковъ противъ русскихъ вообще рѣшился кто-либо изъ русскихъ учителей ходить по квартирамъ, рискуя наткнуться на „націонализатора школъ" съ револьверомъ или ножемъ.

О дѣйствительной причинѣ того, почему сначала опустѣли школы съ русскими учителями и переполнились съ учителями-поляками и почему потомъ произошло обратное явленіе,—*Н. Ж.* умолчала, ибо это не входило въ ея планы. Но каждому, слѣдившему за событіями въ школьной жизни въ то время, причины такого явленія хорошо извѣстны. Послѣ объявленія въ мѣстной газетѣ *Nowe Życie* бойкота русскихъ учителей и учительницъ, послѣ разбрасыванія угрожающихъ прокламацій, послѣ посѣщенія упомянутыми выше „делегатами" родителей учащихся, не проходило почти дня, чтобы не было нападенія шайки „націонализаторовъ" на тѣ школы, гдѣ преподавали русскіе. Конечно, инспекція училищъ не могла допустить, чтобы учителя принимали явное участіе въ агитаціи. Поэтому она, послѣ неоднократныхъ предписаній, предупрежденій, вынуждена была устранить отъ службы главныхъ агитаторовъ изъ учителей поляковъ и запретить переполненіе классовъ дѣтьми, насильно изгнанными изъ другихъ школъ. Тогда остальные учителя-поляки подъ угрозой агитаторовъ или по другимъ соображеніямъ не пожелали возобновить послѣ новаго 1906 г. занятій, ссылаясь на получаемыя будто бы ими угрозы. Только русскіе учителя остались вѣрны служебному долгу и, не смотря на всевозможныя препятствія, не прерывали занятій. Многіе родители сами не пожелали посылать дѣтей въ тѣ школы, въ которыя учителя внесли политику. Что нѣкоторые родители учащихся возмущались политиканствомъ въ школѣ, объ этомъ было отмѣчено и въ польской печати, на что мы указывали выше. Вотъ чѣмъ объясняется указанное *Н. Ж.* явленіе, что „дѣти ходятъ исключительно въ тѣ школы, гдѣ учителями являются не поляки, а русскіе"; дѣти ходили въ тѣ школы, гдѣ учителя занимались не политикой, а ученьемъ.

Выше мы указывали, что „націонализаторы" и содѣйствовавшіе имъ учителя-агитаторы, очевидно, даже не сознавали хорошо, изъ-за чего вели борьбу, такъ какъ всѣ предметы начальнаго обученія, кромѣ русскаго языка, преподавались по-польски; необходимость же изученія въ рус-

скомъ государствѣ русскаго языка сознавалось даже самими дѣтьми. Для инспекціи училищъ, конечно, тоже непонятно было упорство нѣкоторыхъ учителей поляковъ въ нежеланіи возобновить законныя занятія. Поэтому инспекція, входя въ положеніе такихъ учителей, необдуманно ставшихъ на ложный путь, и не желая прибѣгать къ дальнѣйшимъ репрессіямъ, вызвала нѣкоторыхъ изъ нихъ, чтобы выяснить недоразумѣніе и доказать упорствующимъ ихъ заблужденіе. Такое снисходительное отношеніе инспекціи къ учителямъ-политиканамъ истолковывалось *Н. Ж.* какъ какая то особая „тактика". Отъ учителей-агитаторовъ требовалась лишь подписка въ томъ, что они будутъ исполнять законныя требованія учебной власти, т. е. преподавать ариѳметику согласно упомянутымъ выше постановленію Комитета Министровъ и Высочайшему повелѣнію 27 октября 1905 г. Отказъ дать подобную подписку *Н. Ж.* объясняетъ лишь намеками, уклоняясь отъ прямого отвѣта: „Учителя, отлично сознавая, что можетъ повлечь (?) за собою такого рода подписка, дать ее отказались, мотивируя это тѣмъ, что польское общество не желаетъ такого рода (?) первоначальной школы и они, учителя-поляки, итти противъ него не могутъ, тѣмъ болѣе, что согласно постановленію Комитета Министровъ, обученіе можетъ вестись на польскомъ языкѣ". По словамъ-же самой *Н. Ж.*, инспекція училищъ „заявила, что вовсе не требуется, чтобы въ начальныхъ училищахъ обученіе „всецѣло велось на русскомъ языкѣ" и указала на тоже постановленіе Комитета Министровъ, въ которомъ относительно преподаванія ариѳметики дословно сказано такъ: „внести, безъ сношенія съ вѣдомствами, въ Государственный Совѣтъ представленіе о допущеніи въ одноклассныхъ начальныхъ училищъ и первыхъ классахъ прочихъ начальныхъ училищъ варшавскаго учебнаго округа при преподаваніи ариѳметики пользоваться, *кромѣ русскаго*, также и польскимъ языкомъ". Въ состоявшемся по тому же вопросу Высочайшемъ повелѣніи 27 октября также ясно сказано „допустить при преподаваніи ариѳметики пользоваться, *кромѣ русскаго*, польскимъ и литовскимъ языками". Такимъ образомъ, при преподаваніи ариѳметики, русскій языкъ вовсе не изгоняется, какъ это хотѣлось бы „національзаторамъ". Если при преподаваніи ариѳметики, послѣ того какъ дѣти усвоятъ хорошо счетъ и всю терминологію, учитель научитъ ихъ считать по-русски, то это нисколько не будетъ противорѣчить приведеннымъ постановленію Комитета Министровъ и Высочайшему повелѣнію, а отъ этого только выиграютъ дѣти, для кото-

рыхъ умѣнье считать въ русскомъ государствѣ по-русски нельзя признавать излишнимъ. Требуемая инспекціей подписка обязывала учителей вести занятія по ариѳметикѣ согласно тому же постановленію Комитета Министровъ, на которое ссылались сами учителя. Почему же нельзя было дать такой подписки? И причемъ тутъ „произволъ“ мѣстной власти?

Характерно также обрисовывалось *Н. Ж.* положеніе учителей-агитаторовъ въ селахъ: „Живя въ глуши, вдали одинъ отъ другого, они лишены возможности защищаться общими силами, а власти, пользуясь военнымъ положеніемъ края, нерѣдко при помощи военной силы заставляютъ отрекаться отъ постановленій съѣзда“.

Значитъ, проживай эти педагоги-политиканы, напр., въ Варшавѣ, они, не смотря на военное положеніе, нашли бы „возможность“ примѣнить варшавскій способъ „защиты“ отъ учебнаго начальства. Этотъ способъ какъ нельзя лучше характеризуется нападеніемъ на улицѣ среди бѣла дня на и. д. инспектора училищъ Д. П. Янковскаго на другой же день послѣ увольненія нѣкоторыхъ учителей-агитаторовъ. Повтореніе его послѣдовало въ болѣе рѣзкой формѣ, выразившись въ покушеніи на убійство помощника инспектора И. И. Орлова. Понятна посэтому и жалоба на военное положеніе, при которомъ подобная защита можетъ имѣть печальныя для „защитниковъ“ послѣдствія. Жалоба же на то, что уволеннымъ отъ службы учителямъ-агитаторамъ не выдавалось жалованье, являлась по меньшей мѣрѣ странной.

Впослѣдствіи всѣ уволенные были возстановлены въ своихъ должностяхъ съ уплатой имъ жалованья за время устраненія ихъ отъ службы, — не потому, что они не были виновны, а потому, что таковъ былъ приказъ изъ кадетскаго министерства гр. И. И. Толстого.

Какъ на „характерный фактъ произвола мѣстной власти“, *Н. Ж.* указывала въ заключеніе на слѣдующее: „Когда гмина Крамскъ двѣ недѣли тому назадъ запросила официально министерство народнаго просвѣщенія, на какомъ языкѣ она можетъ вести преподаваніе въ своей школѣ, былъ полученъ отвѣтъ: на польскомъ языкѣ, за исключеніемъ русскаго языка, который долженъ преподаваться по-русски“. Этому частному, формулированному такъ лаконически, канцелярскому отвѣту, въ которомъ департаментъ народнаго просвѣщенія не считалъ, очевидно, нужнымъ приводить и разъяснять уже извѣстное Высочайшее повелѣніе 27 октября 1905 г., *Н. Ж.* придала значеніе „постановленія“ центральныхъ властей, заканчивая свое толкованіе

словами: „Такъ мѣстныя власти измѣняютъ постановленія центральныхъ властей, а гдѣ и какъ искать на нихъ суда —неизвѣстно“. Такъ толковать могъ только или войтъ гмины Крамскъ или „національзаторы“, которымъ во что бы то ни стало нужно было при посредствѣ „*Нашей Жизни*“ оправдать передъ русскимъ обществомъ учителей-агитаторовъ, но—не учебная власть, которой смыслъ Высочайшаго повелѣнія 27 октября 1905 г. былъ ясенъ.

Недоразумѣнія, вызванныя неправильнымъ толкованіемъ закона со стороны Министерства Нар. Просв.

Таковъ уже удѣлъ большинства узаконеній и циркуляровъ, что они не могутъ обойтись безъ „примѣчаній“, „дополненій“, „разъясненій“... Но пока послѣдуютъ эти дополненія и разъясненія, неясный циркуляръ при примѣненіи его на практикѣ порождаетъ часто недоразумѣнія, влекущія за собой печальныя послѣдствія.

Такъ, между прочимъ, произошло и съ распоряженіями министерства народнаго просвѣщенія о преподаваніи въ мѣстныхъ школахъ на польскомъ языкѣ.*)

Какъ нами уже неоднократно указывалось, недоразумѣніе возникло изъ-за своеобразнаго толкованія нѣкоторыми учителями поляками распоряженій министерства о преподаваніи въ начальныхъ школахъ ариѳметики; это недоразумѣніе еще больше усилилось послѣ лаконическаго отвѣта департамента народнаго просвѣщенія жителямъ гмины Крамскъ по вопросу о преподаваніи въ школахъ предметовъ начальнаго обученія. Какъ въ Высочайше утвержденномъ 6 іюня 1905 г. особомъ Журналѣ Комитета Министровъ, такъ и въ Высочайшемъ повелѣніи 27 октября 1905 г. о преподаваніи ариѳметики дословно сказано такъ: „допустить при преподаваніи ариѳметики въ одноклассныхъ начальныхъ училищахъ, а также въ первыхъ классахъ прочихъ начальныхъ училищъ варшавскаго учебнаго округа, въ коихъ большинство учащихся составляютъ по-

*) Интересующіеся вопросомъ о примѣненіи Высочайше утвержденнаго 6 іюня 1905 г. положенія Комит. Министр. и Высочайшихъ поволѣній 1 и 27 октября того же года о преподаваніи въ школахъ варшавскаго учеб. округа, а также о недоразумѣніяхъ, возникшихъ при примѣненіи закона благодаря неопредѣленнымъ и неяснымъ циркулярамъ министерства, и о роли учителей-поляковъ въ самовольномъ реформированіи школъ—найдутъ подробныя разъясненія въ „Новомъ Времени“ (№ 10795), „Окраин. Россіи“ (№ 4), „Варшав. Дневн.“ №№ 26, 53, 88, 106, 124 и др.), „Варш. Вѣстникъ“ №№ 4 и 22) за 1906 г. и „Нов. Время“ № 10407—1907 г.

ляки или литовцы, пользоваться, *кромѣ русскаго**), также польскимъ и литовскимъ языкомъ". Казалось бы ясно, что русскій языкъ при преподаваніи ариѳметики вовсе не исключается. Поэтому инспекція училищъ, какъ объясняли сами учителя, старалась выяснить имъ возникшее недоразумѣніе, не требуя, впрочемъ, преподаванія ариѳметики исключительно по-русски. На этомъ недоразумѣніе не кончилось. По поводу отвѣта, даннаго департаментомъ народнаго просвѣщенія жителямъ гмины Крамскъ, что преподаваніе въ школахъ всѣхъ предметовъ, кромѣ русскаго языка, можетъ вестись по-польски, учителя-агитаторы стали доказывать, что въ начальныхъ училищахъ должны преподаваться на польскомъ языкѣ, *какъ отдѣльные предметы*, исторія и географія. Какъ ни старались школьныя власти доказать учителямъ, что означенные предметы должны проходиться при объяснительномъ чтеніи на урокахъ русскаго и польскаго языковъ, — ничто не помогало: агитаторы стояли на своемъ и наконецъ дошли въ своемъ толкованіи до изгнанія изъ школъ русскаго языка даже какъ отдѣльнаго предмета. Въ то же время въ мѣстной печати и, какъ упомянуто выше, въ газетѣ *Наша Жизнь* (№ 357) стали усиленно взводиться на мѣстную учебную власть обычныя обвиненія въ „руссификаціи", „самовольной отмѣнѣ постановленій центральныхъ властей", „притѣсненіяхъ", „травлѣ учителей-поляковъ" и т. п. Каждый, кто не могъ согласиться съ доводами агитаторовъ, кто стоялъ на законной почвѣ, кто желалъ свято исполнить свой долгъ, устранялся ими съ пути... Достаточно указать на такія жертвы служебнаго долга, какъ Г. В. Станкевичъ и И. И. Орловъ, полагавшіе всю свою заботливость въ улучшеніи быта учителей, чтобы понять всю безсмысленность обвиненій въ какихъ-либо притѣсненіяхъ или травлѣ учителей.

Наконецъ, министерство народнаго просвѣщенія, въ виду ходатайства мѣстной учебной власти, „а также тѣхъ

---

*) Въ Журн. Комит. Мин. сказано: „Не находя, чтобы допущеніе **въ извѣстной степени** преподаванія этого предмета при помощи польскаго языка умалило значеніе русскаго языка, какъ государственнаго, Комитетъ высказался за разрѣшеніе допустить пользованіе, **кромѣ русскаго языка**, и польскимъ языкомъ при преподаваніи **начальныхъ правилъ** ариѳметики... Комитетъ не сомнѣвается въ томъ, что результаты, достигнутые уже дѣйствующею системою, **должны быть сохранены**; для сего, а также для сохраненія за школой соотвѣтствующаго русской государственности значенія въ краѣ, необходимо принципіально признать, что **она должна по прежнему остаться русской**".

недоразумѣній, которыя возникаютъ на мѣстѣ по вопросу о языкѣ преподаванія въ начальныхъ училищахъ", сочло необходимымъ въ особомъ циркулярѣ, изданномъ 19 февраля 1906 г. за № 3811, разъяснить, что такъ какъ „въ Высочайше утвержденномъ въ 6 день іюня 1905 г. особомъ журналѣ Комитетъ Министровъ при разсмотрѣніи вопроса о преподаваніи *началъ* ариѳметики на природномъ языкѣ учащихся руководствовался соображеніями педагогическаго характера, *то ясно* (?), что употребленіе языка русскаго при преподаваніи ариѳметики *допускается* только въ случаѣ особой къ тому необходимости". Какъ указано выше, и въ журналѣ Комитета Министровъ и Высочайшемъ повелѣніи 27 октября 1905 г. разрѣшалось *допустить* при преподаваніи ариѳметики, *кромѣ русскаго языка, польскій и литовскій*, а по циркулярному толкованію министерства лишь *допускается русскій языкъ* и то только „въ случаѣ особой къ тому необходимости". Когда же должна признаваться эта необходимость, какова ея мѣрка и какъ понимать указанное Высочайшее повелѣніе объ этомъ должно быть еще послѣдуютъ когда-либо „дополнительныя" „разъясненія"...

Любопытно, какъ разъяснилъ бы упомянутое Высочайшее повелѣніе Сенатъ, который собственно и является единственнымъ авторитетнымъ толкователемъ Высочайшихъ повелѣній?

Въ другомъ февральскомъ циркулярѣ за № 3810 о преподаваніи въ начальныхъ училищахъ варшавскаго учебнаго округа министерство признало нужнымъ указать, чтобы въ начальныхъ школахъ „объяснительное чтеніе велось какъ на урокахъ русскаго языка, такъ и на урокахъ мѣстнаго по соотвѣтствующимъ книгамъ для чтенія, причемъ *отдѣльные учебники по исторіи и географіи должны быть изъяты*". Очень жаль, что это разъясненіе не было сдѣлано при первоначальномъ распоряженіи о преподаваніи въ мѣстныхъ училищахъ: оно предотвратило бы тѣ недоразумѣнія, какія возникли изъ-за преподаванія отдѣльныхъ предметовъ.

Въ третьемъ циркулярѣ, за № 3809, изданномъ въ одинъ день съ первыми двумя, по вопросу о языкѣ преподаванія въ первомъ классѣ городскихъ по положенію 1887 г. училищахъ и въ ремесленныхъ училищахъ министерство разъясняетъ, что „къ школамъ ремесленныхъ учениковъ и къ ремесленнымъ училищамъ, а также *къ воскресно-ремесленнымъ* и воскресно-коммерческимъ училищамъ Высочайшее повелѣніе 27 октября 1905 г. должно примѣ-

няться только въ тѣхъ случаяхъ, если программы этихъ училищъ не превышаютъ курса одноклассныхъ начальныхъ училищъ; въ противномъ же случаѣ обученіе должно вестись на русскомъ языкѣ". Дальше въ циркулярѣ говорится: „въ тѣхъ случаяхъ, когда эти училища открыты какъ частныя, т. е. *не пользуются никакими правами ни для учащихъ, ни для учащихся* (не считая правъ ремесленныхъ), и когда они содержатся обществами, товариществами и частными лицами на частныя средства, безъ всякаго пособія со стороны казны, къ нимъ долженъ быть примѣненъ Именной Высочайшій указъ отъ 1 октября 1905 г." На основаніи же п. 3 означеннаго указа „преобразованнымъ или открытымъ на сихъ основаніяхъ учебнымъ заведеніямъ не присваивать для служащихъ въ нихъ и для учащихся правъ и преимуществъ, предоставляемыхъ по закону учебнымъ заведеніямъ правительственнымъ или приравниваемымъ къ нимъ." Такимъ образомъ, на основаніи приведенныхъ узаконеній и циркуляра министерства, преподаваніе всѣхъ предметовъ, кромѣ русскаго языка, на польскомъ языкѣ можетъ быть допущено только въ 1 классѣ воскресно-ремесленныхъ училищъ, о чемъ и было сдѣлано инспекціей училищъ соотвѣтственное распоряженіе; въ старшихъ же классахъ преподаваніе должно вестись на русскомъ языкѣ, такъ какъ: 1) учащіеся пользуются большими, по сравненію съ курсомъ обученія, правами по отбыванію воинской повинности, а именно: окончившіе курсъ 2-класса—третьимъ разрядомъ, а окончившіе курсъ 4 класса—вторымъ разрядомъ и 2) служащіе въ этихъ училищахъ лица пользуются правомъ на эмеритальную пенсію.

Такъ обстоитъ дѣло съ формальной стороны, и измѣнять его мѣстная учебная власть по своему усмотрѣнію не можетъ, тѣмъ болѣе, что на ходатайство попечительнаго комитета ремесленнаго училища имени Конарскаго о преподаваніи въ этомъ училищѣ на польскомъ языкѣ министерство народнаго просвѣщенія отвѣтило отказомъ, несмотря на всѣ усилія комитета доказать, что означенное училище частное *).

Однако, это не мѣшало *Варшавскому Курьеру* (№ 89 1906 г.), покончивъ съ начальными училищами, начать новый походъ противъ воскресно-ремесленныхъ училищъ и выступить съ новыми притязаніями. Въ статьѣ „Szkoły niedzielno-rzemieślnicze" *Варш. Курьеръ* убѣждалъ магис-

*) (Варш. Дневникъ) 1906 г. № 37.

тратъ гор. Варшавы требовать преподаванія въ воскресно-ремесленныхъ училищахъ на польскомъ языкѣ на томъ-де основаніи, что эти училища содержатся на средства города и потому должны считаться частными. О дѣйствующихъ по этому вопросу узаконеніяхъ, о правахъ учащихся и учащихъ *Варш. Кур.*, конечно, ни слова не упоминалъ, такъ какъ явно обнаружилъ бы тенденцію. Общество, незнакомое съ истиннымъ положеніемъ дѣла и склонное повѣрить доводамъ *Вар. Кур.*, готово было взвоинть на мѣстную власть обвиненія въ „руссификаціи", „самовольномъ измѣненіи постановленій центральной власти", „притѣсненіяхъ" и т. п., основываясь на утвержденіяхъ *Варш. Курьера*, что „на основаніи существующихъ уже правъ преподаваніе въ воскресно-ремесленныхъ училищахъ должно безъ всякихъ препятствій со стороны „инспекційно-школьной" власти производиться на польскомъ языкѣ", тѣмъ болѣе, что свои доводы *Варш. Курьеръ* старался подтвердить „фактомъ". Такъ, напр., циркуляръ инспекціи училищъ, основанный на разъясненіи министерства, о языкѣ преподаванія въ начальныхъ училищахъ, *Варш. Кур.* называлъ „поворотнымъ пунктомъ въ уступкахъ *мѣстной* школьной власти, которая послѣ долгаго сопротивленія(?) начинаетъ наконецъ удовлетворять справедливыя желанія польскаго общества".

Такимъ образомъ *Варш. Курьеръ* по неосвѣдомленности или умышленно умалчивалъ о приведенныхъ выше узаконеніяхъ и циркулярахъ министерства и опять сваливалъ на мѣстную власть вину въ препятствіяхъ къ „національзаціи" воскресно-ремесленныхъ училищъ, порождая тѣмъ недоразумѣнія и возбуждая общество къ новымъ притязаніямъ, удовлетвореніе которыхъ не зависило отъ мѣстной власти.

О тенденціи названной статьи и говорить нечего. На специфическій тонъ подобныхъ статей мы уже не разъ указывали. Тутъ что ни слово, то тенденція. Но для выясненія фактовъ, ложно освѣщенныхъ въ свое время не только названной газетой, а и другими газетами, необходимо остановиться на нѣкоторыхъ толкованіяхъ *Варш. Курьера*.

Начинается статья указаніемъ на то, что къ члену совѣта министра народнаго просвѣщенія г. Мамантову являлись представители ремесленныхъ цеховъ съ услугами выяснить „фатальное положеніе" воскресно-ремесленныхъ школъ и что, „кажется (podobno), г. Мамантовъ въ воскресенье (12 марта) посѣтилъ эти школы и не засталъ

въ нихъ учениковъ, что было краснорѣчивымъ образчикомъ (wymowną próbką) того, какъ эти школы работали въ теченіе цѣлаго года". *Варш. Кур.* дѣйствительно строилъ свои выводы на томъ, что ему „кажется", а не на фактахъ. Факты же таковы: ежегодно передъ Пасхой одно изъ воскресеній назначается ученикамъ воскресно-ремесленныхъ училищъ на исповѣдь, почему занятій въ это воскресенье не бываетъ; въ большинствѣ училищъ для исповѣди и было назначено воскресенье, 12 марта, т. е. когда г. Мамантовъ былъ въ Варшавѣ и при посѣщеніи въ этотъ день воскресно-ремесленныхъ училищъ дѣйствительно могъ и не застать въ нихъ учащихся, бывшихъ въ это время на исповѣди. Но объ этомъ *Варт. Кур.* умолчалъ.

Касаясь дальше экзаменовъ въ 1905 году, *Варш. Кур.* говоритъ, что они „происходили въ дѣйствительности только на бумагѣ въ рапортахъ экзаменаціонныхъ комиссій". Въ той же статьѣ *Варш. Кур.* указываетъ на участіе въ означенныхъ комиссіяхъ представителей отъ цеховъ и магистрата. Сомнительно, чтобы эти представители подписывали рапорты, если бы экзамены не происходили. Дальше въ статьѣ идутъ указанія на то, что въ 1905 году занятія почти не происходили или производились съ нѣсколькими учениками, такъ какъ остальные „не желали учиться по-русски". Мы въ своемъ мѣстѣ указывали на дѣйствительныя причины временнаго непосѣщенія школъ, а именно на дѣйствія „націонализаторовъ". А каковы эти дѣйствія, *Варш. Кур.* хорошо знаетъ. О томъ, какъ врывались агитаторы съ револьверами по нѣсколько разъ въ училища и разгоняли и даже избивали учениковъ, угрожая въ то же время учителямъ, а когда къ училищамъ была приставлена военная охрана, останавливали идущихъ въ училища и отнимали отъ нихъ книги,—обо всемъ этомъ *Варш. Кур.* не обмолвился ни однимъ словомъ. Но такъ какъ, не смотря на всѣ препятствія, нѣкоторые ученики все-таки продолжали ходить въ училища и, какъ нами было выше отмѣчено, на экзамены въ 30 училищахъ явилось 504 ученика, то *Варш. Кур.* неудобно было умолчать объ этомъ фактѣ. Поэтому онъ, ссылаясь на нашу статью по этому поводу, въ *Варш. Дневн.* *) упрекалъ эту газету въ томъ, что она не указала, сколько являлось учениковъ на экзамены въ прошлые годы, и затѣмъ привелъ данныя за 1904 г. Но *Варш. Дневнику* и не было надобности приводить данныхъ

*) (Варш. Дн.) 1906 г. № 10 „Неудавшаяся агитація".

за прежніе годы, такъ какъ никто не могъ сомнѣваться въ томъ, что раньше являлось на экзаменъ учениковъ гораздо больше, какъ не могъ сомнѣваться и въ томъ, что въ 1905 г. явилось бы не меньше, чѣмъ въ 1904 г., если бы этому не препятствовали агитаторы. Было указано лишь на тотъ фактъ, что, не смотря на всевозможныя затрудненія, ученики всетаки посѣщали училища и являлись на экзамены,—слѣдовательно дорожили этими училищами и ничего не имѣли противъ русскаго языка. Лучшимъ доказательствомъ тому служитъ тотъ фактъ, что въ 1906 г. опять явилось въ воскресно-ремесленныя училища много учениковъ, на что, впрочемъ, указывалъ и самъ *Варш. Кур.*, говоря, что ученики устремились массой (uczniowie zgłosili się gremialnie). Но этому факту *Варш. Кур.* придалъ своеобразную окраску, а именно—объяснилъ предположеніемъ учениковъ, что обученіе будетъ вестись по-польски, и затѣмъ утверждалъ, что когда ученики узнали о преподаваніи на русскомъ языкѣ, то перестали посѣщать училища. Мы можемъ удостовѣрить собранными нами данными, что записавшіеся въ воскресно-ремесленныя училища ученики всѣ продолжали посѣщать эти училища, переполненныя и въ настоящее время,

Чтобы вполнѣ выяснить то недоразумѣніе, которое было посѣяно неправильнымъ толкованіемъ новаго узаконенія министерствомъ графа И. И. Толстого, необходимо остановиться еще на откликахъ этого толкованія въ мѣстной польской прессѣ. Укажемъ на статью *Варш. Курьера* (№ 113—1906 г.). „Szkoła elementarna wobec reformy“, въ которой названная газета пытается подкрѣплять свои доводы „законными основаніями“, долженствующими внушить читателямъ полное довѣріе къ этимъ доводамъ.

Министерство народнаго просвѣщенія издало въ февралѣ 1906 г. циркуляръ за № 3810 о томъ, чтобы „не вводить проектированный при министрѣ генералѣ Глазовѣ „Планъ обученія въ начальныхъ училищахъ варш. учебн. окр.“, а сохранить и впредь прежнія таблицы недѣльнаго распредѣленія уроковъ, а также и прежній планъ преподаванія въ этихъ училищахъ съ тѣмъ, чтобы, согласно ст. 3687 (ч. I, т. XI Св. Зак., изд. 1893), чистописаніе было присоединено къ преподаванію мѣстнаго языка (польскаго и литовскаго) и чтобы объяснительное чтеніе велось какъ на урокахъ русскаго языка, такъ и на урокахъ мѣстнаго языка по соотвѣтствующимъ книгамъ для чтенія, причемъ *отдѣльные учебники по исторіи и географіи должны быть изъяты*“. *Варш. Кур.* сталъ доказывать на этотъ разъ

неправильность приведенныхъ разъясненій министерства подозрѣвая въ нихъ „руссификаторскія“ цѣли, многозначительно замѣтилъ: „тенденція очевидна и комментаріевъ не требуетъ“. По его мнѣнію, мѣстная начальная школа и послѣ только что произведенной реформы не отвѣчаетъ, „мысли законодателя“. *Варш. Кур.* пытался доказать, что исторія и географія должны преподаваться въ начальной школѣ не на урокахъ объяснительнаго чтенія, какъ требуется по закону и какъ подтвердило министерство, а должны быть выдѣлены въ особые уроки и преподаваемы какъ отдѣльные предметы по-польски. Если *Варш. Кур.* основывался въ своихъ выводахъ на „мысли законодателя“, то долженъ былъ имѣть въ виду не проектированный при г. Глазовѣ планъ обученія съ отдѣльными уроками по исторіи и географіи, не введенный въ школахъ, а основныя законоположенія о начальныхъ школахъ. По указанной же выше ст. 3687 т. XI Св. Зак., въ начальныхъ училищахъ дѣти должны обучаться слѣдующимъ предметамъ: 1) Закону Божію, 2) чтенію и письму по-русски, чтенію печатныхъ книгъ и рукописей на природномъ языкѣ, 4) чистописанію на томъ же языкѣ, 5) основнымъ правиламъ ариѳметики съ понятіемъ о мѣрахъ, вѣсахъ и деньгахъ. По ст. 3693 того же тома закона, независимо отъ указанныхъ выше предметовъ, дѣтямъ во вторыхъ классахъ начальныхъ училищъ преподаются практическія свѣдѣнія о сельскомъ хозяйствѣ, счетоводствѣ, а также о необходимыхъ въ мѣстномъ быту отрасляхъ промышленности и ремеселъ. По инструкціи для учителей, изданной въ развитіе законоположеній о народномъ образованіи начальная школа должна дать ребенку понятіе объ окружающей природѣ изъ царства животнаго, растительнаго, минеральнаго, о физическихъ явленіяхъ, совершающихся передъ нимъ. Очевидно, что по всѣмъ этимъ предметамъ невозможно заводить въ начальной школѣ отдѣльные учебники, такъ какъ для основательнаго изученія указанныхъ предметовъ не хватило бы и времени, установленнаго для начальной школы. Поэтому то учебники для начальныхъ школъ и составляются такъ, что заключаютъ въ себѣ въ популярномъ изложеніи общія и самыя необходимыя понятія какъ по исторіи и географіи, такъ и объ окружающей ребенка природѣ. По такимъ учебникамъ польскимъ и русскимъ на урокахъ объяснительнаго чтенія дѣти и знакомятся съ указанными предметами. Если же послѣдовать доводамъ *Варш. Кур.*, тогда надо было бы завести въ начальныхъ школахъ съ трехлѣтнимъ курсомъ отдѣльные учебники не только по исторіи и географіи, но и по

физикѣ, ботаникѣ, зоологіи, минералогіи, астрономіи, сельскому хозяйству и др.

Согласно упомянутой инструкціи для начальныхъ учителей, дѣти въ школахъ раздѣляются по степени ихъ развитія на *три* отдѣленія, между которыми и распредѣляется планъ и программа обученія. Между тѣмъ *Варш. Кур.* высчитывалъ количество уроковъ въ *четырехъ* отдѣленіяхъ. Правда, что въ начальныхъ школахъ бываютъ иногда, такъ называемыя, вступительныя отдѣленія, но они допускаются временно, пока не выяснится точно степень развитія всѣхъ учащихся и возможность правильно распредѣлить ихъ между тремя отдѣленіями. Такая временная мѣра не можетъ быть принята за основаніе для вычисленія нормальнаго количества уроковъ въ начальной школѣ.

Ничего нѣтъ, поэтому, удивительнаго, что при подобныхъ, принятыхъ *Варш. Кур.* „законныхъ“ основаніяхъ онъ пришелъ къ заключенію, что „по обязательному плану уроковъ русскаго языка въ $2^1/_2$ раза больше, чѣмъ польскаго“.

Изъ какого источника *Варш. Кур.* черпалъ подобныя свѣдѣнія, неизвѣстно; во всякомъ случаѣ приводимыя имъ свѣдѣнія не соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ. Достаточно взять въ любой изъ варшавскихъ начальныхъ школъ планъ занятій, предложенный въ 1899 году. Изъ этого плана ясно видны, что во всѣхъ трехъ отдѣленіяхъ изъ общаго числа уроковъ 108—уроковъ польскаго языка 24, а русскаго 39, что во всякомъ случаѣ не будетъ въ $2^1/_2$ раза больше. Что же касается указываемаго *Варш. Кур.* раздѣленія занятій на самостоятельныя и съ учителемъ, то каждому, знакомому съ способами школьнаго преподаванія, извѣстно, что использовать тѣ и другія занятія зависитъ исключительно отъ умѣнья учителя вести занятія въ школѣ съ тремя отдѣленіями.

Съ того же времени, когда всѣ предметы, кромѣ русскаго языка, стали преподаваться въ начальныхъ школахъ по-польски, уроки русскаго языка (39) въ общемъ числѣ уроковъ (108) составляютъ почти третью часть. Какъ видимъ, получается выводъ совершенно обратный тому, къ которому пришелъ *Варш. Кур.*: въ дѣйствительности дѣти учатся въ начальныхъ школахъ *по-польски въ три раза больше, чѣмъ по-русски.* Такимъ образомъ на доводы *Варш. Кур.* (и др. газетъ) можно отвѣтить его же словами: „тенденція очевидна и комментаріевъ не требуетъ“.

Впрочемъ, если допустить, что авторъ разбираемой статьи совершенно незнакомъ съ предметомъ, о которомъ

взялся трактовать, то подобное освѣщеніе имъ школьнаго вопроса до нѣкоторой степени еще можно извинить, такъ какъ по польской же пословицѣ: „Nieświadomośc grzechu nie czyni“ (незнаніе не дѣлаетъ грѣха).

Малѣйшія попытки учебной власти внести порядокъ въ учебное дѣло встрѣчались яростными нападками со стороны націоналистской печати. Такъ, напр., въ началѣ 1907 г. въ *Варш. Курьерѣ* (№ 16), этомъ выразителѣ стремленій школьныхъ „націонализаторовъ“, была напечатана статья подъ заглавіемъ „*Покушеніе на школы*“—одна изъ тенденціозныхъ статей по школьному вопросу,—напечатана, конечно, не тогда, когда на школы дѣйствительно производилось покушеніе полонизаторами съ бомбами и браунингами, а тогда, когда инспекторъ училищъ гор. Варшавы, желая упорядочить преподаваніе въ правительственныхъ школахъ, выбитыхъ изъ колеи „освободительнымъ движеніемъ“, попытался преподать учителямъ нѣкоторыя методическія указанія и напомнить о необходимости согласовать преподаваніе съ законными требованіями. И хотя *Варш. Кур.* (№ 40) долженъ былъ, на основаніи закона о печати, признать, что указаннымъ тревожнымъ заглавіемъ статьи прикрыта ложь, но сигналъ, данный лейбъ-органомъ школьныхъ „націонализаторовъ“ возымѣлъ свое дѣйствіе, заставивъ полонизаторовъ учебныхъ заведеній насторожиться и стать въ боевое положеніе. Это настроеніе поддерживается *Варш. Кур.* до послѣдняго времени цѣлымъ рядомъ статей по школьному вопросу (см. №№ 23, 150, 163, 175, 182 и др. за 1907 г.).

Возбуждаемые противъ государственной школы и другими органами націоналистской печати, въ томъ числѣ и *Гонцемъ*, заявившимъ (№ 68—1907 г.), что въ польской школѣ „нѣтъ ни одного часа для русскаго языка“ и что учителя, преподающіе русскій языкъ въ государственной школѣ,—„трусы и бѣглецы“, полонизаторы повели рѣшительное наступленіе на эту школу. Ихъ возмущаетъ то, что въ государственныхъ школахъ хоть часъ въ день все-таки удѣляется русскому языку и что эти школы посѣщаются охотно, не смотря ни на угрозы агитаторовъ, ни на приманки къ себѣ содержателей частныхъ школъ.

Чтобы положить конецъ дальнѣйшимъ инсинуаціямъ, по требованію инспектора училищъ гор. Варшавы, основанному на ст. 138 уст. о печати, въ томъ же *Варшав. Кур.* (въ № 40—1907 г.) было напечатано опроверженіе ложнаго освѣщенія названной газетой распоряженій учебной власти. Приведя въ этомъ опроверженіи доказательства полной за-

кономѣрность своихъ требованій, инспекторъ училищъ путемъ сопоставленія учебныхъ плановъ въ школахъ Галиціи, на которую поляки такъ любятъ ссылаться *), съ планами въ школахъ Царства Польскаго кромѣ того доказалъ: что въ послѣднихъ на отечественный (природный) языкъ положено больше учебныхъ часовъ, чѣмъ въ школахъ Галиціи, что число часовъ на преподаваніе Закона Божія и мѣстнаго языка по плану 1906 г. увеличено по сравненію съ планомъ 1899 г. вдвое (вмѣсто 2 и 6—4 и 12), что система и планъ преподаванія таковы же, какъ и въ школахъ цѣлаго свѣта.

Неправильное примѣненіе закона 27 окт. 1905 г. къ городскимъ по положенію 1887 г. училищамъ.

Какъ извѣстно, во избѣжаніе неправильнаго или произвольнаго толкованія закона не только отдѣльными должностными лицами, но и цѣлыми учрежденіями, у насъ установленъ порядокъ, по которому въ случаѣ сомнѣній въ правильномъ пониманіи закона или недоразумѣній, возникающихъ при примѣненіи его на практикѣ, разъясненіе закона даетъ Сенатъ, толкованіе котораго и признается единственно авторитетнымъ. При такомъ порядкѣ толкованіе закона, хотя бы оно исходило и отъ высшей служебной инстанціи, напр., министерства, не можетъ быть признано авторитетнымъ, особенно въ настоящее время, когда при частой смѣнѣ министерствъ смыслъ закона легко можетъ истолковываться духомъ той или иной политической партіи, къ которой въ данное время будетъ принадлежать министръ. По словамъ извѣстнаго французскаго мыслителя Буаста (Boiste), „нельзя разсчитывать на покровительство законовъ, когда ихъ перетолковываетъ духъ партій". Если такое толкованіе и будетъ признаваться низшими служебными инстанціями въ силу подчиненности, то для общества оно вовсе не является авторитетнымъ.

Приводя эти общія соображенія, мы намѣрены остановиться на толкованіи министерствомъ народнаго просвѣщенія при графѣ И. И. Толстомъ Высочайшаго повелѣнія 27 октября 1905 г. о преподаваніи ариѳметики въ начальныхъ училищахъ варшавскаго учебнаго округа на польскомъ языкѣ въ примѣненіи этого закона къ учебнымъ заведеніямъ другого типа.

Неправильность толкованія означеннаго закона въ отношеніи преподаванія ариѳметики въ начальныхъ учили-

---

*) О преслѣдованіи поляками русиновъ въ школахъ Галиціи мы коснемся дальше въ ст. „Правда о „Школьной Матицѣ" и состояніи учебнаго дѣла въ Ц. П.".

щахъ и возникшія изъ-за этого недоразумѣнія были отмѣчены въ свое время на страницахъ *Новаго Времени, Окраинъ Россіи, Варш. Дневн.* и др. Однако, министерство народнаго просвѣщенія при гр. Толстомъ на этомъ одномъ толкованіи не остановилось и, не взирая на то, что указанное Высочайшее повелѣніе относится прямо и единственно къ начальной школѣ, оно по своей иниціативѣ примѣнило этотъ законъ къ совершенно другому типу учебныхъ заведеній, а именно: въ февральскомъ циркулярѣ 1906 г. за № 3809 министерство „разъяснило“, что Высочайшее повелѣніе отъ 27 октября 1905 г. о преподаваніи ариѳметики на природномъ языкѣ учащихся слѣдуетъ примѣнить въ городскихъ, по положенію 1887 г., училищахъ къ 1-му классу, т. е. къ 1-му и 2-му отдѣленіямъ, которыя де „по своему курсу равняются начальнымъ училищамъ“.

Министерство упустило изъ виду, что означенныя городскія училища никакъ не могутъ считаться начальными школами, такъ какъ при установленномъ въ этихъ училищахъ 6-ти лѣтнемъ курсѣ обученія, при иной, чѣмъ въ начальныхъ школахъ, программѣ и системѣ преподаванія, они составляютъ особый типъ, а по правамъ, предоставляемымъ окончившимъ въ нихъ курсъ, равняются мужскимъ прогимназіямъ. Если министерство при толкованіи закона исходило изъ того соображенія, что первыя два отдѣленія (два года обученія) въ городскихъ училищахъ равняются по курсу начальнымъ училищамъ, то почему же оно не рѣшилось примѣнить это толкованіе и къ гимназіямъ, въ которыхъ въ первые два года обученія, т. е. въ приготовительномъ и первомъ классахъ, проходится курсъ ариѳметики не больше курса первыхъ двухъ отдѣленій городскихъ училищъ? Если министерство не рѣшилось ломать строй гимназій, то на какомъ основаніи и зачѣмъ понадобилась эта ломка въ городскихъ училищахъ?

Не касаясь формальной стороны вопроса о правѣ министерства примѣнить по своему усмотрѣнію законъ о начальныхъ школахъ къ училищамъ другого типа, можно предположить, что министерство въ данномъ случаѣ руководствовалось не буквой, а духомъ закона, и это примѣненіе оправдывалось какою-либо необходимостью. Но такой необходимости совершенно не было и нѣтъ, такъ какъ многіе поступаютъ въ городскія училища уже по выходѣ изъ начальной школы или вообще—въ виду большого наплыва и конкурснаго экзамена—*достаточно подготовленными и уже усвоившими начальный курсъ ариѳметики.* При такихъ условіяхъ вести *два года* изученіе ариѳметики *по-*

польски, чтобы *на третьемъ году*, т. е. при переходѣ въ 3 отдѣленіе или классъ, начинать повтореніе пройденнаго *по-русски* въ то время, когда необходимо дальнѣйшее изученіе курса,—безцѣльно. Это, очевидно, хорошо сознаютъ какъ сами ученики городскихъ училищъ, такъ и ихъ родители. Какъ выяснилось сейчасъ же при примѣненіи означеннаго циркуляра къ городскимъ училищамъ, значительное большинство учениковъ предпочло изучать ариѳметику по-русски, а въ одномъ изъ городскихъ училищъ при опросѣ въ началѣ учебнаго года родителей учениковъ оказалось, что всѣ пожелали, чтобы преподаваніе ариѳметики велось только по-русски.

Въ другомъ училищѣ произошелъ такой случай: въ началѣ учебнаго года изъявила желаніе изучать ариѳметику по-польски только незначительная часть учениковъ; спустя нѣкоторое время, заявило желаніе перейти къ изученію ариѳметики по-польски сразу значительное количество учениковъ, учившихся только по-русски, но на слѣдующій же день послѣ этого заявленія явились къ инспектору училища родители этихъ учениковъ съ просьбой перевести ихъ дѣтей въ отдѣленіе съ русскимъ преподаваніемъ, заявивъ, что ихъ дѣти перешли въ другое отдѣленіе только подъ вліяніемъ агитаціи. Когда же инспекторъ училища, не рѣшаясь удовлетворить просьбы на основаніи голословнаго заявленія, предложилъ подать объ этомъ письменныя заявленія, явившіеся сказали, что они сдѣлали бы это, но боятся мести со стороны „національзаторовъ“ школъ.

Министерство не руководствовалось въ данномъ случаѣ и духомъ закона, а поступило чисто по бюрократически: не справившись съ современными условіями жизни городскихъ училищъ, оно примѣнило къ нимъ Высочайшее повелѣніе 27 октября 1905 г., исходя изъ положеній объ этихъ училищахъ 1872 г. и 1887 г., по которымъ въ городскія училища могутъ быть принимаемы дѣти безъ экзаменовъ, а слѣдовательно и неграмотныя. Но съ 1872—1887 г. г. условія жизни и самаго пріема учащихся въ эти училища значительно измѣнились, и потому примѣненіе новаго закона къ старому положенію подобно вливанію вина новаго въ мѣхи старые. Съ формальной же стороны министерство вовсе не имѣло права по своему усмотрѣнію примѣнять упомянутое узаконеніе къ городскимъ училищамъ.

Наконецъ, возникаетъ вопросъ: что же должно служить руководствомъ въ данномъ случаѣ для послѣдующихъ министерствъ—точный и прямой смыслъ означеннаго Высо-

чайшаго повелѣнія или толкованіе его предшествующимъ министерствомъ?

Во всякомъ случаѣ, если послѣдующее министерство народнаго просвѣщенія и раздѣляло толкованіе предшествовавшаго, оно все-таки должно было испросить разъясненіе указаннаго Высочайшаго повелѣнія Сенатомъ какъ въ отношеніи преподаванія ариѳметики въ начальныхъ училищахъ, такъ тѣмъ болѣе относительно примѣненія этого закона къ городскимъ, по положенію 1887 г., училищамъ. Иначе существованіе заведеннаго въ этихъ училищахъ порядка незаконно и зиждется на шаткой почвѣ. Это разъясненіе необходимо особенно для тѣхъ, кто обязанъ стоять на почвѣ строгой законности, тѣмъ болѣе, что самовольное примѣненіе или распространительное толкованіе закона даетъ поводъ предполагать, что тѣмъ или инымъ воздѣйствіемъ на министерство „націонализаторы“ школъ могутъ добиться еще болѣе распространительнаго „толкованія“ законовъ. Этимъ отчасти и можно было объяснить ихъ попытки въ 1905 г. препятствовать занятіямъ въ Александровскомъ городскомъ четырехклассномъ училищѣ въ Лодзи, чтобы добиться преподаванія всѣхъ предметовъ по-польски.

IV. Участіе римско - католическаго духовенства въ школьномъ движеніи.

На ложномъ пути. Дѣятельное участіе римско-католическаго духовенства въ политической жизни польскаго народа общеизвѣстно и не ново.*) Административная и учебная власть въ Царствѣ Польскомъ постоянно должна была ограждать школу отъ политиканства ксендзовъ. Такъ, уже въ циркулярѣ 3 августа 1876 года, Варшавскій генералъ-губернаторъ указывалъ начальникамъ римско-католическихъ епархій на „вмѣшательство римско-католическаго духовенства въ дѣла народныхъ училищъ". Далѣе, въ виду проявляемыхъ нѣкоторыми сельскими сходами подъ вліяніемъ ксендзовъ незаконныхъ дѣйствій въ закрытіи школъ и организаціи тайнаго обученія, Варшавскій ген.-губернаторъ, 23 сентября 1883 года, подтверждая упомянутый выше циркуляръ, вновь просилъ начальниковъ рим.-католическихъ епархій внушать ксендзамъ, чтобы они

---

*) О роли этого духовенства въ возстаніи 1863 года польскій историкъ Пржиборовскій говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Что духовенство въ огромномъ большинствѣ, особонно низшее, всѣ эти настоятели, викаріи и монахи всѣхъ орденовъ были настроены революціонно, объ этомъ зналъ каждый. Отдѣльные ксендзы входили въ составъ повстанческихъ организацій: ксендзъ Микошевскій въ Варшавѣ, ксендзъ Котковскій въ Сандомирѣ, который впослѣдствіи принялъ званіе воеводы, и много, много другихъ".

На повстанческомъ съѣздѣ въ Клочевѣ „выдающейся личностью былъ кс. Тенчинскій, законоучитель сѣдлецкихъ школъ". Одинъ изъ участниковъ съѣзда Закржевскій заявилъ, что „для Центральнаго Комитета присоединеніе духовенства значитъ болѣе, нежели стотысячная армія". **Walery Przyborowski.** „Historja sześciu miesięcy. Ustęp z dziejów 1862 roku". (Спб. 1901. стр. 224, 248, 250]. Роль р.-кат. духовенства въ развитіи національной сознательности народникъ Поплавскій опредѣляетъ такъ („Przegl. Wrzechp." 1902, V, 351]: „Работа надъ политическимъ развитіемъ народа началась уже на почвѣ, подготовленной толпами скромныхъ, безыменныхъ тружениковъ... Важную роль въ этой работѣ должно сыграть духовенство. Происходя въ значительной своей части изъ народа, католическое духовенство должно по необходимости принимать все болѣе дѣятельное участіе въ работѣ надъ развитіемъ національнаго и политическаго сознанія въ народѣ". Въ программѣ народово-демократической партіи, изданной въ концѣ 1903 г., положенію римско-католической церкви въ Польшѣ посвященъ особый параграфъ, гдѣ, между прочимъ, говорится слѣдующее: „Признавая римско-католическую церковь въ Польшѣ за національное учрежденіе, народово-демократическая партія ставитъ себѣ по отношенію къ ней слѣдующія задачи:... b) установить принципъ контроля общественнаго мнѣнія надъ политикой церковныхъ властей... d) призвать духовенство къ самой широкой національной работѣ"... Проф. А. Л. Погодинъ. „Главн. теч. польск. политич. мысли [1863 — 1907"] стр. 355—358].

„не позволяли себѣ вмѣшиваться въ дѣла, не касающіяся церкви и въ особенности въ дѣла начальной школы и народнаго образованія". Вотъ почему ген.-губ. Гурко во всеподданнѣйшемъ докладѣ говорилъ о вредномъ вліяніи ксендза на школу, добавляя, что ксендзъ въ школѣ, пожалуй, меньше принесетъ вреда, чѣмъ внѣ школы.*) Потому же и Варшавскій губернаторъ указывалъ во всеподданнѣйш. отчетѣ за 1902 г. на необходимость правительственной школы, какъ наиболѣе дѣйствительнаго средства борьбы противъ вліянія враждебнаго правительству католическаго духовенства**). Участіе мѣстнаго р.-католическаго духовенства въ „освободительнотъ движеніи" проявилось такими политическими эксцессами, что, какъ извѣстно, вызвало неодобреніе со стороны высшей духовной власти. Агитація этого духовенства по выборамъ въ 1 Гос. Думу даже обезпокоила нѣкоторые круги польскаго общества. Такъ, *Praca Polska* (№ 97—1906 г.) въ статьѣ „Niebezpieczna agitacja" (опасная агитація) называетъ вѣсти о „предвыборной агитаціи духовенства тревожными (niepokojące) потому, что въ выборы будетъ введено новое броженіе, замѣшательство (zamęt), тѣмъ болѣе опасное, что касается главнымъ образомъ сферъ и выборщиковъ народныхъ". Стремленіе агитаціи, по словамъ *Pracy Pol.*,—„провести въ Думу не менѣе десяти ксендзовъ, которые будутъ являться представителями особаго класса общества". *Praca Polska* призывала общество къ протесту противъ такихъ „представителей колокольни (dzwonnicy) или прихода (parafii)". По словамъ *Польской Газеты*,***) „такое кастовое отношеніе къ вопросу, касающемуся насущнѣйшихъ національныхъ интересовъ, не встрѣтило одобренія въ свѣтлыхъ кругахъ духовенства". Такимъ образомъ участіе ксендзовъ въ политической жизни народа вноситъ не успокоеніе, не примиреніе, а тревогу, замѣшательство и вызываетъ недовольство. Какъ это все далеко отъ прямой и главной обязанности каждаго пастыря—проповѣди мира!

Не входя въ обсужденіе вопроса объ участіи духовенства въ политической жизни народа вообще, мы не можемъ обойти молчаніемъ той области пастырскаго служенія, гдѣ проявленіямъ тѣхъ или иныхъ политическихъ стремленій не должно быть мѣста, а именно—школы.

Между тѣмъ школа въ Царствѣ Польскомъ стала для р.-католическаго духовенства главной ареной политической

*) Изъ рѣчи С. Н. Алексѣева въ Гос. Думѣ 18.—III—908 г.

) Изъ записки Ст.-Секр. **Плеве, представленной въ 1904 г. въ Комитетъ Министровъ.

***) „Варш. Дневн." 1906 г. № 51. „Къ выборамъ въ Гос. Думу".

борьбы. Уже въ октябрѣ 1904 г., такъ сказать, въ періодъ мобилизаціи школьныхъ „національзаторовъ“, Люблинскій р.-католич. епископъ Ячевскій возбуждалъ вопросъ объ измѣненіи закона, по которому въ школахъ (въ Люблинской и Сѣдлецкой губерніяхъ съ русскимъ населеніемъ) ксендзы-законоучители назначаются учебною властью. Епископу же Ячевскому желательно было самолично назначать въ школы законоучителей, безъ вѣдома учебной власти, чтобы избавиться отъ контроля этой власти надъ лицами, которымъ ввѣряется столь важное дѣло, какъ религіозно-нравственное воспитаніе дѣтей. Въ то же время названный епископъ возбудилъ вопросъ объ отмѣнѣ закона, въ силу котораго на испытаніяхъ по русскому языку въ римско-католическихъ семинаріяхъ должны присутствовать депутаты отъ учебной и административной власти, такъ какъ, по заявленію еп. Ячевскаго, присутствіе означенныхъ депутатовъ „производитъ (на него) удручающее впечатлѣніе“.

Съ чувствомъ искренняго сожалѣнія, намъ приходится констатировать далѣе факты, которые свидѣтельствуютъ, что нѣкоторые изъ ксендзовъ-законоучителей съ самаго начала школьнаго движенія въ здѣшнемъ краѣ стали на ложный путь: ударились въ политику и своимъ политиканствомъ внесли въ школьную жизнь „броженіе“, замѣшательство (zamęt), по своимъ послѣдствіямъ гораздо опаснѣе ожидавшагося отъ участія ксендзовъ въ предвыборной агитаціи, такъ какъ школьное политиканство духовныхъ руководителей послужило большимъ соблазномъ для молодежи. „Но горе тому, кто соблазнитъ одного изъ малыхъ силъ“. Блюстителямъ завѣтовъ апостольскихъ болѣе, чѣмъ кому-либо, должны быть памятны слова апостола Павла: „Дабы мы не были болѣе младенцами, колеблющимися и увлекающимися всякимъ вѣтромъ ученія, по лукавству человѣковъ, по хитрому искусству обольщенія“ (Коринѳ. 4, 14). Кто, какъ не пастыри, должны были прежде всего подать примѣръ воздержанія отъ политической борьбы и удержать молодежь отъ увлеченія „всякимъ вѣтромъ ученія“, толкнувшимъ многихъ на ложный путь и принесшимъ уже не одному столько горя и разочарованій?! Между тѣмъ съ самаго начала политическаго движенія ксендзы-законоучители не только не воздѣйствовали на учащихся съ цѣлью удержать ихъ отъ увлеченія политикой, а напротивъ—сами подали примѣръ политиканства. Всѣмъ еще памятны политическія манифестаціи въ октябрѣ 1905 г. съ знаменами и флагами. Въ первыхъ рядахъ манифестантовъ мы прежде всего видимъ ксендзовъ. Какъ сильно вліяло на молодежь

участіе ихъ духовныхъ руководителей въ подобныхъ процессіяхъ, можно судить по тому увлеченію, съ какимъ даже малые школьники на перерывъ одинъ передъ другимъ старались на другой день подѣлиться въ школахъ всѣми подробностями о томъ, какъ въ этихъ процессіяхъ ихъ законоучители шли съ флагами и пѣли. А чего только не дѣлалось въ подобныхъ шествіяхъ! Распѣваемыя въ такихъ шествіяхъ политическія пѣсни до того пропагандировались, что нѣкоторые ксендзы-законоучители уроки Закона Божія въ школахъ начинали означенными пѣснями. Затѣмъ на учительскомъ „вѣчѣ“ въ Варшавѣ въ октябрѣ 1905 г. мы опять видимъ горячее участіе ксендзовъ-законоучителей, и хотя сыгранная ими на „вѣчѣ“ роль осталась извѣстной лишь участникамъ „вѣча“, такъ какъ подробностей его, кромѣ самого постановленія, въ газетахъ не было напечатано, но объ этой роли можно судить по извѣстнымъ уже результатамъ „вѣча“, выразившимся въ самовольномъ реформированіи начальной школы. О горячемъ участіи ксендзовъ-законоучителей въ этомъ „вѣчѣ“ можемъ судить хотя бы по письму, напечатанному однимъ изъ участниковъ „вѣча“ ксендзомъ Шкоповскимъ въ газетѣ *Goniec Wieczorny* (№ 496 за 1905 г.). Въ этомъ письмѣ кс. Шкоповскій „сообщаетъ для всеобщаго свѣдѣнія, что на „вѣчѣ“ онъ не былъ обезчещенъ (znieważony), а лишь оскорбленъ (obrażony) во время очень горячаго пренія, что предсѣдательствующимъ на „вѣчѣ“ было предупреждено дальнѣйшее обостреніе спора и что наступившія послѣ „вѣча“ выясненія (?) его вполнѣ удовлетворили“. Это письмо только подтверждаетъ заявленіе одного учителя-поляка, *) что наблюденіе за исполненіемъ принятыхъ на сходкахъ рѣшеній принимали на себя ксендзы. А какъ явно стали ксендзы-законоучители игнорировать и даже третировать русскихъ учителей и учительницъ въ начальныхъ школахъ послѣ означеннаго „вѣча“! Конечно, это не могло не остаться безъ вліянія на отношеніе дѣтей къ учащимъ. Ксендзы-законоучители не скрывали отъ русскихъ учителей и давали имъ понять при всякомъ случаѣ, что ихъ приходится терпѣть въ „польской школѣ“, какъ неизбѣжное зло, лишь временно. Одной изъ русскихъ учительницъ въ Варшавѣ, сославшейся на распоряженіе попечителя округа, ксендзъ-законоучитель съ удивленіемъ заявилъ: „Какой попечитель? Никакого по-

*) Мы избѣгаемъ указанія фамилій лицъ, особенно поляковъ, сдѣлавшихъ какое-либо заявленіе, чтобы не подвергать ихъ мести со стороны „національзаторовъ“.

печителя нѣтъ: теперь народъ управляетъ"; другой ксендзъ-законоучитель не постѣснялся убѣждать русскую учительницу отказаться отъ признанія власти инспекціи училищъ и признать власть какого-то „комитета", бравшаго на себя заботу обученія дѣтей въ частныхъ школахъ, увѣряя что „въ Петербургѣ власть доживаетъ послѣднія минуты (kona)". Викарій прихода въ гор. Коло, Калишск. губ., кс. Потржебскій въ происходившихъ въ означенномъ городѣ собраніяхъ совѣтовалъ прихожанамъ не слушать властей, собирать сельскіе и гминные сходы и составлять приговоры только на польскомъ языкѣ, требовать отъ учителей, чтобы они учили дѣтей только по-польски, въ противномъ случаѣ не посылать дѣтей въ школу. Въ политическомъ собраніи, состоявшемся 25 ноября 1905 г. въ гор. Островѣ, Ломжин. губ., кс. Мацѣевскій также открыто заявлялъ, что „костелъ солидаренъ съ движеніемъ народа", добивающагося польскаго языка въ школѣ и учрежденіяхъ „для возрожденія польской національности" и что „при настойчивыхъ требованіяхъ поляковъ правительство принуждено будетъ возвратить отнятыя у народа права". Деканъ Ласкаго деканта Петроков. губ., кс. Р. Висневскій, оказывая сильное вліяніе на мѣстныхъ жителей, убѣдилъ ихъ не посылать дѣтей въ русскія школы и до тѣхъ поръ, пока онъ не разрѣшитъ, обучать ихъ дома. Подъ вліяніемъ того же ксендза жители потребовали, чтобы мѣстная учительница уѣхала изъ школы, „иначе они сами найдутъ средства избавиться отъ нея". Администраторъ римско-католическаго прихода въ посадѣ Сольцѣ, Радомской губерніи, ксендзъ Фудалевскій, зайдя совмѣстно съ другимъ ксендзомъ въ мѣстную школу и воспользовавшись гостепріимствомъ учителя, вошелъ въ классъ и сталъ обучать дѣтей пѣнію революціонной пѣсни „Еще польска не згинела". Освѣдомившись въ другой разъ, что учитель означенной школы, мѣстный уроженецъ, православный, ксендзъ Фудалевскій сталъ склонять его къ переходу въ католичество, доказывая, что „теперь вѣдь разрѣшается православнымъ принимать католичество". И до послѣдняго времени продолжается это политиканство. Такъ, напр., въ 1907 г. отмѣченъ на страницахъ *Варшавскаго Дневника* (№ 68) фактъ, какъ настоятель р.-к. прихода Накло, Влощов. уѣз., Кѣлецк. губ., кс. Коменда открыто возбуждалъ народъ противъ мѣстной школы изъ-за того, что въ ней русскій учитель, хотя и преподающій по-польски; какъ грозилъ церковнымъ наказаніемъ тому, кто будетъ входить съ учителемъ въ общеніе, и даже въ костельной проповѣди называлъ мѣстное училище „паразитомъ", недостойнымъ „ксендзовскаго посѣщенія". И все

изъ-за того, что учитель русскій, хотя и пользующійся уваженіемъ поселянъ и, какъ мѣстный уроженецъ, сжившійся тѣсно съ ними. Но каково вліяніе подобныхъ „проповѣдей“ на прихожанъ и учащихся въ школѣ?! А сколько такихъ пастырей, дѣятельность которыхъ въ томъ же направленіи остается скрытой по выраженію „Польскаго катехизиса“ „за пазухой“ національ-клерикаловъ!...

Наконецъ, что значитъ уходъ съ начала школьнаго движенія подъ разными предлогами ксендзовъ-законоучителей изъ цѣлаго ряда среднихъ учебныхъ заведеній и нежеланіе или боязнь другихъ ксендзовъ занять вакантныя мѣста законоучителей? Вѣдь раньше до „національзаціи“ школъ на эти мѣста являлось по нѣсколько кандидатовъ, въ послѣднее же время, не смотря на принимаемыя учебнымъ начальствомъ всевозможныя мѣры къ замѣщенію вакансій, многія учебныя заведенія подолгу оставались безъ законоучителей, напр., люблинскія мужская и женская гимназіи, холмская мужская гимназія, сѣдлецкая мужская и женская гимназіи, грубешовская мужская и ново-александрійская женская прогимназіи. На неоднократныя просьбы учебнаго начальства, обращенныя къ епископу люблинской р.-к. епархіи о рекомендаціи ксендзовъ на должности законоучителей, епископъ ссылался или на то, что „нѣкоторое опасеніе быть уволенными отклоняетъ кандидатовъ отъ принятія законоучительскихъ должностей“ (въ холмской м. г.) или на то, что у него „не хватаетъ ксендзовъ, вслѣдствіе увеличенія паствы на цѣлыхъ 100 тысячъ вновь обратившихся въ лоно католической церкви“ (для преподаванія Закона Божія въ люблинской мужской и женской гимназіяхъ). Между тѣмъ намъ извѣстно, что нѣкоторые изъ ксендзовъ гор. Люблина готовы были занять должности законоучителей въ люблинскихъ гимназіяхъ, но не рѣшались безъ согласія епископа. Оставленіемъ учебныхъ заведеній безъ преподаванія Закона Божія епископъ и его единомышленники - ксендзы желали показать обществу яко бы нерадѣніе учебной власти въ религіозномъ воспитаніи юношества, вызвать недовольство родителей государственной школой и тѣмъ заставить ихъ взять дѣтей изъ учебныхъ заведеній, что и было достигнуто отчасти въ люблинской мужской гимназіи. А родители и не подозрѣвали, что Законъ Божій не преподавался только потому, что этого не желали сами ксендзы, которые политическія цѣли ставятъ выше религіозныхъ!

Безсиліе власти.

Безнаказанная антипастырская дѣятельность ксендзовъ въ люблинской р.-к. епархіи станетъ еще болѣе понятна, если обратить вниманіе на ихъ руководителя яраго націоналиста епископа названной епархіи Ячевскаго.

Несмотря на то, что политиканство р.-к. духовенства въ этомъ краѣ было осуждено даже главою этого духовенства, ксендзы все-таки являются и по сіе время одними изъ энергичныхъ дѣятелей въ средѣ націоналистовъ или „народовцевъ". Еп. Ячевскій представляетъ яркій типъ такого ксендза-политикана. Это польскій Гапонъ, но только на узко-національной подкладкѣ. Кромѣ открытой импонирующей дѣятельности по части ополяченія Холмской Руси, онъ умѣетъ для достиженія намѣченной цѣли обставить дѣло такъ, что съ формальной стороны всегда почти правъ, хотя дѣла и противорѣчатъ его словамъ. Такъ, напр., съ самаго начала „освободительнаго движенія" всѣ казенныя учебныя заведенія, находящіяся въ районѣ люблинской р.-к. епархіи, остались безъ ксендзовъ-законоучителей, иначе говоря, учащіеся—безъ религіозно-нравственнаго воздѣйствія. Какъ упомянуто выше, на просьбу начальниковъ учебныхъ заведеній рекомендовать законоучителей еп. Ячевскій отвѣчалъ, что при огромной паствѣ ксендзамъ некогда заниматься преподаваніемъ въ учебныхъ заведеніяхъ. Между тѣмъ во всѣхъ польскихъ школахъ ксендзы преподавали Законъ Божій, не смотря на то, что трудъ ихъ въ этихъ школахъ менѣе оплачивался, чѣмъ въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ г. Люблинѣ, гдѣ много ксендзовъ, и то мѣстныя гимназіи никакъ не могли упросить ни одного ксендза взять на себя преподаваніе Закона Божія. Всѣ старанія попечителя учебнаго округа склонить еп. Ячевскаго къ воздѣйствію на ксендзовъ оказались безуспѣшны. Даже высшая гражданская власть въ краѣ оказалась въ этомъ отношеніи безсильной передъ р.-к. епископомъ. Послѣ предложенія генералъ-губернатора еп. Ячевскому посодѣйствовать замѣщенію ксендзами вакантныхъ законо-учительскихъ должностей, еп. Ячевскій разослалъ ксендзамъ соотвѣтственный циркуляръ, но въ то же время всѣмъ ксендзамъ стало извѣстно, что этотъ циркуляръ вызванъ воздѣйствіемъ генералъ-губернатора, самъ же епископъ смотритъ на дѣло иначе. Это заявляли начальникамъ учебныхъ заведеній въ Люблинѣ и въ другихъ мѣстахъ тѣ ксендзы, которые желали бы занять должности законоучителей, но боялись мести епископа. Находились даже такіе, что охотно

заняли бы мѣсто, если бы это возможно было помимо епископа, но законъ требуетъ согласія епископа. А какъ только зайдетъ рѣчь о сношеніи съ епископомъ, ксендзъ сейчасъ отправляется къ епископу и послѣ бесѣды съ нимъ всегда оказывается вынужденнымъ отказаться отъ должности законоучителя „по непредвидѣннымъ“ или „независящимъ отъ него обстоятельствамъ“. Такимъ образомъ учащіеся-католики въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, находящихся въ Люблинской и Сѣдлецкой губ. (Люблин. р.-к. епархія), оставались какъ бы отлученными отъ р.-к. церкви, пока не переходили въ польскія школы, гдѣ были ксендзы-законоучители.

Примѣръ такого школьнаго политиканства епископа оказался весьма заразительнымъ для ксендзовъ-политикановъ. Такъ, на бывшемъ въ августѣ 1907 г. въ Варшавѣ съѣздѣ ксендзовъ законоучителей („префектовъ“) было постановлено упразднить въ учебныхъ заведеніяхъ существующія молитвы передъ и послѣ ученія и замѣнить эти молитвы бывшими еще во времена дѣйствій въ Цар. Польск. эдукаціонной комиссіи молитвами, въ которыхъ Монархъ не упоминался. Такое постановленіе заставило генералъ-губернатора обратиться къ р.-к. епископамъ съ просьбой оказать на ксендзовъ-политикановъ свое воздѣйствіе, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, онъ вынужденъ будетъ принять мѣры, предоставленныя закономъ его власти. И только въ концѣ 1907 г. центральная петербургская власть обратила вниманіе на такую дѣятельность еп. Ячевскаго, этого двойника еп. барона Роппа *), поручивъ разслѣдованіе этого дѣла профессору П. А. Кулаковскому. Подъ воздѣйствіемъ ли проф. Кулаковскаго, или въ виду измѣнившихся политическихъ условій, но уже въ началѣ 1908 г. еп. Ячевскій „нашелъ возможнымъ“ разрѣшить ксендзамъ взять на себя преподаваніе Закона Божія въ правительственныхъ гимназіяхъ.

Неужели подобные „просвѣтители“ не сознаютъ, какой нравственный ущербъ наносили они юношеству, оставляя его безъ религіознаго воспитанія? Конечно, школьные „націонализаторы“ по обыкновенію оправдываются необходимостью борьбы съ „угнетеніемъ“, „руссификаціей“ „темницей“ и т. п., повторяя тѣ же излюбленныя, но неосновательныя жалобы, которыя раздавались въ 1906 г. даже изъ ла-

*) Баронъ Роппъ, какъ извѣстно, устраненъ отъ должности р.-католич. епископа въ Вильнѣ за политическую агитацію.

геря „угодовцевъ“ *). На подобныя жалобы мы можемъ отвѣтить указаніемъ на положеніе школы въ Германіи. Для иллюстраціи этого положенія приведемъ лишь факты, предшествовавшіе послѣднимъ репрессіямъ за школьную агитацію въ Познани, т. е. факты, которые уже были извѣстны полякамъ въ началѣ школьнаго движенія въ Ц. П. Еще всѣмъ памятенъ школьный инцидентъ въ Вржеснѣ, въ Познани, столь характерный для школы конституціоннаго государства, вызвавшій въ свое время столько шуму въ заграничной и мѣстной польской печати. *Kurjer Warszawski* (№ 42—1906 г.) въ замѣткѣ „Pieśni religijne w szkole pruskiej“ указывалъ (со словъ *Познан. Дневн.*) на то, что „изъ изданныхъ программъ по Закону Божію и костельныхъ пѣсенъ для народныхъ школъ въ Пруссіи уѣздный инспекторъ въ Милославѣ вычеркнулъ 15 костельныхъ пѣсенъ (въ газетѣ указаны, какія именно) и оставилъ только 8, въ которыхъ во время восьмилѣтняго пребыванія польскихъ дѣтей въ народной школѣ учителя должны упражнять дѣтей. Зато, добавляетъ корреспондентъ, учителя обязаны ежегодно научить дѣтей четыремъ пѣсенкамъ нѣмецкимъ, столькимъ же стихамъ поэтовъ нѣмецкихъ, такъ что въ теченіе 8 лѣтъ каждое дитя польское поетъ 32 пѣсни нѣмецкія и только лишь 8 пѣсенъ костельныхъ“. Тамъ, не стѣсняясь, вычеркиваютъ изъ программъ религіозныя польскія пѣсни и замѣняютъ ихъ нѣмецкими, а тутъ въ „темницѣ“, не только никто не думаетъ сокращать программы, а напротивъ—учебное начальство, какъ извѣстно, исходатайствовало передъ министерствомъ расширеніе программы и увеличеніе числа уроковъ по Закону Божію р.-к. исповѣданія. И при всемъ этомъ еще нельзя было допроситься ксендзовъ, чтобы они учили Закону Божію! Очевидно, эти духовные руководители юношества преслѣдуютъ иныя цѣли и для достиженія ихъ избрали другой путь.

Удивительнѣе всего то, что подобному „просвѣщенію“ народа въ духѣ сепаратизма какъ бы способствуетъ сама мѣстная власть. Напр., край и такъ кишитъ отъ ксендзовъ, этой воинственной клерикальной арміи, а изъ за границы постоянно прибываютъ какіе-то монахи и открыто „просвѣщаютъ“ народъ. Достаточно здѣсь и своихъ „просвѣтителей“ вродѣ люблинскаго р.-к. епископа Ячевскаго или знаменитаго по своей „просвѣтительной“ дѣятельности еще

*) Варш. Дневн. 1906 г. № 35.

въ Вильнѣ еп. Звѣровича, р.-к. еп. Сандомирской епархіи. *) Дѣятельность послѣдняго ознаменовалась въ 1907 г. отказомъ допустить письменныя испытанія по русскому языку въ Сандомирской р.-к. семинаріи вопреки требованію закона. Попробовалъ бы этотъ „просвѣтитель“ въ Германіи такъ поиздѣваться надъ законами! Мало того, въ послѣднее время переселяется изъ-за границы сюда и, какъ говорятъ, съ благосклоннаго согласія мѣстной власти, для открытія учебныхъ заведеній и „просвѣщенія“ народа орденъ иммакулятокъ-монахинь-непокалянокъ (Непорочн. зач. Пресв. Богородицы). Какъ извѣстно, послѣ польскаго возстанія этотъ орденъ былъ выселенъ изъ Царства Польскаго, и означеннымъ монахинямъ воспрещена была педагогическая дѣятельность.

Какъ увидимъ дальше, своимъ политиканствомъ ксендзы-законоучители достигли лишь отрицательныхъ результатовъ: деморализаціи и неуваженія молодежи къ ихъ сану и духовному руководительству, проявленіе чего скоро сказалось въ требованіи учениковъ одной изъ варшавскихъ частныхъ гимназій удалить ксендзовъ-законоучителей и въ поданной петиціи о ненужности преподаванія Закона Божія **), а также въ проявляемой молодежью симпатіи къ ксендзамъ-маріавитамъ, которые, какъ извѣстно, уклоняются отъ политики. Возникновеніе въ 1906 г. антиклерикальнаго польскаго журнала *Protest* объясняется также не чѣмъ инымъ, какъ уклоненіемъ р.-к. духовенства отъ истиннаго пути. Даже извѣстный защитникъ „братьевъ-поляковъ“ проф. А. Л. Погодинъ, написавшій книгу „Главныя теченія польской политической мысли (1863—1907)“ спеціально для того, чтобы „снять съ польскихъ политическихъ партій тѣ „незаслуженныя“ обвиненія, которыя слышатся въ русскомъ обществѣ“, и тотъ пришелъ къ заключенію, что, „дѣлая церковь лишь однимъ изъ орудій въ политической борьбѣ, народные демократы унижали ея значеніе, развращали и народъ, и духовенство“. Какъ они пользовались этимъ орудіемъ, проф. Погодинъ приводитъ въ названной книгѣ массу выписокъ изъ польскихъ же источниковъ (стр. 355—358).

Такимъ образомъ вполнѣ правильно охарактеризовалъ *„Голосъ Москвы“* (въ концѣ 1907 г.) дѣятельность р.-к. духовенства, говоря, что на западныхъ окраинахъ Россіи

---

*) Скончался въ концѣ декабря 1907 г.

**) Варшав. Дневн. 1906 г. №№ 44 и 48. Новое Время № 10756

главнымъ несчастьемъ съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ является бѣшеный фанатизмъ ксендзовъ поляковъ, которые не только проводятъ заядлую пропаганду католицизма, но занимаются также ревностнымъ распространеніемъ польскихъ идей народовыхъ Это указаніе органа октябристовъ не прошло незамѣченнымъ даже польскою печатью (напр., *Гонецъ* № 585—1907 г.).

Вполнѣ былъ правъ и депутатъ отъ Западнаго края Замысловскій, который въ засѣданіи Госуд. Думы 20 ноября 1907 г., опровергая доводы польскаго депутата Дмовскаго, указывалъ на ведущуюся въ Польшѣ католическимъ духовенствомъ проповѣдь религіознаго фанатизма, отождествляющаго вѣроисповѣданіе съ національностью и создающаго рознь между поляками и русскими.

V. Школьный вопросъ въ Государственной Думѣ.

Закономѣрность дѣйствій учебной власти.

Въ одномъ изъ „Маленькихъ писемъ“ лѣтомъ 1906 г. А. С. Суворинъ указывалъ на безсодержательность и голословность большинства рѣчей членовъ 1-ой Государственной Думы, сравнивая эти рѣчи съ газетными статьями, которыя съ такою легкостью стряпаются особенно для газетъ крайняго направленія. Эта характеристика какъ нельзя лучше подходитъ къ рѣчамъ, произнесеннымъ въ Государственной Думѣ 5 іюня 1906 г. польскими депутатами по школьному вопросу въ Царствѣ Польскомъ.

Означеннаго числа выступили одновременно въ роли обличителей мѣстной учебной власти г. Ржондъ, „спеціалистъ“ по школьнымъ дѣламъ ксендзъ Гралевскій и комиссія 33 съ запросомъ по поводу допущенныхъ будто бы учебной властью незаконныхъ дѣйствій. Всѣ эти громы и молніи по адресу „бюрократіи“, жалобы на притѣсненія, „обрусеніе“ и незаконныя дѣйствія уже не разъ раздавались на страницахъ и мѣстныхъ польскихъ газетъ, и такихъ русскихъ, какъ *Русь*, *Товарищъ*, и т. п. Насколько подобныя жалобы основательны, мы уже выше указывали. Тенденціозность, полная голословность, а часто и прямая ложь составляли отличительную черту въ такихъ обвиненіяхъ. Но кс. Гралевскій понималъ, что для убѣдительности обвиненій нужны факты, документы. Вотъ почему онъ, чтобы придать своимъ словамъ „законный толкъ и видъ“, указывалъ на то, что у него имѣются документы, доказывающіе незаконность дѣйствій учебной власти. Очень жаль, что прежде, чѣмъ выступать публично обличителемъ, да еще въ такомъ учрежденіи, какъ Государственная Дума, онъ не справился съ законами. Тогда бы онъ увидѣлъ, что кажущееся ему произволомъ является лишь исполненіемъ требованій закона. Въ данномъ случаѣ мы не касаемся цѣлесообразности тѣхъ или другихъ узаконеній, какъ не беремся обвинять или защищать кого-либо, а остана-

вливаемся лишь на томъ, имѣлъ ли кс. Гралевскій и его единомышленники основаніе обвинять въ незаконности дѣйствій, не справившись предварительно съ законами? Мы уже не говоримъ о томъ, имѣлъ ли онъ нравственное право выступать обвинителемъ въ такомъ дѣлѣ, съ которымъ не ознакомленъ?

Г. Ржондъ нарисовалъ общую картину совершающихся якобы насилій надъ инородцами, между которыми поляки будто бы страдаютъ вдвое (!), причемъ заявилъ, что всѣ (!) тюрьмы переполнены польскими и украинскими учителями, а кс. Гралевскій указывалъ, что начальство варшавскаго учебнаго округа, не смотря на Высочайшій указъ 30 августа 1864 г. о преподаваніи въ мѣстныхъ начальныхъ школахъ на польскомъ языкѣ, все время поступало незаконно, вводя постепенно, якобы вопреки волѣ законодателя, преподаваніе на русскомъ языкѣ. Чтобы расположить всѣхъ русскихъ депутатовъ въ свою пользу, польскіе ораторы не преминули польстить имъ: г. Ржондъ говорилъ, что отъ нынѣшняго состоянія народнаго просвѣщенія страдаютъ не только лѣвые, но и правые, а кс. Гралевскій утверждалъ, что въ борьбѣ за политическія права поляки имѣютъ такого могущественнаго союзника, какъ русскій народъ. Эта лесть и комплименты по адресу русскихъ для насъ, проживающихъ въ здѣшнемъ краѣ и хорошо знающихъ отношенія поляковъ къ русскимъ, весьма характерны, и цѣль ихъ совершенно понятна. Нагромоздивъ, очевидно, для большаго впечатлѣнія, цѣлую гору „фактовъ“ якобы незаконныхъ дѣйствій, кс. Гралевскій закончилъ свою рѣчь указаніемъ на то, что общество польское рѣшилось наконецъ *само* ввести реформы, и вмѣстѣ съ тѣмъ высказалъ сожалѣніе, что съ самовольными реформаторами не посажены въ тюрьму и чиновники варшавскаго учебнаго округа. О томъ, какъ само польское общество и кто именно изъ этого общества вводили реформы, кс. Гралевскій умолчалъ. Объ изгнаніи русскихъ учителей изъ школъ, о нападеніяхъ на нихъ наемныхъ хулигановъ съ револьверами и ножами, объ издѣвательствѣ надъ русскими учителями въ печати, о бросаніи въ учебныя заведенія разрывныхъ снарядовъ, о разгромѣ училищъ, объ убійствѣ начальника радомской учебной дирекціи Г. В. Станкевича, инспектора Сѣнницкой учительской семинаріи Г. И. Бойко, о покушеніи на убійство помощника инспектора училищъ гор. Варшавы И. И. Орлова, о нападеніи на другого помощника инспектора Д. П. Янковскаго и др. кс. Гралевскій какъ будто бы и не зналъ. А ему не мѣшало для полноты картины упомянуть объ

этомъ, хотя бы въ такомъ видѣ, какъ это дѣлали ораторы по аграрному вопросу, называя сожженіе помѣщичьихъ усадьбъ „иллюминаціей". Тогда были бы понятны послѣднія его слова о томъ, что жертвы такого самовольнаго реформированія школъ сидятъ въ тюрьмѣ въ то время, когда чиновники учебнаго округа свободны и занимаютъ свои мѣста.

Разъ кс. Гралевскій съ такою увѣренностью приписывалъ постепенное введеніе преподаванія въ начальныхъ школахъ на русскомъ языкѣ произволу мѣстной учебной власти и собирался доказать это документами *), остановимся и мы на документахъ и прослѣдимъ, насколько основательны подобныя обвиненія, повторяя, что совершенно не задаемся цѣлью оправдывать кого-либо, а дѣлаемъ это лишь для характеристики думскихъ ораторовъ, подобныхъ кс. Гралевскому, и для выясненія истины.

Прежде всего Высочайшій указъ 30 августа 1864 г., на который ссылался кс. Гралевскій, не устанавливаетъ преподаванія въ начальныхъ школахъ безусловно на польскомъ языкѣ, а—„на природномъ языкѣ большинства населенія, т. е. или на польскомъ, или на русскомъ, или на нѣмецкомъ, или же на литовскомъ, смотря по мѣстности и происхожденію жителей". Вслѣдствіе этого обученіе въ мѣстностяхъ съ греко-уніатскимъ населеніемъ, не говорившимъ по-польски, на законномъ основаніи могло вестись по-русски. Весьма возможно, что на томъ же основаніи въ указанныхъ мѣстностяхъ преподавался учителями и Законъ Божій по русскимъ учебникамъ, на что указывалъ кс. Гралевскій, не признававшій, очевидно, издревле русскаго населенія Холмской Руси и Подляшья. Если бы онъ взялъ на себя трудъ ознакомиться съ законами, то онъ узналъ бы, что еще въ 1865 г. по опредѣленію учредительнаго комитета въ Царствѣ Польскомъ греко-уніатскимъ училищамъ отпускались особыя ссуды **), что кромѣ греко-уніатскихъ училищъ существовали русскія училища (Сборн. постан.

---

*) Кс. Гралевскій пытался это сдѣлать во 2-ой Государств. Думѣ, какъ увидимъ ниже.

**) Объ устройствѣ въ 1865 г. „на льготныхъ условіяхъ отдѣльныхъ начальныхъ училищъ для греко-уніатовъ" указываетъ и профессоръ А. Л. Погодинъ въ книгѣ „Главныя теченія польской политической мысли (1863—1907)" стр. 17.

На церковно-приходскія школы въ Холмской Руси отпускается въ настоящее время изъ суммъ Свят. Синода по 50,000 р. ежегодно (XXVIII вып. Трудовъ Варшав. Статист. Комит. 1907 г. стр. 142).

по м. н. п. т. 4 1867 г. ст. 261) и что Высочайшимъ повелѣніемъ 21 февраля 1869 г. на учебную власть возлагалась обязанность принять мѣры „къ обезпеченію преподаванія римско-католическими священниками Закона Божія въ учебныхъ заведеніяхъ на русскомъ языкѣ". (Сборн. постан. по м. н. п. т. 4 1869 г. ст. 380). Очевидно, рѣчь идетъ объ учебныхъ заведеніяхъ съ греко-уніатскимъ или русскимъ населеніемъ. Но и въ школахъ съ населеніемъ чисто польскимъ, на основаніи ст. 50 Высочайшаго указа 30 августа 1864 г.,—„къ предметамъ обученія обязательнымъ прибавляется, по желанію подлежащихъ обществъ, чтеніе и письмо по русски". Черезъ пять лѣтъ послѣ означеннаго указа 1864 г., по Высочайшему повелѣнію въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вводится преподаваніе, наряду съ природнымъ языкомъ учащихся, и на языкѣ русскомъ. Такъ, въ Высочайшемъ повелѣніи 1 мая 1869 г. сказано: „Поручить какъ консисторіямъ, такъ и начальникамъ учебныхъ дирекцій озаботиться, чтобы посредствомъ постепеннаго подготовленія учителей обученіе въ начальныхъ училищахъ при евангелическо-лютеранскихъ и реформатскихъ приходахъ могло быть производимо тамъ, гдѣ населеніе происхожденія нѣмецкаго,—на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ, а гдѣ населеніе польскаго происхожденія—на языкахъ польскомъ и русскомъ". Высочайше утвержденнымъ 2 декабря 1871 г. положеніемъ комитета по дѣламъ Царства Польскаго опредѣлено: „Въ дополненіе статьи 50 Высочайшаго указа 30 августа 1864 г. о начальныхъ училищахъ въ Ц. П. постановить, что въ сихъ училищахъ обязательно обученіе чтенію и письму по-русски, каковую мѣру ввести въ дѣйствіе съ начала $187^2/_3$ учебнаго года". Въ выпискѣ по этому дѣлу изъ журнала упомянутаго комитета сказано: „комитетъ по дѣламъ Ц. П., вполнѣ раздѣляя заключеніе г. министра народнаго просвѣщенія о необходимости введенія обязательнаго преподаванія русскаго языка въ начальныхъ училищахъ варш. уч. окр., нашелъ съ своей стороны, что мѣру сію слѣдуетъ осуществить по возможности скоро". Наконецъ, Высочайше утвержденнымъ 5 марта 1885 г. мнѣніемъ Госуд. Совѣта установлено „во всѣхъ начальныхъ училищахъ варшавскаго учебнаго округа преподаваніе на русскомъ языкѣ всѣхъ предметовъ, за исключеніемъ Закона Божія инославныхъ исповѣданій и природнаго языка учащихся, которые преподаются на этомъ послѣднемъ языкѣ".

Такимъ образомъ обученіе на русскомъ языкѣ въ нач. учил. варшавскаго учебнаго округа вводится постепенно только по Высочайшей волѣ, а не по произволу мѣстной

учебной власти, какъ это утверждаютъ польскіе депутаты, и каждый шагъ учебной власти въ этомъ отношеніи имѣетъ законное основаніе. Конечно, въ развитіе и осуществленіе Высочайшихъ предначертаній учебная власть и съ своей стороны дѣлала соотвѣтственныя распоряженія. Такъ, напр., въ 1872 г., съ цѣлью успѣшнаго осуществленія мѣръ, указанныхъ въ Высочайше утв. 2 декабря 1861 г. положеніи комитета по дѣламъ Ц. П. объ обязательномъ введеніи русскаго языка, министерство нар. просв. признало необходимымъ собрать, въ свободное отъ занятій время, во всѣ педагогическіе курсы округа учителей начальныхъ училищъ (кромѣ Холмской и Сѣдлецкой дирекцій) на срокъ до 6-ти недѣль, для упражненій въ русскомъ языкѣ, т. е. такъ же, какъ въ 1906 г. собирали русскихъ учителей для упражненія въ польскомъ языкѣ. Дѣйствуя всегда въ духѣ законности, мѣстная власть давала въ своихъ дѣйствіяхъ отчетъ и удостаивалась Высочайшаго одобренія. Такъ, на внесенномъ по Высочайшему повелѣнію въ комитетъ министровъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ о состояніи Сѣдлецкой губ. за 1886 г. по объясненію губернатора о томъ, что обученіе и воспитаніе дѣтей въ начальныхъ народныхъ училищахъ ведется въ строго нравственно-религіозномъ направленіи и въ духѣ русской народности, преданности престолу и отечеству, причемъ русскій языкъ, какъ языкъ, государственный, уже занялъ во всѣхъ школахъ подобающее ему мѣсто, —послѣдовала Высочайшая отмѣтка: „*Утѣшительно*“. На такомъ же отчетѣ о состояніи Плоцкой губ. за 1895 г. при указываемыхъ губернаторомъ мѣропріятіяхъ къ тому, чтобы русская школа въ здѣшнемъ краѣ сдѣлалась практически полезною (сокращеніе срока военной службы успѣшно прошедшимъ курсъ школы) и стала могущественнымъ средствомъ къ объединенію края съ остальною Имперіею,—послѣдовала Высочайшая отмѣтка: „*Весьма желательный результатъ*“.

О результатахъ введенія въ мѣстныхъ школахъ русскаго языка находимъ интересный отзывъ въ упомянутой выше книгѣ „Главн. теч. польск. политич. мысли“ А. Л. Погодина, иронизирующаго надъ „благоухающими цвѣтами обрусенія“. Приведя изъ „Московскихъ Вѣдомостей“ 1873 г. отзывъ Каткова о томъ, что „народныя училища идутъ впередъ въ привислинскихъ губерніяхъ весьма успѣшно, и тамошній народъ охотно учится русскому языку“, проф. Погодинъ заключаетъ: „Послѣднее было, вѣроятно, отмѣчено справедливо“... „польскій народъ сознавалъ и сознаетъ надобность изученія государственнаго языка“ (стр. 24).

Наконецъ, считаемъ нелишнимъ привести здѣсь отзывъ объ отношеніи народа къ русской школѣ въ краѣ изъ источника, къ которому прибѣгали сами обвинители „руссификаторовъ“ на страницахъ газеты *Русь* (1906 г. № 79), а именно „Изъ дорожной записной книжки“ С. Колосова,— отзывъ, заслуживающій тѣмъ болѣе вниманія, что онъ исходитъ, по признанію самого автора, отъ „стараго идеалиста и стараго народнаго учителя“ (стр. 43), „пожелавшаго путемъ личныхъ наблюденій поближе ознакомиться съ неизвѣстными ему раньше мѣстами и людьми“ (стр. 84). *) Указывая въ одномъ мѣстѣ на то, что „школа ломомъ ломится отъ желающихъ въ ней учиться дѣтей“ (стр. 19), въ другихъ мѣстахъ г. Колосовъ замѣчаетъ: „Народъ школу любитъ“ (стр. 31), „...въ посадѣ всѣ три школы функціонируютъ въ полуверстной чертѣ и положеніе въ нихъ дѣла съ количествомъ учащихся еще разъ убѣждаетъ въ томъ, что народныя массы ждутъ школы и отнюдь ея не чуждаются“ (стр. 45), „школы вездѣ охотно посѣщаются дѣтьми“ (стр. 57). Между прочимъ, въ цитируемой книжкѣ есть одинъ только намекъ на недоброжелательное отношеніе къ школѣ, но не народа, а польскихъ (титулованныхъ даже) помѣщиковъ, владѣльцевъ богатаго имѣнія, со стороны которыхъ „народная школа хотя и не встрѣчала въ своемъ развитіи противодѣйствія, но и особымъ благоволеніемъ не пользовалась“ (стр. 42); другіе же помѣщики относились къ школѣ хорошо (стр. 17, 19).

Какъ видимъ, обвиненія, взводимыя польскими депутатами на мѣстную учебную власть, совершенно неосновательны: всѣ распоряженія, какія когда либо дѣлались, всегда имѣли законное основаніе.

Что касается, напр., указываемыхъ депутатами преслѣдованій, то имъ должно быть извѣстно, что, если административной властью налагалась кара за незаконное или тайное обученіе, то опять таки на основаніи закона, который примѣнялся и тогда, когда еще не вводилось преподаваніе на русскомъ языкѣ, а именно на основаніи Высочайше утвержденнаго 18 января 1841 г. Положенія о частныхъ

---

*) „Изъ дорожной записной книжки“ *С. Колосова*. Люблинъ. 1899. Авторъ этой книжки, служившій въ г. Люблинѣ, совершалъ „свои странствованія“ по Люблинской и Сѣдлецкой губерніямъ „четыре года подъ рядъ, пользуясь для этого каждымъ удобнымъ случаемъ“, но не выполняя этимъ „никакой оффиціальной миссіи“ (стр. 3).

учебныхъ заведеніяхъ, а въ послѣдніе годы на основ. Высочайше утвержденныхъ 3 апрѣля 1892 г. правилъ (для западныхъ губерній), примѣненныхъ по Высочайшему повелѣнію 26 мая 1900 г. въ губерніяхъ Царства Польскаго. Точно также и въ отношеніи снабженія школъ книгами, учебными пособіями, планами и программами мѣстная учебная власть всегда руководствовалась требованіями закона или распоряженіями министерства народн. просв. *)

Кс. Гралевскій, указывая въ своей рѣчи на „факты“ якобы незаконныхъ дѣйствій учебной власти, не потрудился не только справиться предварительно съ законами, но и установить въ этихъ „фактахъ“ причинную связь, что напрашивается само собой. Говоря, напр., объ учительскихъ семинаріяхъ, кс. Гралевскій, не указалъ на зависимость ихъ отъ того или другого положенія начальныхъ училищъ, для которыхъ въ этихъ семинаріяхъ подготовляются учителя. Естественно, что съ постепеннымъ введеніемъ въ начальныхъ училищахъ преподаванія на русскомъ языкѣ измѣняли свой характеръ и учительскія семинаріи, преобразованныя на основаніи Высочайшаго повелѣнія 11 декабря 1872 г. изъ педагогическихъ курсовъ. А въ какомъ положеніи находились до того времени педагогическіе курсы, можно заключить изъ циркуляра попечителя варш. учебн. окр. отъ 10 января 1872 г. за № 96. „Какъ учрежденія совершенно новыя въ здѣшнемъ краѣ,—говорится въ этомъ циркулярѣ,—педагогическіе курсы не имѣли предъ собою никакого опыта и примѣра, которыми они могли бы воспользоваться съ первыхъ же шаговъ ихъ учебной дѣятельности; они по необходимости должны были идти сначала ощупью, избирая пути, которыя по ихъ собственному опыту оказывались лучшими и цѣлесообразными“. Поэтому приходилось вырабатывать новыя программы, примѣняясь къ потребностямъ начальныхъ школъ, въ которыя постепенно вводился русскій языкъ. Но и при выработкѣ новыхъ программъ мы видимъ, что религіозное воспитаніе и обученіе природному языку не оставалось безъ заботливаго вниманія со стороны учебной власти. Въ томъ же циркулярѣ, предписывающемъ

*) Кромѣ приведенныхъ документальныхъ данныхъ, укажемъ еще на словесное Высочайшее повелѣніе, данное въ 1871 г. Императоромъ Александромъ II министру гр. Д. А. Толстому: „Сдѣлать распоряженіе о постепенномъ введеніи въ начальныхъ училищахъ Царства Польскаго преподаванія на русскомъ языкѣ“ (въ отмѣну ст. 49 Высочайшаго Указа 1864 г.). См. „Историческій обзоръ дѣятельности Министерства Нар. Просв.,“ составленный г. Рождественскимъ. 1902 г. стр. 591.

начальникамъ заведеній озаботиться составленіемъ программъ для учительскихъ семинарій, предлагается, между прочимъ, обратить вниманіе, „независимо образованія религіознаго, на изученіе польскаго языка“... Послѣдняя таблица уроковъ для учительскихъ семинарій, утвержденная министерствомъ нар. просв. въ 1892 г., измѣнена въ 1906 увеличеніемъ числа уроковъ лишь по польскому языку. Нѣкоторыя обвиненія кс. Гралевскаго доходили до курьеза. Указавъ, напр., на то, что въ 1891 г. изъ 2863 училищъ только въ 154 законоучителями ксендзы, онъ приписывалъ отсутствіе ксендзовъ-законоучителей въ остальныхъ училищахъ тому, что въ эти школы ксендзы не допускались. Правда ли это? И почему бы ксендзы допускались въ одни училища и не допускались въ другія? Интересно, какъ объяснилъ-бы кс. Гралевскій то явленіе, на которое мы выше указывали (стр. 84), а именно, что, несмотря на увеличеніе числа уроковъ и расширеніе программы по Закону Божію р.-к. исповѣданія въ средн. учебн. заведеніяхъ округа, несмотря на всѣ старанія и просьбы, обращенныя къ духовной власти, мѣстная учебная власть не могла найти замѣстителей штатныхъ законоучительскихъ должностей въ цѣломъ рядѣ среднихъ учебныхъ заведеній, гдѣ законоучительскій трудъ хорошо оплачивается? Какъ, наконецъ, согласовались обвиненія кс. Гралевскаго съ тѣмъ, что за недостаткомъ ксендзовъ или за нежеланіемъ ихъ преподавать въ нач. школахъ учебное начальство вынуждено было ассигновать въ 1906 г. особыя суммы для вознагражденія тѣхъ учителей-католиковъ, которые взяли на себя преподаваніе Закона Божія р.-к. исповѣданія?

Еще болѣе страннымъ и совершенно неосновательнымъ является запросъ комиссіи по поводу будто бы не согласныхъ съ закономъ дѣйствій должностныхъ лицъ варш. учебн. округа. Указываемый комиссіей, какъ незаконно введенный въ школахъ, планъ обученія, утвержденный въ 1903 г. министромъ нар. пр. В. Г. Глазовымъ, по ходатайству попечителя округа отмѣненъ министерствомъ и въ школы не вводился, что очень не понравилось *Варшавскому Курьеру* (№ 113—1906 г.), увидѣвшему въ этой отмѣнѣ „руссификаторскія цѣли“, на что мы указывали выше (стр. 71). Выходитъ такъ, что и отмѣна упомянутаго плана незаконна, и введеніе его (если бы таковое совершилось) тоже незаконно! Запросъ комиссіи о несоотвѣтственномъ будто бы примѣненіи начальствомъ округа Высочайше утвержденнаго 6 іюня 1905 г. положенія Комитета Министровъ и Высочайшаго повелѣнія 27 октября 1905 г. о преподава-

ніи въ начальныхъ училищахъ на польскомъ языкѣ является болѣе нежели страннымъ, доказывая совершенное незнакомство комиссіи съ положеніемъ дѣла въ этихъ школахъ, а также съ обсужденіемъ вопроса о примѣненіи указанныхъ выше узаконеній въ печати. Еще всѣмъ памятно указаніе въ 1906 г. въ *Нов. Времени* (№ 10795), *Окраинахъ Россіи* (№ 4), *Варш. Дневн.* (№ 88) и др. на неправильное толкованіе министерствомъ гр. И. И. Толстого означенныхъ узаконеній изъ угодливости полякамъ и въ ущербъ русскимъ интересамъ. *Окраины Россіи*, указывая на неправильное толкованіе министерствомъ упомянутыхъ узаконеній, даже упрекали нынѣшняго попеч. округа В. И. Бѣляева въ томъ, что онъ не запротестовалъ противъ неправильнаго толкованія министерствомъ этихъ узаконеній, не зная, очевидно, того, что протестъ г. Бѣляевымъ былъ заявленъ дважды: разъ лично, другой разъ письменно. Въ этихъ узаконеніяхъ ясно указано: „при преподаваніи ариѳметики пользоваться, *кромѣ русскаго*, также польскимъ и литовскимъ языкомъ“, т. е. русскій языкъ вовсе не изгоняется изъ школъ при обученіи ариѳметики. Это ясно и изъ слѣдующихъ словъ Высочайше утвержденнаго Журнала Комитета Министровъ: „Не находя, чтобы допущеніе въ *извѣстной степени* преподаванія этого предмета при помощи польскаго языка умалило значеніе русскаго языка, какъ государственнаго, Комитетъ высказался за разрѣшеніе допустить пользованіе, *кромѣ русскаго языка*, и польскимъ языкомъ при преподаваніи *начальныхъ правилъ* ариѳметики“. Въ томъ же Журналѣ сказано: „Комитетъ не сомнѣвается въ томъ, что результаты, достигнутые уже дѣйствующею системою, *должны быть сохранены;* для сего, а также для сохраненія за школой соотвѣтствующаго русской государственности значенія въ краѣ, необходимо принципіально признать, что *она должна по прежнему остаться русской*“. Между тѣмъ по толкованію министерства гр. Толстого дѣти не могутъ учиться счету по-русски, если бы даже сами этого пожелали.

„Документы“ и данныя, которыми деп. кс. Гралевскій пользовался при выступле-

Какъ мы указывали выше, еще въ первой Государственной Думѣ кс. Гралевскій пытался доказать незакономѣрность дѣйствій мѣстной учебной власти документами. Но примѣнить такой, казалось бы, убѣдительный способъ обличенія онъ тогда удержался, находя, очевидно,

ніяхъ въ Гос. Думѣ.

имѣющіеся у него „документы“ неубѣдительными.

Нагромоздивъ тогда цѣлую кучу голословныхъ обвиненій и тенденціозно освѣщенныхъ фактовъ, онъ такъ и не подтвердилъ ихъ документами.

Наконецъ-то въ засѣданіи 2-ой Гос. Думы 4 марта 1907 г. кс. Гралевскій выступилъ съ обличительными „документами“. Раздался громъ, но не изъ тучи... Въ рукахъ кс. Гралевскаго оказались какія-то официальныя бумаги, на которыхъ, по его словамъ, напечатано: „М. Н. П. Варшавскій учебный округъ“.

Должно быть на бланкахъ этихъ бумагъ было названіе и того учрежденія, находящагося въ вѣдомствѣ варшавскаго учебнаго округа, изъ котораго эти бумаги исходили, и даты предписаній, такъ какъ, судя по прочитаннымъ кс. Гралевскимъ выдержкамъ, предписанія эти исходили отъ начальника одной изъ учебныхъ дирекцій. Несомнѣнно и то, что бумаги писаны въ 19 столѣтіи, такъ какъ раньше ни министерства, ни учебныхъ дирекцій еще не было.

Но кто именно, когда и по какому поводу писалъ эти бумаги, такъ и неизвѣстно; кс. Гралевскій, очевидно, умышленно умолчалъ, такъ какъ при полномъ выясненіи обстоятельствъ весь эффектъ отъ выхваченныхъ имъ изъ бумагъ фразъ пропалъ бы. Скажи, напр., онъ, что такія-то бумаги „очаковскихъ временъ“, или написаны вскорѣ послѣ возстанія 1863 г., или даже во времена попечительства Апухтина, тогда пожалуй не только правые (какъ это было), но можетъ быть и лѣвые сказали бы: „это правильно“, и установили бы между этими бумагами и жизненными явленіями того времени ту причинную связь, которую кс. Гралевскій никакъ не могъ понять. Но кс. Гралевскому желательно было произвести эффектъ, для достиженія котораго онъ не побрезгалъ даже сомнительными средствами.

Да и по существу цитированныя кс. Гралевскимъ мѣста изъ бумагъ, безотносительно даже ко времени ихъ появленія, не заключали въ себѣ чего-либо такого незакономѣрнаго или невѣроятно страннаго проявленія власти, чтобы выступать съ ними въ Государственной Думѣ, какъ съ вѣскими доказательствами.

Что, напр., незаконномѣрнаго въ томъ, что какой-то начальникъ учебной дирекціи, основываясь на законоположеніяхъ 18 января 1841 г. о частн. учеб. заведеніяхъ, или 3 апрѣля 1892 г. о взысканіяхъ за тайное обученіе, предписывалъ учителямъ, въ силу этихъ законоположеній, сообщать ему о тайномъ обученіи въ томъ районѣ, гдѣ

есть школа мин. нар. просвѣщенія? Виноватъ тутъ не начальникъ дирекціи, а законъ. Или что за преступленіе въ томъ, что начальникъ дирекціи требовалъ выдавать ученикамъ только тѣ книги, которыя одобрены учебною властью, охраняя тѣмъ дѣтей можетъ быть отъ зловредной литературы! Мало того, въ цитированной кс. Гралевскимъ бумагѣ, исходившей отъ попечителя округа (какого именно, когда?), о неразрѣшеніи ученикамъ присутствовать на публичныхъ чтеніяхъ, приводится даже ссылка на Высочайшее повелѣніе. Слѣдовательно, мѣстная власть тутъ ни при чемъ.

Такимъ образомъ кс. Гралевскому слѣдовало бы критиковать тѣ устарѣвшія законоположенія, по силѣ которыхъ дѣлались тѣ или другія предписанія, а не, гоняясь за дешевыми лаврами, рыться въ архивной пыли въ поискахъ за виновными.

Обличительные пріемы кс. Гралевскаго станутъ нѣсколько понятны, если вспомнить, что еще въ первой Государственной Думѣ онъ высказалъ сожалѣніе о томъ, что чины управленія варшавскаго учебнаго округа не сидятъ въ тюрьмѣ вмѣстѣ съ школьными агитаторами. Но такая месть за „своихъ“ или злопамятство не къ лицу члену Государственной Думы, да еще облеченному въ духовный санъ.

Надо удивляться той... смѣлости (чтобы не опредѣлить иначе), съ которой кс. Гралевскій не стѣснялся дѣлать передержки въ фактахъ и подтасовывать несоотвѣтственныя данныя. Такъ, министръ народнаго просвѣщенія, на основаніи послѣдней переписи, доказывалъ, что процентъ грамотныхъ среди поляковъ выше, чѣмъ среди русскихъ, а кс. Гралевскій утверждалъ, что министръ говоритъ неправду и указывалъ на одинъ округъ московскій, гдѣ грамотность выше, умалчивая объ остальныхъ мѣстностяхъ, гдѣ процентъ грамотныхъ значительно ниже; министръ говорилъ, что на обученіе инородцевъ тратятся деньги въ ущербъ русскимъ, а кс. Гралевскій толковалъ о церковно-приходскихъ или русскихъ школахъ въ Сѣдлецкой и Люблинской губерніяхъ, объ ассигнованіяхъ средствъ на эти школы Св. Синодомъ, не имѣя совершенно понятія о типѣ школъ въ названныхъ губерніяхъ. Въ Холмской Руси кромѣ школъ церковно-приходскихъ есть школы, учрежденныя не по опредѣленію и не на средства Св. Синода, какъ утверждалъ кс. Гралевскій, а на основаніи Высочайшаго указа 1864 г. и на средства, опредѣленныя еще въ 1865 г. б. учредительнымъ комитетомъ Царства Польскаго; школы эти не цер-

ковно-приходскія, а такъ называемыя греко-уніатскія и русскія (сборн. постан. по минист. нар. просвѣщенія т. 4. 1867 г. ст. 261); въ настоящее время онѣ утратили первоначальный свой характеръ и доступны не только русскимъ, но и полякамъ. Приводя расходы на школы въ Холмской Руси, кс. Гралевскій умолчалъ о томъ, что по послѣднимъ даннымъ Варшавскаго статистическаго комитета (XXVIII вып.) казна расходуетъ на образованіе въ здѣшнемъ краѣ въ среднемъ 57 к. на одного жителя,*) тогда какъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Россіи этотъ расходъ достигаетъ только 9 к. на 1 человѣка.

А почему кс. Гралевскій, говоря объ открытіи учебныхъ заведеній „Школьной Матицей", не объяснилъ, зачѣмъ „Матица" открывала школы тамъ, гдѣ есть уже министерскія училища, и не открывала тамъ, гдѣ вовсе еще нѣтъ школъ? Можетъ быть, тогда понятны были бы тѣ цифры, которыя онъ приводилъ, и тотъ „фильтръ министерства внутреннихъ дѣлъ, который пропускаетъ кандидатовъ-учителей въ зависимости отъ благонадежности". Спрашивая, зачѣмъ этотъ фильтръ министра внутреннихъ дѣлъ, кс. Гралевскій и не подозрѣвалъ, что отвѣтъ онъ можетъ найти въ одномъ изъ націоналистскихъ органовъ польской печати, *Варш. Кур.*, гдѣ въ 1906 г. указывалось на то, „что учителя на урокахъ знакомятъ учениковъ со статьями соціалистскаго *Работника*, а также уводятъ учениковъ на политическіе митинги" **).

Школьный проектъ и „разореніе культуры".

Видя въ школѣ прежде всего орудіе политической борьбы, а не культурнаго развитія края, польскіе націоналисты стремятся замкнуть свой народъ въ скорлупу самаго узкаго націонализма путемъ замѣны въ краѣ всѣхъ русскихъ государственныхъ органовъ польскими и прежде всего школы. Полонизація школы является для нихъ первой ступенью по пути къ автономіи Польши, какъ это открыто заявило польское „коло" 2-ой Государственной Думы въ заключительныхъ словахъ объяснительнаго меморіала къ своему школьному проекту

---

*) Изъ представленной въ 1904 г. въ Комитетѣ Министровъ записки Статсъ-Секретаря Плеве видно, что, кромѣ отпускаемыхъ по вѣдомству Свят. Синода суммъ (50,000) на церковно-приходскія училища, на начальное народн. образованіе въ сельскихъ гминахъ Ц. П. расходуется изъ средствъ государственнаго казначейства по смѣтѣ М. Н. П. около 475,000 р., спец. училищнаго сбора около 665,000 р. и изъ другихъ источниковъ (отказы въ пользу школъ, аренда школьныхъ земель) около 39,000р., итого въ годъ около 1,179,000 р.

**) См. „Польская Печать" „Варш.-Дневн." 9 мая 1907 г. № 126.

9 мая 1907 г., указывая, что осуществленіе его требованій „будетъ началомъ реорганизаціи школьной системы Царства Польскаго, основная реформа которой будетъ составлять одну изъ задачъ будущаго автономнаго строя страны". А когда націоналистскимъ стремленіямъ былъ указанъ предѣлъ, предсѣдатель польскаго „кола" Р. Дмовскій выступилъ 16 ноября 1907 г. въ Государственной Думѣ 3-го созыва съ обвиненіемъ русской власти въ „разореніи польской культуры", на что и получилъ должную отповѣдь какъ со стороны предсѣдателя совѣта министровъ П. А. Столыпина и депутата отъ русскаго населенія Варшавы С. Н. Алексѣва, такъ и со стороны русской печати. Въ отвѣтной рѣчи премьеръ-министръ, между прочимъ, сказалъ: „Намъ говорятъ, что въ 1828 году въ Царствѣ Польскомъ пропорціонально было больше школъ, чѣмъ въ 1900 году. На это отвѣчу слѣдующее. Теперь можетъ быть не только мало школъ, но тамъ нѣтъ даже высшаго учебнаго заведенія, и высшаго учебнаго заведенія нѣтъ тамъ потому, что тѣ граждане, которые только что назвали себя гражданами второго разряда, не хотятъ пользоваться въ высшей школѣ общегосударственнымъ языкомъ". Какъ извѣстно, эта отповѣдь была встрѣчена возгласами „браво" и бурными аплодисментами русскихъ членовъ Госуд. Думы. С. Н. Алексѣевъ, остановившись (въ рѣчи 20 ноября) на заявленіи г. Дмовскаго о „культурномъ разореніи окраинъ" и приведя цифровыя данныя (до 1864 г. въ Польшѣ было грамотныхъ 9%, по переписи 1897 г. $30^1/_2$%, при 19% грамотныхъ въ Россіи; въ то время, какъ въ Ц. П. на народное образованіе тратится отъ 51 до 56 к., въ Россіи отъ 9 до 10 к. на душу населенія),—указалъ, что „пока предоставленное само себѣ автономное Царство Польское шло по невѣрному, глубоко неправильному историческому пути, дѣйствительно культурный уровень его понижался; послѣ же 1864 г., т. е. послѣ того момента, когда правительство имѣло возможность и право не считаться съ шляхетскими теченіями, польскій народъ начинаетъ процвѣтать".*)

---

*) Въ виду приведенныхъ словъ г. Алексѣева представляетъ особый интересъ статья г. О. П., помѣщенная въ „Варшавскомъ Дневникѣ" (№ 353, 23 декаб. 1907 г.) подъ заглавіемъ „Школьное дѣло въ Царствѣ Польскомъ въ 1815—1830 годахъ" (*историческая справка*), изъ которой и приводимъ выдержки:

„Когда рѣчь идетъ о польской школѣ прежнихъ временъ, то не нужно забывать, что она почти всецѣло находилась въ рукахъ католическаго духовенства. Въ XVIII вѣкѣ Польша была наиболѣе отсталою страною въ умствен-

Возражая (въ рѣчи 22 ноября) другому польскому депутату г. Жуковскому, г. Алексѣевъ заявилъ, что освѣщеніе русскими окраинными депутатами мѣстныхъ во-

---

номъ отношеніи въ Европѣ. Школа, наука находились въ рукахъ іезуитовъ и другихъ монашескихъ орденовъ. Яркую картину того, съ какимъ трудомъ пролагали себѣ путь въ Польшу изъ Западной Европы новыя идеи и научныя открытія, нарисовалъ г. Владиславъ Смоленскій въ своей книгѣ „Przewrót umysłowy w Polsce wieku XVIII". (Умственный переворотъ въ Польшѣ XVIII в.) Только съ уничтоженіемъ ордена іезуитовъ и съ созданіемъ такъ называемой komisyi edukacyjnej въ 1773 г., въ которой главными дѣятелями были все же духовныя лица, началась нѣкоторая работа по организаціи польской школы на началахъ, нѣсколько приближавшихся къ тѣмъ, которыя давно уже установились въ Западной Европѣ. Но польской школѣ трудно было избавиться отъ того духа, который царилъ въ ней въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ. Поэтому секуляризація школъ въ Польшѣ, освобожденіе ея отъ клерикальнаго духа и характера подвигались очень медленно. Притомъ трудно было бороться и съ тѣми взглядами на задачи просвѣщенія, которыми была проникнута шляхта. Попытки просвѣщенія крестьянства и вообще низшихъ классовъ народа встрѣчали съ ея стороны противодѣйствіе. Г. Августъ Соколовскій, авторъ сочиненія „Dzieje porozbiorowe narodu polskiego illustrowane", свидѣтельствуетъ (т. 2, ч. 1, стр. 161) на основаніи рапорта, прочитаннаго на сеймѣ 1818 г., что дѣло устройства элементарныхъ школъ не встрѣчало сочувствія со стороны шляхты, пропитанной устарѣлыми предразсудками. И послѣ 1818 года положеніе элементарной школы не измѣнилось къ лучшем". Она продолжала находиться въ очень печальномъ положеніи до 1830 г., какъ объ этомъ неопровержимо свидѣтельствуетъ упомянутый выше рапортъ Лелевеля. Мы имѣемъ въ виду: „Raport komisyi rządowej wyznań religijnych i oświecenia publicznego (sic) na styczniowe roku 1831 posiedzenia sejmowe wygotowany". Этотъ рапортъ напечатанъ и помѣченъ 17 января (н. ст.), 1831 г. Подписанъ онъ, какъ уже упоминалось, Лелевелемъ, въ качествѣ заступающаго мѣсто предсѣдательствующаго министра (Zast. ministra prezydującego).

Въ этомъ интересномъ Raporcie (стр. 5) говорится слѣдующее: „Число элементарныхъ школъ, давно уже (od niemałego czasu) массами убывающихъ, уменшилось еще. Въ 1828 году было городскихъ школъ 370, сельскихъ 340. Въ 1829 г. было городскихъ 336, сельскихъ 329. А число учениковъ съ 20,000 упало до 9691. За 1830 годъ доставлены еще не всѣ рапорты". Такимъ образомъ само революціонное правительство Царства Польскаго констатировало плачевное положеніе, въ которомъ находилось дѣло просвѣщенія низшихъ слоевъ польскаго народа.

Что касается средняго образованія, то „Raport" сообщаетъ слѣдующее (стр. 4): „Вообще въ школахъ выдзяловыхъ (нѣчто въ родѣ прогимназій) число учениковъ малое, въ воеводскихъ (соотвѣтствующихъ нашимъ гимназіямъ) большее. Происходитъ это не только вслѣдствіе того, что въ первыхъ меньше классовъ, но также и потому, что распредѣленіе предметовъ, преподаваемыхъ въ нихъ, не имѣетъ связи между собою и не отличается единообразіемъ". Школъ выдзяловыхъ (wydziałowych) было въ 1829 и 1830 годахъ 16 (учениковъ въ нихъ 3216 и 3255). Что касается воеводскихъ школъ, то ихъ было 15, а учениковъ въ нихъ насчитывалось въ 1829 г.—6236, а въ 1830 г.—6278.— Слѣдуетъ помнить при этомъ, что эти учебныя заведенія находились по большей части въ рукахъ разныхъ монастырскихъ орденовъ, и преподаваніе въ нихъ, благодаря этому, носило особый, клерикальный отпечатокъ. Интересныя свѣденія въ этомъ отношеніи сообщаютъ Голембіовскій и Собѣшанскій въ составленныхъ ими историко-статистическихъ описаніяхъ города Варшавы".

просовъ производится на основаніи точныхъ и провѣренныхъ данныхъ; по поводу же указаній г. Жуковскаго на излюбленную поляками Галицію, г. Алексѣевъ, ссылаясь на цифры (къ 31 декаб. 1900 г. въ Галиціи было 3.437.844 неграмотныхъ), замѣтилъ, что г. Жуковскій совершенно неправильно изобразилъ ходъ дѣла въ Галиціи, почему г. Алексѣевъ и повторилъ слова, сказанныя депутатомъ Холмщины еп. Евлогіемъ: „Бѣдная Галиція"! Рѣчи С. Н. Алексѣева, въ которыхъ онъ доказалъ, что поляки „разошлись съ правдою", произвели на членовъ Государственной Думы сильное впечатлѣніе, заставивъ польскихъ депутатовъ быть осмотрительнѣе въ своихъ произвольныхъ выводахъ и неосновательныхъ обвиненіяхъ. Даже польская умѣренная печать подвергла строгой критикѣ это выступленіе предсѣдателя польскаго „кола" и „творца польской политики" въ Государственной Думѣ. Такъ, напр., лейбъ-органъ краевой партіи еженедѣльникъ *Kresy* (*Окраины* *), называя „очень несвоевременнымъ, неудачнымъ и безцѣльнымъ въ рѣчи г. Дмовскаго выраженіе о „культурномъ разореніи окраинъ государства", замѣтилъ: „Выраженіе это очень дурно свидѣтельствуетъ о политическомъ тактѣ и сдержанности оратора. Поэтому онъ дождался не только рѣзкаго отпора со стороны министра-президента, который недостаткомъ темперамента не грѣшитъ, но и спеціальной полуофиціальной статьи въ *Россіи*, которая ничего добраго не предвѣщаетъ. Органъ г. Столыпина *не безъ основанія* спросилъ г. Дмовскаго: если открытіе школъ съ преподаваніемъ на русскомъ языкѣ является разгромомъ польской культуры, то какъ надо назвать бойкотированье, иногда въ самой дикой формѣ, высшихъ правительственныхъ учебныхъ заведеній, гимназій и другихъ училищъ и требованія, чтобы правительство переводило эти столь необходимые разсадники науки далеко за границы края?... И къ чему все это? *Cui bono*?"

*) См. отд. „Польская печать" „Варшав. Дневникъ" № 346 за 1907 г.

VI. Возвращеніе къ террору.

Затишье. Послѣ бурнаго 1905/6 учебнаго года, въ концѣ котораго волны школьной революціи были устремлены особенно на народныя школы, 1906/7 учебный годъ въ большинствѣ этихъ школъ начался нормально. По засвидѣтельствованію начальниковъ учебныхъ дирекцій въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ само населеніе изъявило желаніе, чтобы было возстановлено преподаваніе русскаго языка; въ другихъ сами учителя-поляки поставили преподаваніе русскаго языка на должную высоту, но при ревизіи учебною властью школъ просили не писать въ ревизіонныхъ книгахъ хорошихъ рецензій объ успѣхахъ въ русскомъ языкѣ, опасаясь преслѣдованій со стороны какихъ-то нелегальныхъ контролеровъ, являющихся въ училища и требующихъ отъ учителей отчета о веденіи ими школьнаго дѣла. Даже противъ русскихъ учителей, выдержавшихъ бойкотъ и оставшихся на своихъ мѣстахъ, было замѣтно ослабленіе агитаціи, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—даже явное проявленіе расположенія къ нимъ за прекрасные успѣхи по всѣмъ предметамъ, въ томъ числѣ и по польскому языку. Требованія хорошей подготовки по русскому языку предъявлялись учителями къ поступающимъ даже въ частныя польскія учебныя заведенія (pesyi), гдѣ уже была сознана необходимость изученія русскаго языка, или гдѣ требовали его преподаванія сами родители.

О наплывѣ учащихся въ казенныя среднія учебныя заведенія мы остановимся особо *).

Казалось бы, что самовольная полонизація начальной школы, совершившаяся при поддержкѣ со стороны министерства гр. И. И. Толстого, удовлетворитъ даже самыхъ ярыхъ „національзаторовъ“, такъ какъ указанное министерство своими требованіями и „разъясненіями“ Высочай-

*) См. главу „Признаки отрезвленія въ школьномъ дѣлѣ“.

шихъ повелѣній предоставило мѣстной школѣ больше правъ, чѣмъ законъ. Кромѣ того учителя-агитаторы не только были возвращены на свои мѣста, но и удовлетворены полностью жалованьемъ за все время отсутствія ихъ въ школѣ, а замѣстившіе ихъ учителя, подвергшіеся бойкоту полонизаторовъ, были изгнаны, т. е. было сдѣлано такъ, какъ этого желалъ „Związek unarodowienia szkòł“, „взявшій въ свои руки дѣло народнаго просвѣщенія въ краѣ“. Однако, это попустительство, какъ увидимъ ниже, было понято „націонализаторами“ по своему, усиливъ лишь энергію въ веденіи агитаціи противъ государственной школы. Главными дѣятелями по возобновленіи бойкота этой школы явились именно возвращенные на свои мѣста учителя. Самый фактъ безнаказанности учителей-агитаторовъ подѣйствовалъ деморализующимъ образомъ на тѣхъ, кто, будучи вѣренъ служебному долгу, уклонялся отъ участія въ школьномъ движеніи. Подъ вліяніемъ же возвращенныхъ агитаторовъ стали колебаться и тѣ, кто уклонялся отъ политиканства.

Къ тому же съ іюля 1906 года начало проявлять свою „просвѣтительную“ дѣятельность „въ національномъ направленіи“ общество „Школьная Матица“, раскинувъ по всему краю больше „колъ“ или отдѣленій, чѣмъ школъ *), причемъ во многихъ „колахъ“ учителя государственной школы, въ томъ числѣ и возвращенные на мѣста агитаторы, приняли дѣятельное участіе въ качествѣ секретарей. Всѣ, у кого только было желаніе заниматься раньше тайной агитаціей, получили возможность объединиться въ „колахъ“ легализованной „Школьной Матицы“. Начиная отъ одного изъ самыхъ дѣятельныхъ ея членовъ ксендза Гралевскаго, выступавшаго въ Государственной Думѣ, и кончая безграмотными служителями на помѣщичьихъ фольваркахъ,—все это стремилось „просвѣщать народъ въ національномъ направленіи“ путемъ ли личнаго воздѣйствія или при посредствѣ соотвѣтственныхъ изданій **). Иные эле-

---

*) Напр., при 60 функціонировавшихъ въ Варшав. губ. школахъ (кромѣ Варшавы) было 159 „колъ“; были „кола“ и безъ школъ. См. „Варшав. Дневн.“ № 61—1908 г.

**) Изъ числа этихъ изданій выдѣляется столь же тенденціозное по содержанію, какъ и роскошное по внѣшности, краковское изданіе „Polska“, усердно распространявшееся „Школьной Матицей“ въ школахъ и среди народа. По толкованію этой книги такіе города, какъ Ржевъ, Новгородъ-Сѣверскъ, Черниговъ, Трубчевскъ, значительная часть Малороссіи, Западнаго и Южнаго края—Королевство Польское; русскій же народъ занимаетъ территорію лишь отъ Смоленска до Москвы; тенденціозное освѣщеніе историческихъ событій превосходитъ всякія границы. См. „Варш. Дневн.“ № 62—1908 г.

менты польскаго общества, прогрессивные и другіе, несочувствовавшіе направленію націоналистской „Школьной Матицы“ или поставившіе себѣ цѣлью „просвѣщать“ народъ на свой ладъ, стали объединяться въ особыя общества и наводнять деревню своими „просвѣтителями“ и своими изданіями.

Вотъ перечень „просвѣтительныхъ“ обществъ, возникшихъ до конца 1907 года:

1) *„Единство“*, 2) *„Дзвигня“*, 3) *Католическое общество*, 4) *Общество католическихъ женщинъ*, 5) *Общество борьбы съ неграмотностью*, 6) *Общество курсовъ для взрослыхъ неграмотныхъ*, 7) *Общество научныхъ курсовъ*, 8) *Университетъ для всѣхъ*, 9) *Общество „Фармація“*, 10) *Варшавское Артистическое Общество*, 11) *Нѣмецкое Общество въ Царствѣ Польскомъ*, 12) *Общество культуры польской*, 13) *Общество краевѣдѣнія* (*Towarzystwo krajoznawcze*) 14) *Польскій союзъ равноправія женщинъ*, 15) *Союзъ польскихъ учителей*, 16) *Общество техниковъ*, 17) *Психологическое Общество*, 18) *„Освята“*, 19) *Варшавское благотворительное Общество* (содержитъ пріюты (ochrony), рабочіе золы, школы при нихъ), 20) *Союзъ польскихъ землевладѣльцъ*, (ziemianek) 21) *„Польская школьная Мацержъ“ и* 22) *Народный университетъ* при „Мацержи“ (послѣдніе нынѣ закрыты), 23) Общество подъ названіемъ *„Физико-математическій кружокъ“*. 24) *„Свѣтъ“*, 25) *Литовское Общество „Жибурисъ“*, 26) *Общество дошкольнаго воспитанія*, 27) *Общество попеченія о дѣтяхъ*, 28) *Радомскій народный университетъ*, 29) *Общество рабочихъ христіанъ* и др. Кромѣ того существуютъ „просвѣтительныя“ общества подъ именами нѣкоторыхъ католическихъ святыхъ и много иныхъ мелкихъ обществъ, явное существованіе которыхъ трудно даже установить. Тѣмъ болѣе невозможно установить съ точностью, которое изъ нихъ содѣйствовало и которое противодѣйствовало „Школьной Матицѣ“ и какое изъ нихъ въ настоящее время, послѣ закрытія „Матицы“, приняло на себя ея функціи. Извѣстно лишь, что *Католическое Общество* вовсе не признаетъ гражданскихъ властей, признавая только одну духовную власть во главѣ съ папой. *Общество попеченія о дѣтяхъ* по своему уставу и направленію тождественно съ закрытой „Школьной Матицей“, съ тою лишь разницей, что „мацержинскіе“ „кола“ замѣнены „гнѣздами“. Словомъ, повторяется то же явленіе, какое наблюдалось при закрытіи газетъ—измѣняется лишь названіе, а не направленіе. Какъ, напр., вмѣсто пріостановленной газеты *Goniec* на другой день появлялась *Praca Polska*, или вмѣсто

закрытаго *XX Вѣка* появлялось *Око*, такъ съ закрытіемъ „Школьной Матицы“ возникло „Общество попеченія о дѣтяхъ“ и другія. „Nie kijem, to pałką“, какъ говоритъ польская пословица.

Несомнѣнно, что среди „просвѣтителей“ указанныхъ обществъ есть люди, проникнутые наилучшими желаніями послужить дѣлу разумнаго народнаго просвѣщенія, но, къ прискорбію, до сихъ поръ просвѣщеніе народа въ частныхъ школахъ захватываютъ въ свои руки самые яростные шовинисты изъ такъ называемыхъ „народовцевъ“, постановившихъ „взять въ свои руки дѣло народнаго просвѣщенія“ *). Вотъ эти-то „просвѣтители“, послѣ нѣкотораго затишья, въ концѣ 1906 г. вновь принялись энергично за агитацію противъ государственной школы при посредствѣ какъ „легализованныхъ“, такъ и тайныхъ организацій, въ томъ числѣ и спеціальнаго подпольнаго органа *Walka o Szkołę Polską (Борьба за Польскую Школу)*.

Возвратная волна.

Для характеристики возвратной волны школьной революціи, нахлынувшей на школы послѣ нѣкотораго затишья, приведемъ выдержки изъ названнаго органа (№ 2), возобновившаго свою дѣятельность въ декабрѣ 1906 г., и такимъ путемъ, т. е. словами самихъ же „націонализаторовъ“, освѣтимъ ихъ дѣятельность.

Редакція названной газеты, указывая на то, что „Союзъ націонализаціи школъ“ и вообще „организація народова“ „неутомимо борются за полную (całkowite) полонизацію и націонализацію школы (szkolnictwa)“, призываетъ къ дальнѣйшей борьбѣ, заявляя, что послѣ нѣкотораго перерыва газета вновь „стаетъ въ ряды борцовъ подъ девизомъ (hasłem): „*Szkoła polska na ziemiach polskich*“ („Польская школа на польскихъ земляхъ“).

Далѣе, въ редакціонной статьѣ „Walka o szkołę ludową“, школьные „націонализаторы“, говоря о томъ, что стремленія ихъ „можно выразить въ нѣсколькихъ словахъ —„Мы не уступимъ съ занятаго нами положенія и стремимся за новыми добычами (po nowe zdobycze)“—развиваютъ свою мысль поясненіями, что „русскій чиновникъ получилъ такой отпоръ, какой ему и слѣдовало“, и что послѣ взятія перваго окопа (pierwszy szaniec) въ видѣ преподаванія ариѳметики по-польски „Союзъ націонализаціи школъ“ распорядился „*русскій языкъ какъ обязательный предметъ исключить* (*usunąć*)“. Указывая затѣмъ съ видимымъ удивле-

*) См. гл. „Признаки отрезвленія въ школьномъ дѣлѣ“.

ніемъ на то, что „правительство“ освободило арестованныхъ за агитацію учителей, „даже не пытаясь требовать отъ нихъ какихъ-либо обязательствъ въ томъ, что они будутъ исполнять распоряженія прежняго своего начальства“, „національнализаторы“ говорятъ: „Этотъ фактъ освобожденія, а еще болѣе возстановленія на прежнихъ мѣстахъ людей непокорныхъ (nieugniętych) и явно игнорирующихъ правительственную власть,—это новая наша побѣда, побѣда фактическая (faktyczna) и моральная, не менѣе важная, чѣмъ прежняя, такъ какъ закаляетъ и воодушевляетъ для того, чтобы начатую борьбу продолжать съ двойной энергіей. Въ этомъ направленіи и было вѣдь издано воззваніе „Народовымъ Коломъ Учителей“ 20 сентября м. г.“ (1905 г.). Указывая далѣе на то, что напрасно „обольщается (łudzi się) русское правительство“, полагая, что движеніе ослабло и что „соломенный огонь уже потухаетъ“, названная газета подтверждаетъ силу постановленій 22 и 23 съѣздовъ учителей и затѣмъ приводитъ эти постановленія. Считаемъ нелишнимъ привести изъ нихъ нѣкоторыя выдержки. Начинаются постановленія указаніемъ на то, что „*въ начальныхъ народныхъ школахъ городскихъ и сельскихъ русскій языкъ даже какъ предметъ недопустимъ (jest niedopuszczalny)*“; затѣмъ указывается на заведенную „Черную Книгу“ для записи и передачи (przekazania) „будущимъ польскимъ самоуправляющимся (samorządnym) властямъ“ фамилій тѣхъ учителей, которые противились постановленіямъ съѣздовъ и не принимали участія въ національзаціи школъ; кромѣ того объясняется необходимость указывать редакціи представителей и другихъ элементовъ общества, „достойныхъ кары (karygodnych)“ за противодѣйствія національзаціи школъ, и, наконецъ, еще разъ подтверждается „недопустимость“ русскаго языка и въ другія учебныя заведенія.

Въ особой статьѣ, посвященной русскому языку въ частныхъ учебныхъ завеценіяхъ, газета не безъ возмущенія указываетъ, что въ то время, когда уже во многихъ казенныхъ одноклассныхъ и двухклассныхъ народныхъ училищахъ и такихъ же частныхъ учебныхъ заведеніяхъ занято положеніе, „единственно раціональное съ точки зрѣнія педагогической: русскому языку не учатъ,“—въ другихъ польскихъ частныхъ училищахъ не только обучаютъ русскому языку, но даже требуютъ, чтобы „уже съ домашней подготовкой дитя приносило въ школу первое знакомство съ русскимъ языкомъ“. Удивляясь собственному усердію (gorliwości) поляковъ „въ руссифицированіи“ польскихъ дѣтей“, газета заключаетъ: „Это называется несогласованностью (nie-

skoordynowaniem) намѣреній, работой врозь (rozbieżną), въ которой одни портятъ то, что иные цѣною большихъ личныхъ и общественныхъ жертвъ создали!“

Статья объ учительскихъ семинаріяхъ сплошь преисполнена злобой противъ „москалей“ и указанныхъ учебныхъ заведеній, которыя, по мнѣнію газеты, „прививали ядъ и гниль московскую“, стали „разсадниками московщины“, выпускающими „своры дѣятелей и послѣдователей (stupajków) московскихъ“. Въ заключеніе статья взываетъ къ шлехетскому „гонору“, грозя карой „отступникамъ“.

Но особый интересъ представляетъ статья „Co nam dać może polska szkoła ludowa?“ („Что намъ можетъ дать польская народная школа“?), такъ какъ въ этой статьѣ съ полной откровенностью выражены тѣ завѣтныя стремленія, которыя „національзаторы“ надѣются осуществить посредствомъ школы, но о которыхъ не всегда рѣшаются открыто говорить по извѣстнымъ побужденіямъ. Поэтому мы приводимъ эту статью въ переводѣ полностью:

„Школа въ жизни каждаго народа имѣетъ перворазрядное значеніе. Количество имѣющихся школъ говоритъ о степени культуры. Несравненно большее значеніе имѣетъ школа въ жизни народовъ, лишенныхъ свободы. Только собственная школа не допуститъ, чтобы покоренный народъ потерялъ свою національность (został wynarodowiony) и сдѣлался добычей покорителя. Мы „подъ Москалемъ“ (pod Moskalem) съ 1864 г. до послѣдняго времени собственной школы не имѣли. Московское правительство при помощи русской школы старалось отнять у насъ жизнь и слить совершенно съ своимъ народомъ. Только въ послѣдніе два года, т. е. со времени борьбы за народные права, положеніе наше нѣсколько поправилось, и въ родномъ школьномъ дѣлѣ мы получили извѣстныя, хотя и очень незначительныя уступки. Наибольшихъ относительно результатовъ достигли въ дѣлѣ просвѣщенія собственнаго народа. Нынѣ одноклассная народная школа *почти что* польская. Говоримъ *почти*, такъ какъ московское правительство старается, чтобы въ этой школѣ русскій языкъ былъ обязательно преподаваемъ. Можемъ ли мы согласиться на такія условія, сейчасъ увидимъ. Прежде всего оставленіе въ народной школѣ русскаго языка даетъ поводъ московскимъ властямъ для контроля и опеки надъ этой школой. Знаемъ хорошо, какова московская опека; узнали ее за столько лѣтъ, и она стала намъ костью въ горлѣ. Надо же, наконецъ, разъ навсегда избавиться отъ

этой опеки, этого московскаго хозяйничанья въ нашей школѣ—и это одинъ поводъ къ полному вытѣсненію (do zupełnego wyrugowania) русскаго языка изъ нашей народной школы, будь та школа одноклассная или двухклассная.

На томъ не конецъ. Вѣдь за школой имѣемъ еще много иныхъ нуждъ, удовлетвореніе которыхъ неразлучно связано съ вытѣсненіемъ русскаго языка изъ народной школы.

Усиленно требуемъ, чтобы управленіе въ гминѣ, въ судѣ, въ уѣздѣ, у пристава (komisarza) и во многихъ иныхъ учрежденіяхъ производилось на понятномъ для всѣхъ насъ отечественномъ языкѣ, такъ какъ тогда только будемъ имѣть возможность предупредить тѣ злоупотребленія и воровство, какія на каждомъ шагу чиновниками совершаются. Итакъ, пока въ народныхъ школахъ у насъ останется московскій языкъ, до тѣхъ поръ русскіе (moskale) будутъ упорствовать (upierać się), чтобы управленіе въ разныхъ учрежденіяхъ и даже въ гминѣ, судѣ и приходской канцеляріи производилось по-русски, утверждая, что сельскій народъ не можетъ отговариваться незнаніемъ государственнаго языка, такъ какъ въ правительственной школѣ каждый этому языку обучался. *Признаніе правительства, что для русскаго языка нѣтъ мѣста въ народной польской школѣ, разрѣшитъ вопросъ польскаго языка въ различныхъ учрежденіяхъ* (курсивъ подлинника). Далѣе должны будемъ требовать (musimy się domagać), чтобы рекруты, принимаемые отъ насъ въ войска, отбывали службу на мѣстѣ, какъ это дѣлается въ польской Галиціи, въ австрійскомъ захватѣ; должны будемъ требовать, чтобы команда въ войскѣ была на польскомъ языкѣ. И тутъ опять, пока школа будетъ обучать русскому языку, правительство не захочетъ уступить. Кажется, что довольно всѣхъ этихъ основаній (racyi), для того, чтобы завоевать себѣ школу безусловно польскую и московскаго языка въ народную школу одно и двухклассную не допускать. Сами у себя хотимъ быть хозяевами, сами наилучше знаемъ, что нашимъ дѣтямъ нужно, и должны будемъ устроить такую школу, какая наилучше отвѣчаетъ потребностямъ народа".

Далѣе въ названной газетѣ (*Walka o szkołę Polską*) напечатаны воззванія „Союза націонализаціи школъ" и другихъ организацій того же направленія, съ призывомъ къ новой борьбѣ за польскую школу, которой якобы угрожаетъ „возвратная волна руссификаціи".

Эта подпольная агитація указанной газеты и другихъ, подобныхъ ей листковъ, нашла себѣ поддержку въ явной націоналистской печати, какъ напр., въ *Гонцѣ* (№ 68—1907 г.) и цѣломъ рядѣ статей возбуждающаго характера въ *Варшавскомъ Курьерѣ*, называвшемъ законныя распоряженія учебной власти „покушеніемъ на школы“ (См. № 16—1907 г.) на что мы уже указывали выше (стр. 74).

Нападеніе на проф. Д—ва и русскихъ студентовъ Варшавскаго ветеринарнаго института

Такимъ образомъ польскіе націоналисты или „народовцы“, поставившіе себѣ цѣлью „одбудованіе ойчизны“ черезъ школу, послѣ нѣкотораго затишья, въ 1907 г. вновь принялись энергично за свою дѣятельность при посредствѣ явныхъ и тайныхъ организацій. Изъ прокламацій, въ изобиліи появившихся въ то время, видно, что для полонизаціи (spolszczenia) учебныхъ заведеній вновь выступили, кромѣ явной „Школьной Матицы“, — тайныя организаціи, напр., „Demokratyczno—narodowa młodzież akademicka“ и разныя „Bojówki“, т. е. исполнительные комитеты. Послѣдніе устраняли съ пути или, вѣрнѣе, отправляли на тотъ свѣтъ тѣхъ, кто, по ихъ мнѣнію, мѣшалъ „spolszczeniu“ учебныхъ заведеній. Такъ, послѣ ряда убійствъ и покушеній на жизнь должностныхъ лицъ учебнаго вѣдомства (см. стр. 45) и наступившаго затѣмъ нѣкотораго затишья, съ возобновленіемъ агитаціи вновь стали получать угрозы и смертные приговоры должностныя лица этого вѣдомства, въ томъ числѣ и нѣкоторые профессора и студенты функціонирующаго Варшавскаго ветеринарнаго института. 12 февраля 1907 г., на одной изъ самыхъ оживленныхъ улицъ Варшавы—Новомъ Свѣтѣ, было произведено покушеніе на жизнь профессора университета и названнаго института Д. Л. Давыдова, а 3 мая 1907 г. совершено небывалое по своей гнусности нападеніе на русскихъ студентовъ Варшавскаго ветеринарнаго института шайкой „націонализаторовъ“, вооруженныхъ браунингами, въ то время, когда студенты, выйдя изъ института, садились въ вагонъ узкоколейной жел. дороги. Кромѣ нѣсколькихъ студентовъ были ранены и постороннія лица, попавшія подъ выстрѣлы. Не останавливаясь на подробностяхъ этого гнуснаго злодѣянія, укажемъ лишь на обстоятельства, предшествовавшія такой кровавой расправѣ. Въ 1906 г. студенты должны были оставить институтъ подъ угрозами „націонализаторовъ“, запретившихъ чтеніе лекцій на русскомъ языкѣ. Но не всѣмъ русскимъ студентамъ, особенно мѣстнымъ уроженцамъ, удалось поступить въ другіе институты

(отчасти по недостатку вакансій). Въ январѣ 1906 г. вновь возобновились въ институтѣ прерванныя занятія, которыя посѣщали вначалѣ 49 студентовъ; изъ нихъ $^2/_3$ русскихъ, остальные—евреи и поляки. Какъ передаютъ студенты, помимо угрозъ со стороны „боювокъ", на общестуденческихъ сходкахъ студенты-поляки „разрѣшили" русскимъ студентамъ слушать лекціи на русскомъ языкѣ до конца учебнаго года, съ тѣмъ, чтобы они могли окончить курсъ или перейти съ новаго учебнаго года въ другіе институты. Но по врожденному ли чувству „валленродизма" (измѣны), или потому, что русскія лекціи стали націоналистамъ ужъ очень ненавистны, „боювки" рѣшили покончить съ русскими студентами при посредствѣ браунинговъ.

Кто виноватъ?

По поводу означеннаго разстрѣла русскихъ студентовъ *Новое Время* (№ 11205—1907 г.) въ статьѣ „Почему"? спрашивало: 1) Почему попечитель варшавскаго учебнаго округа молчитъ и ничего не предпринимаетъ? 2) Почему остается безъ отвѣта систематическій терроръ, примѣняемый къ институту, выразившійся сперва въ покушеніи на директора этого института, потомъ въ разстрѣлѣ одного изъ профессоровъ, наконецъ въ избіеніи студентовъ? 3) Почему на угрозу убійствомъ ради „ународовенья" школъ не отвѣчаютъ (какъ было въ Лодзи) угрозой закрыть даже существующія уже польскія школы и гимназіи, которыя на нашихъ глазахъ возникли, какъ плоды школьныхъ забастовокъ, угрозъ, насилій и преступленій, поддерживаемыя и питаемыя постояннымъ терроромъ?

Въ виду этихъ упрековъ, раздававшихся и изъ другихъ сторонъ, необходимо выяснить истинное положеніе дѣла.

Сколько намъ извѣстно изъ источниковъ достаточно достовѣрныхъ, гражданскія и учебныя власти вовсе не молчали, а, сообщая подробно о всѣхъ перипетіяхъ, переживаемыхъ въ послѣднее время институтомъ, о всей травлѣ противъ него польской печати, высказывали свои соображенія центральной власти, отъ которой только и считаютъ себя зависимыми нынѣ „автономныя" высшія учебныя заведенія. А насколько проектируемыя мѣстными властями мѣры воздѣйствія на „націонализаторовъ" одобрялись „окадетившимся" Петербургомъ во время разгара націонализаціи школъ въ здѣшнемъ краѣ, можно судить по тому попустительству, какое было оказано еще раньше школьнымъ агитаторамъ. Какъ указанія печати (*Нов. Вр.* № 10795,

Окраинъ Россіи № 4, *Варш. Дневн.* № 88 и др.) на неправильное примѣненіе министерствомъ Нар. Пр. при гр. И. И. Толстомъ новыхъ узаконеній къ начальнымъ и частнымъ школамъ Варшавскаго учебнаго округа, такъ и протестъ попечителя округа В. И. Бѣляева противъ неправильнаго толкованія этихъ узаконеній и незаконнаго распоряженія министерства, — были оставлены „кадетскимъ“ министерствомъ безъ всякаго вниманія и уваженія. Когда послѣ разгрома правительственныхъ начальныхъ школъ вожаки движенія изъ учителей были уволены, то подъ воздѣйствіемъ въ Петербургѣ заправилъ „національзаціи“ школъ изъ министерства народнаго просвѣщенія былъ присланъ въ Варшаву одинъ изъ чиновниковъ М—въ, который за выясненіемъ школьнаго движенія обратился прежде всего не къ попечителю округа, а къ уволенному агитатору-учителю А—му. Результатомъ такого „разслѣдованія“ было обратное водвореніе уволенныхъ учителей-агитаторовъ на прежнія мѣста съ выдачей имъ за все время агитаторской дѣятельности жалованья и чуть ли не съ извиненіемъ передъ ними за безпокойство.

Подъ вліяніемъ польскихъ „національзаторовъ“, орудующихъ въ Петербургѣ, та же участь постигла и другія мѣры мѣстной власти, могущія во-время сдержать здѣсь „національзаторовъ“. И вотъ, когда здѣсь уже была подготовлена почва для полонизаціи школъ при помощи браунинговъ, въ Петербургѣ представители „полонизаторовъ“, сбросивъ личину угнетенной невинности, подъ „опредѣленнымъ и твердымъ натискомъ“ потребовали, чтобы учебная власть и русская гражданственность въ „крулевствѣ“ немедленно, не ожидая даже рѣшенія Государственной Думы, ликвидировали свои дѣла. Подкрѣпляющимъ аргументомъ этого требованія и служилъ разстрѣлъ сначала нѣсколькихъ русскихъ дѣятелей по народному образованію, а затѣмъ русскаго профессора и русскихъ студентовъ.

И раньше еще въ печати дѣлались упреки учебной и административной власти въ томъ, что не были приняты мѣры къ охранѣ института.

Насколько намъ извѣстно, при возобновленіи занятій въ институтѣ противъ такой охраны высказались студенты, полагавшіе, что охрана можетъ лишь повредить спокойствію занятій. Казалось, не было надобности въ охранѣ тѣмъ болѣе, что на общестуденческой сходкѣ 24 февраля студенты поляки разрѣшили русскимъ студентамъ закончить учебный годъ.

Да и помимо того, имѣла ли смыслъ охрана? Какъ профессоръ Давыдовъ, такъ и студенты разстрѣливались внѣ института (проф. Д. въ противоположной части города).

Какія же мѣры могла принять мѣстная власть противъ такого разстрѣла? Ошибочно также полагало *Нов. Время*, что во власти попечителя закрыть польскія учебныя заведенія для воздѣйствія на „національзаторовъ“.

Возникаетъ вопросъ: почему же были возобновлены въ институтѣ занятія? А вотъ почему.

Значительный контингентъ русскихъ студентовъ въ Варшавскомъ ветеринарномъ институтѣ—преимущественно изъ мѣстныхъ же уроженцевъ или изъ сосѣднихъ губерній; это народъ все бѣдный, лишенный матеріальной возможности поступить въ другой институтъ. Естественно, что группа русскихъ студентовъ сама стала хлопотать объ открытіи института, закрытаго временно по распоряженію административныхъ властей. Еще въ іюнѣ 1906 г. совѣтъ института нашелъ нужнымъ исходатайствовать открытіе института съ начала 1906—7 учеб. года. Но когда въ августѣ было совершено покушеніе на бывшаго директора института С—го и усилилась агитація противъ русской школы, среди преподавателей института началось колебаніе. Къ сожалѣнію, въ такую трудную для института пору одни преподаватели стали сводить между собою личные счеты на почвѣ уязвленнаго самолюбія и властолюбія, а другіе, добиваясь дешевой популярности, не только заигрывали со студентами-поляками, но и немедленно освѣдомляли польскую печать о всѣхъ дебатахъ въ совѣтѣ института, выставляя своихъ „политическихъ“ противниковъ въ самомъ черномъ цвѣтѣ. Все, что говорилось въ совѣтѣ, въ извращенномъ видѣ на другой же день появлялось въ „курьеркахъ“ съ злобными нападками на тѣхъ, кто, по мнѣнію „полонизаторовъ“, служилъ преградой на пути „спольщенія“ школъ. Такимъ образомъ, когда преподаватели занимались дрязгами или политиканствомъ, а студенты-поляки требовали „спольщенія“ института,—русскіе студенты являлись страдательнымъ матеріаломъ. На нихъ вполнѣ оправдывалась пословица: „Паны дерутся, а у хлоповъ чубы болятъ“. А профессорская коллегія „автономнаго“ института все продолжала враждовать, и когда въ октябрѣ совѣтомъ института долженъ былъ окончательно рѣшиться вопросъ о возобновленіи занятій, голоса членовъ раздѣлились поровну. „Кто виноватъ изъ нихъ, кто правъ,—судить не намъ“. Но русскіе студенты, видя, что среди про-

фессоровъ „согласья нѣтъ“ и не предвидится вскорѣ, обратились съ просьбой къ министру народнаго просвѣщенія.

Спрашивается: имѣла ли право учебная власть не удовлетворить просьбы студентовъ и стать на сторону тѣхъ, кто политиканство или вопросы личнаго самолюбія ставилъ выше интересовъ учебно-научныхъ?

За возобновленіе занятій въ институтѣ говорило и то, что при извѣстіи объ открытіи института стали постепенно возвращаться выѣхавшіе изъ Варшавы студенты и поступать прошенія о пріемѣ въ институтъ новыхъ лицъ.

Учебная власть могла предложить институту только одно—исполнить свои обязанности и свое назначеніе.

Вся тяжесть обвиненія за разстрѣлъ русскаго профессора и русскихъ студентовъ должна пасть не только на національзаторскія „боювки“, готовыя стрѣлять въ каждаго, чья голова оплачивается нѣсколькими рублями, *) но главнымъ образомъ на тѣхъ, кто руководитъ этими „боювками“ и направляетъ ихъ на преступленіе.

Достаточно указать хотя бы на нѣкоторыя статьи и замѣтки возбуждающаго характера, съ которыми выступили въ 1907 г. на другой же день по открытіи занятій въ институтѣ *Goniec Poranny* (№ 60), *Przelom* (№ 36), *Przegląd Poranny* (№ 37) и др. газеты, направившія всю злобу на тѣхъ преподавателей института, которые исполняли свой служебный долгъ, чтобы понять, что всякое гнусное покушеніе на этихъ преподавателей и вообще на русскую власть, провоцируемое подпольными листками, найдетъ себѣ одобреніе въ родственныхъ органахъ явной печати. Инсинуаціи и нападки мѣстной печати услужливыми корреспондентами переносились и на страницы „освободительной“ русской печати (напр. *Рѣчь* въ февр. 1907 г.).

Поощряемые тайной и явной „освободительной печатью, „національзаторы“ засыпали указываемыхъ преподавателей угрозами и смертными приговорами. Неужели передъ этими угрозами должны были уступить преподаватели, а затѣмъ и учебная власть, забывъ свой долгъ?

Съ вопросомъ „почему?“ *Новому Времени* слѣдовало обратиться по петербургскому адресу къ тѣмъ, кто, будучи освѣдомленъ о положеніи дѣла, былъ такъ глухъ или равнодушенъ къ голосу мѣстной власти, но такъ внимате-

---

*) Говорятъ, на слѣдствіи выяснилось, что стрѣлявшій въ помощн. инсп. училищъ г. Варшавы Орлова получилъ отъ „партіи“ 3 руб.

ленъ къ происканъ „національзаторовъ“, такъ уступчивъ передъ ихъ „опредѣленнымъ и твердымъ натискомъ“.

Случись это въ Марокко, Персіи или Турціи, наше консульство навѣрное вступилось бы за русскихъ и потребовало бы даже удовлетворенія. Но здѣсь, въ „крулевствѣ“, въ послѣднее время дѣло обстоитъ такъ, что если кромѣ всякихъ другихъ опасностей не хочешь подвергнуться нападенію еще со стороны націоналистовъ, то уѣзжай во внутреннія губерніи Россіи. „Вамъ нѣтъ здѣсь мѣста!“— только эту фразу можетъ услышать русскій отъ „народовца“. Удивительно то, что даже тѣ поляки, которые до того времени водили дружбу съ русскими и охотно говорили по-русски, послѣ данныхъ „свободъ“ сразу перемѣнили тонъ, измѣнили отношенія и стали говорить съ русскими не иначе, какъ по-польски. Пришлось испытать это и пишущему эти строки. Конечно, есть и исключенія, но перемѣна по отношенію къ русскимъ всего фронта—общее явленіе. Впрочемъ, насъ, русскихъ, проживающихъ здѣсь и хорошо изучившихъ поляковъ, ничѣмъ не удивишь. Здѣшніе поляки по своему темпераменту (не даромъ величаютъ себя сѣверными французами) очень склонны впадать въ крайности. Это зависитъ даже отъ успѣха польскаго „кола“ въ Госуд. Думѣ.

VII. Правда о „Школьной Матицѣ“ и состояніи учебнаго дѣла въ Царствѣ Польскомъ.

Нарушеніе закона. Общество „Польская Школьная Матица“ (*Polska Macierz Szkolna*), на основаніи опредѣленія *Варшавскаго* губернскаго по дѣламъ объ обществахъ присутствія 29 мая 1906 г., была внесена, подъ № 1, въ реестръ обществъ и союзовъ по *Варшавской* губерніи, но раскинула свою дѣятельность сразу на всѣ 10 губерній края, не считая нужнымъ легализоваться въ прочихъ губерніяхъ и исполнять законъ о школахъ или, говоря словами ея дѣятелей,—считаться съ „бюрократическими формальностями“. Кромѣ того, она прежде всего проявила свой походъ на Холмскую Русь и на мѣстности со смѣшаннымъ населеніемъ, чѣмъ явно обнаружила свои полонизаторскія стремленія. Поэтому учебная власть, какъ и нѣкоторые губернаторы, сочли нужнымъ преградить путь полонизаціи непольскаго населенія. Правда, что впослѣдствіи Главное Правленіе „Школьной Матицы“ въ опроверженіи, напечатанномъ въ *Россіи* (№ 531—1907 г.) по поводу обвиненій въ незаконномъ открытіи школъ заявило, что общество открывало школы не по начертанному правленіемъ плану, но исключительно по „почину мѣстнаго населенія“. Но какъ выяснилось, этотъ починъ возбуждали главнымъ образомъ члены „Союза національзаціи школъ“ и другіе полонизаторы, обсуждавшіе ранѣе на тайныхъ и явныхъ съѣздахъ учителей тактическіе пріемы того „просвѣщенія въ національномъ направленіи“, которое было затѣмъ положено въ основу устава „Школьной Матицы“. Предъявленныя „Школьной Матицѣ“ учебной и административной властью законныя требованія вызвали со стороны дѣятелей общества жалобы министрамъ Внутреннихъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія и затѣмъ Сенату. Разсмотрѣніе этихъ жалобъ, появившихся въ печати, съ попутнымъ освѣщеніемъ дѣйствительнаго положенія школьнаго дѣла въ Царствѣ Польскомъ, покажетъ, насколько была права „Школьная Матица“.

Неосновательная жалоба.

. Главное Правленіе польской „Школьной Матицы“ командировало осенью 1906 г. въ Петербургъ делегатовъ „съ жалобой“ на затрудненія, которыя создаются будто бы варшавскимъ учебнымъ округомъ для развитія дѣятельности „Шк. Мат.“ Ея лейбъ-органъ *Варшав. Курьеръ* (№ 323 отъ 9 (22) ноября оповѣстилъ своихъ читателей, что эта „жалоба“ изъ рукъ делегатовъ центральною властью принята, и вопросъ объ отношеніяхъ „Школьной Матицы“ къ административно-учебной власти принялъ благопріятный оборотъ“(?).

Какія же это затрудненія создавались учебною властью?

Объ этомъ взялся подробно толковать *Варшавскій Курьеръ* (№ 317) въ статьѣ „Przeciw Macierzy“, въ которой якобы основательность взводимыхъ на учебную власть обвиненій подтверждалъ „цѣлымъ рядомъ доказательствъ“. Обвиненія эти сводились главнымъ образомъ къ тому, что управленіе варшавскаго учебнаго округа во время всякихъ „свободъ“ осмѣлилось предъявлять къ учебнымъ заведеніямъ „Школьной Матицы“ требованія закона о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, закона, столь неудобнаго для „Школьной Матицы“ именно въ то время, когда „все позволено“. А законъ не позволяетъ открывать учебныхъ заведеній безъ вѣдома учебной власти, не позволяетъ допускать къ преподаванію въ учебныхъ заведеніяхъ лицъ неправоспособныхъ, т. е. не обладающихъ свидѣтельствами объ образовательномъ цензѣ и политической благонадежности, не позволяетъ преподавать тѣ предметы, о которыхъ самозванный преподаватель не имѣетъ понятія, и т. п. (св. зак. т. XI ч. 1 изд. 1893 г. ст. ст. 3715, 3726, 3751, 3766 и др.).

Такъ вотъ этотъ законъ, обязательный для всѣхъ учебныхъ заведеній, открываемыхъ частными лицами, обществами и даже земскими учрежденіями (ст. 3725), для „Школьной Матицы“ не писанъ, и не смотря на то, что обязателенъ для нея по уставу, она этого закона не признавала, называя его „бюрократическими формальностями и затрудненіями, которыя создаетъ *учебный округъ*“. *Варш. Кур.* негодовалъ по поводу того, что „въ настоящее время замѣшательства и анархіи (w tych czasach zamętu i anarchji)“ относительно желающихъ преподавать въ учебныхъ заведеніяхъ „собираются полицейскими стражниками свѣдѣнія о политической благонадежности (prawomyślności), а учебная власть контролируетъ учительскія свидѣтельства“. Казалось бы, что именно въ такое время и нужна осторожность въ томъ, чтобы въ учебныя заведенія, хотя бы и

„Школьной Матицы“, не попали въ качествѣ воспитателей юношества анархисты или „экспропріаторы“ и вообще политическіе агитаторы *). Но *Варш. Кур.* на школьный вопросъ смотрѣлъ, очевидно, съ иной точки зрѣнія. Неужели для учебно-воспитательной дѣятельности не нужно никакихъ доказательствъ въ правоспособности, какъ только принадлежности къ „эн-декамъ“, которыми организована „Школьная Матица“.

На основаніи подобныхъ „доказательствъ“ *Варш. Кур.* пришелъ къ выводу, что учебная власть „избрала школу ареной для политики“. Вотъ что значитъ поистинѣ сваливать съ больной головы на здоровую!

Какъ извѣстно, въ польской и русской печати неоднократно указывалось на то, что „Школьная Матица“ въ своей дѣятельности проникнута тенденціей узкаго національнализма, чѣмъ и оттолкнула отъ себя прогрессивные элементы, нежелающіе изъ школы дѣлать орудіе для политическихъ экспериментовъ. Часть польскаго общества, несочувствующая направленію „Школьной Матицы“, стала открывать учебныя заведенія помимо нея. Такъ, напр., организовалось въ провинціи новое общество „Свѣтъ“ (Swiat), не допускающее въ своей учебно-просвѣтительной дѣятельности, въ противоположность „Школьной Матицѣ“, никакой партійности, сословныхъ, племенныхъ и даже религіозныхъ различій (объединяетъ католиковъ и православныхъ). „Школьная Матица“ вызвала недовольство многихъ еще и тѣмъ, что, задавшись цѣлью взять въ свои руки просвѣщеніе въ здѣшнемъ краѣ и основать, независимо отъ существующей правительственной организаціи, свой „Варшавскій учебный округъ“—(Okrąg warszawski P. M. S. См. *Варш. Кур.* № 271 1906 г.)—она стала открыто проявлять нетерпимость къ школамъ, не признающимъ надъ собою ея власти. Такъ, напр., *Правда* указывала на фактъ враждебнаго отношенія „Школьной Матицы“ къ одному изъ учебныхъ заведеній за то только, что оно не пожелало признать навязываемую ему опеку. Кромѣ того, приводимыя въ свое время на страницахъ *Варш. Дневн.*, *Окр. Россіи* и др. факты открытія „Школьной Матицей“ училищъ въ Сѣдлецкой и Люблинской губерніяхъ въ мѣстностяхъ съ русскимъ населеніемъ, гдѣ уже имѣются государственныя школы, и въ то же время полнаго игнорированія такихъ мѣстностей съ польскимъ населеніемъ, гдѣ вовсе нѣтъ школъ,—ясно доказываютъ, что „Школьная Матица“ задалась въ означенныхъ мѣстностяхъ чисто по-

*) Въ послѣднее время даже промышленныя общества требуютъ отъ поступающихъ на службу свидѣтельства полиціи о поведеніи.

литической цѣлью: переманить дѣтей изъ правительственныхъ школъ въ свои школы, чтобы такимъ образомъ постепенно полонизировать русское населеніе. Объ этомъ свидѣтельствуютъ и данныя отчета „Матицы“: напр., въ то время какъ въ Кѣлецкой губ. было 60 ея отдѣловъ, въ Ломжинской—62, въ Люблинской ихъ—100.

И вотъ въ то самое время, когда со всѣхъ сторонъ указываютъ, что „Школьная Матица“ „избрала школу ареной для политики“, она въ лицѣ *Варшавскаго Курьера* „украдкою киваетъ на Петра“: обвиняетъ въ этомъ учебную власть! Это обвиненіе напоминаетъ такъ хорошо знакомыя всѣмъ сценки изъ школьной жизни, когда шалунъ, пойманный на мѣстѣ проступка, старается свалить вину на другихъ или, обидѣвъ товарища, самъ бѣжитъ съ жалобой на обиженнаго имъ, чтобы предотвратить наказаніе. Такую сценку напоминаетъ и поѣздка делегатовъ въ Петербургъ съ жалобой на затрудненія, создаваемыя якобы учебною властью.

Настоящая причина этихъ затрудненій была не въ учебной власти, а просто въ недостаткѣ у „Школьной Матицы“ правоспособныхъ лицъ, которымъ можно было бы ввѣрить обученіе дѣтей. Только этимъ и можно объяснить ея желаніе освободиться отъ „бюрократическихъ формальностей“, чтобы имѣть возможность замѣстить учительскія должности людьми, хотя бы и не имѣющими понятія о преподаваніи, но зато проникнутыми политическими стремленіями „Школьной Матицы“. Но въ такомъ случаѣ ея школы рисковали остаться безъ учащихся. Доказательствомъ тому служитъ фактъ, что вскорѣ многія дѣти, перешедшія подъ вліяніемъ агитаціи изъ правительственныхъ школъ въ учебныя заведенія „Школьной Матицы“, возвратились обратно въ прежнія школы, такъ какъ по откровенному заявленію ихъ родителей учителя и учительницы въ „Школьной Матицѣ“ еще сами нуждаются въ обученіи и присмотрѣ за ними. Отсутствіе хорошихъ учителей объясняется еще матеріальной необезпеченностью и шаткостью ихъ положенія. Говорятъ, хорошо обезпечивала „Школьная Матица“ учителей только въ школахъ, открытыхъ въ русскихъ мѣстностяхъ Сѣдлецкой и Люблинской губерній.

Жалоба или клевета?

Указанная выше „жалоба“, въ видѣ докладной записки, поданной министру народнаго просвѣщенія делегатами „Школьной Матицы“, появились также и въ *Странѣ* (№ 211 за 1906 г.), но уже въ иномъ тонѣ и формѣ, чѣмъ въ *Варш. Курьерѣ*, такъ сказать, въ видѣ официальнаго обвинительнаго акта, съ „фактами, числовыми данными“ и т. п.:

Пользованіе для достиженія цѣли не только своей, но и русской печатью извѣстнаго направленія, составляетъ тотъ пріемъ дѣйствій на „два фронта“, къ которому поляки прибѣгаютъ съ самаго начала „освободительнаго движенія“ для того, чтобы добиться расположенія крайнихъ элементовъ въ Россіи и потомъ утверждать (какъ это дѣлалъ кс. Гралевскій и др. въ Государственной Думѣ), что въ борьбѣ за политическія права поляки имѣютъ такого могущественнаго союзника, какъ русскій народъ, или что на сторонѣ ихъ русская печать и т. п. *). Такъ, напр., *Варш. Курьеръ* (№ 317—1906 г.), приводилъ восхваленіе поляковъ *Русью* за то, что въ „освободительномъ движеніи польскій вопросъ подвигается гигантскими шагами и что въ этомъ движеніи „Школьная Матица“ проявила изумительную дѣятельность“.

Къ чести *Страны* надо сказать, что она отнеслась къ „жалобѣ“ сдержанно, безъ обычныхъ сочувствій „угнетаемымъ“, ограничившись напечатаніемъ одной только „обвинительной“ части записки, хотя и подъ „кадетскимъ“ заглавіемъ: „Матица и административное усмотрѣніе“.

Видя здѣсь, на мѣстѣ, что осуществляютъ „націонализаторы“ школъ, и читая то, что говорится въ поданной „жалобѣ“, удивляешься той смѣлости, съ какою въ ней подтасовываются факты, числа и искажается истина.

Но ввести въ заблужденіе министерство народнаго просвѣщенія делегатамъ не удалось, такъ какъ дѣйствія попечителя учебнаго округа по отношенію къ „Школьной Матицѣ“ были признаны министерствомъ вполнѣ законными.

Не задаваясь поэтому цѣлью защищать или обвинять кого-либо, мы останавливаемся на фактахъ, приводимыхъ въ означенной запискѣ, не въ „делегатскомъ“, а истинномъ ихъ освѣщеніи, для опредѣленія этической стороны „жалобы“, и вмѣстѣ съ тѣмъ разсмотримъ уставъ „Матицы“, ясно опредѣляющій ея направленіе.

Прежде всего въ запискѣ указывается процентъ безграмотныхъ, но ни однимъ словомъ не упомянуто о количествѣ государственныхъ школъ, въ которыхъ преподаваніе ведется на польскомъ языкѣ, не говоря уже о томъ, что по густотѣ школъ варшавскій учебный округъ занимаетъ чуть-ли не первое мѣсто. Въ запискѣ просто опредѣляется положеніе школьнаго дѣла: „школъ нѣтъ“(!) Дальше

---

*) См. выше освѣщеніе школьнаго вопроса польскими депутатами въ Государственной Думѣ.

въ запискѣ идетъ самовосхваленіе: что „Школьная Матица“ преслѣдуетъ лишь однѣ „культурныя задачи“, распространеніе просвѣщенія среди всѣхъ слоевъ населенія, независимо отъ сословныхъ и „національныхъ различій“, что дѣятельность названнаго общества „децентрализована“, что она строго придерживается „дѣйствующихъ узаконеній“ и проч.

Насколько это правдиво, видно какъ изъ самого устава „Школьной Матицы“, такъ и ея дѣятельности, которая была у всѣхъ на виду, хотя она и старалась скрыть концы нѣкоторыхъ „культурныхъ“ пріемовъ. Въ уставѣ на первомъ же планѣ (§ 1) сказано: „цѣль общества польской Школьной Матицы состоитъ въ распространеніи просвѣщенія въ *національномъ направленіи* *) и въ содѣйствіи *такому* просвѣщенію“. Хотя дальше (§ 2) оговорено, что „общество стоитъ внѣ всякихъ политическихъ партій“, но самый фактъ организаціи „Школьной Матицы“ *народово-демократической партіей* или „эн-деками“, самыми ярыми *націоналистами*, которыхъ прогрессивные элементы называютъ *„польскими черносотенцами“*, доказанная фактами нетерпимость „Школьной Матицы“ по отношенію къ школамъ, открываемымъ независимо отъ нея другими обществами и частными лицами, недовольство ею и даже противодѣйствіе со стороны прогрессивной части польскаго общества (на что неоднократно указывала мѣстная печать), —все это вполнѣ характеризуетъ заявляемую ею „внѣпартійность“. Открытіе „Школьной Матицей“ польскихъ школъ въ русскихъ мѣстностяхъ Холмской Руси и Подляшья, гдѣ населеніе никогда не говорило по-польски, съ цѣлью переманить дѣтей изъ существующихъ тамъ государственныхъ школъ, и въ то же время игнорированіе тѣхъ мѣстностей съ польскимъ населеніемъ, гдѣ нѣтъ государственныхъ школъ,—довершаетъ картину ея „культурныхъ задачъ“.

Характеренъ для опредѣленія властолюбивыхъ стремленій „Школьной Матицы“ самый способъ подчиненія себѣ уже давно существующихъ частныхъ учебныхъ заведеній. Выше мы указывали, какъ подверглось бойкоту „націонализаторовъ“ частное учебное заведеніе, не пожелавшее признать надъ собой опеки „Школьной Матицы“. Способъ насильственнаго подчиненія своей власти „упорствующихъ“ учебныхъ заведеній, или вѣрнѣе ихъ содержателей, заклю-

*) Вездѣ курсивъ нашъ.

чался обыкновенно въ слѣдующемъ. Въ томъ самомъ домѣ, гдѣ помѣщалось учебное заведеніе, не желавшее признавать надъ собой навязываемой ему опеки, или въ сосѣднемъ домѣ, общество „Школьная Матица“ или уполномоченное ею лицо открывало такое же частное учебное заведеніе и заявляло, что во вновь открытомъ училищѣ плата за ученіе гораздо ниже, чѣмъ въ сосѣднемъ. Естественно, что учащіеся изъ училища, содержимаго „упорствующимъ“ лицомъ, переходили въ то училище, гдѣ наука подешевле, и „упорствующій“ содержатель или содержательница бывали наказаны; съ уходомъ учащихся они должны были прекращать свою дѣятельность, а съ нимъ потерять и заработокъ. Конечно, впослѣдствіи плата за ученіе въ новомъ училищѣ „Школьной Матицы“ увеличивалась, но для приманки учащихся для начала занятій такой маневръ считался хорошимъ, такъ какъ всегда оканчивался успѣхомъ. При такой тактикѣ частнымъ учебнымъ заведеніямъ ничего больше не оставалось какъ перейти подъ эгиду „Школьной Матицы“ и преслѣдовать тѣ же „культурныя задачи“ въ „національномъ направленіи“, какими задавалась „Школьная Матица“. Мы были бы несправедливы по отношенію къ „Школьной Матицѣ“, если бы не упомянули о томъ, что, насколько она была строга по отношенію къ непокорнымъ, настолько же благоволила къ опекаемымъ и, какъ говорятъ, въ тяжелыя минуты поддерживала ихъ даже денежными средствами.

Такъ „Школьная Матица“ стремилась самовластно „распространять“ просвѣщеніе „въ національномъ направленіи!“

Стремленіе „Школьной Матицы“ обособиться и создать, независимо отъ существующей правительственной организаціи варшавскаго учебнаго округа, свой самостоятельный учебный округъ съ сильной *центральной властью*, съ полнымъ игнорированіемъ правительственной власти, ясно видно, какъ изъ устава, такъ и изъ отчета собранія общества объ организаціи такового (отчета, напечатаннаго въ *Варш. Кур.* (№ 171—1906 г.), гдѣ прямо сказано, что это было „организаціонное собраніе всего варшавскаго округа“. Въ уставѣ (§ 15) „Школьной Матицы“ ясно значится: „кружки образуютъ округи, количество коихъ и ихъ территоріальность опредѣляетъ *общее собраніе общества*“. По § 17 уст. общее собраніе избираетъ *„Главное Правленіе“* изъ 12 членовъ, изъ которыхъ одинъ предсѣдатель, два его замѣстителя, два секретаря и казначей (§ 18). Кромѣ того, существуетъ еще „наблюдательный совѣтъ“ (§ 25), члены коего несутъ обязанности окружныхъ инспекторовъ, на

которыхъ возлагается (§ 26а) „наблюдать за достиженіемъ цѣлей „Матицы“ согласно § 1 и 2, т. е. за распространеніемъ просвѣщенія въ „національномъ направленіи“. Словомъ, вся организація, какъ и въ правительственномъ учебномъ округѣ: свой попечитель, попечительскій совѣтъ, окружные инспекторы, окружное управленіе, что при наличности правительственной учебной власти являлось *государствомъ въ государствѣ*. Но на языкѣ записки такая дѣятельность общества—„децентрализована“. А указаніе въ запискѣ на требованіе свѣдѣній о благонадежности лицъ, желающихъ преподавать въ учебныхъ заведеніякъ, какъ на „препятствія“, и негодованіе на страницахъ *Варшавскаго Курьера* (№ 323) по поводу того, что „въ настоящее время замѣшательства и анархіи собираются полицейскими стражниками свѣдѣнія о благонадежности и что учебная власть контролируетъ учительскія свидѣтельства“, вполнѣ характеризуютъ, какъ „Школьная Матица“ „придерживалась дѣйствующихъ узаконеній“, которыя на страницахъ *Варш. Кур.* она называла „бюрократическими формальностями“.

Послѣ самовосхваленія, въ запискѣ излагается обвинительный актъ, гвоздемъ, котораго являются числовыя данныя, какъ неопровержимыя доказательства вины, а именно въ запискѣ сказано: „ходатайства съ 31 іюля по 17 октября объ открытіи 699 школъ привели къ незначительнымъ результатамъ. До сихъ поръ получены разрѣшенія лишь на открытіе 78 училищъ“. Эти числа *безъ вѣрнаго ихъ освѣщенія* дѣйствительно говорятъ о незначительныхъ результатахъ по сравненію съ ходатайствомъ, но при *истинномъ ихъ освѣщеніи* они такъ же далеки отъ дѣйствительности, какъ самовосхваленіе „Школьной Матицы“ отъ фактическихъ ея поступковъ.

Этотъ числовой пріемъ такъ ясно характеризуетъ дѣлегатовъ „Школьной Матицы“ съ этической стороны, что на немъ необходимо подробно остановиться.

При ходатайствѣ объ открытіи училищъ „Школьная Матица“ предъявила начальству варшавскаго учебнаго округа уставъ, на которомъ дословно значится: „Общество „Польская Школьная Мацержъ“ внесено въ реестръ обществъ и союзовъ въ *Варшавской губ.* подъ № 1 на основаніи опредѣленія *Варшавскаго* губернскаго по дѣламъ объ обществахъ присутствія“. На основаніи этого устава учебнымъ округомъ и были своевременно разрѣшены къ открытію въ *Варшавѣ и Варшавской губ. всѣ* училища за исключеніемъ такихъ двухъ, о которыхъ въ управленіи округа не имѣлось необходимыхъ свѣдѣній. Такимъ обра-

зомъ указанное въ запискѣ число 78 относится *только къ Варшавской губ.*, тогда какъ число 699 опредѣляетъ количество учебныхъ заведеній, предположенныхъ къ открытію во всѣхъ губерніяхъ Царства Польскаго. Остальныя учебныя заведенія были бы также своевременно разрѣшены къ открытію, если бы уставъ „Школьной Матицы“ дѣйствовалъ и въ другихъ губерніяхъ и если бы правленіе „Школьной Матицы“ доставило въ учебный округъ требуемыя закономъ свѣдѣнія объ упомянутыхъ учебныхъ заведеніямъ, т. е. о типѣ заведенія, составѣ классовъ, учителей, учениковъ и друг. (уст. о частн. уч. зав. Св. Зак. т. XI ч. I изд. 1893 г. ст. 3751). Но обо всемъ этомъ делегаты сочли за лучшее умолчать въ запискѣ. Имъ во что бы то ни стало надо было обвинить учебную власть, а для этой цѣли ими признавались хорошими всякія средства, вплоть до подтасовки фактовъ, чиселъ и т. п. Кромѣ того, чѣмъ объяснить и тотъ фактъ, что въ то самое время, когда делегаты „Школьной Матицы“ въ своей запискѣ показываютъ число 78, на страницахъ *Варшав. Кур.* (отъ 3 (16) ноября № 317) приводится число „90 съ лишнимъ“? Если делегаты скрыли, что показываемое ими число 78 относится только къ Варшавской губ. и считали его „незначительнымъ результатомъ“ по отношенію ко всѣмъ губерніямъ, то почему они не прибавили къ указанному числу еще 8 учебныхъ заведеній I и II разряда, т. е. гимназій и прогимназій, разрѣшенныхъ къ открытію 11 октября въ разныхъ городахъ прочихъ губерній? Съ другой стороны спрашивается: имѣлъ-ли учебный округъ право признавать законной дѣятельность „Школьной Матицы“ по предъявленному ею уставу только для *Варшавской губ.* и въ другихъ губерніяхъ края, если по закону 4 марта объ обществахъ и союзахъ (§§ 17, 22 и др.) регистрація и образованіе обществъ по каждой губерніи можетъ послѣдовать только съ разрѣшенія губернатора или губернскаго присутствія? Вѣдь, по заявленію самой „Школьной Матицы“ на страницахъ *Варшав. Кур.* (№ 317), „большинство губернаторовъ признало, что регистрація устава въ Варшавѣ не даетъ права распространенія ея дѣятельности на цѣлое „крулевство“. Какъ же могъ признать это право учебный округъ? Но какъ только стало извѣстно учебному округу разрѣшеніе варшавскаго генералъ-губернатора о распространеніи „Школьной Матицы“ и на другія губерніи края (*Варш. Дневн.* отъ 18 сентября 1906 г. за № 257), такъ стали разрѣшаться къ открытію и въ прочихъ губерніяхъ тѣ учебныя заведенія, о которыхъ были доставлены

„Школьной Матицей“ или начальниками дирекцій требуемыя упомянутымъ выше закономъ (ст. 3751 т. XI) свѣдѣнія.

Нравственный обликъ делегатовъ „Школьной Матицы“ въ разыгранной ими роли будетъ не полонъ, если не указать на ту предупредительность и содѣйствіе, какія учебная власть оказала „Школьной Матицѣ“ для *ускоренія открытія* ея училищъ. Передъ нами копія офиціальнаго документа, выданнаго учебнымъ округомъ правленію „Школьной Матицы“ 7 сентября 1906 г., гдѣ сказано: „Попечительскій совѣтъ разрѣшилъ сему правленію открыть частныя учебныя заведенія въ г. Варшавѣ и въ предѣлахъ Варшавской учебной дирекціи и, согласно опредѣленію того же совѣта, *для ускоренія дѣла*, обращаться съ ходатайствами объ открытіи училищъ и по училищнымъ дѣламъ въ Варшавѣ—къ инспектору училищъ и въ губерніяхъ – къ начальникамъ учебныхъ дирекцій“. Въ томъ же документѣ пояснено, что „вопросъ о правѣ правленія общества, уставъ коего зарегистрованъ лишь *варшавскимъ* губернскимъ по дѣламъ объ обществахъ присутствіемъ, на открытіе школъ на основаніи сего устава въ *прочихъ* губерніяхъ края отложенъ до полученія нужныхъ свѣдѣній отъ подлежащихъ властей“. Такимъ образомъ, не имѣя еще свѣдѣній о томъ, вправѣ ли „Школьная Матица“ по предъявленному ею уставу распространять свою дѣятельность на всѣ губерніи, начальство учебнаго округа уже предоставляло ей заранѣе для ускоренія дѣла обращаться непосредственно къ начальникамъ дирекцій во всѣхъ губерніяхъ, чтобы избѣжать излишней формальной переписки, иногда замедляющей дѣло.

Имѣли ли послѣ этого делегаты нравственное право обвинять учебную власть въ создаваемыхъ будто бы ею „на каждомъ шагу препятствіяхъ“. или „бюрократическихъ формальностяхъ“?!

Очень жаль, что „національное направленіе“, которое проводятъ дѣятели „Школьной Матицы“ вытравило въ нихъ чувство признательности, которымъ они обязаны учебному округу за полную къ нимъ предупредительность, и заставило ихъ такъ кривить душой передъ министромъ народнаго просвѣщенія.

Войдя въ роль полноправныхъ хозяевъ въ учебномъ дѣлѣ, дѣятели „Школьной Матицы“, очевидно, принимали оказываемую имъ со стороны учебнаго округа любезность и вниманіе, какъ должное и обязательное. Но какъ только начальство округа напомнило имъ о необходимости сообра-

зоваться съ закономъ, который требуетъ, чтобы безъ вѣдома попечителя округа не открывались учебныя заведенія, чтобы въ этихъ заведеніяхъ были люди правоспособные, т. е. обладающіе свидѣтельствами объ образовательномъ цензѣ и политической благонадежности, чтобы они преподавали только предметы, которые имъ поручены по праву, и не преподавали тѣхъ, о которыхъ сами не имѣютъ понятія и др. (см. ст. ст. 3742,—3772 св. зак. т. XI ч. I),— какъ сейчасъ же мчались въ Петербургъ делегаты съ жалобой на затрудненія"!

Намъ вполнѣ понятна горечь, какую испытывали отъ неудачъ эти дѣятели народнаго просвѣщенія въ „національномъ направленіи". Представьте себѣ ихъ иллюзіи: наряду съ официальнымъ варшавскимъ учебнымъ округомъ организовался такой же округъ „Школьной Матицы"; въ одинъ прекрасный день, именно въ началѣ учебнаго года, всѣ учащіеся, начиная со студентовъ университета и кончая дѣтьми деревенскихъ школъ, переходятъ подъ „эгиду Матицы" двигать впередъ науку въ „національномъ направленіи"; всѣ правительственныя школы опустѣли, правительственная учебная власть оказывается ненужной и должна быть выброшена, какъ мебель стараго фасона, послѣ того какъ заведена уже новая въ „національномъ" стилѣ... И вотъ, когда замыселъ казался уже близкимъ къ осуществленію, ученики, несмотря на то, что ихъ цѣлый годъ терроризировали разные „національзаторы школъ", не хотятъ уходить изъ государственныхъ школъ; часть польскаго общества косится на „Школьную Матицу", а учебная власть не только не оказалась лишней, но еще осмѣливается указывать какіе-то законы въ то время, когда, казалось, „все позволено"! Конечно, послѣ подобныхъ иллюзій должно было наступить разочарованіе. Но виноваты въ этомъ сами дѣятели „Школьной Матицы", которые полагали, что для „преслѣдованія культурныхъ задачъ въ національномъ направленіи" не надо сообразоваться съ дѣйствующими законами, а достаточно быть проникнутыми лишь узко-національными тенденціями своей партіи.

Въ такомъ случаѣ, какъ назвать неосновательно взводимыя ими на учебную власть обвиненія: жалобой или клеветой?

„Шк. Мат." подъ защитой „Руси".

Въ защиту дѣятельности польской „Школьной Матицы" выступилъ, какъ и слѣдовало ожидать, „единственный вѣрный союзникъ"

поляковъ (по опредѣленію польскаго *Слова*) — газета *Русь* въ лицѣ г. *Нестора* *), взявшагося (въ № 79 за 1906 г.) доказать „на основаніи польскихъ и параллельныхъ русскихъ данныхъ", что „поляки по естественному закону сопротивленія должны были реагировать на внѣшнія репрессіи полицейско-духовной власти", что „для просвѣщенія массъ" особенно въ Холмщинѣ „правительство ничего не дѣлаетъ" и что поэтому забота о просвѣщеніи малороссовъ выпадаетъ на долю поляковъ.

Мы останавливаемся на этой статьѣ потому, что она отличается по своимъ пріемамъ отъ обычныхъ статей *Руси* по школьному вопросу и затрогиваетъ существенныя стороны учебнаго дѣла, которое мы считаемъ нужнымъ освѣтить какъ можно обстоятельнѣе.

Въ статьѣ г. *Нестора,* вмѣсто тенденціозности и голословности, чувствуется искреннее желаніе автора на основаніи достовѣрныхъ фактовъ и статистическихъ данныхъ добиться истины, причемъ, „воздерживаясь отъ поспѣшныхъ обобщеній, провѣрять опроверженія сомнительныя и вѣрить тѣмъ опроверженіямъ, которыя заслуживаютъ полнаго довѣрія".

---

*) Говоря о „Ш. М.", нельзя не упомянуть о двухъ лицахъ, имена которыхъ тѣсно связаны съ дѣятельностью этого общества: о присяжномъ повѣренномъ Осуховскомъ, предсѣдателѣ „Ш.М.", и о сотрудникѣ „Р у с и" г. Несторѣ (Сватковскомъ), воспѣвавшемъ на страницахъ названной газеты панегирики „Ш. М." и ея дѣятелемъ. Въ постановленіи Варш. генер.-губерн. о закрытіи „Ш. М.", между прочимъ, сказано, что въ средѣ членовъ общества укрѣплялось недопустимое по существу „вытѣсненіе изъ состава общества наиболѣе спокойныхъ его дѣятелей и сосредоточеніе руководительства дѣятельностью общества въ рукахъ сепаратистовъ". Кто кого „вытѣснялъ", въ настоящее время опредѣлить трудно. Появившееся въ газ. „Słowo Polskie, Gazeta Codzienna" (№ 19—1908 г.) и др. открытое письмо б. секретаря „Ш. М." К. Ставецкаго, упрекающее г. Осуховскаго въ „угодовой" политикѣ, указываетъ между прочимъ, на то, что фамиліи высланныхъ въ октябрѣ изъ края административнымъ путемъ членовъ „Ш. М." совпали съ фамиліями тѣхъ, которыхъ г. Осуховскій заранѣе намѣтилъ къ устраненію изъ Правленія „Ш. М." Между тѣмъ „В а р ш. К у р ь е р ъ" (№ 19—1908 г.), защищая г. Осуховскаго отъ нападокъ г. Ставецкаго, доказывалъ, что именно г. Осуховскій зажигалъ вездѣ „огонь польскости", но сдерживалъ лишь тѣхъ, кто своею „безразсудностью, отсутствіемъ политическаго такта въ партійномъ ослѣпленіи давно уже толкалъ судно „Ш. М." къ разбитію". По словамъ „П о з н а н с к а г о Д н е в н и к а" (№ 275—1907 г.) на засѣданіяхъ Правл. „Ш. М." ближайшіе сотрудники г. Осуховскаго называли его „Іудой въ дѣлахъ „Ш, М." Изъ приведенныхъ выдержекъ видно, какъ трудно дать точную характеристику г. Осуховскаго. Склоняемся къ выдержкѣ изъ „П о з н а н. Д н е в н."

Что касается г. Нестора (г. Сватковскаго), то его характеристику заимствуемъ изъ польской газеты „У т р е н н е е О б о з р ѣ н і е", которую нельзя заподозрить въ пристрастіи къ „вѣрному союзнику" поляковъ:

„Обвиненія, выставляемыя противъ поляковъ въ Холмщинѣ—говоритъ г. *Несторъ*,—не могутъ быть отброшены всѣ огуломъ, какъ несостоятельныя и вызванныя исключительно клеветническими наклонностями обвинителей.... „Наша прямая обязанность не преувеличивать зла, но намѣтить его настоящія границы". Заканчивается статья необычными для „освободителей" словами: „важнѣе всего не искажать общую картину положенія поспѣшной довѣрчивостью ко всякимъ сенсаціоннымъ слухамъ за одну ихъ сенсаціонность". Словомъ, вся статья съ приведенными въ ней „фактами", „свѣдѣніями" и статистическими данными, которыми г. *Несторъ* подкрѣпляетъ свои выводы, не оставляетъ сомнѣнія въ искренности его желанія добиться истины.

Но, къ сожалѣнію, г. *Несторъ* обманутъ въ самыхъ лучшихъ своихъ намѣреніяхъ. Какъ онъ самъ заявляетъ, приводимые имъ „факты", „свѣдѣнія" и цифровыя данныя, на которыхъ зиждится вся защита „Школьной Матицы", сообщилъ ему предсѣдатель Матицы г. Осуховскій...

Это тотъ самый г. Осуховскій, который во главѣ депутаціи ѣздилъ въ 1906 г. въ Петербургъ къ министру народнаго просвѣщенія съ „жалобой" на затрудненія, создаваемыя будто бы учебной властью для развитія дѣятель-

---

Нѣкоторыя польскія газеты серьезно, повидимому, думаютъ, что г. *Несторъ* изъ „Р у с и" (г. Сватковскій) является выразителемъ русскаго общественнаго мнѣнія. По этому поводу „У т р е н н е с О б о з р ѣ н і е" замѣчаетъ:

„Немногимъ, вѣроятно, извѣстно, кто такой г. Сватковскій, какова его политическая отвѣтственность, и какія средства дѣятельности имѣются у него въ распоряженіи. Пока это только фельетонистъ „Р у с и", трактующій польскій вопросъ съ особеннымъ усердіемъ и не безъ доброжелательства, хотя и съ полнымъ отсутствіемъ критицизма и политической зрѣлости. Въ независимой русской прессѣ онъ выдѣляется тѣмъ, что свѣдѣнія свои по польскому вопросу заимствуетъ не изъ прогрессивныхъ, а изъ національно-демократическихъ польскихъ газетъ и, будучи самъ русскимъ націоналистомъ, питаетъ нескрываемую симпатію къ націоналистскому направленію въ Польшѣ. Къ польскимъ прогрессистамъ онъ довѣрія не питаетъ, вѣрно угадывая, что въ его міровоззрѣніяхъ очень мало общаго съ мыслями и патріотизмомъ тѣхъ поляковъ, которые чувствуютъ отвращеніе ко всякаго рода націоналистскимъ выходкамъ и юродствамъ. Взгляды г. Сватковскаго, столь старательно цитируемые нѣкоторыми польскими газетами, не находятъ отклика въ русскомъ общественномъ мнѣніи и не представляютъ собой отраженія мыслей какой-либо партіи, группы, кружка. Вообще говоря, они довольны мутны и хаотичны, и поймать руководящую идею въ ихъ лабиринтѣ довольно трудно. Общій фонъ польскихъ симпатій „Несторовъ" изъ „Р у с и" носитъ панславистическую окраску, сильно уже поблекшую при теперешнемъ настроеніи умовъ въ Россіи, чуть ли не старосвѣтскую и анахроническую. Все это отбиваетъ охоту относиться серьезно къ выводамъ этого публициста, необыкновенно богатаго словами, строками и столбцами, но довольно убогаго мыслями, которыя были бы ясны и понятны. („Польск. печать" перев. „В а р ш. Д н е в н." 1907 г. № 117).

ности „Школьной Матицы“. Тенденціозность, полное искаженіе истины и подтасовка данныхъ въ этой „жалобѣ“ (напечатанной въ № 211 *Страны*) съ полной очевидностью нами уже доказана выше. И хотя „жалоба“ оказалась клеузой, и дѣйствія попечителя округа по отношенію къ „Школьной Матицѣ“, признаны министромъ вполнѣ законными, г. Осуховскій всетаки не унывалъ: не повѣрилъ министръ г. Кауфманъ, авось повѣритъ изъ лагеря „союзниковъ“ г. *Несторъ*, тѣмъ болѣе, что онъ считаетъ г. Осуховскаго „извѣстнымъ славянскимъ дѣятелемъ“, питаетъ къ нему полное довѣріе, тѣмъ болѣе, что освѣщеніе послѣднимъ школьнаго вопроса подкрѣпляется ссылками на научныя, хотя и устарѣвшія данныя, на трогательно-поэтическія цитаты изъ „Записной дорожной книжки“ нѣкоего Колосова и даже на законы! Но вѣдь г. Осуховскій приводилъ „цифры“, „факты“, „свѣдѣнія“ и въ поданной имъ „жалобѣ“ и увѣрялъ, что „Школьная Матица“ придерживается дѣйствующихъ узаконеній“! И если делегатамъ „Школьной Матицы“ не удалось ввести въ заблужденіе министра народнаго просвѣщенія, то не потому, какъ полагаетъ г. *Несторъ*, что „Петербургъ въ ослѣпленіи вѣритъ клеветамъ и доносамъ“, а потому, что по дѣйствительнымъ, а не дутымъ, фактамъ знаетъ, какъ дѣйствуютъ здѣсь „націонализаторы“ школъ.

Неужели г. *Несторъ* забылъ или ему вовсе неизвѣстно о разгромѣ правительственныхъ школъ, о бросаніи въ нихъ бомбъ, объ изгнаніи изъ школъ русскихъ учителей, объ угрозахъ, дѣлаемыхъ имъ „націонализаторами“, выгонявшими ихъ въ „періодъ освободительнаго движенія“ не только изъ школъ, но даже изъ квартиръ браунингами и палками, несмотря на то, что эти учителя—мѣстные же уроженцы и такъ же преподаютъ по-польски, какъ и ихъ коллеги поляки, и, наконецъ,—объ убійствѣ начальника радомской учебной дирекціи Станкевича, инспектора сѣдлецкой учительской семинаріи Бойко, о покушеніи на жизнь помощника инспектора училищъ гор. Варшавы Орлова, объ избіеніи другого помощника Янковскаго. А нападеніе на улицѣ и избіеніе русскаго профессора Амалицкаго?

Неужели г. *Несторъ* полагаетъ, что „націонализаторы школъ“ послѣ объединенія въ „Школьной Матицѣ“ сразу превратились въ смирныхъ овечекъ! Шила въ мѣшкѣ не утаишь, и нѣтъ—нѣтъ да и покажетъ себя „націонализаторъ“ безъ маски! Такъ, напр., въ концѣ 1906 г. на стран. *Варш. Дневн.* (№ 326) былъ отмѣченъ фактъ, какъ начальникъ холмской учебной дирекціи, посѣтившій одну изъ

школъ, открытыхъ „Школьной Матицей“ въ Холмщинѣ безъ разрѣшенія учебнаго вѣдомства, былъ встрѣченъ враждебно учительницей, не пожелавшей говорить по-русски. Тотъ же начальникъ дирекціи получалъ послѣ этого угрозы. Школы открывались „Школьной Матицей“ вопреки закону (ст. 3751 т. XI ч. I) безъ вѣдома учебной власти, чего не скрывалъ и *Варш. Кур.* (№ 8—1907 г.), но если на нихъ обращалось вниманіе со стороны этой власти,—сейчасъ жалоба или угроза!

Статист. и др. данныя о состояніи учебн. дѣла въ Ц. П.

Идя на встрѣчу г. *Нестору* въ выясненіи истиннаго положенія дѣла и вполнѣ присоединяясь къ высказанному имъ взгляду, что „всякое поспѣшное обобщеніе въ худую и въ добрую сторону одинаково можетъ быть вредно“, мы постарались, не спѣша, тщательно провѣрить статистическія данныя и другія свѣдѣнія, приведенныя въ *Руси*, безъ всякаго предвзятаго съ нашей стороны намѣренія защитить или обвинить кого-либо.

Мы не останавливаемся на всѣхъ приводимыхъ въ *Руси* мелочныхъ „фактахъ“, которымъ, повидимому, не придаетъ значенія и самъ г. *Несторъ*, поэтому мы освѣтимъ только тѣ „факты“ и „статистическія свѣдѣнія“, которыя выставляются имъ (вѣрнѣе г. Осуховскимъ), какъ явное доказательство того, что „правительство ничего не дѣлаетъ для просвѣщенія массъ“ въ Царствѣ Польскомъ вообще и въ Холмщинѣ въ частности, и какъ характеризующія дѣятельность „полицейско-духовной власти“; особенно же освѣтимъ тѣ „свѣдѣнія“, которыя разсчитаны на эффектъ при сопоставленіи ихъ съ данными о положеніи учебнаго дѣла во внутреннихъ губерніяхъ Россіи.

Передъ нами не устарѣвшія или сомнительной выборки данныя, а вышедшіе въ 1907 г. XXVII и XXVIII выпуски „Трудовъ *Варшавскаго Статистическаго Комитета*“, заключающіе свѣдѣнія по народному образованію въ губерніяхъ Царства Польскаго за 90 лѣтъ, 1816—1906 гг., его успѣхи и развитіе за послѣднее сорокалѣтіе. Кромѣ того, нами добыты отчетныя данныя за 1904—5 учебный годъ по народному образованію въ Сѣдлецкой и Люблинской губерніяхъ.

Сопоставленіе этихъ данныхъ съ тѣми „свѣдѣніями“, которыя такъ услужливо преподносились г. Осуховскимъ то министру народнаго просвѣщенія, то „союзникамъ“ изъ *Руси*, покажутъ, кто „клевещетъ и доноситъ“.

Выше мы указывали, что варшавскій учебный округъ по густотѣ школъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Г. Осуховскій устами г. *Нестора* старается доказать про-

тивное: приводя приблизительно вѣрное общее число начальныхъ училищъ, онъ скрываетъ то обстоятельство, что въ здѣшнемъ краѣ развита болѣе, чѣмъ гдѣ либо въ Россіи, городская жизнь въ многочисленныхъ городахъ—мѣстечкахъ, а между тѣмъ не только въ каждомъ такомъ мѣстечкѣ, но и въ посадѣ, находится одна-двѣ казенныя школы, не считая частныхъ учебныхъ заведеній; умолчалъ, что плотность населенія Царства Польскаго въ 5 разъ больше плотности въ Имперіи, что средній процентъ ежегоднаго прироста населенія съ 1890 по 1905 г. равнялся 2,1 и что въ то время, когда въ Европ. Россіи одно начальное училище приходится на 55 кв. верстъ, въ губерніяхъ Царства Польскаго—на 25 кв. верстъ. При совокупности всѣхъ этихъ условій одно училище приходится въ среднемъ на 2636 жителей. Но г. *Несторъ*, т. е. г. Осуховскій, скрывая всѣ эти данныя, утверждалъ: „за двадцатилѣтіе отъ 1874 г. по 1894 г. количество учениковъ начальныхъ училищъ понизилось въ городахъ съ 31 до 27 на тысячу жителей, а въ деревняхъ съ 21 до 19 на тысячу“.

„Въ результатѣ въ Царствѣ Польскомъ по послѣдней переписи оказалось $^{3}/_{7}$ неграмотныхъ. Одна начальная школа приходится въ городахъ на 3,200 (!) жителей, а въ деревняхъ на 4,000 (!), тогда какъ въ земскихъ губерніяхъ Россіи одна школа на 1,500 жителей“.

У читателя, незнакомаго съ истиннымъ положеніемъ дѣла, отъ такого сравненія невольно рождается вопросъ: за что же такъ обижаютъ поляковъ?

Изъ послѣдующихъ статистическихъ данныхъ Варш. Стат. Комит. видно, кто и за чей счетъ оказывается обиженнымъ. Не останавливаясь на подраздѣленіяхъ, приведемъ только общіе выводы и данныя:

„Въ семидесятыхъ годахъ учебное дѣло развивается еще далѣе: число учебныхъ заведеній и число учащихся въ нихъ возрастаетъ еще болѣе, какъ это усматривается изъ слѣдующихъ статистическихъ данныхъ по учебному дѣлу за 1873 и 1876 годы. Именно въ 1873 году учебныхъ заведеній въ краѣ было 3280, а учащихся въ нихъ 180,305. Въ 1876 же году учебныхъ заведеній въ краѣ было 3436, а учащихся въ нихъ 192,505.

Въ девятидесятыхъ годахъ дѣло народнаго образованія въ десяти губерніяхъ Привислинскаго края подвигается съ такимъ же успѣхомъ и дальше. Такъ, напримѣръ, около десяти лѣтъ тому назадъ, въ первой половинѣ девятидесятыхъ годовъ, именно въ 1894 году, въ губерніяхъ Царства Польскаго насчитывалось уже учебныхъ заведеній 6219,

учащихся мужского пола 195,035, учащихся женскаго пола 81,129, всего 276,164 учащихся, такъ что (соотвѣтственно общей цифрѣ народонаселенія) одинъ учащійся приходился приблизительно на 30—32 жителей (1 : 32). Наконецъ, въ 1903 году было во всѣхъ десяти губерніяхъ края: учебныхъ заведеній 7875 (въ томъ числѣ 4 высшихъ) и учащихся 417,609, то-есть одинъ учащійся приходился приблизительно на 25—27 жителей (1 : 27). Въ однихъ только городахъ края было въ 1903/4 году болѣе 1750 учебныхъ заведеній (3 высшихъ, 86 среднихъ, 961 низшихъ, кромѣ очень большого количества хедеровъ, воскресныхъ, воскресно-ремесленныхъ и т. п. школъ—болѣе 700), при 141,508 учащихся". (Вып. XVII. Стран. 61—62).

Не въ лучшемъ видѣ представляются „свѣдѣнія" г. Осуховскаго-*Нестора* и объ училищахъ въ Холмщинѣ по сравненію этихъ „свѣдѣній" съ дѣйствительными. По его „даннымъ", „два милліона населенія Сѣдлецкой и Люблинской губерній располагаютъ всего 257 школами, т. е. одна школа приходится на 8,000 жителей!" Но дѣйствительныя данныя за 1904—5 учебный годъ сейчасъ докажутъ, что они уменьшены г. Осуховскимъ не меньше, какъ въ четыре раза, такъ какъ на самомъ дѣлѣ въ Люблинской губ. 410 училищъ, въ Сѣдлецкой—309 училищъ, т. е. 719 училищъ министерства народнаго просвѣщенія, да еще 358 церковно-приходскихъ школъ, а всего 1,067 школъ.

Что, похоже ли это на „свѣдѣнія" г. Осуховскаго?!

Чтобы составить понятіе о развитіи учебнаго дѣла въ здѣшнемъ краѣ, необходимо остановиться на слѣдующихъ данныхъ изъ упомянутыхъ выше выпусковъ статистическихъ работъ: „Въ 1829 году въ Царствѣ Польскомъ, при населеніи его въ 4,137,634 чел., было 772 начальныхъ школы и 129 иныхъ учебныхъ заведеній, всего 901 учебное заведеніе; причемъ одна начальная школа приходилась на 5,360 жителей, а 1 учебное заведеніе вообще—на 4,393 жител. (См. „Zbiòr przepisòw administracyjnych Kròlestwa Polskiego. Wydzial Oświecenia" tom II; ср. также Милютина —„Изслѣдованія по дѣламъ Царства Польскаго", т. III, I, тетр. 1).

Въ 1899 г. (къ 1 января 1900 г.), при населеніи Царства Польскаго свыше 9 милліоновъ (по переписи 1897 г., притомъ съ войсками—9,402,253 чел.), было въ Привислинскомъ краѣ 3,909 начальныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія, 59 среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія и 4 высшихъ учебныхъ заведеній; такъ что 1 начальная школа приходилась на

2,405 жителей, а 1 учебное заведеніе министерства народнаго просвѣщенія вообще на 3,369 жителей. Иначе говоря, въ 1899 г. пропорція начальныхъ школъ въ Царствѣ Польскомъ стала болѣе чѣмъ въ два раза больше, чѣмъ въ 1829 г.

Если исключить изъ состава населенія 1899 г. войска и если прибавить къ школамъ министерства народнаго просвѣщенія школы другихъ вѣдомствъ, то приведенная пропорція за 1899 г. будетъ еще благопріятнѣе. Нельзя того же сказать о пропорціи школъ въ 1829 г., что объясняется историческими бытовыми условіями *).

Приводимъ далѣе данныя о развитіи школьнаго дѣла за послѣднее сорокалѣтіе:

„Еще въ 1862 году, какъ видно изъ отчета правительственной комиссіи внутреннихъ дѣлъ и изъ изслѣдованій Милютина, изъ общаго числа жителей въ краѣ было только 9,3% грамотныхъ. Послѣ школьной реформы 1864 года число грамотныхъ въ краѣ быстро возрастаетъ. Такъ, по даннымъ варшавскаго статистическаго комитета за 1890—1897 годы, изъ числа лицъ призывного возраста было уже 27,5% грамотныхъ (умѣвшихъ и читать, и писать); изъ нихъ 18,3% умѣли читать и писать по-русски, а 9,2% на польскомъ и другихъ языкахъ. Наконецъ, по даннымъ переписи 1897 года, процентъ грамотныхъ, сравнительно съ приведенною цифрою ихъ въ шестидесятые годы (9,3%), увеличился болѣе чѣмъ въ 3 раза, достигнувъ 30,5 въ среднемъ для всего края.

Принявъ и нынѣ этотъ же % грамотныхъ въ Ц. П. (30,5), можно сказать, что при 11 милліонахъ населенія въ краѣ болѣе $3^1/_2$ милліоновъ, т. е. почти $^1/_3$ населенія грамотны. Этотъ средній процентъ грамотныхъ въ здѣшнемъ краѣ значительно выше процента ихъ среди населенія большинства губерній Европейской Россіи, гдѣ средній процентъ грамотныхъ ограничивается только 19,78%. Мы можемъ назвать для примѣра цѣлый рядъ земскихъ губерній Имперіи, какъ то: Владимірскую съ 26,93% грамотныхъ, Вологодскую съ 19,50%, Воронежскую съ 16,12%, Вятскую съ 17,98%, Екатеринославскую съ 16,90%, Пензенскую съ

*) Эти данныя были приведены въ концѣ 1907 г. въ „Новомъ Времени" и „Варшав. Вѣстникѣ" (№ 93) по поводу заявленія одного изъ польскихъ депутатовъ въ засѣданіи Госуд. Думы 16 нояб. 1907 г. о томъ что въ 1828 г. въ Варшавѣ было больше школъ, чѣмъ 1900 г. См. гл. „Школьный вопросъ въ Госуд. Думѣ" стр. 91.

15,83%, Полтавскую съ 15,33%, Тверскую съ 24,60% Харьковскую съ 16,21% Черниговскую съ 16,49% грамотныхъ и т. д.

Все вышеизложенное, конечно, свидѣтельствуетъ о благопріятномъ ростѣ и развитіи дѣла народнаго просвѣщенія въ десяти губерніяхъ Царства Польскаго, благодаря особеннымъ заботамъ по этому вопросу нашего правительства и благодаря тому обилію среднихъ и низшихъ школъ, какого не встрѣчается въ другихъ губерніяхъ Имперіи.

Эти заботы по школьному дѣлу проявляются самымъ наглядным образомъ въ суммѣ тѣхъ государственныхъ расходовъ на дѣло народнаго образованія, которые отпускаются на здѣшній край нашимъ правительствомъ; *) причемъ и въ этомъ отношеніи здѣшній край оказывается въ болѣе благопріятномъ положеніи, чѣмъ многія другія губерніи Имперіи.

Именно, расходы по учебной части и народному просвѣщенію въ Привислинскихъ губерніяхъ значительно выше таковыхъ во многихъ другихъ частяхъ Россіи. Такъ, по даннымъ особаго совѣщанія 1899—1901 г., въ 1898 году въ губерніяхъ Царства Польскаго приходилось на одного жителя государственныхъ расходовъ по учебной части и народному просвѣщенію гораздо болѣе, чѣмъ въ губерніяхъ центр., черноземныхъ, промышленныхъ, сѣв.-западныхъ, сѣв.-кавказскихъ, юго-западныхъ, сѣверныхъ, восточныхъ, южныхъ и закавказскихъ (см. „Труды особаго совѣщанія 1899—1901 г.“, составл. А. Д. Полѣновымъ, Москва, 1901, стр. 49). По разсчету проф. Яснопольскаго за 1893 г. расходы по министерству народнаго просвѣщенія на 1 жителя въ Привислинскихъ губерніяхъ равнялись 57 к., въ то время какъ во всѣхъ другихъ губерніяхъ, кромѣ столичныхъ, они были значительно ниже. Именно они равнялись: въ губерніяхъ сѣверныхъ 16 коп. на 1 жителя, въ восточныхъ 15 к., среднепромышл. 10 к., средне-черноземныхъ 9 к., малороссійскихъ 21 к., юго-западныхъ 15 к., южныхъ 19 к., въ Закавказьѣ 18 к., на сѣв. Кавказѣ 13 к., въ сѣв.-западныхъ губ. 12 к., въ прибалтійскихъ 34 к., въ сибирскихъ 16 к. (см. Яснопольскій, „О географическомъ распредѣленіи государственныхъ расходовъ Россіи“, приложенія, 1897, таблица № 67).

Неудивительно поэтому, что при такихъ расходахъ государства по школьному дѣлу и при большомъ количествѣ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній въ краѣ дѣло народнаго просвѣщенія въ десяти губерніяхъ Царства

*) См. стр. 102, гдѣ приведены ассигнованія суммъ (1.179,000+50.000 р.)

Польскаго за послѣднія сорокъ лѣтъ далеко подвинулось впередъ, опередивъ въ этомъ отношеніи многія губерніи Россіи (Труды Варш. Стат. Комит. вып. XXVII, стр. 65—66).

По разсчету нашего государственнаго контролера П. Х. Шванебаха оказывается, что государственные расходы въ Привислинскомъ краѣ превышаютъ доходы на 14%, такъ какъ на каждый взыскиваемый въ видѣ налога рубль населеніе края получаетъ обратно 1 руб. 14 коп. Такимъ образомъ наше государство больше даетъ, чѣмъ беретъ съ здѣшняго населенія: на каждый рубль, взятый съ него, онъ возвращаетъ ему 1 р. 14 к. Этотъ излишекъ исполняется за счетъ населенія центральныхъ русскихъ губерній, гдѣ, наоборотъ, населеніе на каждый рубль налога получаетъ отъ государства обратно менѣе, чѣмъ взимается: именно, въ малороссійскихъ губерніяхъ—92 к., въ южныхъ губерніяхъ—89 к., въ юго-западныхъ—82 к., въ сѣверныхъ—81 к., въ восточныхъ—80 к., въ среднихъ промышленныхъ—72 к., въ среднихъ черноземныхъ—всего лишь 47 коп. (стр. 70).

Такое весьма благопріятное для Привислинскаго края распредѣленіе государственныхъ доходовъ и расходовъ, было бы еще очевиднѣе, если бы не присутствіе въ Царствѣ Польскомъ цѣлаго ряда крупныхъ таможенъ. Это присутствіе таможенъ въ Привислинскомъ краѣ вообще ведетъ къ значительному повышенію общей цифры государственныхъ доходовъ, чего нѣтъ во многихъ другихъ губерніяхъ Россіи (стр. 72).

На ряду съ этимъ ростомъ и развитіемъ матеріальнаго благосостоянія края росла и развивалась его культура духовная, его духовное благосостояніе, въ видѣ развитія грамотности и просвѣщенія, путемъ развитія въ здѣшнемъ краѣ школьнаго дѣла, въ значительно болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ во многихъ другихъ губерніяхъ Имперіи. Такъ развитіе грамотности и просвѣщенія въ Царствѣ Польскомъ могло имѣть мѣсто только благодаря изобилію здѣсь учебныхъ заведеній и большимъ расходамъ казны на это дѣло (57 коп. на 1 жителя), чего также нѣтъ въ другихъ губерніяхъ Россіи (гдѣ приходится отъ 9 до 34 коп. на 1 жителя).

Этотъ общій ростъ матеріальной и духовной культуры въ Царствѣ Польскомъ—ростъ населенія, ростъ городовъ, колоссальное развитіе фабрично-заводской промышленности, развитіе землевладѣнія и сельскаго хозяйства, развитіе школьнаго дѣла и грамотности—объясняется только исключительными и особыми заботами нашего государства о населеніи его окраинъ.

Къ такому заключенію должны прійти всѣ безпристрастные изслѣдователи эволюціи экономическаго развитія здѣшняго края. Такъ, напримѣръ, въ самое послѣднее время эту мысль еще разъ подтвердилъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ вопроса о польской промышленности—академикъ И. И. Янжулъ.

Изученіе прошлаго Польши и современнаго ея положенія привело проф. Янжула къ нижеслѣдующимъ выводамъ. Польша, строго-земледѣльческая окраина, быстро достигла высокой степени промышленнаго развитія. „Этотъ ростъ—говоритъ онъ—начинается съ утраты политической самостоятельности Польши и присоединенія къ Россіи, главнымъ образомъ, благодаря поощрительнымъ административнымъ мѣрамъ правительства“ (Труды Варш. Стат. Комит. вып. XXVII стр. 75—76).

Приводимъ офиціальныя и точныя статистическія данныя о положеніи учебнаго дѣла и грамотности въ Ц. П. и въ остальныхъ губерніяхъ Имперіи еще изъ другого источника:

„Во всей Россіи грамотные составляютъ 21% населеніи; въ собственно же Европейской Россіи грамотные составляютъ 22,9%, въ Привислинскомъ краѣ 30,5, на Кавказѣ 12,4%, въ Сибири 12,3%, въ Средней Азіи 5,3%. Если исключить изъ населенія дѣтей до 9-ти лѣтняго возраста, то процентъ грамотныхъ среди остального населенія, конечно, значительно повысится. Такъ, онъ будетъ для всей Россіи 28, въ собственно Европейской Россіи 30, въ Привислинскомъ краѣ 41, на Кавказѣ 17, въ Сибири 16, въ средней Азіи 7“, (*Ежегодникъ Россіи* 1906 г. Спб. 1907 г.).

Приведенныя данныя представляютъ настоящую и полную картину развитія учебнаго дѣла въ губерніяхъ Царства Польскаго и въ то же время опредѣляютъ достоинство тѣхъ „свѣдѣній и фактовъ“, которые сообщались г. Осуховскимъ и Комп. въ русскія газеты.

Достаточно также вспомнить „свѣдѣнія“, изложенныя делегатами „Школьной Матицы“ въ поданной ими министру „жалобѣ“, чтобы оставить подъ большимъ сомнѣніемъ и тѣ „свѣдѣнія“, которыя сообщенны г. Осуховскимъ г. *Нестору* относительно разрѣшенныхъ къ открытію школъ. Въ *Руси* говорилось, что изъ числа 800 заявленныхъ школъ разрѣшено къ открытію отъ 170 до 180.

По наведенной же нами справкѣ, еще въ октябрѣ 1906 г. разрѣшено открыть 292 учебныхъ заведенія, въ половинѣ декабря 164, т. с. 456, не считая тѣхъ школъ, открытіе которыхъ попечителемъ учебнаго округа предоставлено началь-

никамъ учебныхъ дирекцій и инспектору училищъ гор. Варшавы. Если (по словамъ г. Осуховскаго) изъ этихъ училищъ функціонировало тогда около 100, то вина тому не въ „бюрократическихъ формальностяхъ“ (которыя въ „жалобѣ“ всетаки назывались „узаконеніями“), а въ томъ узко-національномъ, партійномъ направленіи „Школьной Матицы“, которое не находило сочувствія въ прогрессивныхъ элементахъ польскаго общества, а также—въ недостаткѣ матеріальныхъ средствъ.

Доказательствомъ такого несочувствія служитъ организація прогрессистами двухъ просвѣтительныхъ обществъ „Свѣтъ“ и „Будущность“, разгонъ враждебными для „Школьной Матицы“ элементами двухъ ея школъ, а также извѣстный фактъ защиты соціалъ-демократами лодзинскаго городского 4-класснаго училища, когда его пожелали разогнать „націоналисты“. (См. стр. 32.) Должно быть, не такъ великъ былъ успѣхъ „Школьной Матицы“, какъ его старались раздуть всевозможными рекламами, если одинъ изъ главныхъ дѣятелей этого общества кс. Гралевскій уѣзжалъ въ Америку собирать средства для „Школьной Матицы“ (См. *Варш. Курьеръ*, 1907 г. № 2). Несмотря на горячія рѣчи кс. Гралевскаго, на сравненіе имъ польской „Школьной Матицы“ съ чешской „Матицей“, которая „возродила Чехію (odrodziła Czechy)“, кс. Гралевскій собралъ тамъ, какъ передавали мѣстныя газеты, около 3000 руб.

Для усиленія средствъ „Школьной Матицы“ въ 1907 г. было положено начало празднованія конституціи 3 мая 1791 г. съ сборомъ пожертвованій на „Матицу“. Однако, результаты сбора не оправдали ожиданія народовцевъ, такъ какъ, по отзыву прогрессивной польской печати, хорошему дѣлу повредила фирма иниціаторовъ сбора. Недовѣріе къ иниціаторамъ можно объяснить не только нетерпимостью, проявляемою народовцами къ прогрессистамъ и евреямъ, но и тѣмъ, что пожертвованія не всегда попадали по назначенію жертвователей. Такъ, въ концѣ февраля 1907 г., газ. *Köln Zeitung* сообщала, что школьное движеніе въ Познани поддерживается деньгами, идущими изъ-за границы черезъ г. Осуховскаго. 24 апрѣля 1907 г. въ польскихъ газетахъ появилась телеграмма изъ Кракова о томъ, что г. Осуховскій отъ имени Царства Польскаго пожертвовалъ 30.000 кронъ на полонизацію школъ въ Силезіи. Такимъ образомъ значительная часть пожертвованій привислинскихъ поляковъ на мѣстныя школы уходили за границу. Поляки, съ которыми намъ приходилось бесѣдовать по этому поводу, только пожимали плечами, высказывая пред-

положенія, что такая дѣятельность заправилъ „Школьной Матицы“ вызывается какими-либо „политическими соображеніями“. Впослѣдствіи (*Варш. Кур.* 1907 г. № 152) г. Осуховскій развивалъ эти соображенія, оправдываясь передъ польскимъ обществомъ. Неудивительно, что вмѣсто ожидавшихся милліоновъ „народовый даръ“ въ память 3 мая выразился въ полутораста тысячахъ (155,782 р. *). Уже въ началѣ сбора пожертвованій стали раздаваться въ польской печати пессимистическіе отзывы. Такъ *Всеобщій Дневникъ* **) писалъ:

„Собираются пожертвованія на „народный даръ“ въ пользу польскаго школьнаго дѣла, дождавшагося, наконецъ, минуты воскресенія изъ мертвыхъ,—патетически восклицаетъ газета. Казалось бы, что общественная благотворительность должна вспыхнуть яркимъ пламенемъ, что въ одинъ мѣсяцъ весь народъ принесетъ щедрую лепту, и что мы удивимъ весь міръ своей любовью къ польской наукѣ. Но, увы!—у насъ нѣтъ солидарности, мы не умѣемъ сплотиться въ одномъ порывѣ. Мы не знаемъ еще, какихъ размѣровъ достигнетъ „народный даръ“, но знаемъ, что, несмотря на всѣ просьбы комитета, ему не возвращено еще очень много подписныхъ листовъ“...

Между тѣмъ національностскія газеты не только „просили“, но и угрожали напечатать фамиліи невозвратившихъ подписныхъ листовъ (См. *Варш. Кур.* 1907 г. № 128).

Только недостаткомъ средствъ или непопулярностью вообще „Школьной Матицы“ можно объяснить то явленіе, что изъ разрѣшенныхъ къ открытію въ Варшавѣ еще въ сентябрѣ 1906 г. 40 школъ и утвержденія представленныхъ „Матицей“ учителей, въ началѣ 1907 г. функціонировало изъ этихъ школъ не болѣе 10.

Г. *Несторъ* ссылается на „Записную книжку“ г. Колосова, въ которой будто бы красной нитью выступаетъ отчаянная нужда населенія въ школахъ, въ просвѣщеніи, умолчавъ объ указаніяхъ г. Колосова на то, что часто по 2—3 школы функціонируютъ въ „полуверстной чертѣ“ (стр. 45, 95). Да развѣ кто станетъ возражать противъ этого? Но вѣдь эта нужда не составляетъ исключенія въ губерніяхъ Царства Польскаго; напротивъ она еще сильнѣе во многихъ мѣстностяхъ внутреннихъ губерній Россіи, за счетъ которыхъ, какъ видно изъ выше сказаннаго, усилены средства на народное просвѣщеніе въ здѣшнемъ краѣ.

---

*) „Познан. Дневн.“ 1907 г. № 272.

**) „Варш. Дневн.“ 1907 г. № 232. „Польская печать“

Такимъ образомъ г. *Несторъ* по неосторожности или вѣрнѣе—по довѣрчивости къ даннымъ ему „свѣдѣніямъ“ сталъ въ противорѣчіе самъ съ собой: предостерегая другихъ отъ поспѣшныхъ выводовъ, онъ самъ поспѣшилъ (хотя и по винѣ его „союзника“) съ обвиненіями, не воздержавшись приэтомъ отъ напрасныхъ восклицаній: „клевещутъ, доносятъ, ослѣпленіе!“

Такіе же, къ сожалѣнію, поспѣшные выводы сдѣланы г. *Несторомъ* изъ указанныхъ ему г. Осуховскимъ статей закона и постановленій попечительскаго совѣта относительно открытія училищъ.

Не вдаваясь въ обсужденіе цѣлесообразности въ настоящее время тѣхъ или иныхъ законовъ, мы, однако, должны признать, что если эти законы не отмѣнены, то исполненіе ихъ никакъ нельзя поставить исполнителямъ въ вину, какового взгляда, очевидно, придерживается и т. *Несторъ*, ссылающійся на статьи закона. Но если бы онъ взялъ на себя трудъ внимательно прочесть законъ объ учебн. заведеніяхъ въ здѣшнемъ краѣ, онъ увидѣлъ бы, что ст. ст. 3652 и 3663 т. XI ч. I (на которыя онъ ссылается), о правѣ гминныхъ сходовъ учреждать школы безъ ограниченія, относятся только къ государственнымъ, а не частнымъ училищамъ, причемъ ст. 3663 имѣетъ въ виду школы въ городахъ и мѣстечкахъ, а не въ селеніяхъ, что ст. 3748, (которую тоже указывалъ г. *Несторъ*) имѣетъ въ виду не тѣ училища, о которыхъ говорилъ г. *Несторъ*, а частныя учебныя заведенія 3 разряда, причемъ эта статья разрѣшаетъ открывать частныя школы тамъ, гдѣ нѣтъ казенныхъ, иными словами—ограждаетъ казенныя учебныя заведенія отъ конкуренціи. Какъ ни страннымъ на первый взглядъ можетъ показаться опасеніе конкуренціи въ такомъ дѣлѣ, какъ народное просвѣщеніе, но это опасеніе имѣетъ основаніемъ не столько интересы государственные, сколько педагогическіе. Каждому, кто наблюдалъ за частными учебными заведеніями, особенно вновь учреждаемыми, становится сразу очевиднымъ, что въ большинствѣ этихъ учебныхъ заведеній педагогическіе интересы приносятся въ жертву коммерческимъ; самымъ выгоднымъ предпріятіемъ въ послѣднее время было открытіе частнаго учебнаго заведенія съ широковѣщательными программами, лишь бы заманить въ свою школу, какъ въ лавочку, побольше потребителей науки. А заманивъ въ свою школу учениковъ, стараются имъ потакать во многомъ такомъ, что въ казенномъ учебн. заведеніи не осталось бы безъ вниманія; главное,—понижаютъ учебныя требованія, а тѣмъ самымъ и

уровень познаній, чѣмъ и объясняется то бросающееся въ глаза явленіе, особенно въ здѣшнихъ польскихъ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, что, напр., въ 6—7 классы этихъ заведеній приняты ученики, выбывшіе изъ 4—5 кл. казенныхъ, т. е. принимаются на 2 класса выше. Кромѣ того, обнаруженное въ послѣднее время участіе учениковъ этихъ учебныхъ заведеній въ „экспропріаціяхъ“ и другихъ „освободительныхъ“ актахъ показываетъ, что эти учебныя заведенія являются излюбленной ареной для политическихъ и атеистическихъ экспериментовъ.

Неудивительно послѣ этого, если бы попечительскій совѣтъ варшавскаго учебнаго округа разрѣшилъ „Школьной Матицѣ“, при ея достаточно уже обнаружившемся игнорированіи законныхъ требованій и узко-національномъ, партійномъ направленіи, открывать училища только тамъ, гдѣ дѣти не вмѣщаются въ казенныхъ школахъ, въ которыхъ преподаваніе также ведется по-польски, съ прохожденіемъ и русскаго языка, какъ предмета. Вотъ это-то послѣднее требованіе и не нравилось „Школьной Матицѣ“, которая стремилась изгнать изъ школъ русскій языкъ даже какъ отдѣльный предметъ, чего не скрывалъ даже и самъ предсѣдатель „Матицы“ г. Осуховскій, а главное—избавиться отъ контроля учебной власти, которая по закону (ст. 3754 т. XI) „обязана имѣть тщательный, безпрерывный надзоръ за частными учебными заведеніями“. А разъ будетъ этотъ надзоръ, то на основаніи закона (ст. 3761) „въ числѣ и распорядкѣ учебныхъ предметовъ частныя учебныя заведенія должны по возможности сближаться съ соотвѣтствующими степени ихъ училищами казенными“.

Вотъ почему такъ нежелателенъ этотъ контроль учебной власти и надъ учительскимъ персоналомъ и требованіе отъ учителей свидѣтельствъ о благонадежности! Вѣдь требованіе такихъ свидѣтельствъ особенно въ настоящее время не заключаетъ въ себѣ какихъ-либо притѣсненій, созданныхъ спеціально для поляковъ и въ частности для „Школьной Матицы“, такъ какъ это требованіе основано тоже на законѣ (ст. ст. 3679 и 3752 т. XI), и сношенія о благонадежности съ административными властями установлены на всемъ пространствѣ Россійской Имперіи. Согласно ст. 3770 св. зак. т. XI ч. I, законоучители не могутъ быть допускаемы къ преподаванію въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ безъ разрѣшенія попечителя округа. Между тѣмъ Главное Правленіе „Школьной Матицы“ издало въ апрѣлѣ 1907 г. циркуляръ, въ которомъ объявило (См. *Варш. Кур.* № 108, *Варш. Дневн.* № 100), что „ксендзы, принимая на себя пре-

подаваніе Закона Божія, не должны ни испрашивать разрѣшенія на это властей, ни увѣдомлять ихъ и вообще никакой отвѣтственности за это не подвергаются" *). Повторяемъ: можно спорить о цѣлесообразности тѣхъ или иныхъ законовъ, называть ихъ „бюрократическими формальностями", но пока они не отмѣнены или не замѣнены другими, нельзя за ихъ исполненіе обвинять тѣхъ, кто поставленъ блюсти эти законы. Это надо имѣть въ виду особенно при обсужденіи вопроса о языкѣ преподаванія въ Холмщинѣ или въ „чертѣ русской осѣдлости". Если бы этого не упустилъ изъ виду г. *Несторъ*, онъ воздержался бы отъ поспѣшнаго и голословнаго обвиненія въ „непонятной обструкціи властей противъ „Матицы" въ гминѣ Березинѣ и гор. Парчевѣ". Дѣло въ томъ, что на основаніи ст. 3686 т. XI и Высочайшаго повелѣнія 6 іюня 1905 г. Законъ Божій и природный языкъ учащихся должны преподаваться въ учебныхъ заведеніяхъ на *природномъ* языкѣ этихъ учащихся (а не „попольски", какъ говоритъ г. *Несторъ*). Сомнѣнія относительно того, какой языкъ въ той или другой мѣстности долженъ быть признанъ природнымъ, разрѣшаются попечителемъ учебнаго округа по соглашенію съ генералъ-губернаторомъ; помимо закона (ст. 3686), если даже его считать устарѣвшимъ, соблюденіе такого порядка признавало, насколько намъ извѣстно, необходимымъ и министерство гр. И. И. Толстого и фонъ-Кауфмана. Какъ гмина Березина, такъ и гор. Парчевъ признавались до сихъ поръ русскими мѣстностями. Что касается того обстоятельства, что будто бы генералъ-губернаторъ дѣлалъ попечителю округа указаніе объ изъятіи Березины изъ черты русской осѣдлости, то по наведенной нами справкѣ такого указанія не дѣлалось, тѣмъ болѣе, что попечитель округа, какъ намъ передавали, и такъ склонялся къ разрѣшенію въ этой мѣстности польскихъ школъ, хотя ему должно быть не безызвѣстенъ отзывъ въ 1905 г. люблинскаго губернатора къ начальнику холмской дирекціи о томъ, что мѣстный языкъ населенія малорусскій и что поэтому не слѣдуетъ допускать въ школахъ этой мѣстности польскій языкъ, какъ самостоятельный предметъ. Въ гор. Парчевѣ въ восьмидесятыхъ годахъ открыто училище съ пособіемъ отъ казны, причемъ тогда же было сдѣлано генералъ-губернаторомъ указаніе, что въ этой школѣ, какъ находящейся въ чертѣ русской осѣдлости, вовсе не слѣдуетъ преподавать польскаго языка. Такимъ образомъ учебное начальство, на основаніи закона и приведенныхъ указаній, не имѣло права

*) Въ школы „Мат." подбирались ксендзы-народовцы, заявившіе себя религіозною и политич .нетерпимостью (см. стр. 151).

разрѣшать преподаваніе въ школахъ этой мѣстности по-польски, несмотря на хлопоты „ксендза и помѣщика“, называемыхъ г. *Несторомъ* „спасительнымъ исходомъ“.

Неоспоримо, что языкомъ жителей Холмщины является языкъ малорусскій. Казалось бы естественнымъ взять подъ защиту обездоленныхъ малороссовъ, спасая ихъ и отъ полонизаціи „Школьной Матицей“, которая не желаетъ признавать за ними права на природный языкъ, и отъ насилія ксендзовъ, требующихъ отъ перешедшихъ въ католичество отказываться отъ своего природнаго языка и исповѣдываться только на польскомъ языкѣ, и отъ помѣщиковъ, которые выгоняютъ со службы тѣхъ, кто не желаетъ переходить въ католичество или говорить по-польски...

Но г. *Несторъ* въ увлеченіи ролью защитника восклицаетъ: „Извѣстно ли тѣмъ, кто такъ всполошился у насъ „походомъ“ „Матицы“, что въ обѣихъ прикосновенныхъ холмскому вопросу губерніяхъ, при двухъ третяхъ несомнѣнно (?) польскаго населенія, до сихъ поръ Законъ Божій повсемѣстно преподается по-русски“ (православными учителями!).

Оставляя достовѣрность этихъ „свѣдѣній“ на совѣсти сообщившихъ эти свѣдѣнія г. *Нестору*, мы можемъ лишь указать на то, на чемъ выше (стр. 84) подробно останавливались, а именно, что почти во всѣхъ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, входящихъ въ районъ люблинской р.-католич. епархіи (Люблинская и Сѣдлецкая губ.) ксендзы отказались преподавать Законъ Божій, съ цѣлью бойкота казенныхъ школъ. Несмотря на неоднократныя просьбы начальниковъ учебныхъ заведеній и попечителя округа, обращенныя къ люблинскому р.-католическому епископу, о рекомендаціи ксендзовъ, учебныя заведенія Люблинской и Сѣдлецкой губ. по году оставались безъ р.-к. законоучителей, тогда какъ въ частныя учебныя заведенія ксендзы шли преподавать охотно, несмотря на меньшее, чѣмъ въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, вознагражденіе; напр., въ луковскомъ городскомъ училищѣ, Сѣдлецкой губ., ни одинъ изъ трехъ мѣстныхъ ксендзовъ не желалъ преподавать Законъ Божій. Въ Люблинѣ ксендзовъ еще больше, а ни одинъ не соглашался итти на должность законоучителя въ гимназіи. Спрашивается: что дѣлать въ такомъ случаѣ учебному начальству? Можно ли обвинять его, если бы даже оно разрѣшило преподавать въ школахъ Законъ Божій учителямъ, чтобы не оставить дѣтей безъ религіозно-нравственнаго воздѣйствія?

Оставляя въ сторонѣ догматы церкви, развѣ совершитъ учитель преступленіе противъ вѣротерпимости, если разскажетъ или позволитъ прочитать по-русски исторію Ветхаго или Новаго Завѣта дѣтямъ малороссамъ?

„И дѣлается это вопреки указу о вѣротерпимости!“ —восклицаетъ г. *Несторъ*. А извѣстно ли—спросимъ и мы тѣхъ, кто такъ распинается за вѣротерпимость,—извѣстно ли имъ, какъ польскіе „національзаторы“ встрѣтили извѣстный декретъ папы о допущеніи русскаго языка при дополнительномъ богослуженіи въ р.-католической церкви для русскихъ (р.-кат. исповѣданія), не знающихъ польскаго языка? *Варш. Кур.* (№ 18—1907 г.), приводя этотъ декретъ, съ ужасомъ спрашивалъ: „А что если департаментъ исповѣданій начнетъ снова справляться, какой языкъ природный бѣлоруссовъ и малороссовъ? А что, если надъ Невой рѣшатъ, что этимъ языкомъ долженъ считаться русскій? и потребуютъ для нихъ богослуженія по-русски?“ И, объяснивъ дальше, что для нихъ не можетъ совершаться богослуженіе не только на русскомъ, но и на малорусскомъ или бѣлорусскомъ языкахъ, а только на польскомъ,—все-таки съ грустью заключилъ, что декретъ „изданъ не во время“! Это опасеніе, какъ бы бѣлоруссы и малороссы не заявили права на русскій языкъ и не признали себя ближе къ русскимъ, чѣмъ къ полякамъ, и заставляло „Школьную Матицу“ торопиться открытіемъ школъ въ Холмщинѣ, чтобы скорѣе полонизировать малорусское населеніе и, не давъ ему опомниться, оторвать отъ языка и вѣры своихъ предковъ. Оставляя безъ школъ такія мѣстности, гдѣ населеніе исключительно польское, „Школьная Матица“ стремилась открыть свою школу, хотя бы путемъ обхода закона, напр., на имя третьихъ лицъ, въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ уже есть казенная школа и гдѣ населеніе не польское. Такъ, въ ноябрѣ 1906 г., было установлено, что изъ общаго числа 157 школъ, предположенныхъ къ открытію въ Холмской учебной дирекціи, только 46 приходилось на уѣзды съ польскимъ населеніемъ, остальныя же 111 на уѣзды со смѣшаннымъ населеніемъ *). Однихъ отдѣловъ „Матицы“ въ этой дирекціи было 110. Въ большинствѣ случаевъ обходъ закона заключался въ томъ, что открытое безъ вѣдома учебной власти училище носило названіе „пріюта“; такія школы-пріюты были открыты „Школьной Матицей“ въ Томашовскомъ уѣздѣ, Люб. губ., напр., въ

*) „Варш. Вѣстн.“ 1907 г. № 33.

пос. Лащовѣ (см. *Варш. Дневн.* 1906 г. № 326); такая школа-пріютъ была открыта въ дер. Щиціорнѣ, Плонскаго уѣзда, Варшав. губ., гдѣ есть казенная школа. Интересно то, что дер. Щиціорна населена еще при Императорѣ Николаѣ I выходцами изъ великорусскихъ губерній съ цѣлью огражденія сосѣдней крѣпости Ново-Георгіевска (по стратегическимъ соображеніямъ) отъ нерусскаго элемента; по сосѣдству есть еще двѣ русскія колоніи—Константиновская и Александровская, имѣющія свою церковь; населеніе этихъ трехъ мѣстностей сохранило въ чистотѣ свою вѣру, языкъ и обычаи. Спрашивается: зачѣмъ тамъ „Школьная Матица“? Если она искренно заботилась о „просвѣщеніи массъ“, то почему она не открывала школъ прежде всего тамъ, гдѣ ихъ вовсе нѣтъ и притомъ для польскаго населенія? А если у нея такъ сильное желаніе „просвѣщать массы“ русскаго или малорусскаго населенія, то почему она не желала преподавать въ открываемыхъ для него школахъ по-русски? Но „Школьная Матица“ знала, что польское населеніе отъ нея не уйдетъ; съ малорусскимъ же населеніемъ Холмщины, отпавшимъ въ католичество, можетъ случиться то, что если оно узнаетъ о правѣ требовать дополнительнаго богослуженія въ костелахъ на русскомъ языкѣ, то вовсе не захочетъ изучать польскаго языка, несмотря на требованіе ксендзовъ, не захочетъ посылать дѣтей въ польскія школы, тѣмъ болѣе, если провѣдаетъ объ участи русиновъ въ Галицкой Руси, гдѣ по словамъ *Галичанина* (№ 271—1906 г.), „русскихъ дѣтей подвергаютъ тѣлесному наказанію за то, что они отказываются пѣть польскія патріотическія пѣсни и говорить или читать польскія молитвы“.

О положеніи русскихъ въ Галиціи вотъ что говоритъ бернская газета „Berner Tagblatt“:

„При прежнемъ режимѣ русскимъ жилось въ Галиціи очень хорошо. Они учреждали много школъ, сохраняли свою народность и съ успѣхомъ стремились поднять низшіе классы своего народа въ культурномъ отношеніи. Потомъ произошла перемѣна, которая отдала Галицію въ жертву полонизма. Кто хочетъ знать, какъ поляки понимаютъ національную свободу, пусть спроситъ объ этомъ русскихъ галичанъ. Это прямо возмутительно, какъ поляки обходятся съ этимъ народомъ, какъ притѣсняютъ его, уничтожаютъ его школы и стараются убить его языкъ. Русины чувствовали бы себя на седьмомъ небѣ, если бы съ ними обходились такъ, какъ съ поляками въ Германіи. Но если бы нѣмцы захотѣли истязать своихъ поляковъ такъ, какъ

тѣ русскихъ въ Галиціи, то вся Европа разразилась бы воплемъ возмущенія. Польская политика проникнута такимъ лицемѣріемъ, что симпатій къ ней мы питать не можемъ никакихъ. И мы думаемъ, что поляковъ надо причислить къ тѣмъ народамъ, которые могутъ успѣшно развиваться только подъ сильнымъ кулакомъ. Ихъ государственное творчество давно уже исчерпалось, ибо управлять народомъ путемъ насилій нельзя. Эти люди (поляки) не могутъ уразумѣть, что два народа, говорящихъ на разныхъ языкахъ, могутъ спокойно ужиться въ одной странѣ. Въ польскихъ школахъ русскихъ дѣтей сѣкли розгами за то, что они не хотѣли прикладываться къ портрету Мицкевича (фактъ!). Польскія монахини, исполняющія обязанности учительницъ въ русскихъ деревняхъ въ Галиціи, жестоко били русскихъ дѣтей за то, что тѣ не хотѣли читать „Отче Нашъ“ по-польски. И здѣсь, какъ всегда, польскіе ксендзы являются главными разсадниками фанатизма“. (См. перев. *Варш. Дневн.* 15 февр. 1907 г. № 46).

Въ Холмской Руси послѣ гипноза, произведеннаго „національзаторами“, можетъ наступить отрезвленіе: населеніе Холмщины можетъ усомниться въ увѣреніяхъ націоналистовъ, что „будетъ Польша“, среди отпавшихъ можетъ наступить поворотъ къ русской національности, къ православной церкви, и Холмщина можетъ ускользнуть изъ рукъ непрошенныхъ „національзаторовъ“. Это заставило ихъ бить тревогу и звать *Русь* въ „союзники“ и защитники. И не безъ основанія: пробужденіе Холмской Руси уже отмѣчено печатью (См. *Варш. Дневн.* № 8—1908 г.

Одновременно съ походомъ полонизаторовъ противъ государственныхъ школъ представители общества „Польская Школьная Матица“ повели „опредѣленный и твердый натискъ на министерство народнаго просвѣщенія“ (какъ объ этомъ заявилъ въ Государственной Думѣ тов. мин. г. Герасимовъ), чтобы добиться „спольщенія“ школъ, а чтобы прикрыть незаконную дѣятельность въ этомъ направленіи мѣстныхъ „національзаторовъ“, представители ихъ въ Петербургѣ обивали пороги министерствъ съ жалобами на якобы причиняемое здѣсь въ краѣ преслѣдованіе польскаго просвѣщенія.

Но такой школьническій пріемъ, когда провинившійся самъ же бѣжитъ жаловаться на обиженнаго, очень прозраченъ и наивенъ и никого убѣдить не можетъ, такъ какъ настоящая дѣятельность „національзаторовъ“ обнаруживается фактами, которыхъ скрыть нельзя и которые говорятъ сами за себя.

А то, что творится въ послѣднее время въ разныхъ мѣстностяхъ края, является дѣйствительнымъ покушеніемъ на школы. Хотя это покушеніе производится въ настоящее время не съ бомбами или браунингами, какъ въ началѣ полонизаторской дѣятельности, но во всякомъ случаѣ—„съ негодными средствами“. Теперь становится понятнымъ, почему школьные „національзаторы“ съ такою настойчивостью добиваются освобожденія ихъ дѣятельности отъ контроля учебной власти.

Изъ полученныхъ нами въ іюлѣ 1907 г. данныхъ за 1906—7 учебный годъ видно, что во многихъ мѣстностяхъ Варшавской, Ломжинской, Сувалкской, Люблинской, Плоцкой и др. губерній подъ эгидой „Школьной Матицы“ открыты школы людьми, совершенно невѣжественными: напр., въ обнаруженныхъ въ Ломжинской губ. многочисленныхъ школахъ изъ сотни учителей только одинъ оказался съ надлежащимъ образовательнымъ цензомъ (и тотъ изъ правительственной школы); остальные учителя — домашняго обученія или вышедшіе изъ начальныхъ школъ; нѣсколько —выбывшіе изъ 1—2 кл. городскихъ училищъ или гимназій несовершеннолѣтніе мальчики. Въ такихъ же школахъ Плоцкой губ. оказались и такіе „просвѣтители“, которые лѣтомъ служили въ пастухахъ, а зимой принялись за просвѣщеніе народа. Курьезное явленіе представляютъ изъ себя школы, выросшіе какъ грибы послѣ дождя—и притомъ грибы злокачественные –въ Люблинской губ. Такъ напр., въ д. Раскопачевѣ, Любартовскаго уѣзда, обучала дѣтей б. содержательница корчмы, въ дер. Завалевѣ, Грубешовскаго уѣзда, обучалъ какой-то выходецъ изъ Галиціи, въ пос. Уханяхъ—мѣстный кузнецъ, въ с. Жулинѣ, Холмскаго уѣз., — прогнанная помѣщикомъ экономка... Только въ двухъ школахъ учителя оказались правоспособными, но и тѣ отказались обучать русскому языку.

Дѣйствительно, какая-то черная сотня истинно-невѣжественныхъ „національзаторовъ“ нахлынула въ школы! Какъ и чему учили эти темные люди, сами давно отвыкшіе отъ грамоты, неизвѣстно. Объ этомъ можно судить по тѣмъ ксендзамъ, которыхъ „Шк. Мат.“ желала допустить къ преподаванію въ своихъ учебныхъ заведеніяхъ, напр.: настоятель прихода Вольборжъ, Петроковскаго уѣзда, ксендзъ Врублевскій и администраторъ прихода Конецполь, Новорадомскаго уѣзда, ксендзъ Любовицкій были уличены въ 1907 году въ храненіи въ приходскихъ костелахъ запрещеннаго національно польскаго знамени, которое ксендзъ Любовицкій допускалъ выносить народу, но преподавать имъ

не разрѣшено; викарій Гарволинскаго рим.-католич. прихода, Сѣдлецкой губерніи, кс. Манкевичъ былъ изобличенъ въ 1904 году въ исполненіи требъ и совершеніи таинствъ по римско-католическому обряду для православныхъ изъ б. грекоуніатовъ (Главное Правленіе „Школьной Матицы“ ходатайствовало о назначеніи его законоучителемъ въ 4-х—классное учебное заведеніе въ гор. Гарволинѣ, открытое „Школьной Матицей“); одинъ изъ преподававшихъ въ школахъ „Матицы“ ксендзовъ, Лясковскій, былъ устраненъ раньше ломжинскимъ губернаторомъ отъ преподаванія въ государственныхъ школахъ въ виду политической неблагонадежности, но затѣмъ перенесъ свою „просвѣтительную“ дѣятельность во вновь образовавшіяся школы „Матицы“. Не дай Богъ, если въ „просвѣтители“ существующихъ школъ, какъ и въ 1-ую Государственную Думу, попадутъ еще люди съ „тюремнымъ цензомъ“! Нравственная обязанность не только тѣхъ, кому ввѣрена забота о просвѣщеніи народа, но и каждаго гражданина, оберечь народъ отъ такихъ просвѣтителей. Опасеніе тѣмъ болѣе основательное *), что „тюремный цензъ“ нашелъ себѣ косвенную поддержку со стороны „спеціалиста“ по школьному вопросу въ здѣшнемъ краѣ кс. Гралевскаго, возставшаго, какъ извѣстно, въ Государственной Думѣ противъ „фильтра министерства внутреннихъ дѣлъ, который пропускаетъ кандидатовъ-учителей въ зависимости отъ благонадежности“, т. е. свидѣтельства полиціи о благонадежности.

Возставая противъ правительственнаго „фильтра“, націоналисты, какъ оказывается, для пропуска учителей въ свои школы установили еще болѣе сложный „фильтръ“, заключающійся въ томъ, что отъ кандидатовъ въ учителя требуютъ рекомендаціи двухъ „народовцевъ“ и исповѣданія націоналистскаго credo, какъ объ этомъ заявила одна изъ польскихъ газетъ *Ploczczanin* **).

Изъ свѣдѣній объ указанныхъ выше, такъ называемыхъ, „мацержинскихъ“ школахъ видно, что большинство ихъ, напр., въ Люблинской и Ломжинской губ., было открыто не тамъ, гдѣ наибольшая нужда въ школахъ, т. е. не въ деревняхъ, а въ посадахъ и мелкихъ мѣстечкахъ и преимущественно тамъ, гдѣ мелкая шляхта перемѣшана съ непольскимъ элементомъ. Такимъ образомъ полонизаторскія вожделѣнія по отношенію къ непольскому населенію обнаруживались ясно.

---

*) По заявленію „Польскаго Слова“ дѣятели „Шк. Мат.“ хорошо извѣстны Х павильону Варш. цитадели. „Варш. Дн.“ № 22—1908 г.

**) „Варш. Дневн.“ 1907 г. № 241 „Польская печать“.

Кромѣ того, „мацержинскія“ школы, открытыя по сосѣдству съ правительственными (что дѣлалось не безъ умысла), производили на послѣднія давленіе въ „національномъ направленіи“ самаго узкаго шовинистскаго свойства. Вліяніе сосѣднихъ „мацержинскихъ“ школъ на государственныя школы вскорѣ опредѣлилось ясно. Съ появленіемъ такой школы и правительственная начинала понемногу пріобрѣтать физіономію сосѣдки: прежде всего въ ней упразднялось преподаваніе русскаго языка, а затѣмъ начинали проявляться и другія „свободы“ въ зависимости отъ степени участія учителя въ „справѣ польской“. „Свободы“ эти, какъ увидимъ ниже, стали простираться въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и на цѣлость имущества правительственныхъ школъ. Если же учитель придерживался распоряженій учебной власти, то онъ подвергался преслѣдованію, какъ „измѣнникъ справѣ польской“.

И такія мнимо просвѣтительныя школы находили поддержку со стороны „Школьной Матицы“! Попытки начальниковъ учебныхъ дирекцій урегулировать преподаваніе въ „мацержинскихъ“ школахъ, неожиданно появлявшихся въ ихъ дирекціяхъ, встрѣчали рѣшительный отпоръ со стороны „колъ“ или отдѣленій „Школьной Матицы“. Такъ, напр., предсѣдатель сувалкскаго „кола“ совершенно не признавалъ надъ этими школами учебной власти, утверждая, что таковая перешла къ Главному Правленію „Школьной Матицы“ въ Варшавѣ, а предсѣдатель ломжинскаго „кола“ находилъ всякую школу хорошей, лишь бы она научила „механически читать“, т. е. такъ, какъ читалъ гоголевскій Петрушка.

Не останавливаясь на выясненіи и другихъ ненормальныхъ явленій въ организаціи „мацержинскихъ“ школъ, какъ напр., утвержденія вопреки закону своего устава для сельскихъ школъ, изгнанія русскаго языка изъ школъ, окрашиваній столовъ въ національный цвѣтъ, вывѣшиванія національныхъ эмблемъ и др., ограничиваемся указаніемъ на опасность со стороны означенныхъ школъ, опасность, грозившую тѣмъ школамъ, гдѣ хотѣли заниматься истиннымъ просвѣщеніемъ народа, а не политиканствомъ или фабрикаціей гоголевскихъ Петрушекъ.

Новые самозванные „просвѣтители“, не довольствуясь безконтрольнымъ хозяйничаньемъ въ своихъ школахъ, начинали уже проявлять поползновеніе къ захвату средствъ содержанія и имущества правительственныхъ школъ, возбуждая сельскія общества къ передачѣ училищныхъ суммъ и имущества въ частныя учебныя заведенія и къ отказу

платить установленную закономъ складку на содержаніе государственныхъ школъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ было обнаружено уже хищеніе учительскихъ суммъ, напримѣръ, въ зелюнскомъ, занготскомъ и яблоновскомъ начальныхъ училищахъ, Плоцкой губ.; въ бодзановскомъ нач. училищѣ той же губ. сельскій сходъ подъ вліяніемъ агитаціи постановилъ было выдать учителю агитатору, уволенному отъ службы, 137 руб. изъ училищныхъ суммъ, что не удалось, однако, привести въ исполненіе, благодаря своевременнымъ мѣрамъ, принятымъ мѣстною учебною властью.

Несомнѣнно, что подобныя правонарушенія допускаются сельскими обществами въ лицѣ войтовъ подъ вліяніемъ агитаціи изъ городовъ, гдѣ, какъ напр. въ Плоцкѣ, даже нѣкоторые ратманы магистрата будировали въ началѣ 1907 года противъ найма помѣщенія подъ мѣстное училище для русскихъ дѣтей, несмотря на то, что казна отпускаетъ на это училище около 900 руб. въ годъ, а городъ нанимаетъ лишь помѣщеніе. Благодаря только энергичному воздѣйствію на магистратъ мѣстной административной и учебной власти, магистратъ возобновилъ контрактъ помѣщенія для означеннаго училища.

Если въ настоящее время, несмотря на ясное опредѣленіе закономъ (Св. Зак. т. XI ч. I ст. 3642—3673) училищныхъ средствъ и порядка ихъ расходованія, приходится съ такимъ трудомъ отстаивать государственную школу, то что же будетъ послѣ введенія въ здѣшнемъ краѣ земскаго самоуправленія? Можно съ увѣренностью сказать, что это самоуправленіе по отношенію къ школѣ превратится въ полное самоуправство національзаторовъ и, какъ выразился одинъ изъ предусмотрительныхъ начальниковъ дирекцій, отъ правительственной школы и ея имущества останутся лишь „одни горестныя томительныя воспоминанія“.

Между тѣмъ въ мѣстныя школы вложено много казенныхъ денегъ на постройку зданій изъ казеннаго же лѣса, на мебель, оборудованіе, учебныя пособія, библіотеки, земельные участки и проч. Все это училищное достояніе, созданное благодаря усиліямъ и заботливости мѣстной власти, слѣдуетъ заблаговременно оградить путемъ особаго закона отъ покушенія лжерадѣтелей польскихъ національныхъ интересовъ, тѣмъ болѣе, что значительная часть (около полумилліона) денежныхъ ассигнованій изъ государственнаго казначейства на начальную школу въ Царствѣ Польскомъ, согласно точному смыслу Высочайше утвержденныхъ 13 марта 1895 и 5 мая 1897 г. мнѣній Государственнаго Совѣта, разрѣшена только при условіи го-

сударственнаго характера организаціи этой школы, т. е., что „народная школа должна служить въ этомъ краѣ проводникомъ твердыхъ и здоровыхъ началъ его единенія съ жизнью всей страны, и въ правильномъ устройствѣ школы долженъ быть поэтому найденъ самый надежный залогъ воспитанія и развитія мѣстнаго населенія въ духѣ русской народности". (Выписка изъ журнала Департам. Госуд. Экономіи отъ 27 октября 1894 г. за № 474). Въ 1904 г. расходы казны на низшія учеб. завед. Варш. учеб. окр. составили 481,449 р. 22 к., на собственно-же начальныя школы—421,100 р. 90 к. (XXVIII вып. Трудовъ Варш. Статистич. Комит. 1907 г. стр. 142), всего же со спец. училищнымъ сборомъ и др. суммами израсходовано на народн. школы, какъ указано выше (стр. 102),—около 1.179,000 р.

Полемика „Шк. Мат." съ „Россіей".

Цѣлымъ рядомъ фактовъ, приведенныхъ въ 1907 г. въ №№ 509 и 531 „Россіи", доказано, что народная школа въ рукахъ дѣятелей польской „Школьной Матицы" превратилась въ политическое орудіе, а „кола" или отдѣленія „Матицы" въ рядъ агитаціонныхъ комитетовъ.

Чтобы ослабить впечатлѣніе, произведенное означеннымъ разоблаченіемъ, „Матицѣ" ничего не оставалось болѣе, какъ требовать напечатанія „опроверженія". Оно и появилось въ № 531 „Россіи" и № 247 „Руси". Этимъ опроверженіемъ „Матица" не только не сняла съ себя взводимаго на нее обвиненія, но еще болѣе его подтвердила *).

---

*) Приводимъ выдержки изъ №№ 509 и 531 *Россіи*: „Въ отвѣтъ на нашу статью о рѣчахъ г.г. Дмовскаго и Новодворскаго, польская печать всѣхъ оттѣнковъ обвинила насъ въ полонофобствѣ вообще и въ пристрастномъ изложеніи названныхъ рѣчей въ частности....

Оба эти обвиненія, какъ понятно само собой, рѣшительно ни на чемъ не основаны...

Что-же касается изложенія рѣчей г.г. Дмовскаго и Новодворскаго, то въ чемъ собственно хотятъ насъ увѣрить? Въ томъ, что мы слишкомъ подчеркнули призывы этихъ представителей партіи „народовцевъ" и польскаго коло противъ русской государственности? Варшавская пресса торжественно заявляетъ, что рѣчи эти отнюдь не посягали на русскую государственность, какъ таковую, но что имѣли въ виду исключительно протестъ противъ стоящаго во главѣ правительства кабинета. Слѣдовательно, этимъ самымъ устанавливается, что партія „народовцевъ" и польское коло, въ дѣйствительности, не враги, а друзья русской государственности?

Въ такомъ случаѣ перейдемъ къ фактамъ. Въ предѣлахъ привислинскихъ губерній дѣйствуетъ такъ называемая польская школьная „матица", т. е. общество попеченія о народномъ образованіи. Оно имѣетъ свой уставъ и должно дѣйствовать подъ контролемъ учебнаго начальства. Во что, однако, обратилась эта дѣятельность?

Къ сожалѣнію, „Россія“ въ своихъ комментаріяхъ къ этому опроверженію не выяснила всей неискренности, не-

---

Во-первыхъ, „матица“, самовольно, т. е. безъ установленнаго закономъ разрѣшенія, открываетъ учебныя заведенія, при чемъ обыкновенно „матица“ вообще открываетъ свои школы не тамъ, гдѣ школъ почему-либо пока нѣтъ, но тамъ, гдѣ имѣются правительственныя школы и гдѣ населеніе въ большинствѣ не польское. Такихъ незаконно открытыхъ школъ насчитываются сотни. Соотвѣтственно съ этимъ, на службѣ „матицы“ состоитъ множество учителей, о которыхъ даже не дѣлалось представленія учебному начальству; не мало и такихъ, которые учебнымъ начальствомъ были въ свое время устранены отъ преподаванія. Десятки такихъ учителей не имѣютъ и того скромнаго ценза, который нуженъ по закону, чтобы быть народнымъ учителемъ. Но именно эти-то „учителя“ и цѣнятся „матицей“, такъ какъ основная задача общества не обученіе, а агитація.

Во-вторыхъ, „матица“ употребляетъ всѣ мѣры, чтобы вопреки закона, изгнать изъ своихъ школъ преподаваніе русскаго языка, а гдѣ не удается, —до крайняго сократить это преподаваніе. Русскій языкъ преподается въ школахъ „матицы“ лишь „на показъ инспектору“, какъ сознался однажды одинъ изъ главарей „матицы“ А. Завадскій („Гонецъ“. № 68). Бывали случаи (напр., въ г. Плонскѣ, Варш. губ.), когда сами учителя обращались къ мѣстному колу „матицы“ съ заявленіемъ о необходимости начать преподаваніе русскаго языка, но въ отвѣтъ получали они строгій приказъ: „не надо“. Нѣкоторые учителя (наприм., въ дер. Краснѣ, Цѣхановскаго уѣзда, Плоцкой губ.) рѣзко заявляли властямъ, что нельзя преподавать русскій языкъ, такъ какъ въ школахъ „матицы“ это „строго воспрещено“.

Въ-третьихъ, какъ это ужъ само собой понятно, въ школахъ „матицы“ совершенно не считаются ни съ программами, установленными правительствомъ, ни съ распоряженіями, требуемыми на основаніи существующихъ правилъ. Одновременно на всѣ протесты учебнаго начальства правленіе „матицы“ заявляетъ, что оно считаетъ себя дѣйствующимъ законно, такъ какъ „преслѣдуетъ цѣли, закономъ не возбраняемыя“.

Но все это опредѣляетъ лишь одну сторону вопроса. Чтобы понять, что такое тѣ, „закономъ невозбраняемыя цѣли“, о которыхъ столь охотно говорятъ главари „матицы“, приведемъ другую группу фактовъ. Время отъ времени, подъ руководствомъ дѣятелей „матицы“, происходятъ тайные съѣзды учителей. На этихъ съѣздахъ обсуждаются почти исключительно вопросы тактики, т. е. вопросы о томъ, что надо дѣлать и какъ надо себя держать, чтобы, во-первыхъ, вырвать школу изъ рукъ учебной власти, чтобы, во-вторыхъ, путемъ школы полонизировать край, чтобы, въ-третьихъ, воспитать молодежь въ узко-національномъ духѣ и въ ненависти ко всему русскому и чтобы, наконецъ, добиться всего этого, по возможности, скрывая свои истинныя цѣли.

Вмѣсто длинѣйшаго списка постановленій, принятыхъ на этихъ съѣздахъ, приведемъ просто нѣсколько случаевъ, имѣвшихъ мѣсто въ послѣднее время. Эти случаи наглядно покажутъ намъ, каковъ практическій смыслъ резолюцій учительскихъ съѣздовъ.

Въ Гродискомъ женскомъ начальномъ училищѣ (Влонскаго у.), гдѣ даже географическія карты на стѣнахъ съ польскими надписями, учительница отказалась разговаривать съ инспекторомъ народныхъ училищъ по-русски, объясняя, что она преподаетъ въ польской школѣ, а не въ русской. Въ училищахъ Лазниковскомъ, Бонковскомъ, Мастковскомъ (Ловичскаго

добросовѣстности и двуличности въ заявленіяхъ и дѣятельности заправилъ „Матицы“, что дало поводъ Главн. Правл. „Матицы“ выступить съ „возраженіемъ“ въ *Руси* (№ 247—1907 г.)

уѣзда) учителя объяснили отсутствіе преподаванія русскаго языка тѣмъ, что будто бы мѣстные крестьяне такъ пожелали. Крестьяне же объяснили, что имъ учителя занвили, будто вышелъ приказъ, что русскому языку обучаться не нужно. Въ 24 школахъ Гроецкаго уѣзда, гдѣ также не преподается русскій языкъ, нашлось нѣсколько учителей уже настолько осмѣлѣвшихъ, что прямо заявили властямъ: „мы—не измѣнники и противъ своего же съѣзда не пойдемъ“. Въ Бѣховскомъ училищѣ, Кѣлецкаго уѣзда, учитель объяснилъ, что онъ изгналъ изъ преподаванія русскій языкъ, такъ какъ иначе онъ, учитель, былъ бы убитъ. То же самое было заявлено и учителемъ Войчанскаго училища. Въ семи школахъ Ченстоховскаго уѣзда установленъ самый непримиримый бойкотъ русскаго языка, какъ и вообще всего русскаго.

Но достаточно. Мы бы не скоро кончили, если бы задались цѣлью привести всѣ факты такого рода. Прибавимъ развѣ, что въ большинствѣ школъ „матицы“ на стѣнахъ висятъ гербы „соединенной Польши, Литвы и Руси“, портреты польскихъ королей и картины, изображающія „избіеніе“ польскихъ патріотовъ русскими войсками, а столы окрашены въ „патріотическій“ малиновый (амарантовый) цвѣтъ.

Если какой-нибудь учитель столь дерзокъ, что отказывается въ точности исполнять всю шовинистическую программу, ему предлагаемую, то немедленно отъ имени „союза націонализаціи школъ“ онъ получаетъ слѣдующую бумагу:

„М. Г.. Дошло до нашего свѣдѣнія, что, вопреки мнѣнію всего общества, подчиняясь распоряженіямъ инспекціи, вы ведете обученіе русскому языку даже въ низшихъ отдѣленіяхъ своей школы; мало того, послушаніе ваше простирается до уговариванія учениковъ старшихъ отдѣленій, чтобы они сдавали экзамены въ русскихъ школахъ, что имъ дастъ какія-то воображаемыя привилегіи и льготы по воинской повинности.

„Обращаясь къ обывательской совѣсти вашей и указывая на обязанность солидарности съ волей общества, которое *твердо стоитъ на бойкотѣ русской школы*, напоминаемъ вамъ, что обученіе русскому языку въ начальной школѣ недопустимо, что нельзя уговаривать учениковъ сдавать экзамены въ русской школѣ. Въ случаѣ-же, если вы и впредь будете подчиняться распоряженіямъ русской школьной власти, а не волѣ народа, мы будемъ вынуждены *инымъ способомъ* противодѣйствовать вашимъ преступнымъ поступкамъ“.

Въ общемъ, слѣдовательно, передъ нами такая картина: изъ общества попеченія о народномъ образованіи „матица“ превратилась въ рядъ агитаціонныхъ комитетовъ, ставящихъ своей цѣлью полонизацію края, изгнаніе изъ его предѣловъ всего русскаго и воспитаніе въ народной средѣ духа полной независимости отъ Россіи. „Матица“ въ ея теперешнемъ видѣ—совершенное государство въ государствѣ и притомъ—государство требовательное, настойчивое, нетерпимое, суровое и жестокое въ своей нетерпимости.

Вотъ мы и спрашиваемъ: является-ли вся эта дѣятельность „матицы“ только протестомъ противъ нынѣ стоящаго у власти кабинета, или-же чѣмъ-то совершенно инымъ, гораздо болѣе глубокимъ и опаснымъ? Можно-ли

Неискренность заявленій „Матицы“ заключается въ изворотливости, замалчиваніи или отрицаніи нѣкоторыхъ фактовъ; недобросовѣстность—въ ложномъ освѣщеніи и

сомнѣваться, что передъ нами опредѣленная и яркая картина рѣшительнаго движенія противъ основъ русской государственности?!..

Между тѣмъ, „матица“ руководится и вдохновляется тѣми же самыми элементами, которые составляютъ главную силу партій „народовцевъ“ и польскаго „коло“.

Что-же спрашивается, остается отъ обвиненій, предъявленныхъ намъ польской печатью по поводу нашей статьи? Кто извращаетъ факты и кто сѣетъ сѣмена раздора: тѣ-ли, кто разоблачаетъ русофобство и движеніе противъ русской государственности, со стороны части польской интеллигенціи, или эта часть польской интеллигенціи, которая, при помощи газетныхъ протестовъ противъ нашихъ разоблаченій, пытается скрыть свои истинные замыслы?!..

Нак нецъ еще вопросъ: если правительство увидитъ себя вынужденнымъ принять мѣры противъ всего того, о чемъ говорится въ нашей статьѣ, признаетъ ли польская печать необходимость этихъ мѣръ или же, наоборотъ, и тутъ станетъ увѣрять, что правительство поступаетъ произвольно?!.. (*Россія* № 509. 24 іюля 1907 г.)

„Правленіе утверждаетъ въ своемъ опроверженіи, что не было „ни одного факта самовольнаго открытія правленіемъ „Мацержи“ учебнаго заведенія“. На самомъ дѣлѣ безъ разрѣшенія были открыты слѣдующія школы: 1) Въ русской дер. Щипіорнѣ, Плонскаго уѣзда, Варшавской губерніи, школа, выдаваемая за дневной пріютъ, хотя объ открытіи этого пріюта никому заявленій дѣлаемо не было; 2) въ пос. Сохоцинѣ, Плонскаго уѣзда, 3) въ городѣ Скерневицахъ вмѣсто одного училища открыто 3 училища; 4) въ Нешавскомъ уѣздѣ, Варшавской губерніи, въ дер. Чолово, Варжимово, Руда, Богушице, Вержбе, Закржевекъ; 5) цѣлый рядъ школъ въ Люблинской губерніи, а именно: въ гор. Ново-Александріи—двѣ школы, въ пос. Тарноградѣ, Бѣлгорайскаго уѣзда три, въ пос. Уханяхъ—двѣ, въ гор. Щебрешинѣ, по одной, въ дер. Кулаковицахъ, Волаевицахъ, Аврелинѣ и Завалевѣ, Грубешовскаго уѣзда, по одной, въ дер. Дешковице и Михалевѣ, Замостскаго уѣзда, въ дер. Жулинѣ и Зарѣчье, Холмскаго уѣзда, въ дер. Роскопачевѣ, Любартовскаго уѣзда, въ с. Стенятинѣ, Томашовскаго уѣзда, одна школа въ дер. Рогузьно, близъ гор. Томашова и двѣ школы, мужская и женская, въ пос. Лащовѣ, дер. Наленчовѣ, въ предмѣстьѣ гор. Грубешова —Славутинѣ, Люблинской губерніи. Въ Лодзи вечерніе курсы для неграмотныхъ взрослыхъ при фабрикѣ акціонернаго общества Луи Гейера.

Въ Ломжинской губерніи были открыты безъ разрѣшенія: начальное училище въ пос. Граево и Райгородѣ и 94 училища и школы грамоты, открытыя въ другихъ мѣстностяхъ Ломжинской губерніи, а также въ дер. Красне, Палуки и (имѣніи Кржиновлога вслька) дер. Гробова, Цѣхановскаго уѣзда, Плоцкой губерніи, въ дер. Борове, Млавскаго уѣзда и дер. Бараново, Праснышскаго уѣзда, той же губерніи, и въ Сувалкахъ курсы для взрослыхъ. Открыто много школъ съ именемъ „Мацержи“ въ Сувалкскомъ, Кальварійскомъ и Сейнскомъ уѣздахъ. Не считая нужнымъ испрашивать разрѣшеніе учебной власти на открытіе училищъ, „Школьная Мацержъ“ открывала до полученія разрѣшенія и тѣ школы, объ открытіи которыхъ она еще только возбуждаетъ ходатайства. Такія школы открыты: въ дер. Сверчинѣ, Цѣхоцинѣ, Радѣевѣ, Нешавскаго уѣзда, Варшавской губерніи, въ гор. Сувалкахъ, въ Ломжинской губерніи: въ гор. Маковѣ, дер. Ракахъ, Плонявы, пос. Красносельцѣ, Маковскаго уѣзда, и два училища въ пос.

подтасовкѣ фактовъ; двуличность—въ ссылкѣ, какъ на основаніе законныхъ дѣйствій, на тѣ именно статьи закона, которыхъ „Матица“ не соблюдала. Несоблюденіе этихъ ста-

---

Андреевѣ, Островскаго уѣзда, въ пос. Водзиславѣ, Андреевскаго уѣзда, Кѣлецкой губерніи и т. д.

Правленіе „Матицы“ заявляетъ, что кандидатамъ въ учителя, не утвержденнымъ начальствомъ, общество не предоставляетъ мѣста. На самомъ дѣлѣ среди преподавателей школъ „Матицы“ находились такія лица, какъ пятнадцатилѣтній г. Грабовскій, ксендзъ Лясковскій, устраненный губернаторомъ отъ преподаванія въ правительственныхъ школахъ, пастухъ Филиповичъ, кузнецъ Зажицкій, одна ключница, бывшая содержательница корчмы Колчевская и многіе другіе, которые не могли, разумѣется, быть утверждены учебною властью. Но кромѣ такихъ лицъ, едва ли пригодныхъ для преподаванія по своему образовательному цензу, среди преподавателей школъ „Матицы“ было въ февралѣ этого года: 1) въ 16 школахъ Варшавы 23 лица, преподававшихъ безъ разрѣшенія инспекціи училищъ; 2) въ гор. Плонскѣ. Варшавской губерніи, б. учитель Бржозовскій даже не былъ представленъ къ утвержденію; 3) въ пос. Сохоцинѣ, Плонскаго уѣзда, Скробанскій, б. войтъ гмины и его дочь и въ дер. Щипіорнѣ Генрихъ Поклонскій; 4) въ Скерневицкихъ училищахъ вмѣсто двухъ лицъ, утвержденныхъ начальникомъ дирекціи, допущено самовольно 6, изъ коихъ 5 не имѣютъ права на преподаваніе; 5) въ пос. Андреевѣ, Кѣлецкой губерніи, Феликсъ Водзинскій; кромѣ того, въ преподаваніи принимали участіе безъ разрѣшенія г.г. Пржипковская, Градовская, Ежевская, органистъ Ольсевичъ, г-жа Ольсевичъ и ксендзъ Рудицкій, въ пос. Водзиславѣ той же губерніи, не утвержденный кандидатъ Эдвардъ Грудзинскій; 6) въ Ломжинской губерніи въ пос. Андржеевѣ Янъ Чижевскій и Владиславъ Андржеевскій, въ пос. Красносельцѣ — Флорентина Бутлеръ, въ дер. Плонявы—Альбинъ Грабовскій, имѣющій отъ роду только 15 лѣтъ, и въ дер. Раки—Станиславъ Марковскій; 7) въ дер. Красне, Плоцкой губерніи, учитель Лазицкій, не утвержденный по неимѣнію о немъ свѣдѣній; 8) въ пос. Уханяхъ, Люблинской губерніи, б. учитель Петръ Патковскій и т. д.

По словамъ опроверженія, „Польская школьная Мацержъ“ не исключаетъ въ своихъ школахъ преподаванія русскаго языка. На самомъ дѣлѣ русскаго языка не преподавали въ Гродискомъ женскомъ начальномъ училищѣ, Блонскаго уѣзда, Варшавской губерніи, въ Лазниковскомъ, Бонковскомъ, Мастковскомъ, Бочкинскомъ, Уржечскомъ, Бобровниковскомъ, Бартинскомъ начальныхъ училищахъ, Ловичскаго уѣзда, въ 24 училищахъ Гроецкаго уѣзда, въ 10 училищахъ Кѣлецкой губерніи и т. д.

Мы не будемъ пунктъ за пунктомъ опровергать опроверженіе „Матицы“. Мы подтверждаемъ существо того, что писали 24 іюля, что общество это, оставивъ просвѣтительныя цѣли, занялось національной агитаціей и ополяченіемъ тѣхъ многочисленныхъ жителей Привислинскаго края, которые, какъ населеніе Холмщины, не принадлежатъ къ польскому племени.

Съ насъ довольно того, что мы сдѣлали. Мы предупредили дѣятелей польскаго просвѣщенія, что они идутъ не туда, куда имъ слѣдуетъ идти, что превращеніе начальной школы въ политическое орудіе не можетъ быть терпимо въ Имперіи и что ни одно правительство не потерпитъ изгнанія государственнаго языка изъ начальной школы. Мы надѣемся, что урокъ, нами данный, послужитъ на пользу дѣятелямъ „Матицы“. А изворотливость ихъ опроверженія не является еще показателемъ ихъ невинности“. („Россія“, № 531, 18 авг. 1907 г.).

тей закона и вызвало то, что по ея словамъ называется „разногласіемъ“ во взглядахъ варшавскаго учебнаго округа и правленія „Матицы“ и что въ дѣйствительности вызывалось требованіемъ учебной власти слѣдовать закону и упорнымъ нежеланіемъ „Матицы“ подчиниться законнымъ требованіямъ.

Понятно, что при массѣ уликъ „Матица“ ничего больше и не могла сдѣлать въ свое оправданіе, какъ только отречься отъ сотенъ незаконно открытыхъ школъ и отъ „просвѣщающихъ“ въ нихъ дѣтей въ „національномъ направленіи“ невѣжественныхъ учителей-политикановъ, какъ равно отвергнуть связь съ „Союзомъ націонализаціи школъ“ и съ агитаціонными съѣздами учителей. Но эта связь такъ очевидна изъ ея же заявленія, что наврядъ ли кто повѣритъ въ ея правоту.

По словамъ „опроверженія“ общество открываетъ школы „не по начертанному правленіемъ плану, но исключительно по почину мѣстнаго населенія“. Вотъ тутъ-то и замалчиваетъ „Матица“ то, что указанный „починъ“ возбуждали главнымъ образомъ дѣятели „Союза націонализаціи школъ“ и разные агитаторы, терроризировавшіе государственную школу и обсуждавшіе на съѣздахъ учителей тактическіе пріемы того „просвѣщенія въ національномъ направленіи“, которое и было затѣмъ положено въ основу устава „Матицы“, но о которомъ она умолчала въ своемъ опроверженіи, чтобы скрыть узко-національное направленіе своей дѣятельности.

Понятно, что „Матицѣ“ непріятно было сознаться въ связи съ „Союзомъ націонализаціи школъ“, или съ „боювками“, проявившими себя такимъ страшнымъ терроромъ, который вызвалъ осужденіе со стороны благоразумной и лучшей части польскаго общества. По той же причинѣ „Матица“ такъ настойчиво отрицала свою прикосновенность къ напечатанной въ газ. „Гонецъ“ (№ 68 отъ 11 февр. 1907 г.) статьѣ члена Правленія „Матицы“ г. Завадскаго о польской школѣ, такъ какъ этой статьей вполнѣ опредѣляется profession de foi того общества, однимъ изъ главныхъ дѣятелей котораго являлся г. Завадскій.

Въ этой статьѣ членъ Правленія „Матицы“ требуетъ рѣшительнаго изгнанія изъ школъ русскаго языка, призываетъ къ борьбѣ съ учебною властью и рекомендуетъ слѣдовать постановленіямъ тайныхъ союзовъ.

Вотъ любопытныя въ этомъ отношеніи мѣста означенной статьи:

„Въ послѣдніе два года „польская школа“ въ мнѣніи общества стала ненарушимымъ догматомъ, о которомъ не спорятъ и которому только вѣрятъ.

„Дѣйствительность однако насъ убѣждаетъ въ томъ, что догматъ этотъ далеко еще не проведенъ въ жизнь.

„О немъ, кажется, забыли и общество и пресса, такъ какъ предоставляется обсуждать — „борьбу за польскую школу“ различнымъ нелегальнымъ листкамъ и воззваніямъ.

„Между тѣмъ „польская школа“ вообще и народная польская школа въ частности является наиболѣе настоятельною потребностью, и потому объ этомъ вопросѣ слѣдуетъ говорить открыто полнымъ голосомъ, а не подпольнымъ шопотомъ.

„Такимъ фактомъ несомнѣнно является прежде всего польская народная школа и отъ нея ничего не позволимъ „урвать“.

„Памятнымъ будетъ день 27 октября 1905 г., такъ какъ въ этотъ день на XXII съѣздѣ народные учителя торжественно постановили, что въ народной школѣ никакой иной языкъ, кромѣ отечественнаго, не можетъ быть предметомъ обязательнаго обученія.

„Дѣло полонизаціи народной школы, казалось, такимъ образомъ, было рѣшено и закончено.

„Не признаетъ однако этого варшавскій учебный округъ и стремится различными способами возвратить прежнюю систему въ школу. Для этого производитъ ревизіи школъ, порицаетъ и переводитъ учителей за польскій языкъ, устрашаетъ, грозитъ наказаніями, наконецъ издаетъ знаменитый циркуляръ, требующій введенія 12 часовъ русскаго языка въ городскихъ и 14 часовъ въ недѣлю въ сельскихъ народныхъ школахъ.

„На этотъ циркуляръ народные учителя 3 октября 1906 г. на съѣздѣ делегатовъ всего Царства Польскаго отвѣтили не менѣе категорическимъ постановленіемъ: они постановили сохранить въ силѣ постановленія XXII и XXIII общихъ съѣздовъ народныхъ учителей Царства Польскаго.

„Вслѣдъ за ними въ виду упомянутой тенденціи округа должны твердо и ясно высказаться печать и все общество.

„Мы должны повторить то, что мы неоднократно уже говорили всѣмъ представителямъ правительства: въ народной школѣ никакой иной языкъ, кромѣ отечественнаго не можетъ быть предметомъ обязательнаго обученія.

„Занятое нами положеніе уже понимаютъ высшія правящія сферы.

„...Понимаетъ это надлежаще и министерство народнаго просвѣщенія, оріентируется въ этомъ и мѣстная администрація, не мирится съ этимъ лишь учебный округъ и неосновательно изображаетъ изъ себя защитника русскаго языка, въ дѣйствительности же дѣло идетъ о защитѣ нѣсколькихъ десятковъ чиновниковъ, которые съ устраненіемъ русскаго языка изъ народной школы теряютъ всякій смыслъ для существованія.

„У насъ нѣтъ ни одного свободнаго часа въ школѣ для русскаго языка, кромѣ родного, но если бы даже и былъ, мы его при нынѣшнихъ условіяхъ не можемъ допустить, такъ какъ вслѣдъ за однимъ часомъ русскаго языка войдутъ въ школу тѣ, которымъ министерскій сановникъ г. Мамонтовъ сказалъ: „Вы такъ поступали, вы сдѣлали все, чтобы васъ ненавидѣло общество; вамъ нѣтъ мѣста въ этомъ краѣ“ (?!) Эти банкроты апухтинской системы могли быть только ея орудіемъ, но не могутъ быть руководителями нашего народнаго образованія.

„Общество наше считается съ тѣмъ, что могутъ послѣдовать угрозы и наказанія; можетъ быть округъ найдетъ среди насъ нѣсколько трусовъ, которыхъ народъ (?) оттолкнетъ съ презрѣніемъ, какъ бѣглецовъ съ своего поста; можете угрозами и наказаніями сломить нѣсколько слабыхъ характеровъ; можете заставить въ нѣсколькихъ школахъ ввести пару часовъ русскаго языка „на показъ инспектору“, но никто не во власти поворотить жизнь: никто не можетъ отнять у общества польской школы. Народъ нашъ обладаетъ не израсходованными еще силами, не исчерпанными еще резервами. Достаточно взглянуть на Познань. Тамъ та же кровь, тотъ же духъ, что и у насъ, та же Польша. А тамъ на защиту вѣры и языка стали восьмилѣтнія дѣти“.

Нечего пояснять, что г. Завадскій приписываетъ г. Мамантову слова, никогда и никому имъ не сказанныя, являющіяся излюбленными лишь въ устахъ школьныхъ „націонализаторовъ“, а всему польскому обществу—націоналистскія вожделѣнія лишь „народовой партіи“, кучки агитаторовъ, ведущихъ, по его же словамъ, борьбу нелегальными листками и воззваніями.

Чтобы совершенно скрыть участіе членовъ „Матицы“ въ школьной агитаціи при посредствѣ печати или тайныхъ союзовъ, опроверженіе останавливается отдѣльно на цитированной выше статьѣ и для оправданія своего члена из-

воротливо прибѣгаетъ къ замалчиванію однихъ данныхъ и подтасовкѣ другихъ.

„Въ приведенной „Россіею“ статьѣ газ. „Гонецъ“, № 68, А. Завадскаго говорится о постановленіяхъ XXII съѣзда учителей сельскихъ начальныхъ школъ, состоявшагося 14 (27) ноября 1905 года, т.-е. за семь мѣсяцевъ до основанія общества мацержи... но въ статьѣ этой авторъ ни словомъ даже не коснулся школъ мацержи“,—такъ выгораживаетъ „Матица“ своего члена Правленія. Однако, о томъ, что эта статья говоритъ не только о съѣздѣ въ ноябрѣ 1905 года, но вообще о народныхъ школахъ и послѣдующихъ съѣздахъ, бывшихъ и въ 1906 году, что она напечатана названнымъ членомъ Правленія „Матицы“ 28 января (10 февраля) 1907 года, т. е. тогда, когда уже „Матица“ дѣйствовала 8 мѣсяцевъ (уставъ „Матицы“ утвержденъ 8 іюня 1906 года), поддерживаемая подобными статьями своихъ членовъ,—объ этомъ въ опроверженіи ни слова!

Какое же достоинство подобнаго опроверженія?

Кромѣ того, изъ вполнѣ достовѣрнаго источника намъ извѣстно, что предсѣдатель „Матицы“ г. Осуховскій на офиціальномъ пріемѣ у попечителя округа и инспектора училищъ гор. Варшавы настойчиво заявлялъ о необходимости исключенія русскаго языка, какъ предмета преподаванія, изъ народныхъ школъ „Матицы“.

Наконецъ, не безъ умысла отсутствуетъ въ опроверженіи подпись самого предсѣдателя „Матицы“ г. Осуховскаго, такъ энергично выступавшаго передъ министромъ народнаго просвѣщенія въ жалобѣ на варшавскій учебный округъ и въ доставленіи тенденціозныхъ свѣдѣній о „Матицѣ“ газетамъ „Странѣ“ (№ 211) и „Руси“ (№ 79). Это можно объяснить лишь тѣмъ, что жалоба оказалась кляузой, а поставляемыя въ русскія газеты свѣдѣнія—совершенно невѣрными, что и было доказано неопровержимыми фактами.*)

Очевидно г. Осуховскому просто неудобно было выступать въ защиту „Матицы“ отъ обвиненій въ политическихъ стремленіяхъ, такъ какъ онъ черезчуръ уже скомпрометтировалъ себя школьнымъ политиканствомъ, выразившимся, какъ мы указывали выше (стр. 142), въ передачѣ изъ пожертвованныхъ на просвѣщеніе мѣстнаго юношества денегъ 30,000 кронъ на поддержку школьной политики въ Силезіи, въ чемъ вынужденъ былъ оправдываться передъ польскимъ обществомъ на страницахъ „Варшавска-

*) Статистическія и др. данныя по народн. образованію въ Ц. П. см. на стран. 135-141 и 177.

го Курьера“ (№ 152—1907 г,) и что пытался оправдать *Варш. Курьеръ* еще раньше (См. № 129—1907 г.).

Черезъ того же г. Осуховскаго пересылались за границу деньги на поддержку школьнаго движенія и въ Познани, на что въ свое время указывали нѣмецкія газеты, напр., „Köln. Zeitung.“

Неудивительно, что вскорѣ даже польское общество стало съ недовѣріемъ относиться къ просвѣтительной дѣятельности „Матицы“ и начало съ 1907 г. охотно направлять дѣтей въ правительственныя школы.

Изобличенные въ незаконности дѣйствій и изворотливости въ объясненіяхъ, дѣятели „Матицы“ пытались еще разъ оправдываться и, не дождавшись напечатанія своего „возраженія“ въ *Россіи*, помѣстили его въ *Руси* (№ 247 отъ 17 сент. 1907 г.), съ замѣткой г. *Нестора* и съ ссылками на цифры, даты и „опроверженія“ учителей „Матицы“.

Останавливаясь на этомъ возраженіи, *Россія* (отъ 27 сент. 1907 г. № 565) въ статьѣ „Еще о Польской Школьной Матицѣ“ многочисленными фактами, вновь подтверждающими нарушеніе „Матицей“ закона о школахъ, цифрами и фактами, указанными самой „Матицей“, доказала съ полной точностью, что „Матица“ отмѣнила законъ „захватнымъ путемъ“ и въ „опроверженіяхъ“ какъ своего Правленія, такъ и дѣйствующихъ подъ его давленіемъ учителей „позволила себѣ съ рѣдкой развязностью инсинуировать противъредакціи газеты „*Россія*“. *)

---

*) Приводимъ выдержки изъ указанной статьи „Россіи“:

„Правленіе польской школьной Матицы прислало намъ голословное возраженіе на передовую статью нашу въ № 531 „Россіи“ отъ 18 августа о дѣйствіяхъ этого общества...

„Нельзя не признать, что дѣятельность общества „Школьной Матицы“ была чрезвычайно интенсивной, но изъ самаго перечня его заслугъ слѣдуетъ, что оно не считалось съ законами, а цѣлый рядъ фактовъ свидѣтельствуетъ, что въ основаніи этой интенсивной дѣятельности лежали не просвѣтительныя, а политическія цѣли. Правленіе общества „Школьной Матицы“ взяло на себя обязанности, ему не принадлежащія, и исполняло роль учебно-окружнаго управленія или даже польскаго министерства народнаго просвѣщенія. Оно забыло, что регистрація общества не даетъ ему права отмѣнять существующіе законы, а отмѣна ихъ „захватнымъ путемъ“ должна неминуемо вызвать противодѣйствіе правительства. Законъ не даетъ права частнымъ лицамъ и частнымъ обществамъ проводить въ жизнь школы свои уставы и программы, вводить свои каталоги школьныхъ учебниковъ, и каталоги для народныхъ библіотекъ и читаленъ безъ утвержденія соотвѣтствующей власти. Въ ст. 3761 т. XI ч. I св. зак. указано что въ числѣ и распорядкѣ учебныхъ предметовъ частныя заведенія должны по возможности сближаться съ казенными, соотвѣтствующей степени. Содержателямъ ихъ дозволяется только присовокуплять къ предметамъ преподаванія какую либо науку, иностранный языкъ или искусство, соображаясь съ мѣстными потребностями, съ желаніемъ родителей или особенною цѣлью заведенія,

Закрытіе „Шк. Мат.“ Польская печать о „Шк. Мат.“ до и послѣ ея закрытія.

Чтобы не быть голословными въ характеристикѣ дѣятельности „Шк. М.“, кромѣ указанныхъ выше данныхъ и фактовъ, приводимъ ниже отзывы о ней польской печати до и послѣ ея закрытія. Издаваемый въ западныхъ губерніяхъ польской „краевой партіей“ еженедѣль-

---

„но не иначе, какъ съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа“. А статья 3762 требуетъ, чтобы въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ употреблялись тѣ же учебныя книги и пособія, какія и въ казенныхъ училищахъ. Не воспрещается въ случаѣ надобности употреблять и другія руководства, *только не иначе, какъ съ одобренія учебнаго начальства*. Въ ст. 40 т. I ч. II указывается въ числѣ занятій попечительскаго совѣта: „разсмотрѣніе и оцѣнка достоинства учебныхъ руководствъ и опредѣленіе, какія изъ нихъ съ большею пользою могутъ быть употребляемы въ учебныхъ заведеніяхъ“.

Въ ст. 439 т. I ч. II св. зак. указывается, что разсмотрѣнію Совѣта Министра Народнаго Просвѣщенія подлежатъ дѣла, относящіяся до внутренняго устройства учебныхъ заведеній и внутренняго ихъ управленія по учебной и воспитательной части вообще, по предварительному обсужденію тѣхъ дѣлъ въ учебномъ комитетѣ (п. 7). Въ ст. 448 т. I ч. II св. зак. сказано, что ученый комитетъ имѣетъ назначеніе разсматривать по порученію Министра учебныя руководства и программы преподаванія (п. 2).

Между тѣмъ правленіе „Школьной Матицы“, не входя по поводу программъ и учебныхъ руководствъ ни въ какія сношенія съ учебнымъ начальствомъ, распространяло свои программы и каталоги при особыхъ циркулярахъ по своимъ учебнымъ заведеніямъ. Въ № 163 „Варшавскаго Курьера“ отъ 2—15 іюня 1907 г. помѣщена статья: „Положеніе, занятое Мацержью“. Изъ этой статьи видно, что правленіе „Школьной Матицы“ обратилось къ окружнымъ управленіямъ и „коламъ“ съ циркуляромъ, въ которомъ, жалуясь на „гнетъ долгихъ лѣтъ и стѣсненія здороваго развитія мысли и энергіи общества“, ставитъ цѣлью своей дѣятельности подъемъ молодого поколѣнія путемъ просвѣщенія, основаннаго на польской традиціи, „которая прекрасна, велика и обязательна“ и прилагаетъ выработанный имъ уставъ начальныхъ школъ съ программою, въ который намѣчается весь распорядокъ школы и перечисляются всѣ предметы преподаванія: Законъ Божій, польскій языкъ, ариѳметика, землемѣріе, географія края, исторія Польши и т. д. Не нашлось лишь мѣста для русскаго языка. Основная руководящая идея выражена въ слѣдующей задачѣ школы: „школа должна воспитывать своихъ учениковъ людьми религіозными, нравственными и *народово* думающими и чувствующими, понимающими и стремящимися выполнять свои *народовыя* и обывательскія обязанности. Какъ видно изъ приведенныхъ словъ, на первый планъ ставится поднятіе *народоваго* самосознанія, да и по уставу „Матицы“ воспитаніе въ національномъ духѣ составляетъ ея основную задачу.

Такимъ образомъ правленіемъ „Школьной Матицы“ русскій языкъ устраняется изъ программы начальной школы, вопреки не только указанной выше статьѣ 3761, касающейся распорядка предметовъ въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ варшавскаго учебнаго округа, но и ст. 3687, опредѣляющей предметы преподаванія въ начальныхъ школахъ этого округа и требующей обученія чтенію и письму по-русски. И не смотря на нарушеніе цѣлаго ряда указанныхъ выше статей закона, правленіе „Матицы“ съ по-

никъ *Окраины* (Kresy) такъ охарактеризовалъ дѣятельность „Школьной Матицы“:

разительной смѣлостью рѣшается утверждать, что „Матица“ „строго придерживается законовъ“.

Фактъ изгнанія русскаго языка, исторіи и географіи Россіи изъ программы начальной школы и самовольное внесеніе въ эту программу польской исторіи и географіи выясняетъ истинныя цѣли общества „Матицы“ и рѣшительно опровергаетъ ея заявленія, что въ своей дѣятельности она стоитъ внѣ политическихъ партій и считаетъ единственной своей цѣлью народное просвѣщеніе и школьное дѣло.

Правленіе общества „Школьной Матицы“, изгоняя преподаваніе государственнаго языка, государственной исторіи и государственной географіи изъ школы, стремится этимъ путемъ уничтожить то, что скрѣпляетъ въ одно цѣлое всѣхъ членовъ государства, всѣ народности, входящія въ его составъ; оно стремится уничтожить въ молодежи идею принадлежности къ великому государству, члены котораго должны объединяться общими государственными интересами....

Что касается до опроверженія „Матицы“ относительно мѣстностей, въ которыхъ, по нашимъ свѣдѣніямъ, „Матица“ открыла свои школы безъ разрѣшенія, то при повѣркѣ оказывается, что въ этихъ опроверженіяхъ, основанныхъ на датахъ разрѣшеній, полученныхъ „Матицею“, не указаны даты открытія училищъ, а эти даты и разъясняютъ все дѣло. Такъ, правленіе „Матицы“ сообщаетъ, что въ пос. Водзиславѣ школа была разрѣшена *19 апрѣля 1907 г.*, а между тѣмъ фактъ существованія школы официально установленъ еще 9 *января того же года*, такимъ образомъ, открытіе школы послѣдовало безъ разрѣшенія; въ селеніи Красне школа дѣйствовала уже съ *20 октября* 1906 *года*, а разрѣшеніе послѣдовало, по утвержденію самого правленія „Матицы“, лишь 2-*го декабря* 1906 *г.*; въ пос. Наленчовѣ и въ Ново-Александріи школы существовали уже въ *ноябрѣ* 1906 *года*, а разрѣшеніе было дано, по заявленію самой „Матицы“, лишь 21 *февраля* 1907 *г.*, т. е. были открыты безъ разрѣшенія; въ гор. Сувалкахъ установленъ фактъ существованія школы съ 1-*го ноября* 1906 *г.*, а разрѣшеніе послѣдовало лишь 2-*го декабря*; что касается школъ въ Ломжинской губерніи: въ Андржеевѣ, Красносельцѣ, Маковѣ и Ракахъ, то по сообщенію компетентной власти, школы эти открыты были также самовольно, т. е. до разрѣшенія, при чемъ въ Андржеевѣ открыты двѣ школы съ двумя учителями. Къ этому надо еще прибавить, что разрѣшенія, которыя получало правленіе „Матицы“, были условны. Открытіе школъ разрѣшалось при условіи соблюденія законнаго порядка, вытекающаго изъ ст. ст. 3751, 3766, 3768 и 3769 т. XI, ч. I, Св. Зак. Въ силу этихъ статей фактическое начало занятій разрѣшалось лишь по утвержденіи начальникомъ дирекціи правоспособныхъ учителей.

Между тѣмъ, „Матица“ не сочла даже нужнымъ заявить начальнику дирекціи о томъ, кто преподаетъ въ этихъ школахъ, и только изъ сообщенія губернатора начальникъ дирекціи узналъ, что въ указанныхъ выше школахъ „Матицы“: въ Андржеевѣ преподаетъ Янъ Чижевскій и Владиславъ Андржеевскій, въ Красносельцѣ—Флорентина Бутлеръ и въ Ракахъ—Марковскій. Въ Граевской школѣ инспекторъ народныхъ училищъ засталъ нѣкоего Певяровскаго, который назвался учителемъ.

Такимъ образомъ „Матица“ открывала названныя училища, не исполняя поставленныхъ ей условій, безъ соблюденія которыхъ самое разрѣшеніе теряло законную силу.

„Ни на іоту не отступая отъ своихъ требованій школьной реформы, „Матица“ дала этимъ самымъ толчокъ къ бойкотированію польскою учащеюся молодежью

Правленіе „Школьной Матицы“ утверждаетъ, что цѣлый рядъ школъ, указанныхъ въ газетѣ „Россія“: въ Богушицахъ, Варжимовѣ, Закржевкѣ, Михаловѣ, Радзеевѣ, Рудѣ, Сверчинѣ, Чоловѣ, Щебрешинѣ и Щиціорнѣ представляютъ не школы, а только дневные пріюты, такъ называемые „охронки“. Что это за пріюты, можно судить по донесенію начальника варшавской учебной дирекціи о такой школѣ въ русской деревнѣ Щиціорнѣ. Оказалось, что въ ней находится 27 дѣтей школьнаго возраста отъ 7 до 14 лѣтъ, между тѣмъ какъ въ „охронки“ допускаются дѣти до 7-ми лѣтняго возраста. Начальникомъ дирекціи обнаружено при посѣщеніи этой „охронки“, что въ ней учитель, Генрихъ Поклонскій, обучаетъ дѣтей польскому письму, чтенію и ариѳметикѣ, но русскій языкъ не преподается. Подобную-же „охронку“ въ пос. Лощовѣ, Люблинской губ., посѣтилъ начальникъ холмской дирекціи. Учительница отказалась говорить по-русски и тоже настойчиво называла эту школу „охронкой“, открытой „Матицею“, несмотря на то, что начальникъ дирекціи засталъ въ ней ученіе въ полномъ ходу. Не пріюты или „охронки“, а школы оказались и въ другихъ, указываемыхъ „Матицею“ мѣстностяхъ, какъ это видно изъ многихъ офиціальныхъ донесеній. Подтвержденіемъ тому, что въ деревняхъ Скверчинѣ и Радѣевѣ открыты были не „охронки“, а школы, служитъ еще и то обстоятельство, что объ открытіи школъ въ этихъ деревняхъ сама „Матица“ возбуждала ходатайство передъ начальникомъ варшавской учебной дирекціи...

Правленіе „Матицы“ утверждаетъ, что во всѣхъ прочихъ перечисленныхъ нами мѣстностяхъ ни одной школы „Матицы“ нѣтъ и для доказательства ссылается на свои циркуляры, которыми оно воспретило всѣмъ своимъ отдѣленіямъ и колямъ открывать школы безъ предварительнаго разрѣшенія учебнаго начальства. Но самый фактъ изданія трехъ циркуляровъ подтверждаетъ незаконность дѣйствій его отдѣленій и колъ. Циркуляръ, разосланный въ августѣ 1906 г., правленіе вынуждено было повторить дважды въ январѣ 1907 г. Эти повторенія вызваны были съ одной стороны явными нарушеніями закона отдѣльными колами, а съ другой указаніемъ учебнаго округа на незаконное открытіе „Польской Матицею“ нѣсколькихъ школъ.

Къ перечню школъ, открытыхъ „Школьной Матицею“ безъ разрѣшенія, слѣдуетъ присоединить еще цѣлый рядъ такихъ, о которыхъ мы получили свѣдѣнія лишь въ послѣднее время: 33 школы въ Сѣдлецкой губерніи, школы въ дер. Каршевъ, въ дер. Понятовѣ и Свинице-Калишскіе, Калишской губерніи, въ гор. Конскѣ, д. Кавечинѣ и дер. Бидзаны,—Радомской губерніи.

Такимъ образомъ насчитывается все большее и большее число школъ „Матицы“, открытыхъ не законно или безъ соблюденія законныхъ условій. Надо еще принять во вниманіе, что компетентная власть узнаетъ о существованіи такихъ школъ лишь случайно.

„Матица“ утверждаетъ, что въ прочихъ мѣстностяхъ, кромѣ указанныхъ, существуютъ не школы, а „домашнее обученіе“ и что будто бы она не имѣетъ отношенія къ такимъ учебнымъ заведеніямъ, хотя въ началѣ возраженія признается въ выработкѣ программъ для такихъ учебныхъ заведеній. Между тѣмъ, въ Ломжинской губерніи подъ эгидой общества „Польская Матица“ широко распространяются дешевыя школки съ безграмотными учителями изъ мѣстныхъ обывателей и совершенно изгоняется

правительственной школы, что вызвало въ свою очередь переводъ во внутреннія губерніи высшихъ учебныхъ заведеній въ Ц. Польскомъ, а такъ какъ „Матица“, по соб-

---

изъ школы преподаваніе русскаго языка. Существованіе съ 1906 года этихъ школокъ безъ всякаго разрѣшенія какой-бы то ни было власти, объясняется исключительно ошибочнымъ предположеніемъ, что, съ прекращеніемъ преслѣдованія за тайное обученіе, само собою отпадаетъ всякая необходимость выдачи разрѣшеній при открытіи училищъ. Несомнѣнно, что такого рода порядки при открытіи школъ Матицы должны будутъ повести къ замѣнѣ существующей, правильно организованной школы, въ которой дѣтямъ должна быть доставлена возможность пройти полный курсъ обученія, школой, не имѣющей ничего общаго съ дѣломъ народнаго просвѣщенія; а при соотвѣтствующихъ учебныхъ книгахъ, каковыя уже и появились, школы Матицы будутъ служить очагомъ распространенія невѣжества, узкаго національнаго и фанатизма...

Что касается опубликованнаго нами списка учителей, допущенныхъ „Матицею“ безъ утвержденія учебной власти, то „Матица“ протестуетъ противъ занесенія въ него лишь двухъ лицъ: Флорентины Бутлеръ и учителя Лазенцкаго, указывая, что первая утверждена 17 марта 1907 г. за № 1990, а второй 27 марта того же года за № 1219. Но справки обнаруживаютъ, что Флорентина Бутлеръ преподавала въ д. Красносельце задолго до разрѣшенія, а Лазенцкій преподавалъ въ школѣ въ дер. Красне еще въ октябрѣ 1906 г. Такимъ образомъ и эти оба преподавателя несомнѣнно занимались въ школахъ „Матицы“ задолго до своего утвержденія и, слѣдовательно, были допущены „Матицею“ совершенно незаконно.

Къ числу учителей, которые допущены „Матицею“ въ ея школы, слѣдуетъ присоединить еще нѣсколько лицъ: 33 учителя въ закрытыхъ административной властью училищахъ сѣдлецкой дирекціи; въ училищѣ № 5 въ предмѣстьи гор. Люблина Пяскахъ, кромѣ утвержденной учительницы Дзеконской, допущены къ преподаванію неутвержденныя учительницы, при чемъ одна изъ нихъ даже не имѣетъ учительскаго званія; въ училищѣ № 4 въ предмѣстьи гор. Люблина Калиновщизнѣ, кромѣ утвержденной учительницы Невяровской, преподаютъ лица, не утвержденныя, притомъ въ училищѣ состоитъ не уставовленная правилами „попечительница“ г. Корзино; въ открытыхъ съ установленнаго разрѣшенія училищахъ „Школьной Матицы“ въ дер. Козловкѣ, Рудно и Вильгельмовѣ, Люблинской губерніи, учителями состоятъ: Ярошинскій, Вержховскій и Эстрейхъ; въ открытомъ до разрѣшенія училищѣ въ дер. Старостинѣ—Высоцкій. Изъ нихъ одинъ Ярошинскій былъ представленъ начальнику дирекціи для утвержденія, но вслѣдствіе неуказанія обществомъ мѣста жительства, для наведенія справокъ, утвержденъ не былъ, а на сдѣланный запросъ общество „Матицы“ не дало отвѣта.

Такимъ образомъ возраженія „Матицы“ представляютъ неудачную попытку оправдать себя путемъ цифръ и датъ, которыя, при надлежащемъ освѣщеніи, служатъ орудіемъ противъ самой же „Матицы“, раскрывая съ полной точностью допущенныя обществомъ „Школьной Матицы“ нарушенія закона...

Въ редакцію газеты „Россія“, кромѣ возраженія „Матицы“, поступило опроверженіе свѣдѣній, помѣщенныхъ въ этой газетѣ по поводу распоряженія, изданнаго правленіемъ Плонскаго кола „Матицы“, что русскій языкъ въ школѣ преподавать „не надо“.

ственной инициативѣ, ничего не могла создать на ихъ мѣсто, то та же молодежь, которая не хотѣла учиться по-русски въ Варшавѣ, массами уѣзжаетъ теперь за спеціальнымъ образованіемъ во внутреннія губерніи или за границу, что повлекло за собой только увеличеніе расходовъ ученія и, сдѣлавъ образованіе доступнымъ лишь состоятельнымъ классамъ, уменьшило число просвѣщенныхъ гражданъ края".

Пророческими оказались слова газ. *Ploczczanin*:

„Прежде всего закрыли гимнастическое общество „Соколъ",—пишетъ органъ польскихъ прогрессистовъ.— Націоналъ-демократическія газеты приняли этотъ фактъ, какъ „неосновательныя опасенія" властей предъ гимнастическимъ обществомъ. Не споримъ, что *на первыхъ порахъ* (курс. подл.) „Соколъ" не былъ учрежденіемъ политическаго характера. Но зная склонность нашей націоналъ-демократіи профильтровывать всякое учрежденіе чрезъ націоналъ-сепаратистскій фильтръ, смѣло можно сказать,

---

Опроверженіе это совершенно ложно. Инспекторъ училищъ 2-го района Варшавской губерніи сообщилъ, 1-го февраля 1907 г. за № 20, что именно г. Бржозовскій, подписавшій опроверженіе, сообщилъ вышеприведенный отвѣтъ правленія. На заявленіе инспектора, что съ дѣтьми, овладѣвшими польскимъ чтеніемъ и письмомъ, слѣдовало приступить и къ русскому, г. Бржозовскій отвѣтилъ, что онъ заявлялъ о томъ уже мѣстному колу, но послѣдовалъ отвѣтъ: „не надо".

Такой отвѣтъ совершенно согласуется съ выясненнымъ выше отношеніемъ къ русскому языку со стороны правленія общества „Школьной Матицы" и много разъ установленнымъ фактомъ отсутствія преподаванія русскаго языка въ большинствѣ ея школъ. Въ такомъ же родѣ былъ данъ отвѣтъ и другимъ учителемъ „Школьной Матицы", г. Лазенцкимъ. Хотя послѣдній и отрицаетъ свое заявленіе, тѣмъ не менѣе въ донесеніи инспектора народныхъ училищъ Плоцкой учебной дирекціи отъ 15 января с. г. за № 34, сообщаетъ, что въ школѣ, гдѣ Лазенцкій состоитъ учителемъ, русскій языкъ не преподается, по словамъ учителя, „потому что онъ нигдѣ въ школахъ, открытыхъ „Польской Школьной Матицею" не преподается". Учитель Граевскаго училища Невяровскій заявилъ, что онъ относительно введенія обученія русскому языку не получалъ никакого позволенія отъ правленія „Матицы", а самъ онъ не имѣетъ права вести обученіе этому предмету.

Такимъ образомъ, общество „Школьной Матицы" позволило себѣ съ рѣдкой развязностью инсинуировать противъ редакціи газеты „Россія", называя инсинуаціей наши обоснованныя сообщенія. Фактъ, что Бржозовскій и Лазенцкій отказываются отъ своихъ словъ, обнаруживаютъ лишь строгую дисциплину среди преподавателей, отдавшихъ себя въ распоряженіе этого общества. Самъ Бржозовскій жаловался инспектору на положеніе учителя въ такой школѣ, гдѣ онъ не хозяинъ, а связанъ указаніями и распоряженіями мѣстнаго кола „Матицы". „Въ такихъ условіяхъ, сказалъ г. Бржозовскій, трудно имѣть охоту къ надлежащему веденію дѣла".

что черезъ нѣсколько лѣтъ и у насъ „Соколъ“ сталъ бы тѣмъ же, чѣмъ былъ и есть въ Галиціи. Участіе заграничныхъ „Соколовъ“ въ лодзинскихъ и пабьяницкихъ безпорядкахъ лучше всего подтверждаетъ это. Закрытіе „народоваго клуба“ было вызвано тоже безтактнымъ, провокаціоннымъ поведеніемъ націоналистовъ, которые на всякомъ собраніи толковали, что они „господствующая въ краѣ сила“. Наконецъ, никто изъ директоровъ школъ „Матицы“ не осмѣлится отрицать, что онъ находится въ полной зависимости отъ націоналъ-демократической партіи. А если принять во вниманіе, что партія эта представляетъ собраніе самыхъ фанатически настроенныхъ силъ общества, то яснымъ станетъ, что руководитель школы не можетъ придать ей широкаго характера, свободнаго отъ политическихъ вліяній. Этимъ объясняется политиканство школъ „Матицы“, терроризующей и насилующей какъ учениковъ, такъ и учителей. При полученіи должностей въ школахъ этого учрежденія учителя спрашиваютъ не про то, что онъ знаетъ, а каковы его политическія убѣжденія и къ какой партіи онъ принадлежитъ“. *)

И дѣйствительно — „Школьную Матицу“ постигла участь „Сокола“ и „Народоваго клуба“! Постановленіемъ варшавскаго генералъ-губернатора 1 декабря 1907 г. „Шк. Мат.“ закрыта. Закрытіе мотивировано такъ:

„Свѣдѣнія о ходѣ засѣданій состоявшагося 12 и 13 ноября сего года въ Варшавѣ съѣзда изъ всѣхъ частей Привислинскаго края членовъ общества „Польской Школьной Матицы“ („Polska Macierz Szkolna“) обнаруживаютъ: 1) что основною цѣлью общества признается не столько достойное правительственной поддержки просвѣщеніе народныхъ массъ, сколько преступное возбужденіе въ народѣ духа узко-національной обособленности, 2) что съѣздъ не позаботился о правильной постановкѣ преподаванія государственнаго языка въ школахъ „Матицы“ и, такимъ образомъ, закрѣпилъ длящееся нарушеніе названнымъ обществомъ закона (ст. 3761 т. XI ч. I Св. Зак. Уст. учеб. зав. и Высочайшій Указъ 1 октября 1905 г. о частныхъ учеб. зав. въ губ. Ц. П.) и 3) что въ средѣ членовъ общества укрѣпляется недопустимое по существу стремленіе къ вытѣсненію изъ состава общества наиболѣе спокой-

*) См. „Варш. Дневн.“ 2 сент. 1907 г. № 241, отд. „Польская печать“.

ныхъ его дѣятелей и къ сосредоточенію руководительства дѣятельностью общества въ рукахъ польскихъ сепаратистовъ.

Въ виду изложеннаго признаю дальнѣйшее существованіе упомянутаго общества въ настоящее тревожное время вреднымъ для государственнаго порядка и общественнаго спокойствія и, на основаніи ст. 12 правилъ военнаго положенія (Томъ II Св. Закон., изд. 1892 г.) постановляю: „Общество польской Школьной Матицы" немедленно закрыть со всѣми его отдѣленіями, а равно подвѣдомственными ему учрежденіями и заведеніями въ предѣлахъ Высочайше ввѣреннаго мнѣ края".

Затѣмъ, на основаніи ст. 3 отд. I Высочайше утвержденныхъ 4 марта 1906 года временныхъ правилъ о союзахъ и обществахъ, министръ внутреннихъ дѣлъ призналъ необходимымъ окончательно закрыть общество „Польская Школьная Матица" со всѣми его отдѣленіями, подвѣдомственными учрежденіями и заведеніями. (См. *Варш. Дневн.* № 49, хрон.)

Закрытіе „Ш. М." не могло быть неожиданностью для ея руководителей, такъ какъ при высылкѣ изъ края административнымъ порядкомъ нѣкотоыхъ изъ ея дѣятетелей еще до ея закрытія (см. *Dziennik Poznański* 1907 г. № 272) Главное Правленіе „Ш. М." было предупреждено, что если руководители ея хотятъ сохранить „Ш. М." на дальнѣйшее время, то они не должны выходить изъ рамокъ чисто просвѣтительной дѣятельности, что и подтверждалъ *Dziennik Poznański* (1907 г. № 274), негодуя на лицъ, которыя давали „Ш. М." другое направленіе. Предупрежденіе находимъ и въ цитированной раньше (стр. 159) статьѣ *Россіи*. Несмотря на предупрежденія, на состоявшееся 12 и 13 ноября 1907 г. засѣданіе съѣзда членовъ „Ш. М." были допущены постороннія лица изъ-за границы *), что считалось противозаконнымъ. По словамъ *Познанскаго Дневника* **) означенный съѣздъ былъ превращенъ въ большую манифестацію:

„Нѣтъ сомнѣнія, что главнымъ, если не единственнымъ (?) поводомъ печальной катастрофы былъ послѣдній съѣздъ и *большой стиль*, какой ему умышленно придали. Все устройство съѣзда делегатовъ „Матицы" носило именно тотъ характеръ, котораго прежде всего слѣдовало

*) „Dziennik Poznanski" 1907 г. № 273.

**) „Dziennik Poznański" 1907 г. № 273; „Варш. Дневн." 1907 г. № 344 „Польск. печать".

избѣгать, чтобы не колоть глазъ и не давать поводовъ къ обвиненію „Матицы“ въ преслѣдованіи политическихъ, а не научныхъ цѣлей. Ни въ делегатахъ изъ близкихъ, ни въ представителяхъ заграничныхъ мѣстностей никакой надобности не было. Все это было очень эффектно, но и опасно. О рѣчахъ на съѣздѣ и ихъ высокомѣрномъ стилѣ и говорить нечего. У насъ всегда найдется десятокъ другой людей, которые за удовольствіе произнести нѣсколько пустыхъ, шумныхъ фразъ готовы всегда и вездѣ пожертвовать общимъ дѣломъ. И эти крикуны даютъ тонъ всѣмъ собраніямъ. Между тѣмъ слѣдовало принять всѣ мѣры, чтобы устранить всякія подозрѣнія, что дѣятельность „Матицы“ выходитъ изъ назначенныхъ ей границъ“.

Интересными являются дальнѣйшія разъясненія *Позн. Дневн.* (№ 296—1907 г.) относительно причинъ закрытія „Шк. Мат.“:

„Чѣмъ больше обнаруживается подробностей, чѣмъ глубже вникнуть въ причины катастрофы, тѣмъ болѣе обнаруживается, что главная вина лежитъ въ усиліяхъ во что бы то ни стало придать „Ш. М.“ характеръ политическій“.. „Наиболѣе компрометтирующимъ и вреднымъ фактомъ было постановленіе, состоявшееся (въ ноябрѣ) на засѣданіи народово-демократической партіи, въ силу котораго постановлено все „*польское школьное дѣло взять въ свои руки*“.

Какъ поясняетъ дальше *Dziennik Poznański*, постановленіе это было тайное, но проникло въ газеты въ Галиціи и стало извѣстнымъ властямъ.

Даже *Варш. Курьеръ*, (№ 19—1908 г.), воспѣвавшій лишь гимны „Шк. Матицѣ,“ и тотъ долженъ быть сознаться, что дѣятели „Шк. Мат.“ своей „безразсудностью, отсутствіемъ политическаго такта въ партійномъ ослѣпленіи давно уже толкали судно Матицы къ разбитію“, но о чемъ *Варш. Кур.* раньше „молчалъ по высшимъ соображеніямъ“ (dla wzdlędów wyższych).

Какой досадой проникнуто сѣтованіе „*Края*“ по поводу того, что дѣятели „Ш. М.“ не сумѣли скрыть истиннаго ея направленія:

„Подобно французамъ, и мы страшно любимъ много болтать и балаганничать. Словно старыя сплетницы, мы выболтаемъ все и охотнѣе всего такія вещи, которыя практичнѣе скрыть для собственной пользы. Мы распускаемъ языки на публичныхъ собраніяхъ, гдѣ каждое

сказанное слово надо впередъ хорошенько обдумать и взвѣсить. Мы печатаемъ въ газетахъ все, что угодно, и правду и неправду, лишь бы напечатать „что-нибудь новенькое“. Несчастіемъ нашимъ въ политической и общественной дѣятельности являются разнаго рода фанфароны, доморощенные государственные дѣятели, въ прессѣ—репортеры. Такой фанфаронъ, когда ему удается выступить публично, старается изо всѣхъ силъ обратить на себя вниманіе яркими фразами, дешевымъ, крикливымъ патріотизмомъ, хотя бы его глупое фанфаронство должно было погубить дѣло; для райка и его бараньихъ апплодисментовъ онъ обязательно долженъ разыгрывать роль спасителя отечества, еслибы даже самъ не понималъ, что онъ болтаетъ. Ему и въ голову не придетъ, что то, что говорится публично, слышатъ всѣ. Репортеръ же долженъ похвастать передъ редакціей и публикой какимъ-нибудь новымъ сообщеніемъ, хотя бы и выдуманнымъ. Соображенія „можно“ или „нельзя“ для него не существуютъ. Онъ готовъ самъ себя очернить, лишь бы выдумать „что нибудь поновѣе“. Эта безмысленная болтливость причинила намъ въ послѣднее горячее время массу вреда, а не меньше и наша страсть балаганничать. Всякій трудъ мы любимъ ярко декорировать и трубить о немъ по всему міру, „отъ моря до моря“. Къ чему это? на что? Не лучше ли дѣлать, что нужно, такъ чтобы никому не колоть глазъ?“ *)

Обсуждая фактъ закрытія польской „Школьной Матицы“, *Prawda* приходитъ къ такимъ заключеніямъ:

„При закрытіи отдѣленій (*kół*) „Матицы“ выступили наружу какъ тѣ элементы, изъ которыхъ она состояла, такъ и боровшіяся другъ съ другомъ настроенія. Главною составною частью была, несомнѣнно, національ-демократія, которая не только господствовала надъ остальными, но и въ полной мѣрѣ использовала это господство. Распредѣленіе капиталовъ „Матицы“ между состоявшими подъ ея покровительствомъ учрежденіями, не брезгавшія никакими средствами старанія, чтобы отдѣленія „Матицы“ не присоединились къ прогрессивнымъ учрежденіямъ, добровольное истребленіе отдѣленій тамъ, гдѣ они проявляли такую наклонность, тщательное обереганіе своей монополіи и дискредитированіе другихъ просвѣтительныхъ начинаній,—все это болѣе или менѣе явно, болѣе или менѣе

*) См. „Варш. Дневн.“ 1907 г. № 356 „Польская печать“.

гадко угнетало и парализовало свободную волю членовъ „Матицы“. Второю по силѣ составною частью ея былъ клерикализмъ, въ образѣ „католическаго союза“, который при жизни „Матицы“ отравлялъ и обезображивалъ ее, а послѣ смерти торговался и спорилъ изъ-за ея наслѣдства. При раздѣлѣ его онъ требовалъ себѣ 47 проц., соотвѣтствовавшихъ числу ксендзовъ, стоявшихъ во главѣ отдѣленій. Третьей, наконецъ, составной частью были прогрессивно-демократическіе элементы, которые со слабымъ успѣхомъ защищали свободу просвѣщенія. Если бы у „Школьной Матицы“ не было центральнаго управленія, а она представляла бы свободное соединеніе отдѣленій, которыя дѣйствовали бы автономически, то въ нее не проникъ бы духъ сектантства, а просвѣщеніе не было бы связано іезуитской дрессировкой. Всѣ отдѣльныя части развивались бы естественнымъ путемъ и стремились бы къ достиженію своихъ цѣлей безъ натиска извнѣ. При настоящихъ условіяхъ это было бы вдвойнѣ полезно: власти могли бы закрыть отдѣльныя школы, но не уничтожить однимъ ударомъ всѣхъ сразу. Централистская организація „Матицы“ облегчила только уничтоженіе ея въ полномъ видѣ“. *)

Эта запоздалая предусмотрительность можетъ быть вполнѣ охарактеризована польской же пословицей: „Mądry polak po szkodzie“.

Только политическими мечтаніями поляковъ и полною увѣренностью въ ихъ осуществленіи можно объяснить то обычное явленіе, что всякую затѣю, хорошую по существу, поляки всегда испакостятъ примѣсью политиканства, стремясь подъ „благими намѣреніями“ къ совершенно противоположной цѣли. Возьмите гимнастическое общество „Sokoł“. Казалось бы, какое отношеніе имѣетъ политика къ гимнастическимъ упражненіямъ? А между тѣмъ изъ-за шовинистскаго политиканства „Sokoł“ долженъ былъ прекратить свое существованіе. Или что можетъ быть благороднѣе цѣли просвѣщенія народа? А общество „Польская Школьная Матица“, какъ это констатировано даже польской печатью и заявлено на бывшемъ въ 1907 г. въ Варшавѣ съѣздѣ католическихъ писателей,—преслѣдовала политическія цѣли. Политическій успѣхъ „Матицы“ на школьной почвѣ до того восхитилъ „Познанскій Курьеръ“, что онъ даже не могъ

*) См. „Варш. Дневн.“ 1908 г. № 23 „Польская печать“.

скрыть своего восторга по поводу того, что школьная забастовка въ Германіи была организована по указаніямъ и при дружномъ содѣйствіи „спеціалистовъ“ этого дѣла изъ Привислинскаго края. А извѣстно, что этими „спеціалистами“ являлись руководители „Школьной Матицы“, собиравшіе въ Царствѣ Польскомъ деньги съ народа якобы для просвѣщенія мѣстныхъ „анальфабетовъ“ и пересылавшіе десятки тысячъ этихъ денегъ на агитацію въ Познани, Силезіи и др. мѣстахъ. Какъ ни старался предсѣдатель „Матицы“ г. Осуховскій объяснить („Варш. Курьеръ“, № 152 1907 г.), подобные расходы пожертвованныхъ денегъ, повидимому, его туманныя разъясненія никого не убѣдили, и „Школьной Матицей“ стали многіе недовольны, даже ксендзы.

Отсюда возникаетъ предположеніе, отмѣченное уже печатью *), что закрытіе „Школьной Матицы“ входило въ планы этого общества, дѣятели котораго своими поступками сами стремились вызвать закрытіе, чтобы этимъ способомъ скрыть неудачу, вызванную охлажденіемъ польскаго общества къ дѣятельности „Матицы“.

Въ своемъ узко-національномъ направленіи „Матица“ дошла до крайнихъ предѣловъ, и ее должна была постигнуть участь „Sokoła“, такъ какъ руководители „Школьной Матицы“ направляли молодежь не на путь чистой науки, а скорѣе „do lasu“.

Послѣ закрытія „Школьной Матицы“ учащіеся болѣе состоятельныхъ родителей перешли въ другія частныя или казенныя школы. О судьбѣ же оставшихся безъ школы дѣтей бѣдняковъ озаботился инспекторъ училищъ гор. Варшавы, исходатайствовавъ у магистрата гор. Варшавы средства на устройство послѣобѣденныхъ занятій въ казенныхъ школахъ впредь до увеличенія числа городскихъ начальныхъ училищъ.

По словамъ „Prawdy“ „Школьную Матицу“ замѣнилъ организованный ксендзами и шляхтой „Католическій Союзъ“, который

> „по закрытіи „Школьной Матицы“ разослалъ своимъ органамъ циркуляръ съ предложеніемъ принять въ свое вѣдѣніе оставшіяся школы и дневные пріюты „Матицы“. Пока она существовала, союзъ ссорился съ ней и судился, теперь же, когда она умерла, онъ выступаетъ въ роли единственнаго ея наслѣдника. Нѣсколько народныхъ из-

*) „Окраины Россіи“ № 50—1907 г. стр. 734.

даній, щедро питаемыхъ ксендзами и аристократами, сгоняютъ богобоязненный народъ въ клерикальныя школы, загрызая всѣ независимыя. Наши мучители хлопскаго тѣла и избавители хлопской души всегда отличались изобрѣтательностью въ пріискиваніи самыхъ дѣйствительныхъ обвиненій и инсинуацій, отталкивающихъ простой народъ отъ его честныхъ и безкорыстныхъ друзей. Но теперь они побили рекорды брани"... *)

Послѣ приведенныхъ фактовъ, данныхъ и отзывовъ польской печати о дѣятельности „Школьной Матицы" и ея пріемниковъ, полагаемъ, можно судить, насколько правы вообще защитники этой дѣятельности и насколько убѣдительна въ частности защита проф. А. Л. Погодина, который на страницахъ *Московскаго Еженедѣльника* (8 января 1908 года № 2) изобразилъ „Матицу" въ видѣ невинной жертвы, пострадавшей лишь за то, что она совершала „экскурсіи въ область политики", и увѣрялъ, что „правительство" не дѣлало даже попытокъ къ тому, чтобы „направить „Матицу" на правильный путь". Какъ законныя требованія мѣстной учебной власти, такъ и предупрежденія *Россіи* (№ 531—1907 г.), что дѣятели „Матицы" „идутъ не туда, куда имъ слѣдуетъ идти, что превращеніе начальной школы въ политическое орудіе не можетъ быть терпимо въ Имперіи и что ни одно правительство не потерпитъ изгнанія государственнаго языка изъ начальной школы".—проф. Погодину какъ будто не были извѣстны; приведенные же *Россіей* (№ 509, 531 и 565—1907 г.) факты и точныя данныя незаконныхъ дѣйствій „Матицы" (см. стр. 155-164), по мнѣнію проф. Погодина.—„недобросовѣстныя передержки". Словомъ, голословныя заявленія „Матицы" проф. Погодинъ считаетъ истиной, а фактическія доказательства со сторонѣ власти незаконныхъ дѣйствій „Матицы"—ложью. Обвиненія въ нарушеніи прямыхъ требованій закона (ст. ст. 3686, 3761, 3762 и др. Св. Зак. т. XI ч. I изд. 1893 года) о преподаваніи русскаго языка въ школахъ (требованій, которыя г. Погодинъ называетъ, допуская передержку, требованіемъ „мин. народн. просвѣщенія"), по мнѣнію почтеннаго профессора,—тоже неосновательны, такъ какъ выше закона „Матица" ставила „компетентныя сужденія" комиссіи подъ предсѣдательствомъ сенатора Подгородникова, которая будто бы пришла къ убѣжденію, что при преподаваніи русскаго языка въ пер-

*) См. перев. „Варш. Дневн." № 75—1908 г. „Польская печать".

выхъ классахъ народныхъ училищъ дѣти не научаются ни русской, ни польской грамотѣ (?)

Однако, на практикѣ школы до послѣдняго времени доказывали противное.

Неужели профессоръ Погодинъ и его единомышленники полагаютъ, что невозможно одновременное изученіе „братьями-поляками“ такихъ родственныхъ языковъ, какъ польскій и русскій?

Въ дополненіе къ статистическимъ даннымъ, помѣщеннымъ въ этой главѣ (стр. 135—141), приводимъ позднѣйшія свѣдѣнія, опубликованныя проф. *В. Есиповымъ* 23 февр. 1908 г. въ № 54 *Варш. Дневника,* какъ сводъ всѣхъ *данныхъ по народному образованію* изъ XXXV выпуска „Трудовъ Варш. Статистич. Комитета“.

„На одно учебное заведеніе въ 10 губерніяхъ Ц. П. приходится 51,2 учащихся; на 1000 мужчинъ приходится 55,1 учащихся мужскаго пола; на 1000 женщинъ приходится 24,2 учащихся женскаго пола, на 1000 жителей обоего пола приходится 39,3 учащихся обоего пола. Расходы же по народному просвѣщенію достигаютъ въ Привислинскомъ краѣ 47 копѣекъ ка 1 жителя (въ Имперіи 9—30 коп.

Всѣхъ учебныхъ заведеній въ десяти губерніяхъ Царства Польскаго было въ 1904 году 8,693 съ 13,950 учащими (безъ учащихъ въ учебныхъ заведеніяхъ другихъ вѣдомствъ, кромѣ министерства народнаго просвѣщенія) и съ 455,115 учащимися; такъ что одно учебное заведеніе приходилось на 12,5 квадратныхъ верстъ и на 1,301 жителей, а одинъ учащійся—на 0,24 кв. версты и на 25 жителей“.

VIII. Признаки отрезвленія въ школьномъ дѣлѣ.

Разочарованіе въ польской частной школѣ.

Вскорѣ послѣ первыхъ восторговъ отъ польской школы наступило разочарованіе. Уже въ февралѣ 1906 г. въ краковскомъ *Часъ* (№ 54 отъ 22 февраля) появилась статья п. з.: „Школы въ Царствѣ Польскомъ".

Czas говоритъ, что „никто, ознакомленный хотя въ общихъ чертахъ съ здѣшними условіями, не допускалъ, чтобы „національзованная" частная школа сразу могла функціонировать правильно.

Во-первыхъ, ученики, исходя изъ ложнаго положенія, будто бы они своею забастовкой отвоевали польскую школу, считаютъ себя героями и не думаютъ поддаваться какой-нибудь школьной дисциплинѣ. Во-вторыхъ, выяснился естественно, вслѣдствіе неожиданной перемѣны школьной системы, чувствительный недостатокъ надлежаще подготовленныхъ учителей. Наконецъ, и что самое главное, то броженіе, которое охватило учениковъ, распространяется также въ болѣе или менѣе сильной степени и среди учителей. Попадаются также педагоги, которые не только смотрятъ сквозь пальцы на всѣ выходки учениковъ, но даже поощряютъ ихъ дискредитировать школьные авторитетъ и власть.

Всѣ эти причины привели къ тому, что нѣкоторыя здѣшнія частныя школы дѣлались постоянною ареною деморализующихъ происшествій между руководителями учебныхъ заведеній и учителями, не могущими снизойти къ „современнымъ педагогическимъ системамъ", а также между учениками, которые при каждомъ удобномъ случаѣ угрожали испытаннымъ уже достаточно средствомъ—школьною забастовкою.

Происшествія эти быстро дѣлались общеизвѣстными, но газеты не затрогивали ихъ изъ опасенія причинить вредъ польской частной школѣ.

Но спустя нѣкоторое время, система замалчивать не могла удержаться, и происшествіе въ частной гимназіи Хржановскаго, въ которой одинъ изъ старшихъ классовъ, недовольный ксендзомъ, заставилъ, чтобы его уволили, послужило поводомъ публичнаго обсужденія этого больного мѣста, какимъ является настоящая организація здѣшняго частнаго школьнаго воспитанія.

Положеніе, по словамъ *Часа*, прямо отчаянное, и почти невозможно придумать какой нибудь радикальный выходъ. Очень просто, что школа, въ которой третируются самыя элементарныя основы дисциплины, не можетъ дать желанныхъ результатовъ. А между тѣмъ о введеніи дисциплины въ здѣшнія частныя школы, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, не можетъ быть и рѣчи.

Всякимъ этого рода попыткамъ оказываетъ рѣшительное сопротивленіе учащаяся политикующая молодежь, которая въ угрозѣ забастовкой обладаетъ очень могучимъ оружіемъ противъ руководителей школъ, которые состоятъ исключительно изъ частныхъ предпринимателей. Вѣдь такой предприниматель въ случаѣ столкновенія предпочитаетъ пожертвовать учителемъ, чѣмъ быть обреченнымъ на то, чтобы учебное заведеніе его, на которое онъ затратилъ громадный капиталъ, пустовало.

Зло уже достигло того, что среди здѣшнихъ родителей, которые однако до сихъ поръ были такъ довольно снисходительны по отношенію къ своимъ дѣтямъ, начинаетъ уже проявляться что то въ родѣ опозиціи противъ „пайдократіи“, которыя все усиливается въ здѣшнихъ частныхъ школахъ...

Школьное начальство должно было разослать циркуляръ руководителямъ частныхъ учебныхъ заведеній, чтобы они зорче слѣдили за поведеніемъ своихъ воспитанниковъ внѣ школы, такъ какъ поведеніе ихъ дурно вліяетъ на учениковъ правительственныхъ гимназій.

И въ этихъ гимназіяхъ отношенія не идеальныя, однако дисциплина въ нихъ гораздо строже, такъ какъ руководители ихъ не должны считаться со многими обстоятельствами, которыя стѣсняютъ руководителей частныхъ школъ. Правительственныя гимназіи функціонируютъ правильно“. *).

*) См. XXVIII вып. трудовъ Варш. Статист. Комит. стр. 140 и „Варш. Дневн.“ 1906 г. № 58.

Польская пресса о своей школѣ.

Въ то же время стала осуждать польскія частныя школы и мѣстная пресса.

„Надо сознаться откровенно,—пишетъ варшавское *Слово*,—что наша частная школа, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, не оправдала тѣхъ надеждъ, какія возлагались на нее всѣми... Методы политической борьбы, занесенные въ стѣны учебныхъ заведеній, не могли дать ничего иного, кромѣ плачевныхъ результатовъ. Наставники, которые вмѣсто того, чтобы воспитывать умы и сердца своихъ учениковъ, наполняютъ ихъ тѣми или иными политическими и соціальными теоріями, не только расходятся съ призваніемъ, но хуже того—причиняютъ невообразимый вредъ ввѣренной ихъ попеченіямъ молодежи, а косвенно и всему обществу“...

Въ такомъ же тонѣ и духѣ обсуждала положеніе польской частной школы и *Польская Газета:*

„Подъ вліяніемъ радикальной пропаганды, которая и въ школьномъ вопросѣ пожелала сказать „свое“ слово, создалась извѣстная форма отношеній учениковъ къ учителямъ, являющаяся не чѣмъ инымъ, какъ переводомъ евангелія кастовой борьбы на языкъ школьной жизни: притѣсненнымъ пролетаріемъ является здѣсь ученикъ, буржуемъ-эксплоататоромъ—всякая учебная и даже родительская власть. Отсюда понятіе „школьной забастовки“, общей или частичной, какъ метода борьбы съ учебной властью. Какъ среди „буржуевъ“ находятся личности, которыя стоятъ на сторонѣ пролетаріата, такъ и среди учителей попадаются такіе, которые уходятъ изъ ненавистной „касты“ воспитателей и, выражаясь словами соціалистическихъ программъ, „становятся на почвѣ интересовъ ученическаго класса“.

Еще рѣзче отзывъ о польской школѣ *Семейной Хроники:*

„Отвращеніе къ нравственной жизни,—говоритъ она,—къ примѣрному выполненію правилъ, къ усердному труду надъ самообразованіемъ и стремленіе выбиться изъ дисциплины,—вотъ плоды трудовъ тѣхъ, кто таскалъ молодежь по „вѣчамъ“, чтобы погубить нашу отчизну, отравивъ молодыя души безбожіемъ, непослушаніемъ, лѣностью и развратной жизнью. На нашемъ патріотизмѣ, на широкихъ стремленіяхъ къ школѣ, гдѣ молодежь обучалась бы на родномъ языкѣ, общество потеряло очень много. Учебныя заведенія попали въ руки не людей, признанныхъ лучшими друзьями молодежи и лучшими руко-

водителями молодыхъ умовъ, а тѣхъ, кто имѣлъ возможность получить разрѣшеніе и обладалъ скромнымъ капитальцемъ, но зато большей торгашеской ловкостью. Никто не интересовался ихъ педагогическими способностями, а тѣмъ менѣе принципами, которые они собирались привить нашимъ дѣтямъ. Достаточно было появиться въ газетахъ объявленію, что „кто-то“ снялъ квартиру, купилъ нѣкоторое количество школьныхъ скамей и пригласилъ своихъ знакомыхъ преподавательствовать, чтобы мы гурьбой вели къ этому „кому-то“ своихъ дѣтей на воспитаніе... *)

Распущенность молодежи въ частныхъ польскихъ школахъ *Rola* характеризуетъ такъ:

„И вотъ, не прошло и года, какъ мы убѣдились, что въ этой желанной польской школѣ нѣтъ польскаго духа. Молодежь этой школы теряетъ національно-польскія и польско-католическія чувства и погрязаетъ въ атеизмѣ, который ведетъ ее къ гибели, одичанію и деморализаціи. Объ этомъ наглядно свидѣтельствуетъ фактъ возмутительнаго отношенія польской учащейся молодежи къ представителю высшей духовной власти въ краѣ. И невольно рождается вопросъ: хватило ли бы у этой молодежи и ея недостойныхъ своего званія воспитателей мужества, чтобы выступить съ такимъ грубымъ протестомъ противъ посѣщенія школъ, напр., г. Апухтинымъ? Разумѣется нѣтъ! Но когда дѣло шло о посѣщеніи школъ польскимъ архіепископомъ, эта наша „дѣльная, смѣлая, бравая“ молодежь показала, на что она способна. Что же это будетъ, если въ нашихъ школахъ дѣло и дальше пойдетъ, какъ теперь? Что будетъ, если тамъ не перестанетъ распространяться духъ испорченности и одичанія, космополитизма и атеизма? На комъ же, на какихъ это элементахъ нашъ бѣдный край обопретъ свое будущее и свои надежды? Пасть можетъ самый благородный народъ, но погибнуть только негодный. А вѣдь не можетъ же быть благородства въ народѣ, разъ среди молодого поколѣнія, въ самомъ началѣ его жизни, свила себѣ прочное гнѣздо низость“.

Говоря то же самое объ учащихся, *Польская Газета* даетъ такой отзывъ объ учительскомъ персоналѣ мѣстныхъ частныхъ школъ:

„Учительскій персоналъ, по преимуществу молодой, набранный какъ попало, въ значительной своей части зараженъ тѣми же анархическими вѣяніями, которыя дѣй-

*) „Польская пресса о своей школѣ“ „Варш. Дневн.“ 28 мар. 1906 г. № 86.

ствуютъ и на молодежь. Вообще, въ отношеніи педагогической опытности онъ далекъ отъ того, на который мы могли бы разсчитывать. Поэтому въ польскихъ школахъ молодежь служитъ предметомъ рискованныхъ экспериментовъ для неопытныхъ, незрѣлыхъ, а часто искалѣченныхъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи педагоговъ".

Даже *Варш. Курьеръ*, воспѣвавшій частную польскую школу, долженъ былъ сознаться, что „дѣти у насъ устраиваютъ митинги и выпускаютъ воззванія къ народу. Извѣстны факты, что учителя на урокахъ знакомятъ учениковъ со статьями соціалистическаго (подпольнаго) *Работника*. Бывали случаи, что учителя уводили учениковъ съ уроковъ на политическіе митинги". *)

Объ антирелигіозномъ направленіи въ частной польской школѣ варшавское *Слово* въ концѣ 1907 г. говорило такъ:

„Съ одной стороны антирелигіозная пропаганда находитъ въ польской школѣ ярыхъ агитаторовъ въ лицѣ 15, 14 и даже 12-лѣтнихъ молокососовъ, съ убѣжденіемъ повторяющихъ, напр., что насъ сотворилъ не Богъ, такъ какъ въ выданной ксендзомъ метрикѣ ясно сказано, что насъ сотворили отецъ съ матерью,—съ другой встрѣчаетъ поддержку въ равнодушномъ отношеніи къ этому дѣлу директоровъ школъ и педагогическихъ совѣтовъ, которые къ жалующемуся на это законоучителю относятся какъ къ *faiseur d'embarras*. И въ настоящее время едва ли есть другое болѣе трудное, тяжелое и отвѣтственное положеніе, какъ законоучителя въ польской школѣ. Разнузданное, вооруженное тысячами шпилекъ зло только и ждетъ, чтобы уколоть того, кто поставилъ своей задачей и призваніемъ укрѣпить нравственность въ поколѣніи, готовящемся къ общественной жизни. Чтобы не обострять недоразумѣній и избѣжать атмосферы борьбы—нужно, по словамъ законоучителей, неистощимое терпѣніе, тактъ и неустанная бдительность. А часто это терпѣніе умышленно и злорадно исчерпывается, тактъ подвергается самымъ рискованнымъ экспериментамъ. Кому это можетъ быть полезно, трудно понять. Не школѣ, такъ какъ такія боевыя отношенія, вѣчно сглаживаемыя, неимовѣрно понижаютъ весь уровень школьной жизни: не учащейся молодежи, которая съ приготовительнаго класса начинаетъ мудрствовать и выбивается изъ колеи; да и не обществу, въ ко-

*) „Варш. Дневн." 9 мая 1907 г. № 126 „Польск. печать".

торомъ воспитывается поколѣніе, привыкшее скоро и легкомысленно рѣшать самые трудные, важные и запутанные вопросы жизни." *)

Такое направленіе частной польской школы стало открыто порицаться не только въ газетахъ, но и въ отдѣльныхъ изданіяхъ (напр. брошюра кс. Харшевскаго „Жгучій вопросъ о школьной молодежи Ц. П.") и на собраніяхъ, напр., католическомъ съѣздѣ, бывшемъ въ Варшавѣ лѣтомъ 1907 г.

Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что мѣстныя газеты часто замалчиваютъ правду объ истинномъ положеніи того или иного дѣла изъ страха ли передъ „партіей", или чтобы скрыть замыслы отъ власти, или „по высшимъ соображеніямъ", какъ выражается *Варш. Кур.* Какъ упомянуто выше, тайное постановленіе относительно школы народово-демократической партіи выдали газеты въ Галиціи, правду о частной польской школѣ и „Матицѣ" первыми сказали краковскій *Czas* и *Dziennik Poznański.* И только изъ-за границы вводится мѣстными польскими газетами „мода" говорить правду.

О развращеніи молодежи въ польской школѣ сказалъ горькую правду *Часъ* (№ 260) въ концѣ 1907 г. въ статьѣ „Политика въ Школѣ". **) Тотъ же *Часъ* (№ 267) въ слѣдующей статьѣ „Школьное дѣло въ Царствѣ Польскомъ" ***) указывалъ и на признаки отрезвленія:

„До послѣдняго времени, такъ начинается означенная статья, считали измѣнникомъ отечества каждаго, кто рѣшился слегка критически и хотя бы вполнѣ основательно высказаться о здѣшнихъ частныхъ школахъ, предназначенныхъ для молодежи, которая покинула правительственную школу. Однако оказалось, что эта „страусовая политика" долго не удержится, такъ какъ школьное дѣло претерпѣваетъ отъ этого большой ущербъ. Исподволь въ наше школьное дѣло начинаетъ проникать критика и притомъ критика очень энергичная изъ лагеря, который въ свое время трезвонилъ во всѣ колокола о бойкотѣ правительственной школы и который является очевидно виновникомъ настоящаго положенія въ этомъ дѣлѣ.

---

*) См. „Варш. Дневн." 18 нояб. 1907 г. № 318 „Польская печать".

**) См. „Варш. Дневн." 1907 г. № 331.

***) „Варш. Дневн." 1907—№ 329.

„Въ двухъ статьяхъ, озаглавленныхъ „О болѣзненныхъ явленіяхъ въ школьномъ дѣлѣ“, напечатанныхъ въ главномъ органѣ здѣшней прогрессивной демократіи, одинъ изъ самыхъ радикальныхъ педагоговъ г. Г. И. Рыгеръ сильно жалуется на настоящія наши школьныя отношенія“...

Въ то же время (въ концѣ августа 1907 г.) *Познанскій Дневникъ* (№ 207) въ статьѣ „Перемѣна взглядовъ“ говоритъ:

„Школьный бойкотъ въ Ц. Польскомъ привелъ къ печальнымъ послѣдствіямъ. Большая часть дѣтей школьнаго возраста, за исключеніемъ немногихъ счастливцевъ, которымъ средства позволяютъ пользоваться услугами очень дорогихъ частныхъ школъ,— не учится совсѣмъ, и вслѣдствіе этого, теряя время на политиканствѣ и все глубже погрязая въ нравственной распущенности, молодежь начинаетъ доходить до крайнихъ предѣловъ безсмыслія, а нерѣдко и до преступныхъ дѣяній. Давно уже пора положить конецъ этому безчинству“...

Вслѣдъ за *Познанскимъ Дневникомъ* и варшавское *Slowo* (№ 247), въ ст. „Что же дальше?“ стало подтверждать,

„что даже въ тѣхъ кругахъ нашего общества, которые въ свое время горячо поддерживали такъ наз. „школьную забастовку“, начинаютъ пробуждаться серьезныя опасенія за судьбу нашего школьнаго дѣла, или, говоря точнѣе, за судьбу нашей молодежи, лишенной возможности учиться. Опасенія эти вполнѣ понятны. Та часть нашего общества, которая, провозглашая бойкотъ правительственной школы, не увлекалась исключительно анархистскими тенденціями, а имѣла въ виду реальныя цѣли, разсчитывала съ полной увѣренностью на то, что бойкотъ этотъ будетъ только переходнымъ періодомъ, который скоро кончится болѣе или менѣе полной національзаціей школы. Какъ мы это и предвидѣли, надежды эти не оправдались“...

„Мы съ перваго же момента боролись противъ этого движенія, гибельныя послѣдствія котораго предугадали сразу, но предостереженія наши были гласомъ вопіющаго въ пустынѣ и даже навлекли на насъ гнѣвъ и многочисленныя инсинуаціи. Теперь же, смотря на крахъ, какой повлекло за собой это безразсудное начинаніе, не считавшееся ни съ собственными силами, ни съ реальными условіями, мы не умываемъ рукъ и ни мало не торжествуемъ. Но тѣмъ не менѣе мы въ правѣ требовать, чтобы

тѣ, кто создалъ теперешнее положеніе, приступили къ исправленію сдѣланнаго зла. Ошибиться не грѣшно, но грѣшно упорствовать въ своей ошибкѣ, познавъ ее".

Къ голосу *Слова* присоединился и органъ мѣстныхъ прогрессистовъ „Ежедневное Обозрѣніе". *) Въ началѣ 1908 г. *Słowo* опять напоминаетъ: „Научный уровень нашихъ „школъ безъ правъ" все падаетъ и падаетъ, несмотря на періодически повторяющіяся увѣренія, что „все обстоитъ какъ нельзя лучше". **) „Исходя изъ того принципа, что самая худшая школа лучше, чѣмъ полное отсутствіе школъ, мы считаемъ школьную забастовку большимъ ударомъ нашей культурѣ". ***)

Участь воспитанниковъ частныхъ польскихъ школъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, заграничные университеты даже въ Краковѣ и Львовѣ отказались принять въ число студентовъ молодыхъ людей, окончившихъ курсъ частныхъ польскихъ школъ въ Царствѣ Польскомъ.

Помнится, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ польская молодежь, исключенная изъ университетовъ за политическую агитацію, нахлынула въ заграничные университеты. Свободолюбивые заграничные ученые, однако, не постѣснялись заявить этой молодежи: „Намъ нужны студенты, занимающіеся наукою, а не политикой," и отказали въ пріемѣ.

Въ 1907 г. заграничные университеты дали польской молодежи новый урокъ. Для пріема въ эти университеты требуется представленіе аттестата зрѣлости казенной средней школы; удостовѣренія здѣшнихъ польскихъ школъ въ томъ, что окончившая въ нихъ курсъ молодежь подготовлена для поступленія въ высшія учебныя заведенія, заграничные университеты не признали убѣдительными. ****)

---

*) „Варш. Дневн." 1907 г. № 352. „Признаки отрезвленія въ школьномъ дѣлѣ".

**) См. перев. „Варш. Дневн." № 43—1908 г. „Польская печать".

***) См. перев. „Варш. Дневн." № 34—1908 г. „Польская печать".

****) Въ 1907 г. обнаружилось очень много подложныхъ аттестатовъ и свидѣтельствъ, представленныхъ при поступленіи въ высшія учебныя заведенія Петербурга, а также при опредѣленіи на гражданскую службу въ Царствѣ Польскомъ. Очевидно, не мало ихъ появилось и за границей.

Мѣстная печать забила по этому поводу тревогу. Особенно курьезной въ этомъ отношеніи представляется статья „Maturzyści,“ напечатанная въ 1907 году въ № 192 *Варш. Курьера*, продолжающаго всетаки питать молодежь національнистскими иллюзіями. Какихъ только похвалъ по адресу воспитанниковъ польскихъ школъ не заключаетъ эта статья, чтобы доказать, что уровень познаній, даваемыхъ въ средней польской школѣ не ниже, чѣмъ въ школѣ казенной! Даже будто-бы русскіе учителя (?) отзываются съ похвалой о воспитанникахъ польской школы.

Въ своемъ чрезмѣрномъ увлеченіи *Варш. Кур.*, очевидно, совершенно забылъ о тѣхъ отзывахъ, которые еще не такъ давно появлялись въ польской же печати, констатировавшей неслыханные нигдѣ факты нравственной распущенности и политиканства польской школьной молодежи и пониженія ея научнаго уровня подъ руководствомъ легкомысленныхъ политикановъ-учителей, — забылъ протестъ противъ направленія польской школы союза учителей-прогрессистовъ, задавшихся цѣлью освободить школу отъ политики и ввести ее въ „атмосферу чистой науки,“—забылъ докладъ объ этой школѣ, читанный лѣтомъ въ 1907 г. на съѣздѣ католическихъ писателей ксендзомъ Поплавскимъ, указывавшимъ также на низкій уровень обученія въ этой школѣ и на политиканство ея руководителей, — забылъ и брошюру о польской школѣ кс. Харшевскаго „Жгучій вопросъ относительно школьной молодежи въ Царствѣ Польскомъ,“ словомъ,—забылъ неодобрительные отзывы и многихъ другихъ лицъ, при томъ такихъ, которыхъ нельзя заподозрить въ пристрастіи.

Неужели за границей этого не знаютъ и повѣрятъ панегирикамъ, воспѣваемымъ *Варш. Кур.* и его единомышленниками? И если руководители и ученые высшихъ учебныхъ заведеній за границей уважаютъ науку, они никогда не станутъ „метать бисеръ“ науки передъ невѣждами и не допустятъ ихъ въ стѣны храма науки наравнѣ съ удостоенными этого по праву. Иначе была бы нарушена справедливость, къ охраненію которой стремится наука.

Помимо даже заскорузлаго „національнаго направленія,“ принятаго въ настоящее время польской школой, создавшейся на политической почвѣ, а именно на бойкотѣ правительственной школы, можетъ ли польская школа дать гарантіи въ прочныхъ познаніяхъ своихъ воспитанниковъ? За отказомъ признать надъ собой контроль представителей учебной власти, эта школа утратила авторитетный и без-

пристрастный голосъ о постановкѣ учебнаго дѣла въ этой школѣ. Отзывамъ постороннихъ лицъ, хотя бы и свѣдущихъ въ учебномъ дѣлѣ, довѣрять трудно, такъ какъ у каждаго своя мѣрка. Извѣстны, напр., профессора, которые „изъ принципа“ не ставятъ никогда меньше тройки экзаменующемуся, хотя бы его познанія оцѣнивались другими единицей. Директора и учителя частныхъ польскихъ учебныхъ заведеній — лица, матеріально заинтересованныя и зависящія отъ учениковъ, притомъ безконтрольныя, и потому на ихъ отзывы также нельзя ссылаться. Ни для кого не секретъ, что открытіе частныхъ учебныхъ заведеній для многихъ является прибыльнымъ коммерческимъ предпріятіемъ, что при массѣ частныхъ школъ возникаетъ сильная конкурренція. Отъ количества учениковъ и собираемой съ нихъ платы зависитъ не только постановка учебнаго дѣла въ смыслѣ оборудованія школы хорошею мебелью и учебными пособіями, приглашеніями лучшихъ учителей, но и личная матеріальная выгода для содержателя учебнаго заведенія. Отсюда и вытекаетъ усиленное рекламированіе школы, въ большинствѣ случаевъ не отвѣчающее фактическому ея положенію, на что также было обращено вниманіе на съѣздѣ католическихъ писателей кс. Поплавскимъ, указывавшимъ на то, что конкурренція частныхъ польскихъ школъ понизила качество преподаванія. Каждый зазываетъ въ свою школу, какъ въ лавочку, предлагая товаръ количествомъ побольше, цѣной подешевле. А чтобы удержать за собой потребителей науки „собственнаго производства,“ ихъ ублажаютъ снисходительностью къ ихъ слабостямъ, лѣни въ учебномъ трудѣ и т. п. И то, что не можетъ быть позволено въ казенной школѣ, гдѣ и директоръ, и преподаватели съ одной стороны не зависятъ отъ учениковъ, а съ другой—подчиняются контролю высшей власти, — на то въ частной школѣ смотрятъ сквозь пальцы. Правда, что есть частныя учебныя заведенія, не уступающія казеннымъ, но тѣ развиваются и вырабатываютъ себѣ репутацію цѣлымъ рядомъ лѣтъ упорнаго труда, затратой большихъ матеріальныхъ средствъ и опять таки подъ контролемъ правительственной власти.

Но этого нельзя сказать о новой польской школѣ, создавшейся не нормальнымъ путемъ, а на бойкотированіи казенной школы и учебной власти. Кромѣ бойкота государственной школы, польская частная школа создавала себѣ дешевый успѣхъ путемъ пониженія познаній, требуемыхъ для поступленія въ казенную школу, т. е. принимала выбывшихъ изъ казенной школы въ свою двумя классами

выше. Были и такіе юноши, которые подъ вліяніемъ агитаціи, давленія террора или въ увлеченіи „національнымъ направленіемъ“ для поступленія въ польскую школу выбывали даже изъ старшихъ или выпускныхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Конечно, такимъ юношамъ польская школа ничего новаго въ области науки кромѣ „національнаго направленія“ не дала, и когда политическій угаръ прошелъ, и національстскія фантазіи смѣнились реальной дѣйствительностью, эти юноши опять явились въ казенныя школы держать экзаменъ въ качествѣ абитурієнтовъ и, благодаря только прежней основательной подготовкѣ въ казенной школѣ, выдержали испытанія зрѣлости. О нихъ то, очевидно, и повелъ рѣчь *Варш. Кур.*, какъ о воспитанникахъ польской школы, выдержавшихъ испытанія изъ курса казенной средней школы.

Курьезнѣе всего представляется сѣтованіе *Варш. Кур.* на то, что для абитурієнтовъ польской школы закрыты университы въ Германіи (?) *и во внутреннихъ губерніяхъ Имперіи*, куда принимаются только съ аттестатами зрѣлости, о пріобрѣтеніи которыхъ „постаралась часть молодежи, имѣющей соотвѣтственныя средства на выѣздъ.“

Зачѣмъ же выѣзжать во внутреннія губерніи Имперіи, если въ Варшавѣ есть такой же университетъ да еще съ преподаваніемъ польскаго языка, польской словесности и исторіи польской литературы на польскомъ языкѣ, чего нѣтъ въ другихъ университетахъ?! Было бы лишь желаніе учиться!..

Признаки отрезвленія.

Школьные „національзаторы“, видя, что почва уходитъ изъ подъ ихъ ногъ, напрягаютъ послѣднія усилія, чтобы удержать бойкотъ. Такъ, напр., вызвавшая сочувствіе въ мѣстной умѣренной и прогрессивной печати статья *Познанскаго Дневника* (№ 207—1907 г.) о пагубности для польской молодежи бойкота подверглась строгому порицанію со стороны органа націоналистовъ *Варш. Кур.* (№ 262), который утверждалъ, что „польское общество“ (читай „націоналисты“) достигнетъ желательнаго разрѣшенія школьнаго вопроса, *„не ликвидируя ничего“*, т. е. бойкота. А *Эпоха* (№ 176) въ началѣ 1907—8 учебнаго года прямо обратилась къ читателямъ съ призывомъ: „Wytrwajmy!“ (выдержимъ-те), указывая, какъ и *Варш. Кур.*, на незначительный процентъ поляковъ въ гимназіяхъ,—

какъ на результатъ *нежеланія* польской молодежи обучаться въ русской правительственной школѣ и какъ на доказательство того, что „поляки способны на постоянныя жертвы въ пользу истинно польскаго просвѣщенія".

Но послѣднія потуги бойкота уже безсильны; ихъ проявляютъ только крайніе націоналисты, готовые на все; благоразумная же часть польскаго общества ихъ не поддерживаетъ.

Это доказываютъ факты и цифры.

Такъ, напр., извѣстно, что начальныя правительственныя школы теперь, какъ и раньше, переполнены. Очевидно, народъ предпочитаетъ эти школы частнымъ школамъ. Подтвержденіемъ этому служитъ и тотъ фактъ, что многіе родители, разочарованные въ широковѣщательныхъ, но невыполненныхъ обѣщаніяхъ „Матицы", уже въ началѣ 1907 учеб. года забрали изъ ея школъ дѣтей и помѣстили въ правительственныя школы, отчего во многихъ изъ нихъ число учащихся превысило установленную (сообразно съ помѣщеніемъ) норму. Въ этомъ могъ убѣдиться каждый, кто пожелалъ ознакомиться съ этими школами въ Варшавѣ.

Наилучшимъ опроверженіемъ заявленій націоналистовъ о томъ, что польская молодежь не желаетъ идти въ правительственную школу, служатъ приводимые ниже цифры.

Беремъ для примѣра данныя о поступившихъ въ 1907 учебному году только въ мужскія гимназіи и прогимназіи мѣстнаго учебнаго округа.

Желали поступить (подали прошенія), въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ—всего 4631, въ томъ числѣ: православныхъ—887 (19 проц.), р.-катол. 1213 (27 проц.), еввнгел.—147 (3 проц.), евреевъ—2375 (51 проц.) проч., 9 (за исключеніемъ первой гимназіи, предназначенной только для русскихъ—4567).

Выдержали испытанія—всего 2519, въ томъ числѣ: православныхъ—669, р.-катол.—625, евангел.—86, евреевъ—1135 и проч. 4 (за исключеніемъ первой гимназіи—2462).

Приняты въ учебныя заведенія—всего 1745: православныхъ—633 (36 проц.), р.-катол.—545 (32 проц.), евангел.—78 (4 проц.), евреевъ—485 (28 проц. *), и проч.—4 (за исключеніемъ первой гимназіи—1697).

---

*) Этотъ проц., превышающій установленную для евреевъ норму (10 проц.), объясняется тѣмъ, что въ частныя гимназіи, съ правами казенныхъ, евреи принимались сверхъ нормы.

Мы останавливаемся особо на процентномъ отношеніи числа выдержавшихъ испытанія къ числу экзаменовавшихся, т. е. желавшихъ поступить въ означенныя учебныя заведенія, а именно: изъ желавшихъ поступить въ гимназіи и прогимназіи выдержали испытанія—прав. 75 проц., рим.-катол. 51 проц., евангел. 58 проц. и евреевъ 47 проц.

Такимъ образомъ изъ числа поляковъ, желавшихъ поступить въ 1907 учебномъ году въ правит. среднюю школу (1213 чел.), выдержали испытанія только половина (625) (51%), что доказываетъ слабую подготовку ихъ въ частныхъ польскихъ школахъ; а изъ этихъ школъ экзаменовались многіе. Если бы поляки, желавшіе поступить въ правительственныя гимназіи, дѣйствительно получали хорошую подготовку въ частныхъ польскихъ школахъ, тогда всѣ экзаменовавшіеся или большинство ихъ выдержали бы испытанія, и число принятыхъ составляло бы не 32 проц., а вдвое больше.

Въ частности, наплывъ поляковъ, желавшихъ поступить въ гимназіи, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ былъ не меньше прежнихъ лѣтъ, напр.: въ варшавскую 5 мужскую гимназію желало поступить 86 чел., варшавскую шестиклассную прогимназію—54, пражскую гимназію—80, кѣлецкую —99, маріампольскую—68, ченстоховскую—132, замостскую прогимназію—60, сандомирскую прогимназію—75 чел. Среди желавшихъ поступить въ гимназіи было много и такихъ, которые подъ давленіемъ школьныхъ „національзаторовъ“ вынуждены были въ началѣ „освободительнаго движенія“ оставить указанныя учебныя заведенія. Послѣ двухлѣтняго бездѣлья или пребыванія въ частныхъ школахъ они опять явились въ гимназіи, но школьный бойкотъ удержалъ ихъ научныя знанія далеко позади знаній ихъ сверстниковъ, не признававшихъ политики въ школѣ и не оставлявшихъ школы.

Что число поляковъ, желающихъ обучаться въ русскихъ гимназіяхъ, постоянно увеличивается, доказательствомъ тому служатъ слѣдующія данныя: къ 1 января 1907 года въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ числилось (по отчету за 1906 годъ) учениковъ—поляковъ—2064, а къ 1 сентября 1907 года—2406, т. е. за время съ января по сентябрь число ихъ увеличилось на 342, несмотря на значительное количество выбывшихъ по окончаніи гимназическаго курса. А если бы разные явные и тайные „національзаторы“ оставили въ покоѣ мирное польское населеніе, предоставивъ ему полную свободу въ выборѣ между частной польской и правительственной школой, то съ увѣренностью можно

сказать, что оно остановилось бы на второй, какъ болѣе доступной по матеріальнымъ затратамъ и болѣе серьезной по постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла.

Мы вовсе не хотимъ этимъ сказать, что частная школа не можетъ быть лучше правительственной. Но пока этого нельзя сказать о частной польской школѣ.

Число желавшихъ поступить въ женскія гимназіи нѣсколько меньше, чѣмъ въ мужскихъ, что можно объяснить давно установившимся здѣсь обычаемъ воспитывать дѣвочекъ въ частныхъ пансіонахъ, гдѣ и учебный курсъ, и требованія меньше, чѣмъ въ гимназіяхъ. Но и въ нѣкоторыхъ изъ этихъ гимназій былъ большой наплывъ ученицъ-полекъ. Такъ, напр., желало поступить въ варшавскую 2-ю женскую гимназію 50 ученицъ четвертую—37 ученицъ, варшавскую прогимназію—21 ученица. А учительскія семинаріи, предназначенныя для мѣстнаго польскаго населенія, всѣ переполнены.

Но и не всѣ выдержавшіе испытанія приняты въ мужскія гимназіи и прогимназіи, какъ это видно изъ слѣдующихъ данныхъ:

Всего выдержало испытанія — 2519: православныхъ — 669, р.-катол. — 625, евангел. — 86, евреевъ — 1135, проч. — 4; приняты — 1745: православныхъ — 633, р.-катол. — 545, евангел. — 78, евреевъ — 485, проч. — 4; не приняты — 774: православныхъ—36, р.-катол. — 80, евангел. — 8, евреевъ — 650.

Указанное число непринятыхъ не попало въ среднюю казенную школу по разнымъ причинамъ. Такъ, напр., есть состоятельные люди, которые могутъ воспитывать дѣтей дома, подвергая ихъ ежегодно лишь испытанію въ гимназіи для полученія свидѣтельства въ знаніи курса того или другого класса вплоть до аттестата зрѣлости. Подвергали такому испытанію своихъ дѣтей и нѣкоторые поляки, не посылавшіе дѣтей въ гимназіи, чтобы не подвергнуться преслѣдованіямъ со стороны „національзаторовъ“.

Не попали многіе въ гимназіи по винѣ самого министерства народнаго просвѣщенія. Какъ извѣстно, министерство въ 1907 г. установило въ гимназіяхъ норму для каждаго класса въ 40 человѣкъ и отъ этой нормы не желало отступать, несмотря на многочисленныя просьбы родителей о пріемѣ въ гимназіи дѣтей сверхъ указанной нормы. Въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ были открыты параллельные классы, но тѣсныя помѣщенія большинства гимназій не позволили открыть такіе классы въ бо́льшемъ количествѣ.

Благодаря указанному мѣропріятію министерства, не только поляки, но и многіе русскіе въ началѣ учебнаго года были лишены возможности воспитывать своихъ дѣтей въ гимназіяхъ, и только по особому ходатайству мѣстной учебной власти дѣти были приняты въ гимназіи.

Конечно, такое распоряженіе министерства вполнѣ оправдывается педагогическими соображеніями, но вышло такъ, что какъ будто само же правительство создало полякамъ препятствія при поступленіи ихъ въ правительственную школу.

IX. Заключеніе.

Параллели школьнаго движенія 1863 г. и 1905 г. Національнализмъ и клерикализмъ въ польской школѣ.

„Uczmy się!“ (Станемъ учиться!) Подъ такимъ заглавіемъ распространялись въ началѣ шестидесятыхъ годовъ между польскою молодежью воззванія, преслѣдующія, какъ увидимъ ниже, исключительно политическія цѣли—„одбудованя ойчизны“—и приведшія къ печальнымъ событіямъ 1863 г.

Одно изъ этихъ воззваній было воспроизведено на страницахъ *Виленскаго Вѣстника* 28 января 1866 г. (№ 23 *), какъ „матеріалъ, обрисовывающій истинное значеніе польщизны“. Печатаніе означеннаго воззванія *Вилен. Вѣстн.* объяснялъ тѣмъ, что подобные „матеріалы важны не столько какъ документы историческіе, сколько какъ назидательное поученіе для настоящаго времени, какъ телескопы, которые открываютъ намъ мало изслѣдованныя доселѣ подробности организаціи шляхетскаго міра“... „Знакомство съ матеріалами этого рода—говорилось дальше—намъ необходимо и для насъ самихъ, въ видахъ огражденія себя отъ опасности, и даже для поляковъ, которые тогда только могутъ серьезно подумать о томъ, чтобы сдѣлаться честными гражданами русской земли, когда фактически убѣдятся въ полной несостоятельности завѣтной мечты своей о возстановленіи Рѣчи Посполитой“.

Хотя въ настоящее время большинство поляковъ сознаетъ, что эта мечта неосуществима, но нынѣшнее школьное движеніе въ Царствѣ Польскомъ, вызванное національ-

*) Впослѣдствіи напечатано въ сборникѣ „Документовъ къ польскому заговору“, куда вошелъ и извѣстный „Польскій Катехизисъ“. Вильна, изд. 1866 г.

листами, имѣетъ столько общихъ чертъ съ движеніемъ 63 г., такъ явно изобличаетъ въ его руководителяхъ стремленіе къ „одбудованю ойчизны отъ моря до моря“, такъ явно пропагандируется мысль, что „польская школа“ является на пути къ этому „одбудованю“ первымъ этапомъ,—что означенный документъ 63 г. не утратилъ интереса и въ настоящее время и можетъ служить вѣрнымъ исходнымъ пунктомъ для проведенія параллели между школьнымъ движеніемъ 1863 г. и—настоящаго времени. Этотъ документъ, вмѣстѣ съ „Польскимъ Катехизисомъ“, служитъ, какъ увидимъ ниже, какъ бы программой для нынѣшняго школьнаго движенія, такъ какъ стремленія, выраженныя въ воззваніи 63 г., красной нитью проходятъ и въ національзаціи современной школы.

Правда, что уже съ самаго начала нынѣшняго школьнаго движенія стали раздаваться противъ него и его руководителей робкіе голоса, но подъ угрозой и преслѣдованіемъ націоналистовъ они должны были замолкнуть. Эти голоса стали раздаваться дружнѣе, громче и рѣшительнѣе, но лишь тогда, когда агитація, веденная противъ русской школы, до того деморализующе повліяла на польскую молодежь, что та яма, которую агитаторы старались вырыть для русской школы, оказалась подъ ногами школы польской. Достаточно остановиться хотя бы на отзывахъ, какіе стали появляться въ послѣднее время въ мѣстной польской печати разныхъ оттѣнковъ о польской школѣ, чтобы понять, какъ низко пала эта школа въ учебно-воспитательномъ отношеніи. *) Да это и не могло случиться иначе при тѣхъ средствахъ, къ какимъ прибѣгали агитаторы. Разгромъ правительственныхъ школъ, бросаніе въ нихъ бомбъ, изгнаніе изъ школъ русскихъ учителей, убійство тѣхъ руководителей учебнымъ дѣломъ, которые, по мнѣнію агитаторовъ, стояли на пути осуществленія ихъ плановъ—вотъ излюбленныя средства, къ которымъ прибѣгаютъ полонизаторы и по настоящее время. Деморализующее вліяніе на польскую учащуюся молодежь такихъ пріемовъ борьбы съ русской школой понятно. Оно вскорѣ сказалось въ въ участіи этой молодежи въ „экспропріаціяхъ“ и разныхъ полонизаторскихъ актахъ. И хотя поляки при всякомъ удобномъ случаѣ заявляютъ о своей яко бы высокой культурѣ, но указанные „культурные“ пріемы борьбы польская

*) См. гл. „Признаки отрезвленія въ школьномъ дѣлѣ“ стр. 179.

печать обходила молчаніемъ, что считалось знакомъ согласія, или ограничивалась передачей, напр., самого факта убійства или разгрома и притомъ въ тонѣ, не обидномъ для „sprawcòw zamachu“ (исполнителей покушенія).

Нѣтъ! Истинно культурный народъ не допустилъ бы такихъ преступныхъ дѣяній въ школахъ, каковы бы онѣ ни были! Какъ извѣстно, у тонко-развитыхъ аѳинянъ существовалъ законъ, который грозилъ смертною казнью всякому, кто разстроитъ или нарушитъ благоговѣніе въ школѣ самовольнымъ и грубымъ вторженіемъ въ нее. Указаній со стороны полонизаторовъ на такіе высокіе примѣры культуры, что то не было слышно, хотя о своей культурности они кричатъ постоянно, понимая, очевидно, культуру какъ пріемы внѣшней или, такъ называемой, „парикмахерской“ цивилизаціи, очень часто отождествляемой поляками съ истинной культурой. Но такая культура легко усваивается и дикарями!

Съ самаго начала школьнаго движенія въ Ц. П. русская печать, да и благоразумная часть польской, указывала на вредъ этой политики въ школѣ и на тотъ ложный путь, на который стали руководители польской молодежи; тогда же указывалось, что самимъ полякамъ придется пожинать то, что сѣютъ.

Но, очевидно, даже горькій опытъ прошлаго не могъ остановить заядлыхъ вожаковъ школьнаго движенія „въ національномъ направленіи“, если они прибѣгаютъ къ старой программѣ 1863 года.

Прослѣдимъ, какъ она выполняется въ настоящее время.

„Изъ просвѣщенія, управляемаго врагомъ и наклоняемаго къ исключительной его выгодѣ, можно извлечь выгоду и для Польши. Если изъ школъ, стоящихъ подъ прусско-австрійско-московскимъ попечительствомъ, могутъ выходить польскіе писатели, то почему же изъ тѣхъ же самыхъ школъ не могутъ выходить и польскіе граждане?“ Такъ начинается указанный выше документъ 1863 г., подробно объясняющій, что такое „польскій гражданинъ“ и какими „способами“ можно достигнуть этого гражданства. При этомъ руководители движенія 1863 г. считали себя „въ правѣ отъ образующихся въ нѣмецко-московскихъ школахъ польскихъ юношей домогаться, чтобы они были гражданами“, примѣняющими „способъ, слѣдуя которому, они не будутъ ни нѣмцами, ни русскими“.

Вникните въ нынѣшнее школьное движеніе въ Царствѣ Польскомъ, Познани и Галиціи, прислушайтесь къ мотивамъ этого движенія—и вы услышите отдаленные, но знакомые отголоски того призыва—„Станемъ учиться, но только для Польши“,—который раздавался въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Одинъ изъ этихъ отголосковъ прозвучалъ и въ предвыборной рѣчи „посла“ Р. Дмовскаго, доказывавшаго необходимость для поляковъ имѣть „острые зубы и когти“ и далеко не двусмысленно намекавшаго, что они нужны противъ русскихъ, нѣмцевъ и евреевъ. Послѣдніе уже чувствуютъ эти зубы въ польской школѣ, какъ объ этомъ говорила мѣстная польская же газета „Человѣчность“. Какъ проявляются зубы и когти поляковъ по отношенію къ русскимъ въ Привислинскомъ краѣ и Галиціи, объ этомъ уже хорошо извѣстно. Одни нѣмцы пока не позволяютъ укусить себя.

Что школьное движеніе въ Познани вызвано руководителями его по политическимъ, а не религіознымъ побужденіямъ, на это указывалъ въ Рейхстагѣ министръ народнаго просвѣщенія. Что это движеніе находится въ связи съ движеніемъ въ Привислинскомъ краѣ и входитъ въ планъ всепольскаго движенія, этого не скрываютъ и сами его руководители. *). Подтвержденіе этого мы находимъ въ польской національстской печати. Такъ, напр., „Warsz. Kur.“ **) писалъ, что „примѣру варшавскихъ дѣтей послѣдовало 100,000 великопольскихъ дѣтей“, что „такимъ путемъ приготовляются ряды новыхъ борцовъ для великой народной борьбы“ и что „въ этомъ-то скрывается политическая сила“... „И единовременное пробужденіе народнаго духа во всѣхъ трехъ частяхъ Польши отнюдь не случайно“ —заключаетъ „Warsz. Kur.“ Еще раньше указывалъ на связь всепольскаго школьнаго движенія *Goniec*, какъ это увидимъ ниже; проливаетъ свѣтъ на связь и организацію этого движенія и сообщеніе газеты „Köln. Zeitnng“ (см. стр. 142), о томъ, что „изъ-за границы получаются денежныя суммы для агитаціи среди германскихъ поляковъ и

*) Лозунгъ „народовой“ демократіи состоитъ въ *принципѣ единенія между тремя частями прежней Польши и принципѣ единства народной политики.* См. „Главн. теч. польск. политич. мысли“ проф. Погодина, стр. 335 и 355, съ ссылками на „Przegl. Wszehcp.“ 1902 г., „Мысли современнаго поляка“ Р. Дмовскаго, „Національный эгоизмъ С. Балицкаго и „Возстановленіе Польши“, Топора.

**) См. „Польская печать“, пер. „Варш. Дневн.“ № 95—1907 г.

что это происходитъ часто при посредствѣ варшавскаго адвоката Осуховскаго", состоявшаго, какъ извѣстно, предсѣдателемъ пресловутой польской „Школьной Матицы". Сообщеніе это было напечатано въ мѣстныхъ газетахъ 28 февраля 1907 г. въ видѣ телеграммы изъ Берлина, но г. Осуховскимъ не опровергнуто.

„Пусть только желаніе будетъ хорошее и польское, то нѣтъ такой науки, которой нельзя было бы приложить непосредственно къ нуждамъ нашего отечества" —говорится дальше въ цитируемомъ нами документѣ 1863 г.

Это „польское" желаніе, какъ извѣстно, формулировано въ уставѣ польской „Школьной матицы" какъ „просвѣщеніе въ національномъ направленіи", примѣненное прежде всего къ жителямъ Холмской Руси.

Оно дошло въ своихъ стремленіяхъ до такихъ геркулесовыхъ столбовъ, какъ истолкованіе искони русскимъ жителямъ Холмщины сущности римско-католическаго исповѣданія—какъ „польской вѣры", а полякамъ „на чужбинѣ", т. е. въ Западныхъ губ., польской народности—какъ „католической" народности. Даже такой горячій защитникъ поляковъ, какъ проф. А. Л. Погодинъ, хорошо изучившій, по его словамъ, народово-демократическую партію, и тотъ засвидѣтельствовалъ на страницахъ *Слова* (№ 61—1907 г.) то грустное явленіе, что народово демократическая партія „воспитывала въ народѣ прежде всего ненависть къ „заборцамъ", а иные приверженцы этой партіи убѣждали молодежь, что „каждый русскій и пруссакъ обладаетъ инстинктами врожденнаго преступника. *) Поэтому г. Погодинъ и пожелалъ полякамъ „широкихъ горизонтовъ и прогресса, не замкнутаго въ рамки клерикализма или узкаго націонализма". Отсюда понятно, какой духъ царитъ въ польской школѣ, захваченной нынѣ въ руки „націонализаторами".

„Когда мы учимся для враговъ—говорится дальше въ воззваніи 1863 г.,—то какая бы ни ожидала насъ карьера, либо награда у послѣдняго предѣла нашего ученія, мы учимся нехотя, какъ за барщину, какъ наемные рабочіе. Когда же учимся для отечества, то къ побужденіямъ

*) Проф. Погодинъ въ своемъ трудѣ „Главн. теч. польск. политич. мысли" (стр. 18 и 383) указываетъ также на характеристику русскихъ *Крашевскимъ*, который доказывалъ, что москаль—человѣкъ, совершенно лишенный нравственнаго чувства, и въ послѣднее время *С. Балицкимъ*, видящимъ въ русскихъ „прирожденныхъ преступниковъ".

учиться присоединяется могучій рычагъ, который толкаетъ насъ впередъ и понуждаетъ въ таинствахъ науки *выискивать тѣ именно выводы*, которые можно прямо примѣнить либо наклонить къ осуществленію *главнаго нашего хотѣнія*", могущаго осуществиться при условіи, если молодежь „изъ книгъ и лабораторій" будетъ усваивать „все то, что въ нравственномъ или физическомъ отношеніи можетъ быть передѣлано въ оружіе".

Каждому, кто только слѣдитъ за школьнымъ движеніемъ въ Царствѣ Польскомъ, хорошо извѣстно, что „національзаторы" школъ, въ настоящее время „въ таинствахъ польской науки выискиваютъ именно тѣ выводы", которые приводятъ къ необходимости приготовить „острые зубы и когти" не только противъ русскихъ, нѣмцевъ и евреевъ, но даже и противъ своихъ же поляковъ, не признающихъ „польской науки", или „польской религіи", какъ неопровержимыхъ догматовъ національзтскаго воспитанія юношества. Доказательствъ такого узко-національнаго, партійнаго направленія въ польской школѣ, неоднократно порицаемаго прогрессивною печатью, но зато яростно поддерживаемаго органами національзтовъ или „эн-дековъ", такъ много и такъ они извѣстны, что и приводить ихъ излишне. Еще всѣмъ памятно въ Варшавѣ, какъ возмутились національзты и забили тревогу, когда польская молодежь прогрессивнаго направленія съ интересомъ выслушала лекцію по литературѣ на русскомъ языкѣ и выразила за нее русскому преподавателю благодарность. *) О борьбѣ національзтовъ и клерикаловъ съ прогрессистами мы скажемъ ниже. Для характеристики же національзтской или „эн-децкой" литературы по школьному вопросу достаточно указать лишь на статьи *Варш. Курьера* и *Гонца* (см. стр. 74). По поводу циркулярнаго распоряженія инспектора училищъ гор. Варшавы, заключающаго лишь руководящія указанія, какъ вести преподаваніе въ начальныхъ школахъ согласно закону и установленнымъ учебнымъ планамъ, *Варш. Кур.* (№ 16 1907 г.) напечаталъ тенденціозную, извращающую истинное положеніе дѣла, статью, озаглавивъ ее такъ: „Покушеніе на школы" (?!) Но когда производился дѣйствительный разгромъ школъ полонизаторами, такихъ статей *Варш. Кур.* не печаталъ. Статья *Гонца* (№ 68—1907 г.) п. з.: „Польская народная школа" по своей тенденціозности и безпричинному опасенію за данную уже польскую народную школу

*) „Варш. Дневн." № 166—1906 г. „Польская печать".

поистинѣ достойна больного воображенiи Донъ-Кихота Ламанчскаго. Но кромѣ донъ-кихотства отъ нея такъ и брызжетъ ненавистью къ русскому языку. *)

---

*) Блестящую характеристику отношенiя польской интеллигенцiи къ русскому языку и русской государственности даетъ г. А. Кояловичъ въ вышедшей въ 1907 г. книжкѣ „Къ вопросу о русско-польскомъ соглашенiи“:

„О государственномъ значенiи русскаго языка для всей Россiйской Имперiи и въ томъ числѣ, конечно, и для Польши,—замѣчаетъ г. К.,—поляки не любятъ говорить **прямо**, ибо прямое **отрицанiе** этого значенiя было бы слишкомъ явной нелѣпостью не только въ нашихъ глазахъ, но и въ глазахъ всей „Европы“, на которую поляки всетаки оглядываются, несмотря на всю самоувѣренность своей odrębności, а прямое **признанiе** государственнаго значенiя русскаго языка **во всей** Россiйской Имперiи было бы слишкомъ крутымъ поворотомъ въ сторону отъ той дороги, которая ведетъ... къ польской автономiи. И потому польскiе публицисты прибѣгаютъ къ такомъ пріему. Когда они разсуждаютъ **о русскомъ яз. и его роли въ литературѣ, театрѣ, наукѣ**—они не стѣсняются высказывать открыто свое восхищенiе и его художественными красотами и свое удивленiе передъ тѣми писателями, которые создали такiя великiя художественныя произведенiя на этомъ языкѣ. Но какъ только рѣчь зайдетъ **о русскомъ языкѣ и его роли въ школѣ, судѣ, администрацiи**, тотъ же самый польскiй публицистъ, въ одномъ и томъ же № газеты, гдѣ онъ только-что признавалъ великое значенiе русской литературы, безъ малѣйшаго смущенiя, открыто заявляетъ, что **одинъ звукъ русской рѣчи вызываетъ въ немъ ненависть и отвращенiе** (кто слѣдилъ въ польскомъ Słowie за моей полемикой съ г. Л. Страшевичемъ, тотъ, вѣроятно, помнитъ это откровенное признанiе польскаго публициста. И выходитъ такъ: признавая въ области культуры за русскимъ языкомъ всѣ права его на мiровое значенiе, польскiе публицисты отвергаютъ **его право на государственное значенiе** въ той части Имперiи, гдѣ живетъ польское племя и даже болѣе: **во всѣхъ** частяхъ Имперiи, хотя и не населенныхъ сплошь поляками, но нѣкогда входившихъ въ составъ Польскаго королевства... По многимъ вопросамъ своей внутренней или з. европ. жизни разойдется полякъ съ полякомъ. Но по **русскому** вопросу **всѣ** сойдутся и всѣ будутъ держаться одной тактики: разойтись съ русскими какъ можно дальше и какъ можно дальше увести польскiй народъ отъ русскаго народа. И потому мнѣ кажется, что единственнымъ средствомъ соглашенiя съ польскимъ народомъ не сегодня, не завтра, а когда нибудь, и, можетъ быть, въ весьма неблизкомъ будущемъ, будетъ только одно — протянуть руку къ этому народу **надъ головой** его современной интеллигенцiи.“ (стр. 7 и 13).

Эту ненависть къ русскому языку и всему русскому вождь польскихъ прогрессистовъ А. Свентоховскiй объяснялъ на страницахъ польской „П р а в д ы“ такъ:

„Ненависть бываетъ подчасъ единственнымъ оружiемъ обиженныхъ; мы боролись этимъ оружiемъ сто лѣтъ, заострили его 40 лѣтъ тому назадъ, притупили за два послѣднихъ года, а теперь опять принялись заострывать. Безпощадно ненавидя все русское, мы обратились въ милiоны змѣй, жалившихъ руку, которая душила ихъ“. („Варшав. Дневн.“ № 24 1907 г. „Опытъ польской самокритики“). — Однако мы видимъ, что въ дни „свободъ“ эти змѣи не только не перестали жалить, но, подобно удавамъ, готовы были проглотить русскихъ.

„Goniec“ не можетъ допустить въ школѣ русскаго языка даже какъ отдѣльнаго предмета. „Не дадимъ ничего урвать!.. Нѣтъ у насъ ни одного часа для другого языка, кромѣ отечественнаго!“—вопитъ авторъ названной статьи г. Завадскій—одинъ изъ главныхъ дѣятелей „Школьной Матицы“, причемъ приписываетъ пріѣзжавшему въ 1906 году въ Варшаву члену совѣта министра народнаго просвѣщенія В. Н. Мамантову такія слова, которыхъ тотъ никогда не говорилъ русскимъ учителямъ: „Для васъ нѣтъ мѣста въ здѣшнемъ краѣ!“. Такъ категорически заявляетъ ярый „народовецъ“ отъ имени „эн-дековъ“ русскимъ учителямъ начальныхъ училищъ, забывая что почти всѣ они (около 6 проц. общаго числа) уроженцы того-же края, изъ б. уніатовъ и такъ же преподаютъ по польски, какъ и прочіе учителя-поляки. Мы остановились на означенной фразѣ потому, что она является излюбленной въ устахъ каждаго „народовца“, какъ только зайдетъ рѣчь о русскомъ. „Довольно посмотрѣть на Познань. Это та самая кровь и тотъ самый духъ, что и у насъ. Та самая Польша. А тамъ въ защиту вѣры и языка стали восьмилѣтнія дѣти!“—восклицаетъ „Goniec“, умалчивая о томъ, что въ то время, какъ тамъ, въ Познани, не только не даютъ польской школы, но даже запрещаютъ учащимся молиться въ школѣ по-польски, здѣсь учебная власть сама проявляетъ заботу объ удовлетвореніи религіозныхъ нуждъ учащихся: такъ, въ 1897 г. введена въ учебн. завед. варш. учебн. округа особая молитва на польскомъ языкѣ до и послѣ ученія, разрѣшено преподаваніе закона Божія на польскомъ языкѣ въ русскихъ мѣстностяхъ, увеличено число уроковъ по закону Божію р.-к. исповѣданія, расширена программа по тому же предмету; расширена программа и по польскому языку; даже въ такихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ холмская и бѣльская учительскія семинаріи, предназначенныхъ для уроженцевъ русскихъ мѣстностей,—и то разрѣшено преподаваніе польскаго языка и ариѳметики на польскомъ языкѣ, (см. стр. 26). Но этого ослѣпленные ненавистью „національзаторы“ не видятъ !Они требуютъ, чтобы руководство учебнымъ дѣломъ было передано „людямъ нашей вѣры и народности, т. е. полякамъ“ и чтобы русскій языкъ былъ совершенно изгнанъ. А въ училищахъ польской „Школьной Матицы“ въ это время преподавали неизвѣстные вовсе учебной власти лица, открыто развѣшивались національныя эмблемы и картины съ надписью: „Boże, zbaw Polskę!“ (Боже, спаси Польшу!) и царскіе портреты замѣнялись портретами польскихъ королей. Даже скамейки окрашива-

лись въ національный (малиновый или „amarantowy“) цвѣтъ *), а вывѣски на школахъ и гминныхъ управленіяхъ съ государственнымъ гербомъ замѣняются и по сіе время вывѣсками со снопомъ, лишь бы не было и внѣшнихъ признаковъ русской государственности. **)

---

*) См. „Варш. Дневн.“ №№: 101—102—1907 г.

**) „Варш. Дневн.“ № 336—1907 г. и № 62—1908 г. На страницахъ того же „Варшав. Дневника“ (2 марта 1908 г. № 62) одинъ изъ ревизующихъ народныя школы въ Варшавской губ. приводитъ такіе факты:

„На одной стѣнѣ въ рамѣ штандартъ—премія къ какому-то журналу, съ изображеніемъ въ центрѣ Божіей Матери, увитый лентами національныхъ цвѣтовъ; вокругъ Божіей Матери латинская надпись съ содержаніемъ мольбы объ избавленіи Польши; на лентахъ годы 1772, 1793, 1794, 1796, 1831 и 1863; подъ штандартомъ—бюстъ Костюшки, увитый цвѣтами же, и картины изъ „Конрада Валленрода“ и „Пана Тадеуша“ Мицкевича, а на противоположной сторонѣ портретъ папы и еще кого то. Въ другой школѣ учитель занимался два года, вмѣсто надлежащаго обученія родной и государственной грамотѣ, бесѣдами о тѣхъ же Костюшкѣ и Мицкевичѣ, усердно закрѣпляя все это въ памяти дѣтей путемъ письменныхъ работъ въ тетрадкахъ. Въ третьей школѣ упражняли въ разучиваніи польскихъ, какъ общихъ, такъ и спеціально для дѣтей составленныхъ, пѣсенъ („Катэхизмъ для дѣцка“—маленькая книжечка) о наступившемъ моментѣ возрожденія Польши, въ то же время, очевидно, какъ бы символизируя удаленіемъ со стѣнъ школы высшей исторической эмблемы русской государственности наступившее уже безсиліе ея.

Случаевъ же замѣны другой нашей исторической государственной эмблемы—двухглаваго орла,—снопомъ соломы (гербъ губ. Варшавской) на вывѣскахъ школъ можно было бы перечесть множество; такія попытки продолжаются и доселѣ. Еще болѣе рѣзко новый духъ сказывается въ школьномъ преподаваніи такихъ предметовъ, какъ исторія и географія. Вмѣсто отдѣловъ историческаго и географическаго въ русскихъ учебныхъ книгахъ—хрестоматіяхъ, каковые отдѣлы теперь уже совсѣмъ не изучаются, усерднѣйшимъ образомъ и по спеціальнымъ отдѣльнымъ книжкамъ преподается исторія польская и географія, приходится сказать, тоже „польская“. Приходилось слышать и образчики новаго патріотическаго преподаванія этихъ предметовъ. Они характерны: такъ, напр., у одной учительницы, при географическомъ обозрѣніи края, нѣкоторые города аттестовались miastem, jakiego w całym świecie niema: Варшава—miasto, jakiego w całym świecie niema, Ченстоховъ—miasto z klasztorem, jakiego w całym świecie niema; Домброва, кромѣ нахожденія тамъ каменноугольныхъ копей, отмѣчена какъ мѣсто нанесеннаго когда-то каксму-то русскому генералу пораженія. Правда, послѣдніе три факта съ перваго впечатлѣнія способны вызвать лишь улыбку, но при болѣе глубокомъ вникновеніи въ нихъ, въ связи съ общимъ національнымъ характеромъ польской народности, они получаютъ иное освѣщеніе Къ тому же имѣются въ этомъ духѣ факты и вполнѣ уже серьезнаго характера. Въ одномъ изъ учебныхъ заведеній второго разряда по курсу польской исторіи (которая, кстати сказать, преподается во всѣхъ классахъ отъ приготовительнаго до четвертаго включительно) всѣ учащіеся, при перечисленіи славянскихъ племенъ, исправно умалчивали объ одномъ самомъ малочисленномъ славянскомъ племени—о русскомъ народѣ. Непредвидѣнная учительницею (кстати сказать, совмѣщавшею безъ права и ценза съ педагогическою дѣятельностью и дѣятельность по продажѣ въ послѣобѣденное время питій въ мѣстномъ ресторанѣ)—

Еще не дана автономія, еще нѣтъ польскаго сейма, а въ приведенныхъ выше возгласахъ и дѣяніяхъ уже слышится такъ знакомое veto—„Nie pozwalam!“

Дальше, воззваніе 1963 г., останавливаясь подробно на каждой спеціальности, избранной для изученія и могущей послужить оружіемъ въ борьбѣ съ врагомъ, между прочимъ говоритъ: „Даже лѣкарь, даже *ксендзъ*, *) если бы они проникнулись насквозь желаніемъ служить отечеству, то дошли бы вскорѣ до *убѣжденія*, что для уврачеванія польскаго тѣла и польскаго духа нужны не аллопатія, не оффиціозныя облаченія, но одно лишь: *возстань и гряди*“. Тогда—говорится дальше въ воззваніи—„изъ училищъ выходили бы граждане, изъ коихъ каждый въ своей сферѣ и мѣрѣ несъ бы за пазухой какое-нибудь приношеніе для Польши“.

Какъ характерно и для нынѣшней польской школы съ ея шляхетско-клерикальнымъ направленіемъ это „приношеніе“, да еще „за пазухой“, чтобы русская власть не увидѣла. Не „приношеніями ли за пазухой“ можно объяснить упорное стремленіе „національзаторовъ“ освободиться отъ контроля польской школы русской учебной властью? Но, какъ извѣстно, передъ „приношеніями учащихся нынѣшней польской школы ужаснулись и сами поляки. Достаточно указать на приведенные выше отзывы о польской школѣ хотя бы газетъ *Роли, Правды и Польской Газеты*, чтобы оцѣнить „приношенія“ нынѣшней польской школы. (См. стр. 181—186).

На роль р.-католич. духовенства въ нынѣшнемъ школьномъ движеніи не разъ указывала и мѣстная русская печать, и польская печать прогрессивнаго направленія; указывалось на тотъ ложный путь, на который вступили нѣкоторые р.-к. законоучители, отказавшіеся преподавать законъ Божій въ правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ и изъ-за политическихъ цѣлей оставившихъ многихъучащихся безъ религіознаго воздѣйствія. Тутъ-то и сказалось то „убѣжденіе“ ксендзовъ, о которомъ говоритъ воззваніе 1863 г. Увлеченіе политикой у многихъ законоучителей

неловкость положенія, повлекшая за собою необходимость постановки ею же наводящихъ вопросовъ, разрѣшилась (для ревизующаго лица) все же лишь тѣмъ, что учащіяся за нею же повторили: „rossjanie podobni do słowian“ (русскіе похожи на славянъ).

*) О роли ксендзовъ въ возстаніи 1863 г. см. цитаты на стр. 79 изъ книги: Walery Przyborowski. „Historja sześciu miesięcy. Ustęp z dziejów 1862 roku“. Спб. 1901 г.

доходило до того, что въ началѣ „освободительнаго“ движенія уроки закона Божія въ школахъ они начинали пѣніемъ національнаго польскаго гимна. Какъ извѣстно, политиканство р.-к. духовенства дошло до такихъ размѣровъ, что вызвало открытое порицаніе даже со стороны его высшей духовной власти. Наконецъ, противъ самовластнаго вторженія клерикализма въ польскую школу запротестовали, какъ увидимъ ниже, довольно энергично прогрессисты —педагоги.

„Станемъ учиться, но только для Польши!“ Такъ оканчивается цитированное нами воззваніе 1863 г., какъ будто относящееся не къ 63 г., а къ нынѣшнему времени.

Мы привели лишь нѣкоторыя выписки изъ указаннаго документа, не останавливаясь на многихъ другихъ любопытныхъ мѣстахъ его, какъ и „Польскаго Катехизиса“, *) съ которыхъ какъ будто списаны послѣднія „націонализаторскія“ воззванія. Не лишне упомянуть лишь о томъ, что конспиративная организація для польскихъ воспитанниковъ въ 1863 г. была направлена къ тому, „чтобы юношество неминуемо попадало *въ польскіе патріоты*“.

Этотъ патріотизмъ, направленный и въ нынѣшнемъ школьномъ движеніи по ложному пути, привелъ польскую школу къ весьма печальнымъ результатамъ. (См. стр. 179—193).

И вотъ, чтобы спасти эту школу отъ окончательной деморализаціи, вновь раздался, но уже изъ прогрессивнаго лагеря, призывъ: „Станемъ учиться!“ Но не для того, чтобы изъ науки дѣлать орудіе политической борьбы, а для того, чтобы „создать польскую школу, свободную отъ всякой политики и основанную на идеалахъ общественности и чистой этики, чтобы ввести дѣтей въ атмосферу гуманности и чистой науки“. Такой призывъ послѣдовалъ въ 1907 г. со стороны прогрессистовъ-педагоговъ „Польскаго союза учителей“, который открыто заявилъ **), что онъ „бросаетъ горькій упрекъ въ глаза обществу“, не могущему оказать содѣйствія къ достиженію указываемой прогрессистами школы. При этомъ „Союзъ“ счелъ нужнымъ съ полной откровенностью указать на то, какъ разныя политическія

---

*) Какъ осуществляется въ настоящее время этотъ „Катехизисъ“, интересующіеся найдутъ въ „Нов. Времени“ 5—II—908 № 11459 „Поляки и Цусима“. См. Ключевъ. „Россія и Польша“.

**) Этотъ призывъ напечатанъ былъ съ комментаріями и націоналистскими газетами, напр. „Кур. Варш.“ № 57.

партіи „вступили въ борьбу за обладаніе польской школой для своихъ цѣлей“, какъ „прежде всего проявилось въ этомъ отношеніи притязаніе клерикализма, чтобы ввести въ новыя учебныя заведенія политику, возмущеніе и потрясти теченіе школьной жизни“, какъ „затѣмъ политическія партіи стали также домогаться вліянія на школы и, не ограничиваясь учителями, стали вербовать себѣ пылкихъ, безразсудныхъ и сумасбродныхъ союзниковъ въ дѣтяхъ“, какъ во время выборовъ въ Госуд. Думу была „вытянута эта молодежь изъ школьныхъ стѣнъ на улицу во имя интересовъ партійныхъ и личныхъ амбицій людей, ничего общаго съ школой не имѣющихъ“; какъ „часто доходило даже до пользованія наивностью, простодушіемъ и неразсудительностью молодежи для достиженія дѣяній злыхъ, отвратительныхъ, грубыхъ, наносящихъ позоръ культурѣ“... Въ виду и другихъ многихъ, приведенныхъ „Союзомъ“ фактовъ политиканства, „Союзъ“ „протестуетъ противъ введенія какой-бы то ни было политики въ жизнь польской школы“:

„Протестуемъ противъ политики учителей и учениковъ, директоровъ и родителей, насколько политика эта захочетъ проявиться и выступить въ школѣ!“—говорится, между прочимъ, въ протестѣ.

„Kur. Warsz.“ (№ 57), напечатавшій одновременно съ другими газетами означенный протестъ съ заявленіемъ отъ себя, что ему „можно только апплодировать“, вскорѣ, однако, спохватился, что попалъ не въ тонъ „націонализаторамъ“ и въ послѣдующихъ статьяхъ по поводу этого протеста совершенно измѣнилъ тонъ, особенно послѣ того, какъ одинъ изъ дѣятелей клерикально-національнаго просвѣщенія кс. Шкоповскій на страницахъ того же „Kur. Warsz.“ сталъ доказывать, что „Союзъ польскихъ учителей не имѣлъ права совать въ глаза обществу протеста“. А когда „Союзъ“ въ лицѣ своего представителя далъ („Kur. Warsz.“ № 70) достойную отповѣдь духовному „Клиру“ и вновь указалъ, что этотъ „клиръ вмѣсто любви и всепрощенія готовъ бороться съ прогрессомъ и достигнуть побѣды какою бы то ни было цѣною“, „Kur. Warsz.“ пересталъ уже „апплодировать“ протесту и помѣстилъ въ послѣдующихъ №№ цѣлый рядъ статей въ защиту клерикально-національнаго воспитанія юношества.

Такимъ образомъ свѣтлый ручеекъ прогрессивнаго теченія встрѣтилъ на своемъ пути бурный, мутный потокъ заскорузлаго узкаго націонализма и клерикализма и навѣрное будетъ имъ поглощенъ. Этотъ потокъ начинаетъ уже

разливаться далеко за предѣлы Привислинья. А въ самомъ краѣ, по словамъ *Prawdy*, „нѣсколько народныхъ изданій, щедро питаемыхъ ксендзами и аристократами, сгоняютъ богобоязненный народъ въ клерикальныя школы загрызая независимыя"...

Бѣдные польскіе прогрессисты! Не удалось имъ ввести частную польскую школу въ „атмосферу гуманности и чистой науки!" И въ борьбѣ за школу, какъ и за представительство въ Госуд. Думѣ, націоналисты пустили въ ходъ всѣ средства, чтобы одержать побѣду какою бы то ни было цѣною". И вновь раздается старинный кличъ: „Станемъ учиться, но только для Польши!" Но для Россіи—„Nie pozwalam!

Поэтому польскіе націоналисты вполнѣ заслужили тотъ упрекъ, который бросилъ имъ въ Гос. Думѣ 17 ноября 1907 г. депутатъ В. М. Пуришкевичъ, сказавшій:

„Мы упрекаемъ васъ въ томъ, что клерикально-шляхетская Польша своими тенденціями совершенно отдѣлила страну отъ Россіи. Въ настоящее время та работа, которая идетъ въ глубинѣ Польши, клонится не къ единенію, а разъединенію съ нами. Вотъ въ чемъ упрекаемъ мы васъ. Упрекъ этотъ справедливъ".

Польскіе націоналисты стремятся,—какъ справедливо указывалъ въ засѣданіи Гос. Думы 20 ноября 1907 г. и депутатъ отъ русск. населенія Варшавы С. Н. Алексѣевъ,—къ тому, чтобы вызвать къ жизни загробную тѣнь польской государственности, чтобы вложить жизнь, одухотворить тотъ трупъ, который именуется польскимъ государствомъ".

Орудіемъ для достиженія этой цѣли они избрали прежде всего школу.

Необходимость государственной школы.

Послѣ всего сказаннаго можно-ли придавать какое-либо значеніе заявленіямъ польскаго „кола" въ Государственной Думѣ въ лицѣ г. Дмовскаго и К° о томъ, что школа должна быть отдана въ руки поляковъ?

Послѣ печальнаго опыта съ польской школой въ 1905—1907 гг. нѣтъ больше сомнѣній въ томъ, что школа въ Царствѣ Польскомъ должна находиться въ рукахъ государственной власти, которая только и можетъ поставить въ ней учебно-воспитательное дѣло сообразно потребностямъ края и государства, тѣмъ болѣе, что теперь, какъ

и въ 1863 г., „здравый смыслъ поселянъ восторжествовалъ надъ льстивыми обѣщаніями“ (слова манифеста 19 февраля 1864 года): народъ не чуждается государственной школы и русскаго языка, потребность котораго, какъ цемента, связывающаго два родственныхъ народа, сознаетъ повсемѣстно.

Поэтому не только высшая и средняя, но и низшая народная школа должна находиться въ рукахъ государственной власти, которая и обязана протянуть эти руки къ народу хотя бы „надъ головой“ шляхетско-клерикальной клики, какъ это было въ 1864 г., такъ какъ только государство можетъ создать такую школу, которая стояла бы внѣ партій и съ полнымъ правомъ могла требовать уваженія каждой изъ нихъ.

X. Приложенія.

Приложж. къ стр. 6.

Для характеристики школьной революціи въ Ц. П. приводимъ нѣкоторыя прокламаціи, въ которыхъ отразились стремленія и духъ школьныхъ „націонализаторовъ“ разныхъ оттѣнковъ.

1. Прокламаціи (переводъ съ польскаго).

Товарищи!

Мы наканунѣ переворота. Твердыня самодержавія. . . . . колеблется подъ напоромъ народа. Первый подалъ сигналъ, первый двинулся на штурмъ пролетаріатъ, и полилась ручьями кровь рабочихъ на улицахъ Петербурга. Это революція. Окрикъ этотъ разнесся въ воздухѣ и увлекаетъ въ бой все новыя и новыя дружины. Революціонное движеніе переносится изъ города въ городъ и наконецъ обнимаетъ и Варшаву. Рабочіе здѣсь со вчерашняго дня забастовали, пали уже трупы. Молодой титанъ—рабочій классъ потрясаетъ кандалами.. Еще минута, и падутъ сорванныя оковы. Даже группы интеллигенціи, увлеченныя блескомъ искры свободы, которая освѣтила мрачный горизонтъ края тираніи и нагайки, обѣщая разгорѣться въ большое пламя, высказали то, что наболѣло у нихъ. И мы, школьная молодежь, обязаны напомнить о своихъ правахъ. Развѣ такъ должны воспитываться тѣ, которые обязаны направлять жизнь на новые пути. Школа мало, или вѣрнѣе сказать, ровно ничего не даетъ намъ изъ истиннаго знанія. И иначе и быть не можетъ, когда школа предназначена для фабрикаціи изъ молодежи будущихъ чиновниковъ-автоматовъ, послушныхъ каждому кивку правительства. Наши „педагоги“ старательно ведутъ руссификацію, дѣйствуя въ школахъ не хуже жандармовъ. Это полицейская система порабощаетъ наши мысли и нашу душу. Только коренное измѣненіе школьной системы можетъ вывести насъ изъ этой душной атмосферы, стѣсняющей свободное развитіе духа. Голосъ протеста кипитъ въ нашей груди—дадимъ ему свободный выходъ. Смѣло

и храбро, товарищи! Зная свои школьныя нужды, выступимъ дружно со слѣдующимъ девизомъ: Долой руссификацію! Долой ограниченія сословныя и вѣроисповѣдныя: долой полицейскую систему! Да здравствуетъ всеобщее обученіе!

„Варшавская передовая молодежь среднихъ учебныхъ заведеній". (Warszawska młodzież postępowa szkół średnich).

Родители граждане!

Переполнилась мѣра безправія царскаго правительства — среди пораженій и громовъ колеблется зданіе самодержавія. Блестящіе побѣды японцы сокрушаютъ внѣшнюю мощь Россіи, а внутри государства кипитъ и бурлитъ и раздаются голоса, взывающіе къ праву, свободѣ и свѣту.

И мы не могли оставаться равнодушными и нѣмыми, мы, народъ свободный и свободу любящій, но сильнѣе другихъ угнетаемый. Двинулись неисчислимыя силы нашихъ братьевъ трудящихся и увѣренныхъ въ своей мощи, объединенныхъ одной волей и сознаніемъ, что именно теперь должны требовать того, что намъ слѣдуетъ, о правахъ человѣческихъ и національныхъ. Одновременно выступила молодежь высшихъ учебныхъ заведеній, — а рядомъ съ этимъ могучимъ хоромъ зрѣлыхъ голосовъ зазвучали той самой нотой новые хоры, проникающіе въ сердца наши, хоръ нашихъ дѣтей.

И они обижены въ своихъ святѣйшихъ правахъ— правахъ просвѣщенія и руки помощи общества, которое сдѣлало бы изъ нихъ хорошихъ гражданъ края. Просвѣщеніе, предоставляемое имъ царскимъ правительствомъ въ русской школѣ — это не просвѣщеніе, это вырываніе изъ дѣтскихъ ~~рукъ~~ души любви къ отчизнѣ, къ родной рѣчи, къ истинной и чистой наукѣ.

Русская школа — это школа фальши, безправія и лицемѣрія. Она портитъ души нашихъ дѣтей, она повинна въ томъ, что выростаютъ изъ нихъ часто люди, неразличающіе добра отъ зла. Все это наши дѣти чувствуютъ и понимаютъ. И выступили съ протестомъ согласнымъ, рѣшительнымъ, объединяющимъ своимъ жаромъ дѣтей и общество. Школьная забастовка продолжается во всей полнотѣ и должна продолжаться, пока правительство не дастъ намъ польской школы, пока не будемъ въ состояніи на польской рѣчи учить нашихъ дѣтей, того, что намъ дорого и нужно для ихъ блага и блага отчизны.

Пустыремъ стоятъ высшіе и средніе школы. Школы низшія городскія и ремесленныя ученики и ученицы еще и посѣ-

щаютъ, хотя не всѣ и не вездѣ. Къ вамъ собственно, къ родителямъ этихъ дѣтей обращаемся въ сегодняшемъ воззваніи. Присоединяйтесь къ школьному движенію, примите участіе въ этомъ народномъ дѣлѣ, которое вмѣстѣ съ тѣмъ есть дѣло нашихъ дѣтей. Не позволяйте обезличивать ихъ національность (wynaradwiać) отвратительной (ochydnej) царской школѣ — помните, что они Ваша надежда и надежда отчизны. Пусть знаетъ врагъ, что все общество безъ исключенія и единогласно требуетъ польской школы. Пусть знаетъ нашу рѣшительность и несокрушимую волю—и вынужденъ будетъ уступить. Да здравствуетъ польская школа!

Кружокъ воспитателей (Koło Wychowawców).

Къ молодежи среднихъ учебныхъ заведеній.

Сквозь тюремныя стѣны царской школы и къ намъ дошелъ могучій голосъ рабочаго люда, къ которому въ настоящее время присоединяются всѣ честные элементы всего общества — голосъ борьбы съ угнетающимъ насъ царткимъ правительствомъ.

Слыша этотъ сильный и молодой голосъ, предвѣщающій намъ близкую уже зарю свободы, мы не можемъ оставаться глухими. Уже нѣсколько учебныхъ заведеній въ Варшавѣ и почти всѣ въ провинціи забастовали. Въ иныхъ школьныя власти, опасаясь забастовки, прекратили занятія, но этою мѣрою не удастся имъ отвлечь насъ отъ дѣла.

Присоединимся всѣ къ забастовкѣ, пусть будетъ она общею забастовкою учебныхъ заведеній цѣлаго края.

Пусть всѣ ученики и ученицы одновременно и солидарно прекратятъ занятія въ ненавистныхъ намъ щколахъ, гдѣ только власти, расчитывая на то, что нашъ пылъ охладѣлъ, снова откроютъ ихъ. Предъявимъ всюду слѣдующія желанія въ области школьнаго выпроса:

1. Народность школы. Въ Царствѣ Польскомъ обязательнымъ языкомъ обученія долженъ быть польскій языкъ Каждая иная народность должна имѣтъ право открывать школы съ собственымъ языкомъ преподаванія. Начальниками и учителями во всѣхъ школахъ должны быть люди той же народности, къ какой принадлежатъ ученики.

2. Отмѣна полицейской системы въ школѣ. Должна быть упразднена инспекція и все, что съ нею связано: выслѣживаніе, доносы и обыски. Должны быть также отмѣнены принужденія религіозныя: свидѣтельства объ исповѣди, обязательное посѣщеніе костела и преслѣдованіе за вольнодумство.

3. Контроль общества надъ школою. Должны быть отмѣнены назначенія начальниковъ и учителей правительствомъ и его контроль надъ ихъ дѣятельностью. Вмѣсто того должны быть учреждены обывательскіе комитеты изъ родителей учениковъ, которые выбирали бы начальниковъ и учителей и контролировали бы ихъ дѣятельность.

4. Уничтоженіе всякихъ процентныхъ ограниченій. Всѣмъ, кто хочетъ учиться безъ различія исповѣданія, народности и происхожденія, долженъ быть свободный доступъ въ школу.

5. Свобода товариществъ и свобода голоса относительно своихъ дѣлъ. Должно быть разрѣшено молодежи образованіе кружковъ и обществъ для удовлетворенія всѣхъ культурныхъ потребностей безъ контроля школьнаго начальства. Школьной молодежи должна быть предоставлена полная свобода созывать сходки и вѣча и обсуждать всѣ дѣла, касающіеся школьной жизни. Въ случаяхъ столкновенія молодежи съ школьною властью разъ навсегда должно быть устранено вмѣшательство полиціи. Должна быть гарантирована школьной молодежи полная свобода убѣжденій.

6. Отмѣна въ школѣ правовыхъ различій обоихъ половъ. Товарки наши должны имѣть право поступленія въ высшія учебныя заведенія наравнѣ съ молодежью мужского пола и вообще пользоваться тѣми же правами, какими пользуется молодежь мужского пола.

7. Всеобщее обязательное начальное обученіе. Всѣ дѣти по достиженіи извѣстнаго возраста, безъ различія народности, происхожденія, исповѣданія и пола должны обязательно отдаваться въ безплатныя начальныя школы, учреждаемыя, содержимыя и контролируемыя сельскими и городскими обществами.

8. Свобода открытія школъ всякихъ типовъ. Пусть не правительство, а общество рѣшаетъ вопросъ, какія школы ему нужны.

Приведенныя желанія обнимаютъ всѣ самыя жизненныя наши потребности. Не поступимся ни однимъ изъ нихъ. Долой казенную школьную систему!

Передовая молодежь среднихъ учебныхъ заведеній Царскаго Польскаго.

г. Вавшава, въ февралѣ 1905 года.

Родители граждане!

Открытіе школъ подъ охраною штыковъ, аресты дѣтей, возмутительныя и заслуживающія сожалѣнія сцены внутри

школы и на улицахъ—вотъ факты, свидѣтельствующіе, что воскресное собраніе (разумѣется собраніе обывателей въ Музеѣ Промышленности и Земледѣлія 6 февраля) начало періодъ открытой борьбы между школой и обществомъ.

Періодъ вліянія на молодежь, успокоенія ея, принятія движенія въ руки общества окончился. Въ настоящее время общество должно итти за молодежью.

Сигналъ поданъ—борьба начата! Всѣ школы должны быть закрыты до времени преобразованія ихъ.

Нѣтъ болѣе колебаній, нѣтъ исключеній, нѣтъ школъ лучшихъ или худшихъ въ педагогическомъ отношеніи.

И школы безъ правъ, въ которыхъ процвѣтаетъ руссификація, и женскіе пансіоны, угнетаемые языкомъ преподаванія, и коммерческія училища съ русскими преподавателями и хваленою педагогіей должны прекратить свою настоящую дѣятельность независимо отъ всякихъ качествъ.

Только солидарность всего общества заставитъ правительство считаться съ его требованіемъ польской школы.

Кружокъ воспитателей. (Koło Wychowawców) 21 (нов. ст.) февраля 1905 г.

Граждане!

Правительство желаетъ открыть школы—безъ всякихъ уступокъ. Одно изъ великолѣпнѣйшихъ проявленій (wistąmpień) молодежи и общества имѣетъ быть попрано. Провокаторское открытіе школъ встрѣтитъ навѣрное противодѣйствіе. Если малодушная часть родителей пожелаетъ послать своихъ дѣтей въ школу, то пошлетъ ее можетъ быть подъ штыки, пули и нагайки.

Долой съ колебаніемъ и слабостью!

Да здравствуетъ школьная забастовка!

Да здравствуетъ свободная польская школа!

Польская соціалистическая партія (Polska Partya socyalistyczna).

Родители граждане!

На самомъ важномъ поприщѣ труда для будущаго—въ сферѣ воспитанія молодежи, административныя распоряженія съ каждымъ разомъ ставятъ все новыя и новыя препятствія. Наѣздническое правительство желаетъ имѣть контроль надъ каждою мыслью нашихъ дѣтей. Практиковавшійся до сихъ поръ контроль надъ частными школами, состоящій въ посѣщеніи ихъ

инспекторомъ по нѣсколько разъ въ годъ, правительству кажется недостаточнымъ. Попечитель Варшавскаго учебнаго округа предлагаетъ содержательницамъ приглашать постоянныхъ инспекторовъ, такъ называемыхъ „завѣдывающихъ русскаго происхожденія". Взамѣнъ этого позволяетъ открывать при женскихъ пансіонахъ 7 классъ.

Возникло уже нѣсколько заведеній этого типа, измышленнаго руссификаторами. Г-жи Голянская, Грабовская, Качинская и Стржеминская приняли предложенія Правительства. Сдѣлали онѣ это исключительно по побужденіямъ матеріальнаго характера, полагая, что вновь открытый 7 классъ произведетъ впечатлѣніе на родителей и привлечетъ многочисленныхъ ученицъ вслѣдствіе призрачнаго обѣщанія полученія гимназическихъ правъ. Этотъ шумно рекламируемый добавочный классъ заключаетъ въ своей программѣ прежде всего въ широкомъ объемѣ русскій языкъ, русскую исторію и литературу. По окончаніи курса въ такомъ пансіонѣ не даетъ никакихъ правъ правительственныхъ гимназій, хотя названныя содержательницы пытаются увѣрять, что дѣло обстоитъ иначе.

При „завѣдывающемъ" (инспекторѣ) вывѣсочныя содержательницы пансіоновъ становятся завѣдывающими финансовою стороною дѣла, готовыми исполнять всякое распоряженіе администраціи.

Въ такой школѣ не можетъ уже быть и рѣчи о задачахъ воспитанія. Въ виду этого всѣ лучшіе учителя и учительницы покинули эти заведенія. Инспекторъ выбираетъ „новыя педагогическія силы" изъ среды карьеристовъ и русскихъ. Пансіоны съ завѣдывающими ожидаетъ судьба такихъ же мужскихъ учебныхъ заведеній, которыя содержатъ исключительно русскихъ учителей. Толпы новыхъ „дѣятелей" снова плывутъ къ намъ, отнимая у насъ одно изъ немногихъ оставшихся намъ поприщъ труда.

Но общество не можетъ этого допустить.

„Угодовыя", обоснованныя на карьеризмѣ, пансіоны не должны имѣть ни одной ученицы. Общее презрѣніе должно окружать всѣхъ тѣхъ, кто поддерживаетъ существованіе этихъ новыхъ руссификаторскихъ заведеній.

Закрытіе параллельныхъ классовъ, самовольное запрещеніе открывать высшіе классы безъ открытія 7-го, ограниченіе правъ учителей поляковъ (недавно запрещено имъ преподавать всеобщую исторію и географію)—вотъ средства, которыми располагаютъ представители власти.

Не можемъ мы смотрѣть на это въ бездѣйствіи! Здѣсь дѣло идетъ о нашемъ будущемъ. Драгоцѣннѣйшее народное сокровище—родная культура запирается предъ нашей молодежью.

Пусть частныя школы съ постоянными инспекторами прекратятъ свое существованіе подъ тяжестью безславія! Пусть домашнее воспитаніе и самообразованіе все шире и шире простираетъ свои круги!

Не опатентованные рабы, но люди съ горячими сердцами и дѣльными руками составляютъ наибольшую силу народа.

Будемъ же охранять отъ гнета душу нашей молодежи и воспитаемъ изъ нея достойныхъ наслѣдниковъ народной культуры и смѣлыхъ работниковъ будущаго.

Кружокъ воспитателей. (Koło wychowawców).

Товарищи и товарки!

Наконецъ пришелъ день, когда мы, школьная молодежь, вступаемъ въ борьбу за наши самые жизненные интересы. Давно уже мы ждемъ этого момента . . . . . мы становились съ каждымъ днемъ менѣе терпѣливыми. Почти всѣ среднія и всѣ высшія учебныя заведенія въ Королевствѣ предъявили требованія относительно необходимыхъ правъ. Предъявили и мы, калишская молодежь. Теперь слѣдуетъ поддержать эти требованія дѣломъ. Поддержкой этой будетъ общая забастовка школьной молодежи. Будемъ бойкотировать ставшую для насъ ненавистной русскую школу, не сомнѣваясь въ побѣдѣ, которая можетъ быть ближе, чѣмъ намъ кажется, такъ какъ правительство начинаетъ уже колебаться въ своемъ упорствѣ. Бросаемъ на вѣсы борьбы дипломы, патенты, карьеру, но вѣдь никакая борьба, никакая побѣда не можетъ обойтись безъ жертвъ. Въ настоящее время, когда въ Россіи каждый долженъ нести какую-либо жертву на алтарь свободы, какъ ничто по сравненію съ потоками крови, которые льются на улицахъ, по сравненію съ переполненными тюрьмами и сибирскими рудниками то, чѣмъ мы рискуемъ теперь въ этой борьбѣ. Не станемъ говорить, что мы дѣти и что намъ слѣдуетъ только учиться: жизнь часто опровергаетъ подобныя мнѣнія. Условія, имѣющія мѣсто въ русскомъ государствѣ, побудили и насъ напомнить о своихъ правахъ, а за нами идетъ остальное общество. Мы можемъ смѣло утверждать, что большая часть общества поняла насъ и будетъ поддерживать нашу забастовку. Призываемъ поэтому всю калишскую молодежь присоединиться къ общей

забастовкѣ, къ борьбѣ за наши права. Стыдомъ и позоромъ будетъ покрытъ тотъ изъ насъ, кто въ такую минуту будетъ колебаться вступить въ борющіеся ряды школьной молодежи.

Временный Центральный Комитетъ калишской учащейся молодежи.

Калишъ 23 (нов. ст.) февраля 1905 г.

Прибавленіе къ № 8 газеты „Полякъ“ за 1905 г.

Послѣ подавленія возстанія въ 1864 году московское правительство, желая навсегда утвердить свое господство въ Польшѣ, повсюду ввело въ польскихъ школахъ русскій языкъ. Этою мѣрою оно желало передѣлать духъ народа, отравить его ядомъ московскаго рабства и на вѣчныя времена приковать къ Россіи; оно желало пробудить въ сердцѣ каждаго поляка ненависть къ отчизнѣ и уваженіе и удивленіе предъ величіемъ и славою царей; оно желало оглупить край до конца благодаря отсутствію истиннаго просвѣщенія, особенно же желало оно отуманить польскій народъ ложною наукою и повергнуть его къ стопамъ православнаго царя . . . . . .

Свора московскихъ чиновниковъ обкрадывала насъ, обдирала и бражничала за счетъ пота и мученій польскаго народа. Начали въ школахъ учить дѣтей лжи, обману, пріучать къ лѣнности и услужничеству, и Польша постепенно впадала въ нищету и невѣжество. Чтобы этотъ родъ ученія утвердить въ Польшѣ навсегда, московское правительство основало соотвѣтственныя учительскія семинаріи, въ которыхъ воспитывали польскую молодежь примѣнительно къ потребностямъ московщины и православія. Такое положеніе продолжалось 40 лѣтъ . . . . . .

. . . . . .

Но ошиблось царское правительство, думая, что насъ уничтожитъ: не смогло оно уничтожить въ народѣ желанія добиться для себя лучшей доли; не смогло оно привязать насъ къ своимъ нравамъ, къ своей исторіи и наукѣ, не смогло оно уничтожить любви къ краю и дѣлу народному. Народъ неохотно посылалъ дѣтей въ плохую школу, и выжидали мы только удобнаго времени, чтобы заявить о своихъ обидахъ и правахъ.

...Когда вспыхнула война на Востокѣ, и дѣльные японскіе солдаты стали громить могущество царя, польскій народъ понялъ, что наступило удобное время напомнить о своихъ правахъ, попранныхъ Москалемъ . . . . . .

Россія стоитъ теперь на распутьи судьбы. Если она не исправитъ своихъ ошибокъ—погибнетъ, а потому теперь у царскаго правительства чуткое ухо. Въ Петербургѣ услышали голосъ польскій, услышали требованіе ввести польскій языкъ въ

гмины, услышали требованіе ввести польскій языкъ въ школы.

. . . . . .

Какое значеніе имѣетъ это постановленіе министровъ? Значитъ оно, что москаль боится въ настоящій моментъ дразнить поляковъ отказомъ въ лучшей польской школѣ, но очень жаль ему упразднить въ Польшѣ и Московскую школу—словомъ, зажигаетъ онъ свѣчу и Господу Богу и огарокъ дьяволу . .

. . . . . .

Братья поляки! Исключительно отъ насъ зависитъ, чтобы также и въ гминныхъ школахъ обученіе велось по-польски. Нѣмецкая шляхта въ Курляндіи не желала посылать дѣтей въ гимназіи, и правительство теперь дало Курляндской шляхтѣ нѣмецкую школу, Армяне и Грузины на Кавказѣ взяли дѣтей изъ начальныхъ школъ, и правительство дало теперь на Кавказѣ армянамъ—школу армянскую и грузинамъ школу грузинскую.

Должны и мы, поляки, такимъ же образомъ напомнить о польской школѣ. Москали особенно считаются съ польскимъ народомъ, поэтому будетъ самою важною поддержкою требованій всего общества, если крестьяне и мѣщане перестанутъ посылать дѣтей въ московскую школу.

Въ началѣ учебнаго года, когда учителя откроютъ школы, родители должны собраться и потребовать, чтобы въ школахъ учили по-польски. *Если же учитель на такое требованіе не согласится, слѣдуетъ дѣтей не посылать въ школы.*

Если школа останется московской, пусть не появляется въ ней ни одно дитя, пусть всѣ школы стоятъ пустыми, пусть убѣдятся Москали въ единодушномъ желаніи всего народа.

Дѣти не понесутъ никакой потери: могутъ учиться въ частныхъ школахъ или просто дома, но по крайней мѣрѣ, будутъ предохранены отъ московскаго яду. . . . . .

. . . . . .

Родители граждане!

. . . . . .

Уже мѣсяцъ, какъ русскія школы стоятъ заперты по волѣ общества, которое постановило для своихъ дѣтей завоевать школу національную (narodową), школу порядочную, заботящуюся (dbałą) о развитіи мысли и истинныхъ чувствъ будущихъ поляковъ.

Въ теченіе цѣлаго мѣсяца все правительство стало безпомощнымъ по волѣ общества. Теперь оно хватается за разныя средства съ цѣлью сокрушенія (złamania) общественной солидарности на основаніи „divide et impera“. Угрозами, за-

пучиваніемъ, наконецъ льстивыми обѣщаніями оно стремится расчленить наши силы.

Не забывайте поэтому, что единственное наше оружіе противъ самовластія правительства — единодушіе, непоколебимость въ предъявленіи требованій, соединеніе всѣхъ усилій къ достиженію одной цѣли—завоеванію (zdobyciu) польской школы. Сильные единодушіемъ и твердостью, мы можемъ добыть, то, что является природнымъ правомъ народовъ. Не дадимъ себя поэтому запугать угрозами каръ, не поддадимся тайнымъ совѣтамъ пессимистическихъ голосовъ, разлагающе дѣйствующихъ на общественную волю (wolę społeczną); на *всякіе коварные вопросы дадимъ одинъ отвѣтъ: глухое молчаніе.* Каждая самоуправная угроза пусть укрѣпляетъ (potęguje) въ насъ стремленіе твердости въ положеніи истинныхъ гражданъ народа, сознающихъ свои обиды, сознающихъ мощь, какую даетъ единодушіе.

Когда власти въ половинѣ марта сдѣлаютъ еще одну попытку открытія школъ, пусть еще разъ убѣдятся, что для польскаго общества русская школа уже не существуетъ. Пусть ни одно польское дитя не преступитъ уже порога тѣхъ тюремъ мысли...

Кружокъ воспитателей (Koło Wychowawców).
Варшава, въ мартѣ 1905 г.

Къ товарищамъ противозабастовщикамъ (łamistrejków).

Фактъ непринятія Вами участія въ требованіяхъ всего общества и всей молодежи объясняемъ недостаткомъ политическаго опыта (wyrobienia) вліяніемъ Вашихъ Отцовъ и Матерей, не сознающихъ изъ-за чего мы боремся; это еще воздерживаетъ насъ отъ выраженія Вамъ словъ порицанія и названія измѣнниками (zdrajcami), ренегатами.

Наши желанія — желанія самыя элементарныя, но основательныя. Вы своимъ отдѣленіемъ даете свидѣтельство въ томъ, что настоящая школа совершенно удовлетворяетъ Ваши духовныя потребности, чему сами не вѣрите и, не задумываясь, идетъ рука объ руку съ нашими преслѣдователями, которыхъ въ глубинѣ души ненавидите и которыхъ осуждаете (potępiacie). Товарищи, пусть ужъ совѣсть ваша требуетъ отъ васъ того самаго, чего и мы требуемъ: „Перестаньте посѣщать уроки!“

Взываемъ къ Вашей порядочности; отъ Васъ зависитъ выступить или остаться союзниками полиціи, причемъ, въ слу-

чаѣ отказа съ Вашей стороны прибѣгнемъ къ репрессіямъ моральнымъ и физическимъ.

Да здравствуетъ товарищеская солидарность!

Лодзинская школьная молодежь. (Łódzka młodzież szkolna).

Къ родителямъ полякамъ.

1) Не слѣдуетъ вносить платы за ученье во второмъ полугодіи школьнаго ученья.

2) Нельзя подавать никакихъ прошеній о принятій дѣтей въ школы.

3) Не слѣдуетъ бояться какихъ-либо со стороны директоровъ угрозъ или вѣрить лживымъ ихъ увѣреніямъ, что школьныя власти засыпаются прошеніями, подаваемыми родителями-поляками.

4) Не слѣдуетъ ни устно, ни письменно отвѣчать на какія-либо вызовы или запросы школьной власти.

5) Кто желаетъ взять дитя изъ школы, пусть знаетъ, что школьныя власти не имѣютъ права задерживать бумагъ.

Варшава, въ мартѣ 1905 г.

„Союзъ національзаціи школъ (Związek Unarodowienia Szkół“.)

Соотечественники!

21 марта состоялось утвержденіе въ Петербургѣ постановленія Комитета Министровъ, полагающаго въ основаніи введеніе какъ языка преподаванія польскаго (Języka wykładowego polskiego) въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Царства Польскаго.

Не знаемъ однако ни подробностей, касающихся исполненія этого постановленія, ни даже правительственныхъ гарантій, откуда и въ какихъ чертахъ будетъ введена реформа. Въ виду этого для блага національнаго дѣла мы должны и далѣе стоять на разъ уже занятомъ положеніи (stanowisku).

Подъ подозрѣніе (zarzut) измѣны народовой станетъ каждый, кто въ данную мнnуту осмѣлится посылать дѣтей въ *правительственную* школу.

Варшава, 22 (нов. ст.) марта 1905 г.

Союзъ національзаціи школъ (Związek Unarodowienia Szkół).

Событія послѣдняго времени доказываютъ, что мирнымъ путемъ при помощи петицій и посылки делегатовъ мы не добьемся никакой польской школы.

Царскій рескриптъ на имя новаго генералъ-губернатора, заключающій порицаніе „чрезмѣрнымъ“ домогательствомъ „Края

Привислинскаго", приказаніе, отданное этимъ генералъ-губернаторомъ, безусловно продолжать занятія во всѣхъ школахъ, наконецъ, голосъ худшей части русской печати—все это служитъ доказательствомъ, что сдѣланное нами начало было слабо, что съ желаніемъ нашимъ правительство еще не считается. Не вѣритъ оно, чтобы мы пожелали и могли настаивать на высказанныхъ нами желаніяхъ, и старается ихъ обратить въ ничто, называя настоящее школьное движеніе „выходкою молокососовъ". Однако оно убѣдится, что подавить это движеніе трудно,—такъ какъ ведетъ борьбу все общество.

Въ данное время приближается моментъ большого соблазна для людей менѣе твердыхъ — приближаются экзамены, такъ много обѣщающіе и столь соблазнительные для карьеристовъ.

Было бы для насъ величайшимъ позоромъ, было бы доказательствомъ страшнаго нравственнаго паденія, если бы мы этому соблазну поддались. Послѣ разъ объявленной борьбы правительственной школѣ—она для насъ перестала существовать.

Теперь нѣтъ школъ, нѣтъ экзаменовъ, нѣтъ патентовъ!

Правда, учебный годъ будетъ потерянъ, но что представляетъ эта потеря по сравненію съ возвышенною цѣлью!

Кто ведетъ борьбу за столь важное народное дѣло, того не могутъ остановить жертвы.

Кружокъ воспитателей. (Koło wychowawców).
Варшава, 3/16 апрѣля 1905 г.

По школьному вопросу.

Какъ человѣкъ не въ силахъ остановить потокъ лавы, такъ правительство не остановитъ волны народнаго развитія: сокрушаются оковы гнета подъ могучимъ напоромъ волны милліоновъ. Братья! Постановка съ нашей стороны требованія въ Польшѣ польской школы, требованія элементарнѣйшаго права обывателей края и членовъ народа съ такою, какъ наша, культурой, является однимъ изъ тѣхъ ясно понятыхъ стремленій, предъ сило которыхъ дрожитъ всякое правительство. Продолжимъ этотъ моментъ, пламя (płomień) уже въ настоящее время велико, раздуемъ его въ величественный очагъ (ognisko). Утвердимся въ справедливости того, что еще не изобрѣтенъ такой административный аппаратъ, который заставилъ бы солидарное общество подчиниться!

Въ настоящій моментъ нельзя никому уклоняться отъ исполненія долга: если кому трудно—можетъ обратиться за помощью къ обществу, но никто не имѣетъ права нарушать братскихъ рядовъ, такъ какъ въ данный моментъ бѣгство изъ рядовъ одного окупается десятками безполезныхъ жертвъ. Измѣнникомъ народному долгу является каждый, кто старается сломить общій протестъ, кто, посылая въ школу дѣтей, представляя медицинскія свидѣтельства, пресмыкаясь предъ начальствомъ, затрудняетъ для общества борьбу съ правительствомъ.

Мы должны имѣть польскую школу и будемъ ее имѣть, и борьба, которую мы начали, будетъ тѣмъ короче и тѣмъ плодотворнѣе, чѣмъ солидарнѣе мы будемъ!

Мы имѣемъ право требовать солидарности и требуемъ ее. Кто не умѣетъ принести жертвы для общества, тотъ не имѣетъ права пользоваться благами, которыя дастъ сообщество, съ людьми, и такихъ людей мы исключаемъ изъ своей среды.

Солидарный бойкотъ—вотъ сильное, хотя и мирное оружіе въ рукахъ общества, оружіе, которое не измѣнить и которое примѣнить имѣемъ полное право.

Пусть люди, стремящіеся нарушить школьную забастовку, встрѣтятъ общее презрѣніе. Не будемъ принимать ихъ въ порядочныхъ (uczciwych) польскихъ домахъ, не будемъ подавать имъ руки. Если они доктора или адвокаты, не будемъ обращаться къ нимъ за совѣтомъ; если они купцы или ремесленники, не будемъ покупать у нихъ, и не будемъ вообще пользоваться ихъ услугами, не будемъ имѣть съ ними дѣла въ качествѣ помощниковъ, ассистентовъ, служащихъ, не будемъ давать въ ихъ домахъ уроковъ—словомъ, пусть эти люди для насъ не существуютъ.

Такъ бойкотировать измѣнниковъ народному долгу обязалась большая группа родителей и вообще людей доброй воли. Приложатъ они всяческихъ стараній, чтобы объявить фамиліи маскирующихся трусовъ или протестантовъ „по убѣжденію“, которыхъ злая воля, упорство или корысть толкаетъ на бездорожье торжищъ (targowicy).

Кружокъ исполнительный (Koło wykonawcze).

Варшава, апрѣль 10/23 1905 г.

Сограждане!

Съ момента, когда наши дѣти объявили въ самой острой формѣ борьбу русской школѣ, прошло много дней и дней тяжелыхъ. Общество наше, мало вообще воспитанное политически, пережило за это время цѣлую гамму чувствъ: порывы эн-

тузіазма и заботы о ненадежномъ (niepewne) завтрашнемъ днѣ; восторги радости и горькое разочарованіе мѣняли настроеніе изо дня въ день.

Эта измѣнчивость общаго настроенія была результатомъ тактики правительства, которое въ изворотливости своей не останавливалось ни предъ какими средствами, начиная съ коварной готовности выслушать назрѣвшія наши потребности и кончая безсовѣстными попытками терроризовать неосвѣдомленное общество.

Въ эти тяжемые моменты мы старались, насколько были въ состояніи, поддерживать равновѣсіе въ обществѣ, подбодрять малодушныхъ и поддерживать устойчивость легковѣрныхъ. Понимая, что борьба, объявленная руссификаторской правительственной школѣ, это борьба за души будущихъ польскихъ поколѣній, стали мы въ ряды съ полнымъ убѣжденіемъ, что насъ ожидаетъ не мало трудовъ и жертъ, что ни откуда мы не можемъ надѣяться на помощь, что единственное наше оружіе это общая солидарность.

И эта увѣренность насъ до сихъ поръ не обманула! За исключеніемъ горсти отщепенцевъ, извѣстныхъ намъ по именамъ и фамиліямъ, народъ единодушно выступилъ противъ врага, и на всемъ пространствѣ Королества едва 3 % нашей молодежи посѣщаетъ въ настоящее время казенныя школы!

Неожиданностію было это для правительства, которое полагало, что столѣтнее рабство уничтожило въ насъ общественную дисциплину.

Такое самоотверженіе общества во имя защиты правъ, принадлежащихъ родному языку, это первая наша побѣда, первое наше нравственное пріобрѣтеніе.

Но и реальныя выгоды этой борьбы въ настоящее время уже очевидны: не въ содержаніи изданныхъ общихъ и неясныхъ постановленій Комитета Министровъ (это для насъ не имѣетъ никакого реальнаго значенія), а въ фактѣ безъ сравненія болѣе важнаго значенія: въ томъ, что своимъ протестомъ мы заставили праавительство приняться за обсужденіе вопроса о польской школѣ, что вывело это дѣло на страницы нашей легальной печати. О томъ, что поляки должны имѣть польскую школу, объ этомъ въ настоящее время открыто, громко и говорится и пишется.

Не важно, что пресса, связанная путами русской цензуры, освѣщаетъ этотъ вопросъ съ точки зрѣнія обоюдной пользы: каждый изъ насъ хорошо знаетъ, что независимо отъ того, будетъ ли польская школа полезна или вредна для русскаго

Государства, мы эту школу должны получить, потому что она составляетъ природную потребность нашего народа, основу народнаго существованія и залогъ нашего развитія.

Русское правительство понимаетъ это такъ же хорошо, какъ и мы, и потому стремится всѣми силами удержать это оружіе въ своихъ рукахъ...

Наша обязанность выбить это оружіе изъ его рукъ!

Никакія попытки смягченія существующихъ нынѣ отношеній, никакія частичныя уступки, никакія великодушныя обѣщанія не отуманятъ народъ, который понимаетъ суть начатой борьбы и рѣшилъ твердо стоять въ ней.

Въ этой борьбѣ существенно можетъ измѣниться тактика и способы дѣйствія.

Хотя бойкотъ правительственныхъ школъ избранъ нами какъ одинъ изъ тактическихъ пріемовъ и не составляетъ сущности борьбы, однако по политическимъ соображеніямъ теперь больше, чѣмъ когда-либо, мы должны отстаивать это испробованное средство, противъ котораго правительство абсолютно безсильно. И хотя мы хорошо знаемъ, что правительственнымъ сферамъ безразлично, будутъ ли поляки пользоваться отъ сокровищницы знанія, но также хорошо знаемъ, что даже государство настолько варварское, какъ Россія, не можетъ существовать въ продолженіи долгаго времени безъ школъ во всемъ Царствѣ Польскомъ.

И поэтому въ настоящее время бойкотъ русской школы долженъ продолжаться въ полной своей силѣ.

Оффиціальную русскую школу временно мы замѣнили частнымъ польскимъ обученіемъ. Правительство вынуждено его терпѣть, но мы должны усиленно стремиться къ тому, чтобы эту частную школу, какъ можно шире узаконить.

Но для достиженія этой цѣли русскія школы должны опустѣть окончательно.

Сограждане! Не слѣдуетъ намъ теперь думать о возвращеніи молодежи въ казенныя школы! Нельзя никому сдавать экзаменовъ, которые врагъ ласково предлагаетъ держать послѣ каникулъ! Нельзя подавать прошеній о пріемѣ новыхъ учениковъ на мѣста тѣхъ, которые выбыли изъ школъ.

Варшава, въ маѣ 1905 года.

Союзъ національзаціи школъ (Związek unarodowienia szkół).

М. Г.! Дошло до нашего свѣдѣнія, что, вопреки мнѣнію всего общества, подчиняясь распоряженіямъ инспекціи, вы ве-

дете обученіе русскому языку даже въ низшихъ отдѣленіяхъ своей школы; мало того, послушаніе ваше простирается до уговариванія учениковъ старшихъ отдѣленій, чтобы они сдавали экзамены въ русскихъ школахъ, что имъ дастъ какія-то воображаемыя привилегіи и льготы по воинской повинности.

Обращаясь къ обывательской совѣсти вашей и указывая на обязанность солидарности съ волей общества, которое *твердо стоитъ на бойкотѣ русской школы*, напоминаемъ вамъ, что обученіе русскому языку въ начальной школѣ недопустимо, что нельзя уговаривать учениковъ сдавать экзамены въ русской школѣ. Въ случаѣ-же, если вы и впредь будете подчиняться распоряженіямъ русской школьной власти, а не волѣ народа, мы будемъ вынуждены *инымъ способомъ* противодѣйствовать вашимъ преступнымъ поступкамъ.

Союзъ національзаціи школъ (Związek Unarodowienia szkół).

Соотечественники! Годъ тому назадъ, когда русское бюрократическое правительство, желая далѣе удержать въ своихъ рукахъ народную школу, начало массовое увольненіе учителей съ занятыхъ ими мѣстъ и заполнять ими тюрьмы, чтобы такимъ способомъ заставить упорныхъ подчиненію, польскіе сердца подъ всѣми захватами (zaborami) дрогнули однимъ чувствомъ, и потекли отъ соотечественниковъ изъ захвата прусскаго, австрійскаго, съ глубины Россіи, Сибири даже Америки жертвы для защитниковъ польской школы.

Нынѣ за прусскимъ рубежомъ повторяется подобная исторія съ тою только разницей, что подлое (nikczemny) прусское правительство объявило борьбу не учителямъ, а слабымъ дѣтямъ, нежелающимъ отречься отъ польской молитвы.

Каждый, въ комъ бьется польское сердце, долженъ поспѣшить съ помощью богатырямъ-дѣтямъ и ихъ родителямъ въ неравной борьбѣ, должны сложить на народномъ алтарѣ, на великое и принадлежащія намъ права свой жертвенный грошъ. Искусственно намѣченные границы не должны насъ разъединять, но гнетъ и неволя тѣмъ болѣе душой и сердцемъ слить насъ должны. Каждый польскій стонъ пусть широкимъ эхомъ отдается въ польскихъ сердцахъ отъ Балтики до Чернаго моря.

Стонъ бичуемыхъ польскихъ дѣтей, наказанія, налагаемыя на ихъ родителей, равно насъ, какъ и ихъ, болятъ, такъ какъ мы одно тѣло, одинъ духъ и одна Польша. Когда не можемъ въ этой борьбѣ принять дѣятельнаго участія, сложимъ по крайней мѣрѣ свой жертвенный (ofiarny) грошъ на борьбу съ вѣчнымъ врагомъ, на уплату штрафовъ (kar), наложенныхъ на

родителей упорствующихъ дѣтей, на наемъ работника на врѣмя заключенія отца семьи, на лѣченіе истязуемыхъ (katowanych) пруссакомъ дѣтей. Пусть соотечественники въ захватѣ прусскомъ не чувствуютъ себя обособленными въ борьбѣ.

Къ совмѣстной борьбѣ, соотечественники, за народныя права, за отечественный языкъ!

Товарищество народныхъ учителей Королетва Польскаго. (Towarzystwo nauczycieli ludowych Królestwa Polskiego. *)

Соотечественники!

Въ истекшемъ году богатырскими усиліями всего общества мы отвоевали (wywalczyliśmy) спольщеніе народной школы. Мы не остановились передъ тяжелыми жертвами, а министерство народн. просвѣщ. возстановленіемъ въ должностяхъ народныхъ учителей, уволенныхъ и арестованныхъ за постановленія 22 съѣзда, санкціонировало требованія общества.

Отвоевали такимъ образомъ польскую школу народную и казалось намъ, что добычи этой никто такъ скоро не вырветъ (nie wydrze).

Не прошло однако и года, а уже мѣстныя школьныя власти, основывая свои расчеты на возрастающей въ государствѣ реакціи и мнимомъ ослабленіи нашего общества подъ вліяніемъ внутреннихъ пораженій, дѣлаютъ усиліе направить управленіе въ прежнее русло. . . . . .

Руссификаторы нашего края—мечтатели! Снятся имъ времена Апухтина и его предсказаній, что черезъ нѣсколько лѣтъ мать надъ колыбелью ребенка будетъ напѣвать русскую пѣсенку...

Непрочныя и смѣшныя мечты!

Народъ, котораго всѣ слои такъ глубоко чувствуютъ и понимаютъ, что борьба за школу—это борьба за душу народа, за его будущее, за существованіе особой (odrębnej) польской культуры, не сойдетъ съ избранной для себя дороги. Мы, несмотря на анархію и революціонный терроръ съ одной стороны

---

*) *Примѣчаніе: переводчика:* **На оборотѣ листа разграфленная страница съ надписью вверху: „Листъ пожертвованій для истязуемыхъ (katowanych) дѣтей Познани".**

Эти воззванія въ началѣ января 1907 года направлялись изъ Варшавы сельскимъ учителямъ Ц. П.

и правительственный съ другой стороны, имѣемъ силы, чтобы удержать въ рукахъ нашихъ то, что въ понятіи центральнаго правительства стало уже нашей добычей. Мы изъ минувшей борьбы за польскую среднюю школу вынесемъ доказательство, что солидарной воли народа не сломитъ ни центральное правительство, ни мѣстные дѣятели, самостоятельно ведущіе политику національнаго обезличенія (wynarodowienia).

Соотечественники!

Стремленіямъ (zapędom) руссификаторскимъ Варшавскаго Округа окажемъ всѣ согласный отпоръ.

Пусть его распоряженія останутся для учителей поляковъ мертвой буквой. Пусть родители берегутъ, чтобы ихъ дѣти не глупѣли отъ преждевременнаго изученія чужого языка, пусть требуютъ рѣзко и настойчиво польской школы.

Соотечественники!

Еще минута стойкости, и въ борьбѣ за школу одержимъ окончательную побѣду.

Союзъ національзаціи школъ. (Związek Unarodowienia Szkół).

Варшава, въ ноябрѣ 1906 г.

М. Г.,
обучающіе въ школахъ варшавскихъ!

Польское общество на свои собственныя деньги, уплачиваемыя на содержаніе школъ, имѣетъ право и должно требовать польской школы.

Единицы, препятствующія полной національзаціи школъ, должны быть какимъ-либо образомъ устранены съ дороги. Предупреждаемъ же послѣдній разъ, что если кто-либо будетъ препятствовать, падетъ жертвой своей подлости или глупоты.

Помните же, что воспрещается Вамъ входить въ какія либо сдѣлки съ инспекціей, такъ какъ не Вы управляете школой, а большинство (ogół), по милости котораго получаете содержаніе. Въ противномъ случаѣ, будьте увѣрены, что мы не остановимся ни передъ какими средствами репрессіи.

Варшавская боевая школьная организація. (Warszawska bojowa organizacia szkolna).

Варшава, въ февралѣ 1907 г.

Отъ организаціи національной молодежи школъ Заглембя.

Вотъ уже два года прошло, когда поляки русскаго захвата (zaboru), угнетаемые въ теченіе 40 лѣтъ, подняли го-

лову и потребовали принадлежащихъ имъ правъ. Закипѣла борьба. Съ одной стороны было захватное правительство, были сотни штыковъ и нагаекъ казачьихъ. Съ другой стороны стали многочисленные ряды польскаго общества. Кто только жилъ, кто только носилъ въ сердцѣ имя поляка, тотъ спѣшилъ въ борьбу за природныя права.

Желаемъ правъ, желаемъ свободы—вотъ требованіе цѣлаго народа.

И сгнилой „царатъ“ (царская власть) испугался силы этого народа. Испугался его основательныхъ требованій. Понемногу царатъ, прижатый къ стѣнѣ, начинаетъ уступать. Частныя польскія школы—это одна изъ тѣхъ уступокъ восточнаго хищника (najeźdźcy). Но польская молодежь ведетъ борьбу дальше! Ея цѣль принудить правительство къ закрытію русскихъ школъ въ Польшѣ, заставить его къ преобразованію этихъ школъ въ государственныя съ польскимъ языкомъ преподаванія...

Увы! Царскому правительству прибываетъ новая помощь. И эту помощь оказываетъ извѣстная часть молодежи, ищущая правъ подъ вліяніемъ руссификаторской политики нашихъ школъ, которая вырвала у нихъ святыя влеченія любви къ родинѣ, которая сказала ей забыть, что были когда то Поляками, что любили свой край, свою родную рѣчь!

И вотъ, когда вся польская молодежь бросаетъ ненавистныя стѣны „московскихъ“ школъ,—коробившихъ ихъ сердца, искривлявшихъ ихъ характеры въ теченіе 40 лѣтъ, когда эта молодежь, признавая себя поляками, требуетъ польской школы,—тогда эти юноши, эти живые памятники просвѣщенія Гурко и „Апухтиновъ“, какъ бы въ издѣвательство (urągowisko) надъ цѣлымъ польскимъ народомъ, наполняютъ проклятыя стѣны „московскихъ“ школъ!

Русскія школы дѣйствуютъ (czynne) въ Варшавѣ, Лодзи, Ченстоховѣ, Ловичѣ...—дѣйствуютъ, потому что имѣютъ своихъ приверженцевъ (zwolenników).

Измѣнники національнаго дѣла!
(Zdrajcy sprawy naradowej).
Накипь польской молодежи!
(Szumowiny młodziży polskiej).

Позоръ Вамъ!

Мы разрываемъ съ Вами всякія отношенія, мы считаемъ Васъ продавцами (zasprzedawczyków) и какъ таковыхъ бойкотируемъ вездѣ и безъ всякаго снисхожденія, мы—бросаемъ Вамъ въ глаза: измѣнники! позоръ Вамъ! Предостерегаемъ

Васъ, если немедленно не оставите стѣнъ русской школы, фамиліи Ваши предадимъ всеобщему свѣдѣнію для вѣчнаго позора! Главное Правленіе Національной Молодежи Школъ Заглембя.

(Zarząd Organizacyi Młodzieży Naradowej Szkół Zagłębia.

Да будетъ прославленъ Іисусъ Христосъ!
(Niech będzie pochwalony Iezus Chryctus).

Великій день намъ сегодня насталъ!—Вотъ въ день 3 мая, т. е. въ годовщину, когда наши пилигримы въ Римѣ получили благословеніе Святого Отца, мы можемъ уже извѣстить васъ всѣхъ, что наивысшій Богъ воззрѣлъ на наши страданія, выслушалъ наши моленія и молитвы Святого Отца и разбилъ кандалы (kajdany) нашей неволи. Стыдно стало москалямъ, что Японія позволяетъ каждому исповѣдывать католическую вѣру, а только въ Россіи нагайки удерживаютъ народъ въ православіи и даже католическій трупъ не давали похоронить благопристойно (uczciwie) на католическомъ кладбищѣ. Святой Отецъ постоянно во всѣхъ посланіяхъ напоминалъ всему свѣту о мученикахъ-уніатахъ! И вотъ Царь не могъ выдержать долѣе, долженъ былъ смириться (ukorzyć się) и въ день 30 апрѣля (17 апр. по ст. ст.) вынужденъ былъ подписать указъ, разрѣшающій переходить изъ православія въ католическую вѣру (na wiarę katolicką). Это хорошо себѣ запомнимъ, что царь не сдѣлалъ этого добровольно, только по принужденію. Этой свободой мы обязаны прежде всего милости Божьей, затѣмъ молитвамъ Святого Отца и наконецъ Японіи, которую Высочайшій Богъ избралъ орудіемъ, чтобы сокрушить мощь (dotęgę) Россіи и спесь (pyche) ея царя, чтобы покарать это православное государство за всѣ преступленія, какія ежедневно совершаются надъ нами поляками.

Мы въ теченіи столькихъ лѣтъ постоянно Вамъ повторяли одно: держитесь и побѣдите. И вы, какъ первые христіане, стали упрямо (uparcie) при святой католической вѣрѣ и всю Польшу и весь свѣтъ католическій удивляли вашей богатырской борьбой и упорствомъ! Мы недѣли двѣ тому взывали къ Вамъ: близокъ день и часъ, когда справедливость Божія будетъ проявлена (wymirzona). И вотъ исполнилось! Умилосердился Богъ и насталъ великій праздникъ радости повсемѣстной, великій праздникъ побѣды! Слава Вамъ, братья, поздравленіе и пожеланія посылаютъ Вамъ, братья, всѣ поляки-католики со всѣхъ сторонъ Польши!

Общество наше всегда несло Вамъ помощь, мы облегчали Вамъ крестины (chrzsty) и вѣнчанія, заботились о Васъ, сколько

могли, облегчали Вамъ паломничество въ Римѣ, а потому нынѣ, въ день Вашей побѣды, мы имѣемъ право требовать отъ Васъ, чтобы и въ счастьи насъ выслушали, такъ какъ идемъ къ Вамъ съ сердечнымъ совѣтомъ, какъ и въ злой долѣ спѣшили къ Вамъ съ помощью и заботливостью. Итакъ требуемъ отъ Васъ и повелѣваемъ (nakazujemy):

1) *Чтобы попамъ (popom) и никому ни гроша не платили за увольненіе отъ православія.* Уже довольно вы наплатились взысканій и штрафовъ правительству и различныхъ выкуповъ разнымъ негодяямъ (łotrom). И вотъ теперь, когда указъ ясно разрѣшаетъ переходить въ католическую вѣру, Вы не должны ни гроша выкупа никому не давать. Предостерегаемъ Васъ потому, что уже теперь попы, зная объ указѣ, говорятъ, что за три рубля каждаго отъ православія освободятъ, —а это настоящее воровство, такъ какъ теперь никто въ ихъ освобожденіи не нуждается. Каждый ксендзъ католическій теперь имѣетъ право записать въ католики каждаго, кто этого пожелаетъ.

2) *Ни попамъ, ни ихъ роднѣ, ни ихъ имуществу никакой обиды не причиняйте.* Мы католики особенно должны попамъ показать, что мы истинные христіане и потому прощаемъ имъ всѣ обиды наши, какъ Христосъ Господь на Христѣ простилъ своимъ мучителямъ. Вы должны спокойно попамъ сказать, что переходите въ католическую вѣру, что перестаете ходить въ церковь и идете въ костелъ.

3) Попы хотятъ спасти себя и подговариваютъ народъ, чтобы записывался въ унію, тогда они стали бы уніатскими попами. Не слушайте этого! Не вѣрьте имъ, такъ какъ желаютъ обмануть Васъ, какъ раньше измѣнили и перешли въ православіе.

Теперь Россія покорна, такъ какъ ее Японія бьетъ, но когда окончится война и москаль за десять слишкомъ лѣтъ (kilkanaście lat) укрѣпится въ силѣ, тогда опять покажетъ когти и захочетъ душить насъ! Попы теперь кроткіе и подговариваютъ васъ къ уніи, а какъ почувствуютъ силу, то опять въ православіе силой совращать будутъ. Поэтому теперь надо сразу записываться въ римско-католическій костелъ, такъ какъ иначе никогда отъ православія не отвяжемся (nie odczepimy się), и будутъ насъ проклинать дѣти и внуки наши.

Ни въ какіе разговоры и совѣты съ попами не входить, такъ какъ это хитрыя лисицы и кончится всегда на томъ, что или грошъ изъ кармана выгонятъ или до какого либо несчастія доведутъ.

4) Также не слушать, если бы попы уговаривали поѣхать на какія-либо поповскія совѣщанія. Всегда попамъ и другимъ начальникамъ надо отвѣчать одно: мы записались въ католики и знаемъ только своего католическаго настоятеля (proboszcza) и епископа.

5) Праздновать только католическіе праздники.

6) Никакихъ услугъ, ни карауловъ (stójek), а также никакихъ складокъ для церкви не давать, какъ до сихъ поръ все это вынуждали отъ васъ безъ права, а теперь, когда явно запишетесь въ католики, то уже ни Вы къ церкви, ни церковь къ Вамъ ничего не имѣетъ.

7) Никакихъ взысканій за кресты, за похороны, также никакихъ иныхъ штрафовъ не платить. За всѣ такія взысканія, наложенныя на Васъ безъ права въ теченіе послѣдняго года, подавать жалобы и тягаться съ правительствомъ до послѣдняго (prawować się z rządem aż do skutku).

8) Не посылать дѣтей въ церковно-приходскія и правительственныя школы, такъ какъ тамъ нашихъ дѣтей передѣлываютъ въ православныхъ (na prawosławie przerabiają).

Аминь.

Общество опеки надъ уніатами. (Towarzystwo opieki nad Uniatami).

Политика въ молитвѣ.

Въ *Витебскихъ Вѣдомостяхъ* напечатано слѣдѣющее сообщеніе.

Передъ нами — несомнѣнно новѣйшій продуктъ ксендзовской изобрѣтатльности, — распространяемая въ нашемъ краѣ иконка—съ надписью: „Польша въ кандалахъ“ („Polska w kajdanach“).

Это небольшой, въ родѣ визитной карточки, изящно исполненный цвѣтными красками образокъ. На немъ изображенъ четырехконечный крестъ, къ которому пригвождено пылающее сердце, окруженное терновымъ вѣнкомъ. На перекладинѣ начертаны цифры 966 (одинъ рогъ) — 1791 (другой рогъ ея), и наброшено полотенце или лента съ надписью: „еще не настало время воскрешенья“ (Jeszcze nie nadeszła chwila wskrzeszenia“). Ниже подъ сердцемъ нарисованъ якорь — символъ надежды. Прислонившись къ описанному кресту, стоитъ Христосъ, одѣтый въ багряницу и терновый вѣнецъ. Предъ Христомъ на колѣняхъ стоитъ женщина съ короной на головѣ и свои руки, на которыя одѣты цѣпи, кладетъ въ руки Христу. По спинѣ этой женщины ниспускается покрывнло, на нижнемъ краѣ котораго поставлены цифры: 1772, 1793, 1795,

т. е. годы трехъ раздѣловъ Польши. У ногъ Христа лежитъ щитъ съ изображеніемъ польскаго герба и трехцвѣтное (красно-бѣло-голубое) знамя, къ древку котораго прикрѣплена лента съ напечатанными на ней датами: 1794, 1830, 1848, 1863, т. е. годовъ польскихъ возстаній. На горизонтѣ, освѣщаемомъ солнцемъ, на которомъ читаемъ „3 мая“, виденъ королевскій дворецъ, надъ которымъ паритъ бѣлый орелъ.

Подъ этимъ образкомъ стоитъ двустишіе:

„Къ алтарямъ Твоимъ возносимъ мольбы:
Отчизну и вольность Ты намъ возврати“!

На оборотѣ напечатана, по-польски же такая молитва:

„Боже, который управляешь судьбами народовъ, одаряешь ихъ добрыми произволеніями и подкрѣпляешь своимъ благословеніемъ, чтобы они могли выполнять предпринятое намѣреніе,—призри Ты своимъ милосердіемъ на притѣсненіе насъ и на наказанія, которыя Ты попустилъ на насъ ради неисчислимыхъ нашихъ невѣрностей.

Нынѣ и невинныя дѣти терпятъ за вѣру и родной языкъ и слезы ихъ вопіютъ къ небу о мщеніи.

Боже, услышь Ты этотъ вопль съ земли угнетенія! Покажи могущество десницы Твоей, какъ показалъ Ты ее столькратно надъ отцами нашими, спасая ихъ отъ самыхъ лютыхъ опасностей.

Послѣ столькихъ самыхъ тяжелыхъ испытаній, нашу надежду поручаемъ только Тебѣ, Боже, въ Тройцѣ единый, ходатайствомъ и заступничествомъ Пресвятой Дѣвы Маріи Королевы Короны Польской, и по своимъ трудамъ и склонности къ вѣрному выполненію твоихъ заповѣдей.

Ты скоро насъ освободишь! Мы же, величая Тебя, съ благодарностью постараемся все лучше и лучше Тебѣ служить. И прочіе народы, видя чудесное проявленіе Твоего промысла надъ нами угнетенными, — покорятся вмѣстѣ съ нами предъ Твоимъ милосердіемъ, будутъ благословлять пришествіе Сына Божія, Господа Нашего Іисуса Христа, который оживляетъ и воскрешаетъ народы, вѣрущіе и обращенные.

Помилуй же насъ, Господи.
Не остави насъ!“

(Перепеч. *Варш. Дневн.* № 9—1908 г.)

2. Польскія національныя пѣсни.
(Polskie pieśni narodowe).

Для возбужденія національнаго самосознанія, наряду съ прокламаціями, усиленно распространялись и приводимыя ниже польскія патріотическія пѣсни (въ печатномъ или переписанномъ видѣ), украшенныя національными эмблемами.

Желая дать переводъ пѣсенъ (какъ и прокламацій) близкій къ польскому тексту, переводчикъ долженъ былъ иногда поступаться правильностью русской рѣчи въ пользу точности перевода. *Примѣч. переводчика.*

POLSKI HYMN NARODOWY.

z roku 1905.

Boże, coś Polskę przez tak liczne wieki
Otaczał blaskiem potęgi i chwały,
Coś ją osłaniał tarczą swej opieki
Od nieszczęść, które przygnębić ją miały,

bis { Przed Twe ołtarze zanosim błaganie:
Ojczyznę, wolność **racz zachować Panie.**

Ty, któryś potem tknięty jej upadkiem,
Wspierał walczących za najświętszą sprawę,
A chcąc świat cały mieć jej męstwa świadkiem,
Wśród nieszczęść nawet pomnażał jej sławę.
Przed Twe ołtarze i t. d.

*

A gdy za grzechy ojców i współbraci
Zesłałeś na nas nieszczęścia tak wiele:
Że swawolili pany i magnaci,
Dałeś nam „Hurków" na siepaczów czele.
Przed Twe ołtarze i t. d.

Польскій національный гимнъ.

1905 года.

Боже, который Польшу въ теченіе многихъ вѣковъ
окружалъ блескомъ мощи и славы,
который ее закрывалъ щитомъ своей опеки
отъ бѣдъ, что придавить ее сбирались,
Къ алтарямъ Твоимъ возносимъ мольбы:
ойчизну и вольность Ты намъ сохрани.

Ты, тронутый затѣмъ ея паденіемъ,
поддерживалъ борющихся за святѣйшее дѣло
и, желая весь свѣтъ видѣть ея мужества свидѣтелемъ,
среди несчастій даже умножалъ ея славу.
Къ алтарямъ Твоимъ и т. д.

*

За грѣхи же отцовъ и собратій
послалъ на насъ несчастій такъ много:
своевольничали паны и магнаты,
далъ намъ „Гурковъ", во главѣ мучителей.
Къ алтарямъ Твоимъ и т. д.

Gdy Wiarę świętą już sponiewierano,
Gdy mowę ojców odjęto młodzieży,
Tyś jednak widział: choć wiele cierpiano,
Że lud w ucisku po dawnemu wierzy.

Przed Twe ołtarze i t. d.

A gdy cierpienia przeblagały Ciebie,
Gdy czara cierpień już się przepełniła,
Ty lud swój wierny usłyszałeś w niebie
I wola Twoja tutaj się spełniła.

Przed Twe ołtarze i t. d.

Gwiazdą nadziei świecą nasze oczy,
Lud Twój dziś wolny kroczy znów w spokoju.
Niech miłość Twoja wszystkich nas zjednoczy,
Aby w przyszłości pracować do znoju.

Przed Twe ołtarze i t. d.

Bo wolnych w znoju uszlachetnia praca,
Gdy niewolnika upadla wysiłek.
Niech więc swoboda wiecznie nas wzbogaca,
A wiara ojców da Boski posiłek.

Przed Twe ołtarze i t. d,

*

A, kiedy zbirów zgraja rozszalała,
Słowom wolności ufających braci,
Krew, kobiet,—dzieci, sromotnie przelała,
Niech wzgarda wieków hańbą im zapłaci.

Przed Twe ołtarze i t. d.

A te niewinne, o Boże, ofiary,
Co świt wolności śmiercią pieczętują,

Когда святая вѣра была ужъ въ пренебреженіи,
когда рѣчь отцовъ была отнята у молодежи,
Ты, однако, видѣлъ: хотя и много терпитъ,
но и въ притѣсненіи народъ по старому вѣруетъ.

Къ алтарямъ Твоимъ и. т. д.

А когда страданья умилостивили Тебя,
когда чаша терпѣнья уже переполнилась,
Ты услышалъ свой вѣрный народъ въ небѣ,
и Твоя воля здѣсь исполнилась.

Къ алтарямъ Твоимъ и т. д.

Звѣздой надежды сіяютъ наши очи,
народъ Твой свободный шествуетъ спокойно.
Пусть любовь Твоя всѣхъ насъ соединяетъ,
чтобы для будущаго трудиться до изнеможенія,

Къ алтарямъ Твоимъ и т. д.

Ибо свободныхъ въ изнеможеніи облагораживаетъ трудъ,
тогда какъ раба истощаютъ усилья.
Пусть поэтому свобода насъ обогащаетъ,
а вѣра отцовъ дастъ Божіе подкрѣпленіе.

Къ алтарямъ Твоимъ и т. д.

*

А, когда сбродъ стражи безумствовалъ,
при словахъ свободы довѣрчивыхъ братьевъ,
кровь женщинъ—дѣтей безстыдно пролилъ;
пусть презрѣнье вѣковъ имъ позоромъ заплатитъ.

Къ алтарямъ Твоимъ и т. д.

А тѣ невинныя, о Боже, жертвы,
что разсвѣтъ свободы смертью запечатлѣли,

Niechaj dopełnią już przemocy miary
I zjednoczenie ludu nam zwiastują.
Przed Twe ołtarze i t. d.

Tę nowoczesną rzeź, jak w Betlejemie,
Przyjmij, o Boże, za przymierze ludu,
Co ufał,—wierzył, w pocie orząc ziemię
I z nieba Twego oczekiwał cudu.
Przed Twe ołtarze i t. d.

Wieczne poległym daj odpoczywanie,
Co wolność naszą drogo okupili.
Przestań już karać, o przedwieczny Panie,
I daj kosztować słodycz wolnej chwili.

bis { Przed Twe ołtarze zanosim błaganie
Ojczyznę, wolność **racz zachować Panie.**

Uwaga. Pierwsze 2 zwrotki są z roku 1815, następne 5 napisane i drukowane były 1 Listopada roku 1905, a ostatnie 4 po znęcaniu się wojsk cesarskich nad bezbronnym ludem, który zaufał ogłoszonej Wolności Konstytucyjnej.
Warszawa 3 Listopada 1905 r.

пусть дополнятъ насилія мѣру
и единеніе народа намъ предвѣщаютъ.
Къ алтарямъ Твоимъ и т. д.
Эгу современную рѣзню, какъ въ Виѳлеемѣ,
прими, о Боже, какъ союзъ народа,
что уповалъ, вѣрилъ, въ потѣ обрабатывая землю,
и съ неба ожидалъ Твоего чуда.
Къ алтарямъ Твоимъ и т. д.
Дай вѣчный покой погибшимъ,
что вольность нашу дорогой цѣной оплатили.
Перестань уже карать, о предвѣчный Господи,
и дай вкушать сладость свободнаго момента.
Къ алтарямъ Твоимъ возносимъ мольбы:
ойчизну и вольность Ты намъ сохрани

Примѣчаніе(uwaga)на польскомъ языкѣ, помѣченное 3 ноября 1905 г., гласитъ: „Первыя двѣ страфы—съ 1815 г., слѣдующія пять были написаны и напечатаны 1 ноября 1905 г., а послѣднія 4 — послѣ издѣвательства (?) царскихъ войскъ надъ беззащитнымъ народомъ, который довѣрялъ объявленной конституціонной свободѣ.“ Что сочинитель понималъ подъ „издѣвательствомъ“ войскъ, когда и гдѣ, — не объяснено. Очевидно, — возстановленіе войсками порядка. **Примѣч. переводчика.**

Jeszcze polska nie zginęła.

Jeszcze Polska nie zginęła,
Póki my żyjemy,
Co nam obca przemoc wzięła,
Siłą odbierzemy.

Marsz, marsz, Dąbrowski,
Z ziemi włoskiej do Polski,
Za twoim przewodem
Złączym się z narodem.

Еще Польша не погибла.

Еще Польша не погибла,
пока мы живемъ;
что намъ отняли насильно,
силой отберемъ.

Маршъ, маршъ Домбровскій
изъ итальянской страны въ Польшу;
подъ твоимъ предводительствомъ
соединимся съ народомъ.

Przejdziem Wisłę, przejdziem Wartę,
Będziem polakami,
Dał nam przykład Bonaparte,
Jak zwyciężać mamy.
Marsz, marsz... i t. d.

Jak Czarnecki do Poznania
Po szwedzkim zaborze,
Dla Ojczyzny ratowania
Wrocim się przez morze.
Marsz, marsz... i t d.

Niemiec Polski nie posiędzie,
Dobywszy pałasza,
Hasłem naszem wolność będzie
I Ojczyzna nasza!
Marsz, marsz... i t. d.

Mówił ojciec do swej Basi
Srodze zapłakany:
„Słuchaj jeno, pono nasi
Biją w tarabany!“
Marsz, marsz... i t. d.

Перейдемъ Вислу, перейдемъ Варту,
будемъ поляками;
далъ намъ примѣръ Бонапарте,
какъ мы должны побѣждать.
Маршъ, маршъ и т. д.

Какъ Чарнецкій въ Познань
по шведскомъ захватѣ,
такъ мы для спасенія ойчизны
возвратимся моремъ.
Маршъ, маршъ и т. д.

Немецъ Польшей не овладѣетъ,
обнаживъ палашъ,
сигналомъ нашимъ вольность будетъ
и ойчизна наша.
Маршъ, маршъ и т. д.

Говорилъ отецъ своей Басѣ,
ужасно „заплаканный“:
„слушай только—кажется наши
ударяютъ въ литавры!“
Маршъ, маршъ и т. д.

Z dymem pożarów.

Z dymem pożarów, z kurzem krwi
bratniej,
Do Ciebie, Panie, bije ten głos;
Skarga to straszna, jęk to ostatni,
Od takich modłów bieleje włos.
My już bez skargi nie znamy
śpiewu,
Wieniec cierniowy wrósł w naszą
skroń,
Wiecznie, jak pomnik Twojego
gniewu,
Sterczy ku Tobie błagalna dłoń.

Ileż to razy Tyś nas nie zmagał,
A my nie zmyci ze świeżych ran,
Znowu wołamy: On się przebłaga,
Bo On nasz Ojciec, bo On nasz Pan!
I znów powstajem w ufności
szczersi

Съ дымомъ пожаровъ.

Съ дымомъ пожаровъ, съ прахомъ
крови братней,
къ Тебѣ, Господи, взываетъ этотъ
голосъ;
жалоба та страшная, стонъ тотъ
послѣдній,
отъ такихъ моленій бѣлѣетъ волосъ.
Мы уже безъ жалобы не знаемъ пѣнія,
вѣнокъ терновый вросъ въ наши
виски,
вѣчно, какъ памятникъ Твоего гнѣва,
воздѣта къ Тебѣ умоляющая рука.
Сколько ужъ разъ Ты насъ ни
укрѣплялъ,
а мы, не омытые отъ свѣжихъ ранъ,
опять взываемъ: Онъ умилосердится,
вѣдь Онъ Отецъ нашъ, вѣдь Онъ нашъ
Панъ!
И вновь подымаемся, уповая искренно,

Lecz za Twą wolą zgniata nas wróg,
I śmiech nam rzuca jak głaz na piersi:
„A gdzież ten Ojciec, a gdzież ten Bóg!“

I patrzym w niebo, czy z jego szczytu
Sto słońc nie spadnie wrogom na znak;
Cicho i cicho... pośród błękitu
Jak dawniej buja swobodny ptak.

Owóż w zwątpienia strasznej rozterce,
Nim naszą wiarę ocucim znów,
Bluźnią Ci usta, choć płacze serce.
Sądź nas po sercu, nie wedle słów!

O, Panie, Panie! ze zgrozą świata
Okropne dzieje przyniósł nam czas:
Syn zabił ojca, brat zabił brata,
Mnóstwo Kainów jest pośród nas.

Ależ, o Panie, oni niewinni,
Choć naszą przyszłość cofnęli wstecz,
Inni szatani byli tam czynni;
O! rękę karaj, nie ślepy miecz!

Patrz! my w nieszczęściu zawsze jednacy,
Na Twoje łono, do Twoich gwiazd
Modlitwą płyniem jak senni ptacy,
Co lecą spocząć wśród własnych gniazd.

Osłoń nas, osłoń ojcowską dłonią,
Daj nam widzenie przyszłych Twych łask;
Niech kwiat męczeński uśpi nas. wonią,
Niech nas niebiański otoczy blask!

I z Archaniołem Twoim na czele
Pójdziemy wszyscy na straszny bój,
I na drgającem szatana ciele
Zatkniemy sztandar zwycięzki Twój!

Zbłąkanym braciom otworzym serca,
Winę ich zmyje wolności chrzest;

но по Твоей волѣ гнететъ насъ врагъ
и смѣхъ намъ бросаетъ, какъ камень на грудь:
„А гдѣ же Отецъ тотъ, а гдѣ-жъ тотъ Богъ!“
И взираемъ на небо, не спадетъ ли со щита его
сто солнцъ врагамъ во знаменье;
тихо и тихо... среди лазури
по прежнему паритъ свободная птица.
И вотъ мы снова въ страшномъ сомнѣніи;
пока нашу вѣру ощутимъ опять,
богохульствуютъ Тебѣ уста, хоть плачетъ сердце.
Суди насъ по сердцу, а не по словамъ!
О, Господи, Господи, съ ужасомъ свѣта
страшныя дѣянія принесло намъ время:
сынъ убилъ отца, братъ убилъ брата,
множество Каиновъ есть среди насъ.
Но, о Господи, они не виноваты,
хотя нашу будущность отодвинули вспять,
иной сатана тамъ дѣйствовалъ;
о, накажи руку, а не слѣпой мечъ!
Смотри! мы въ несчастьи всегда одинаковы,
на Твое лоно, къ Твоимъ звѣздамъ
молитвенно стремимся, какъ сонныя птицы,
которыя летятъ ночевать въ собственныя гнѣзда.
Заслони насъ, заслони отцовской длапью,
дай намъ узрѣть будущія Твои милости;
пусть цвѣты мученичества усыпятъ насъ благовоніемъ,
пусть насъ небесный окружитъ блескъ!
И съ Архангеломъ Твоимъ во главѣ
пойдемъ всѣ на страшный бой,
и на содрогающемся тѣлѣ сатаны
водрузимъ побѣдное знамя Твое!
Заблудшимъ братьямъ откроемъ сердца.
вину ихъ смоетъ вольности крещенье;

Wtenczas us yszy podły bluźnierca
Odpowiedź naszą: „Bóg był i jest!“

тогда услышитъ подлый богохульникъ
отвѣтъ нашъ: „Богъ былъ и есть!“

Z krwią naszych braci.

Z krwią naszych braci Ojczyzny drogiej,
Do Ciebie Matko bije ten głos,
Krainę naszą niewiernym wyrwij,
Którzy ją gnębiąc, zadają cios.

Obroń z ciężkiego jarzma tyranów,
Walcz za nas znowu orężem twym,
Dozwól by Polska nie znała panów,
By się szczyciła znów godłem swem.

O, Matko, Matko! samych wśród świata
Plagi bez przerwy trapią raz w raz;
Wolne Twe dzieci dziki wróg zgniata;
Ileż wdów sierot jest pośród nas.

Zasłoń nas, zasłoń przeczystą dłonią,
Najswiętsza Matko, prosimy Cię;
Będziesz, jak byłaś skuteczną bronią
Narodu co Cię królową zwie.

Tyś już nas tyle razy broniła,
Czy teraz także obronisz nas?
Matko Najświętsza, nasza mogiła
Znów zapełniona, a w krótki czas.

Krainę naszą łzy zalewają,
Najlepsza Matko, osusz ję Ty;
Chciej nam pokazać cud łaską Twoją
Niech Lecha dziecko nie roni łzy.

Do Ciebie Pani wznosim te modły,
Niech więc Twa litość wzruszyć się da,

Съ кровью нашихъ братьевъ.

Съ кровью нашихъ братьевъ ойчизны дорогой
Къ Тебѣ, о Матерь, взываетъ тотъ голосъ:
край нашъ вырви отъ невѣрныхъ,
которые ее угнетая, наносятъ ударъ.
Спаси отъ тяжкаго ярма тирановъ,
борись за насъ опять оружіемъ твоимъ,
допусти, чтобы Польша не знала господъ,
чтобы гордилась опять значеніемъ своимъ.
О, Матерь, Матерь! самихъ среди свѣта
бѣдствія безъ прерыва терзаютъ разъ за разомъ;
вольныхъ Твоихъ дѣтей дикій врагъ гнететъ;
сколько же вдовъ и сиротъ есть среди насъ!
Заслони насъ, заслони пречистой дланью,
Пресвятая Матерь, просимъ Тебя;
Ты будешь, какъ была, вѣрнымъ оружіемъ
народа, который Тебя королевой зоветъ.
Ты уже столько разъ насъ защищала.
Защищишь-ли теперъ насъ?
Матерь Пресвятая, наша могила
опять заполнена въ короткое время.
Край нашъ слезы заливаютъ,
Наилучшая Матерь, осуши тѣ слезы.
Захоти намъ показать чудо милости Твоей,
пусть дитя Леха не роняетъ слезъ.
Къ Тебѣ, Госпожа, возносимъ тѣ мольбы,
пусть Твое милосердіе будетъ тронуто,

Widzisz jak wrogi duszę nam zbodły,
Oczy przyćmiła smiertelna mgła.

Nad drgającymi Twych slug trupami
Darmo ucztuje zaciekły wróg,
Nie upadniemy, bośmy nie sami,
Nad nami Matka, nad nami Bóg.

Marsz Strzelców.

Hej strzelcy wraz, nad nami Orzeł biały,
A przeciw nam śmiertelny stoi wróg.
Wnet z naszych strzelb piorunne zagrzmią strzały,
A lotem kul kieruje Zbawca Bóg!
Więc gotuj bron i kule bij głęboko,
O Ojców grób bagnetów poostrz stal,
Na odgłos trąb twój sztuciec bierz na oko.
Hej baczność, cel i w łeb lub w serce pal!
A kłuj, a rąb i w łeb, lub w serce pal!

Wzrósł liściem bór, więc górą wiara strzelcy.
Masz w ręku broń, a w piersiach święty żar,
Hej Moskwa tu, a nuże tu wisielcy,
Od naszych kul nie schroni kniaź i car!
Raz przecie już zabrzmiały trąbek dzwięki,
Lśni polska broń, jak złotych kłosów fali.
Dziś spłacim łzy siostr, matek i wdów jęki!

Hej baczność etc.

Chcesz zburzyć nas, oszukać chcesz nas czulc.
Plujem ci w twarz za morze twoich łask

видишь, какъ враги душу намъ сдавили,
глаза затемнила смертельная мгла.
Надъ содрогающимися трупами Твоихъ слугъ
напрасно пируетъ яростный врагъ.
Мы не падемъ, такъ какъ мы не сами,
надъ нами Матерь, надъ нами Богъ.

Маршъ Стрѣлковъ.

Эй, стрѣлки, вмѣстѣ, надъ нами Орелъ Бѣлый,
а противъ насъ смертельный стоитъ врагъ!
Вмигъ изъ нашихъ ружей загремятъ выстрѣлы,
а полетомъ пуль управляетъ Спаситель Богъ!
Итакъ, готовь оружіе и пулю забивай глубокс,
огробъ отцовъ заостри стальштыковъ,
при звукѣ трубъ твой штуцеръ бери къ прицѣлу.
Эй вниманіе! цѣлься и въ лобъ пль въ сердце пали!
И коли и руби и въ лобъ и въ сердце пали!
Взросъ листьемъ боръ, такъ возрастаетъ, стрѣлки, вѣра;
есть въ рукахъ оружіе, а въ груди святой жаръ,
эй, Москва здѣсь, а нука сюда висѣльники,
отъ нашихъ пуль не охранитъ ни князь, ни царь!
Разъ вѣдь ужъ загремѣли трубъ звуки,
блеститъ польское оружіе, какъ золотыхъ колосьевъ волны.
Сегодня отплатимъ за слезы сестеръ, стоны вдовъ и матерей!
Эй, вниманіе.....
Хочешь возмутить насъ, обмануть насъ хочешь нѣжно.
Плюемъ тебѣ въ лицо за море твоихъ милостей!

Amnestyą twą owiniem nasze kule,
Odpowiedź da huk armat, kurków trzask,
Do Azyi precz potomku Dżeńgishana
Tam naród twój, tam ziemia carskich pòl.
Nie dla ciebie krwią ziemia nasza zlana.
Hej baczność etc...

Do Azyi precz tyranie, tam siej mordy,
Tam ziemia twa, tam panuj, tam twa śmierć,
Tu Polska jest, tu zginiesz i twe hordy.
Lub naród w pień wymorduj, wysiecz, zgnieć
O Boże nasz, o Matko z Jasnej Góry.
Wysłuchaj nas, niech korna łza i żal
Przebłaga Cię, niewoli zerwij cznury.
Hej baczność etc...

Boże, coś Polskę

Boże, coś Polskę przez tak liczne wieki
Otaczał blaskiem potęgi i chwały,
Coś ją otaczał tarczą swej opieki
Od nieszczęść, które przygnębić ją miały;
Przed Twe ołtarze zanosim błaganie:
Ojczyzne wolność racz nam wrócić Panie!
Ty, któryś potem tknięty jej upadkiem,
Wspierał walczących za najświętszą sprawę;
A chcąc świat cały mieć jej męstwa świadkiem,
Wśród nieszczęść nawet pomnażał jej sławę;
Przed Twe ołtarze i t. d.

Амнистіей твоей обвернемъ наши пули,
отвѣгъ дастъ гулъ пушекъ, курковъ трескъ;
въ Азію прочь, потомокъ Чингисъ-хана,
тамъ твой народъ, тамъ земля царскихъ полей.
Не для тебя кровью земля наша полита.
Эй, вниманіе.....
Въ Азію прочь, тиранъ, тамъ сѣй убійства,
тамъ твоя земля, тамъ господствуй, тамъ твоя смерть;
здѣсь Польша, здѣсь погибнешь съ своими ордами.
Или народъ въ корень истреби, уничтожь
о, Боже нашъ, о Матерь съ Ясной Горы.
Услышь насъ, пусть покорная слеза и печаль
умилостивитъ Тебя, сорветъ неволи
Эй, вниманіе..... путы.

Боже, что Польшу...*)

Боже, что Польшу въ теченіе многихъ вѣковъ
окружалъ блескомъ мощи и славы,
что ее закрывалъ щитомъ своей опеки
отъ несчастій, которыя придавить ее сбирались,
Къ алтарямъ Твоимъ приносимъ мольбы:
Отчизну и вольность намъ возврати!

Ты, тронутый затѣмъ ея паденьемъ,
поддерживалъ борющихся за святѣйшне дѣло
и, желая весь свѣтъ видѣть ея мужества свидѣтелемъ,
среди несчастій даже умножалъ ея славу.
Къ алтарямъ Твоимъ и т. д.

*) Первыя двѣ строфы вошли въ „народовый“ гимнъ 1905 г., съ замѣной слова „возврати“ словомъ „сохрани“. См. стр. 233. *Примѣч. переводч.*

Wróć biednej Polsce świetność
starożytną!
Użyźniaj pola, spustoszałe łany;
Niech szczęście, pokój nanowo zakwitną!
Przestań nas karać, Boże zagniewany!

Przed Twe ołtarze i t. d.

Niedawnoś wolność zabrał z Polskiej
ziemi,
A już krwi naszej popłynęły rzeki—
O, jakże musi być okropnie z tymi,
Którym Ojczyznę odbierasz na wieki.

Przed Twe ołtarze i t. d.

Boże, którego ramię sprawiedliwe
Żelazne berła władców świata kruszy,
Skarć naszych wrogów zamiary
szkodliwe,
Obudź nadzieję w polskiej naszej duszy.

Pzzee Twe ołtarze i t. d.

Boże Najświętszy! przez Twe wielkie
cudy
Oddalaj od nas klęski, mordy boju;
Połącz wolności węzłem Twoje ludy,
Pod jedno berło Anioła Pokoju.

Przed Twe ołtarze i t. d.

Boże Najświętszy! przez Chrystusa rany!
Świeć wiekuiście nad braćmi zmarłymi.—
Spojrzyj na lud Twój niedolą znękany;
Przyjmij ofiary z synów polskiej ziemi.

Przed Twe ołtarze i t d.

Gdy naród polski dzisiaj we łzach tonie,
Za naszych braci poległych błagamy;
Bo ich męczeństwem uwieńczone skronie,
Nam do wolności otworzyłyły bramy.

Przed Twe ołtarze i t. d.

Boże Najświętszy, od którego woli
Istnienie świata całego zależy,

Возврати бѣдной Польшѣ блескъ
старинный!
Оплодородь поля, опустошенныя нивы;
пусть счастье, миръ вновь процвѣтаютъ!
Перестань насъ карать, Боже
прогнѣванный!
Къ алтарямъ Твоимъ и т. д.

Недавно Ты вольность забралъ у
Польской земли,
а уже крови нашей поплыли рѣки—
о, какъ же должно быть ужасно тяжело
тѣмъ,
у кого Ойчизну отнимаешь навѣки.
Къ алтарямъ Твоимъ и т. д.

Боже, котораго справедливыя рамена
желѣзные скипетры властелиновъ
сокрушаютъ,
сократи нашихъ враговъ вредные
замыслы,
пробуди надежду въ нашей польской
Къ алтарямъ... душѣ.
Пресвятый Боже! Твоими великими
чудесами
удали отъ насъ смертоубійства;
Соедини узломъ свободы Твои народы
подъ одинъ скипетръ Ангела Мира.
Къ алтарямъ Твоимъ и т. д.

Пресвятый Боже! чрезъ раны Христа!
Сіяй вѣчно надъ умершими братьями—
воззри на народъ Твой недолей
измученный;
прими жертвы изъ сыновъ польской
земли.
Къ алтарямъ Твоимъ и т. д.

Когда народъ польскій нынѣ въ слезахъ
тонетъ,
о нашихъ братьяхъ погибшихъ молимъ,
такъ какъ ихъ мученичествомъ
увѣнчанныя головы
намъ къ вольности открыли врата.
Къ алтарямъ Твоимъ и т. д.

Пресвятый Боже, отъ воли котораго
существованіе всего свѣта зависитъ,

Wyrwij lud polski z tyranów niewoli,
Wspieraj szlachetne zamiary młodzieży!
Przed Twe ołtarze i t. d.

Jedno Twe słowo, wielki niebios Panie,
W chwili nas z prochów wskrzesić będzie zdolne,
A gdy zasłużym na Twe ukaranie,
Obróć nas w prochy,—ale w prochy wolne!...
Przed Twe ołtarze i t. d.

вырви народъ польскій изъ неволи тирановъ,
укрѣпляй благородные замыслы молодежи.
Къ алтарямъ Твоимъ и т. д.

Одно Твое слово, небесъ великій Владыко,
въ мигъ насъ изъ праха воскресить способно,
а когда заслужимъ Твоей кары,
обрати насъ въ прахъ,—но въ прахъ свободный!...
Къ алтарямъ Твоимъ и т. д.

Dalej, bracia, do oręża!

Dalej, bracia, do oręża,
Kto Polak, kto żyje,
Odważny zawsze zwycięża,
Mężny zawsze bije.
Marsz, marsz z żelazem,
W nim serce, w nim męztwo
Przysięgnijmy wszyscy razem—
Śmierć albo zwycięztwo!

Lecha syny jak spartanie,
Wrogów swych nie liczą;
Wola wolnych zbić jest w stanie
Zgrają najezdniczą.
Marsz, marsz....
Walczyć chcą starzy i młodzi,
Drżą nieprzyjaciele,
Mąż waleczny nam dowodzi,
Dwiernicki na czele.
Marsz, marsz....

Litwę, Wołyń i Podole
Wyniszcza morderca,
Spieszmy znieść braci niewolę,
Złączyć piersi i serca.
Marsz, marsz...,

Впередъ, братья, къ оружію!

Впередъ, братья, къ оружію,
кто Полякъ, кто живъ,
храбрый всегда побѣждаетъ,
мужественный бьетъ.
Маршъ, маршъ съ желѣзомъ,
въ немъ сердце, въ немъ доблесть,
поклянемся всѣ вмѣстѣ—
смерть, или побѣда!

Леха сыны, какъ спартанцы,
враговъ не считаютъ;
воля вольныхъ въ состояніи
побить сбродъ хищниковъ.
Маршъ, маршъ. ..

Сразиться жаждутъ старъ и молодъ,
дрожатъ непріятели,
мужъ отважный насъ ведетъ,
Двернинкій во главѣ.
Маршъ, маршъ....

Литву, Волынь и Подоль
разрушаетъ убійца,
спѣшимъ снять съ братьевъ неволю,
соединить груди и сердца.
Маршъ, маршъ...,

Dalej żywo, dalej za broń,
Gedemina syny,
Ostrzyć szable, siadać na koń,
Z nami poważymy.
Marsz, marsz....

Niech Orzeł Biały z pogonią
Odnawia przymierze,
Polak z Litwinem dłoń z dłonią
Niech się łączy szczerze
Marsz, marsz....

Nie pójdziemy na podboje
Cudzych państw i murów,
Ale spieszmy odbić swoje
Z drapieżnych pazurów.
Marsz, marsz....

Spieszmy znieść zaborów ślady,
Zniszczyć dzikie hordy,
Skarać podstępy i zdrady,
Pomścić krew i mordy.
Marsz, marsz....

Zwycięzkie znaki odnowi
Szczerbiec Bolesława.
Król polski Moskwie zapowi
Batowego prawa.
Marsz, marsz....

Впередъ скорѣе, впередъ къ оружію,
Гедемина сыны,
острить сабли, садиться на коней,
съ нами отважьтесь.
Маршъ, маршъ....
Пусть Орелъ Бѣлый съ литовскимъ гербомъ
возобновляетъ союзъ,
Полякъ съ литовцемъ рука объ руку
пусть соединяется искренно.
Маршъ, маршъ....
Не пойдемъ на завоеванье
чужихъ царствъ и укрѣпленій,
но поспѣшимъ отбить свое
изъ хищныхъ когтей.
Маршъ, маршъ....
Поспѣшимъ смести слѣды захвата,
уничтожить дикія орды,
наказать лукавство и измѣну,
мстя за кровь и убійства.
Маршъ, маршъ....
Побѣдные знаки обновитъ
выщербленная сабля Болеслава.
Король Польскій заставитъ Москву забыть
право кнута.
Маршъ, маршъ....

Dalej, bracia, do bułata!

Dalej, bracia, do bułata!
Wszak nam dzisiaj tylko żyć!
Pokażemy, że Sarmata
Umie jeszcze wolną być.
Długo spała Polska święta,
Długo Biały Orzeł spał;
Lecz się ocknął—i pamięta,
Że on kiedyś wolność miał.
Śmiałem skrzydłem on poleci
Przez szczęk szabel i kul grad.
Za nim, za nim Polskie dzieci,
Tylko w zgodzie za nim w ślad.!

Впередъ, братья, къ булату!

Впередъ братья, къ булату!
Вѣдь намъ нынѣ только жить!
Мы покажемъ, что Сармата
можетъ еще вольной быть.
Долго спала святая Польша,
долго Бѣлый Орелъ спалъ;
но лишь очнулся—и ужъ помнитъ,
что когда-то вольнымъ былъ.
Смѣлымъ крыломъ полетитъ онъ
чрезъ лязгъ сабель и пуль градъ.
За нимъ, за нимъ, польскія дѣти,
только въ согласьи за нимъ вслѣдъ.

Będziem rąbać będziem siekać,
Jak nam miły Bóg i kraj!
Dalej bracia! a nie zwlekać
Z naszej Polski zrobim raj.
Już złodzieje i tyrany,
Na piekielny poszli brzeg;
I Moskalom zaprzedany,
Ziemię gryzie zdrajca szpieg.
W szlachetnej młodzieży żyle
Staropolska płynie krew.
Ufność, bracia, w naszej sile
A wolności wzrosnie krzew.
Wiwat gwardya narodowa,
Wojsko Polskie, tobie cześć!
Bądź gotowa, bądź gotowa,
Za Ojczyznę życie nieść!
Dalej, bracia, do bułata!
Wszak nam dzisiaj tylko żyć!
Pokażemy, że Sarmata
Umie jeszcze wylną być!

Будемъ рубить, будемъ сѣчь,
какъ намъ милъ Богъ и край!
Впередъ, братья! но не медлить
изъ нашей Польши сдѣлать рай.
Уже воры и тираны
перешли на адскій берегъ,
а Москалямъ продавшійся
шпіонъ-измѣнникъ землю грызетъ.
Въ честной молодежи жилахъ
старопольская течетъ кровь,
довѣріе, братья, въ нашей силѣ,
и вольности взрастетъ кустъ.
Виватъ, гвардія народова,
войско польское, тебѣ честь!
Будь готова, будь готова
за Ойчизну жизнь принесть!
Впередъ, братья, къ булату!
Вѣдь намъ нынѣ только жить!
Мы покажемъ, что Сармата
можетъ еще вольной быть!

Marsz po roku 1831.

Gdy naród do boju wystąpił z orężem,
Panowie o czynszach radzili,
Gdy naród zawołał: umżem lub zwyciężym!
Panowie w stolicach bawili,
O cześć wam panowie magnaci,
Za naszą niewolę, kajdany,
O cześć wam książęta, hrabiowie, prałaci,
Za kraj nasz krwią bratnią zbryzgany.
Armaty pod Stoczkiem zdobywała wiara
Rękami czarnemi od pługa,
Panowie w stolicach palili cygara,
Radzili o braciach z za Buga
O cześć wam panowie i t. d.
Wszak waszym był synem ów niecny kunktator,
Co wzbudzał przed wrogim obawę,

Маршъ 1831 года.

Когда народъ въ бой выступилъ съ оружіемъ,
паны объ арендахъ совѣщались;
когда народъ взывалъ: умремъ или побѣдимъ!
паны въ столицахъ забавлялись.
О, честь вамъ, господа магнаты,
за нашу неволю и кандалы,
о, честь вамъ, князья, графы, прелаты,

за нашъ край, кровью вскропленный.
Пушки подъ Сточкомъ завоевала вѣра
руками черными отъ плуга,
паны въ столицахъ покуривали сигары,
бесѣдовали о братьяхъ за Бугомъ.
О честь вамъ, господа, и т. д.

Вѣдь вашимъ былъ сыномъ тотъ безчестный кунктаторъ,
что возбуждалъ передъ врагомъ страхъ,

I wòdz ten naczelny pobożny
dyktator,
I zdrajca, co sprzedał Warszawę.
O cześć wam panowie i t. d.

Lecz kiedy wybije godzina
powstania,
Magnatom lud ucztę zgotuje,
Muzykę piekielną zaprosi do grania,
A szlachta niech wtedy tańcuje
O cześć wam panowie i t. d.

Powstańcy nie znają wiedeńskich
traktatów,
Nie wchodzą w układy z carami,
Lecz biją Moskali, wieszają
magnatów,
I mścić się umieją stryczkami.
O cześć wam panowie i t. d.

и вождь этотъ главный набожный
диктаторъ,
и измѣнникъ, что продалъ Варшаву.
О, честь вамъ, господа, и т. д.

Но когда пробьетъ часъ возстанья,
магнатамъ народъ пиръ приготовитъ,
музыку адскую призоведъ для пира,
а шляхта тогда пусть потанцуетъ.
О, честь вамъ, господа, и т. д.

Повстанцы не знаютъ вѣнскихъ
трактатовъ,
не входятъ въ соглашеніе съ царями,
лишь бьютъ Москалей, вѣшаютъ
магнатовъ
и месть проявляютъ петлями.
О, честь вамъ, господа, и т. д.

BOŻE OJCZE!

Boże Ojcze! Twoje dzieci
Płaczą, żebrzą lepszej doli,
Rok po roku marnie leci,
My w niewoli, my w niewoli!
Słowa Twoje nas uczyły:
„Każdy włos nasz policzony“—
Boże! policz te mogiły,
Te płaczące matki, żony.
My już tyle krwi przelali,
Że nią zmyte ojców grzechy,
My już tyle łez wylali,
Że nie stanie łez pociechy.
Boże!padłszy na kolana,
Ścielem Ci się dziś w pokorze,
Polska łzami, krwią zalaua.
Krwią i łzami wskrześ ją Boże!
Że tak będzie, serce czuje,
Dusza myślą w niebo wzlata!
Polskę naszą Bóg miłuje
I wskrzesi ją w krótkie lata!

Боже Отче!

Боже Отче! Твои дѣти
плачутъ, просятъ лучшей доли,
годъ за годомъ пролетаетъ,
мы въ неволи, мы въ неволи!
Слова Твои насъ учили:
„каждый волосъ нашъ посчитанъ“
Боже! сосчитай могилы,
плачущихъ матерей и женъ.
Мы ужъ столько крови пролили,
что ею смыты отцовъ грѣхи;
мы ужъ столько слезъ пролили,
что не станетъ слезъ радости.
Боже! упавъ на колѣни,
припадаемъ къ Тебѣ въ смиреньи,
Польша слезами, кровью залита;
кровью и слезами воскреси ее,
Боже!
Что такъ будетъ, сердце чуетъ,
душа мыслью къ небу паритъ!
Польшу нашу Богъ любитъ
и воскреситъ ее въ близкіе годы.

Pieśń na Boże Ciało.

Boże, w dobroci nigdy nieprzebrany.
Podnosim ręcę, okutè w kajdany,
I wielkim głosem błagamy Cię,
Panie.
Z grobu niewoli daj nam
zmartwychwstanie.

. . . . . .

Zlituj się, usłysz w błękitów twych
niebie,
To naród Polski woła tak do Ciebie.
Z win odkupioną, w ofiar krwi
skąpaną,
Ojczyznę naszą wróć nam ukochaną!

Пѣсня въ праздникъ Божьяго Тѣла.

Боже, въ добротѣ никогда не исчерпаемый,
воздѣваемъ руки, закованные въ кандалы,
и громкимъ голосомъ молимъ Тебя, Господи,
изъ гроба могилы воскреси насъ.

. . . . . .

Сжалься, услышь въ лазури Твоихъ небесъ.
Это народъ Польши взываетъ такъ къ Тебѣ.
Искупленную отъ грѣховъ, въ крови жертвъ выкупанную,
Ойчизну нашу возлюбленную возврати намъ!

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

ИЗДАНІЯ

Русскаго Общества въ Варшавѣ, основаннаго на началахъ ВЫСОЧАЙШАГО Манифеста 17октября 1905 г.

1. **Центръ Россіи и ея окраины въ культурно-экономическомъ отношеніи.** Съ приложеніемъ 12 статистическихъ таблицъ. **Всеволода Власова.** Цѣна 15 коп.

2. **Разница между русскимъ освободительнымъ движеніемъ и современнымъ польскимъ и автономія Польши по даннымъ польской прессы. Н. Я. Дреля.** Цѣна 15 коп.

3. **Школьная революція въ Царствѣ Польскомъ** (1905—1907) **Р. С. Т.** Цѣна 1 р. 25 к.

4. **О русско-польскихъ отношеніяхъ и автономіи Польши. И. С. Дурново.** Цѣна 15 к.

5. **Аграрный вопросъ. Хвалынскій.** Цѣна 15 к.

6. **Періодическій Законъ Д. И. Менделѣева.** Съ приложеніемъ краткой біографіи Д. И. Менделѣева и его таблицы элементовъ **Я. Липкина.**

7. **ДОКЛАДЫ:** О необходимости объединенія русскихъ, живущихъ въ Царствѣ Польскомъ.—проф. **Давыдова.** Отвѣтъ „Русскаго Общества въ Варшавѣ“ на письмо 38 лицъ, напечатанное въ газетѣ „Западный Голосъ“. Современное положеніе русскихъ въ Царствѣ Польскомъ и препятствія, стоящія на пути къ ихъ сближенію и единенію—**П. Ярошa.** О необходимости для русскаго населенія Царства Польскаго имѣть своихъ депутатовъ въ Государственной Думѣ, — **Ив. Селиверстова.** Къ характеристикѣ современнаго революціоннаго движенія въ Россіи—проф. **Созоновича.**

Задача нашего времени.—проф. **Давыдова.** Участіе русскаго населенія губерній Царства Польскаго въ выборахъ въ Государственную Думу.—**Ив. Селиверстова.** „До и послѣ 17-го октября 1905 г.“ (по поводу выборовъ въ Государственную Думу).—**Θ. И. Лаврецкаго.** О нынѣшнемъ положеніи русскихъ учащихся въ начальныхъ училищахъ Царства Польскаго.—**П.** По поводу проекта академика Соболевскаго и отношенія къ нему польской прессы.—**А. Кояловича.** По поводу статьи проф. Г. Вульфа: „Положеніе Варшавскаго Университета“, напечатанной въ газетѣ „Сынъ Отечества“ 24 сент. 1905 г.—проф. **Давыдова.** Цѣна 10 к.

Складъ изданій:

1) въ помѣщеніи „Русскаго Общества“ въ Варшавѣ (Площ. св. Александра, № 4),

2) въ книжныхъ магазинахъ **Н. П. Карбасникова:** въ *С.-Петербургѣ* (Гостинный Дворъ, 19), *Москвѣ* (Моховая, 24), *Варшавѣ* (Нов. Свѣтъ, 69) и *Вильнѣ* (Большая, д. Гордона).